

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 4(10)
2018

ISSN2500-3372 (print)
ISSN 2542-1190 (online)

СЕРИЯ:

Политические, социологические
и экономические науки

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия: Политические, социологические и экономические науки

2018 № 4(10)

Издается с 2016 года

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет»

Главный редактор: Морозова Е. А., д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Редакционная коллегия:

Баранова И. В., д-р экон. наук, проф., НГТУ (Новосибирск, Россия).

Бычкова С. М., д-р экон. наук, проф., СПбГАУ (Санкт-Петербург, Россия).

Глушакова О. В., д-р экон. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск, Россия).

Желтов В. В., д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Капогузов Е. А., д-р экон. наук, доцент, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия).

Кисляков М. М., д-р полит. наук, доцент, Кемеровский институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова (Кемерово, Россия).

Кравченко С. А., д-р филос. наук, проф., МГИМО МИД России (Москва, Россия).

Кремер Раймунд, д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала «WeltTrends» (Потсдам, Германия).

Курбатова М. В., д-р экон. наук, проф., КемГУ

(Кемерово, Россия).

Немировский В. Г., д-р социол. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).

Нехода Е. В., д-р экон. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия)

Озерникова Т. Г., д-р экон. наук, проф., БГУ (Иркутск, Россия).

Резник С. Д., д-р экон. наук, проф., ПГУАС (Пенза, Россия).

Силин А. Н., д-р социол. наук, проф., ТюмГНГУ (Тюмень, Россия).

Слинкова О. К., д-р экон. наук, проф., БелГУ (Белгород, Россия).

Солодова Г. С., д-р социол. наук, проф., Институт философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия).

Суслов В. И., д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, ИЭОПП СО РАН (Новосибирск, Россия).

Удальцова М. В., д-р экон. наук, НГУЭУ (Новосибирск, Россия).

Шабашев В. А., д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Шашкова Я. Ю., д-р полит. наук, доцент, АлтГУ (Барнаул, Россия).

BULLETIN

OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

Series: Political, Sociological and Economic Sciences

Founder: Kemerovo State University

2018 no 4(10)

Founded in 2016

Editor-in-Chief: E. A. Morozova, Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Editorial board:

I. V. Baranova, Dr. of Economics, Prof., Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).

S. M. Bychkova, Dr. of Economics, Prof., St. Petersburg State Agrarian University (St. Petersburg, Russia).

O. V. Glushakova, Dr. of Economics, Assoc. Prof., Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).

V. V. Zheltov, Dr. of Philosophy, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

E. A. Kapoguzov, Dr. of Economics, Assoc. Prof., Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia).

M. M. Kislyakov, Dr. of Political Sci., Assoc. Prof., Kemerovo branch Plekhanov Russian University of Economics (Kemerovo, Russia).

S. A. Kravchenko, Dr. of Philosophy, Prof., Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Raimund Krämer, Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).

M. V. Kurbatova, Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

V. G. Nemirovskiy, Dr. of Sociology, Prof., Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

E. V. Nekhoda, Dr. of Economics, Prof., National Research Tomsk State doctor of economic sciences (Tomsk, Russia).

T. G. Ozernikova, Dr. of Economics, Prof., Baikal State University doctor of economic sciences (Irkutsk, Russia).

S. D. Reznik, Dr. of Economics, Prof., Penza State University of Architecture and Construction (Penza, Russia).

A. N. Silin, Dr. of Sociology, Prof., Tyumen State Oil and Gas University (Tyumen, Russia).

O. K. Slinkova, Dr. of Economics, Prof., Belgorod National Research University (Belgorod, Russia).

G. S. Solodova, Dr. of Sociology, Prof., Institute of Philosophy and Law of SB RAS (Novosibirsk, Russia).

V. I. Suslov, Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

M. V. Udaltsova, Dr. of Economics, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia).

Ya. Yu. Shashkova, Dr. of Political Sci., Assoc. Prof., Altai State University (Barkaul, Russia).

V. A. Shabashev, Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. Научный журнал

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-67376

Выходит 4 раза в год.

Адрес учредителя, издателя:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842) 58-12-26
Факс: 8(3842) 58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Адрес редакции:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, тел. 8(3842) 58-13-01

Сайт издания: <http://vestnik-pses.kemsu.ru>

Подписной индекс:
Объединенный каталог «Пресса России» – 94233

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Правила для авторов опубликованы на сайте издания.
Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов. Ответственность за научное содержание статей несут авторы публикаций.

16+

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

© Кемеровский государственный университет, 2018
© Авторы научных статей, 2018

Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences. Scientific Journal

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor) Certificate of registration: ПИ № ФС 77-67376

Published 4 times a year

Address of the founder, publisher:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo, 6 Krasnaya St.
Tel.: (3842) 58-12-26
Fax: (3842) 58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Editorial Office Address:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo, 6 Krasnaya St., Tel.: 8 (3842) 58-13-01

Web-site: <http://vestnik-pses.kemsu.ru>

Subscription indices:
94233 – in the United catalogue "The Press of Russia"

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the «Russian Science Citation Index».

Information for Authors published on the website Edition. Perspectives and views expressed in the papers may not coincide with the attitude of the editorial staff The authors of publications are responsible for the scientific content of the articles.

16+

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

© Kemerovo State University, 2018
© The authors of scientific articles, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Феномен политического юмора в КВН
Барашков А. Е. 5
- Каталонский конфликт в Испании: последствия для Европейского союза
Вербицкая Т. В., Гилева П. Л., Золотарев Ф. Е., Коростелев Д. А., Начинов Д. Е., Цуканов Л. В. 13

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Развитие социально-психологических технологий в управлении персоналом организации
Година О. В., Чижиков Д. В., Самохина Е. Е. 19
- Изучение требований руководящего состава научно-медицинского учреждения для улучшения организации работы
Карась Д. В., Данильченко Я. В., Крючков Д. В., Артамонова Г. В. 26

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Генезис туристического маркетинга как области научного знания в теории маркетинга
Волков С. К. 33
- Текущие настройки рыночной экономики: выбор модели отношений государства и бизнеса в ресурсных регионах монопрофильной направленности
Гоосен Е. В., Ковригина С. В. 47
- Проблема поиска перспективных производственных технологий в сфере комплексного освоения недр в угольной отрасли
Гоосен Е. В., Никитенко С. М., Клишин В. И. 55
- Проблемы и перспективы моногородов Дальнего Востока
Григорьев В. П. 61
- Использование облачных технологий при управлении знаниями организации
Дресвянников В. А., Бунимович И. Д. 67
- Концепция управления знаниями в фирме: антропосоциальность как приоритетное измерение
Жернов Е. Е. 73
- Модель компетенций наставника на предприятии как основа построения корпоративной системы наставничества
Карташова А. А., Камалиев Б. И. 80
- Рынок безалкогольных напитков: состояние и перспективы развития
Клещевский Ю. Н., Карташова Л. В., Николаева М. А., Рязанова О. А. 86
- О необходимости управления online-микрозаймами
Мягких Н. Б. 95
- Проблемы стратегического управления социально-экономическим развитием на региональном и муниципальном уровнях
Нестеров А. Ю. 101

CONTENT

POLITICAL SCIENCE

- Phenomenon of Political Humour in the KVN TV-Show
Barashkov A. E. 11
- The Catalan Conflict in Spain: Consequences for the European Union
Verbitskaya T. V., Gilyova P. L., Zolotarev F. E., Korostelev D. A., Nachinov D. E., Tsukanov L. V. 18

SOCIOLOGY SCIENCE

- The Development of Socio-Psychological Technologies in Personnel Management
Godina O. V., Chizhikov D. V., Samokhina E. E. 24
- Demands of Scientific Medical Institution Management Personnel as a Way to Improve Activity Management
Karas D. V., Danilchenko Y. V., Kruchkov D. V., Artamonova G. V. 31

ECONOMICS SCIENCE

- The Genesis of Tourism Marketing as an Area of Scientific Knowledge in Marketing Theory
Volkov S. K. 44
- Current Adjustments of the Market Economy: Choice of the Model of Relations between the State and the Business in Mono-Profile Resource Regions
Goosen E. V., Kovrigina S. V. 53
- The Problem of Searching for Promising Production Technologies in the Field of Integrated Development of Mineral Resources in the Coal Industry
Goosen E. V., Nikitenko S. M., Klishin V. I. 59
- Problems and Perspectives of Single-Industry Towns in the Far East
Grigoryev V. P. 66
- Cloud Technologies in Knowledge Management
Dresvyannikov V. A., Bunimovich I. D. 71
- Conception of Knowledge Management in the Firm: Anthroposociality as the Priority Dimension
Zhernov E. E. 78
- Competency Profile of Enterprise Mentor as a Basis for Corporate "Buddy Systems"
Kartashova A. A., Kamaliev B. I. 84
- The Market of Soft Drinks: State and Development Prospects
Kleshchevsky Y. N., Kartashova L. V., Nikolaeva M. A., Ryzanova O. A. 93
- Management of Online Microloans
Myagkikh N. B. 100
- Problems of Strategic Management of Socio-Economic Development at the Regional and Municipal Levels
Nesterov A. Yu. 105

Организация электронного документооборота для управления дебиторской задолженностью <i>Павлюченко Т. Н., Калюгина И. В.</i>	107	Organization of Electronic Document Management for Receivables Management <i>Pavlyuchenko T. N., Kalyugina I. V.</i>	111
Роль градообразующих предприятий в решении социальных проблем моногородов <i>Попова Е. Ю.</i>	113	The Role of City-Forming Enterprises in Solving Social Problems of Single-Industry Towns <i>Popova E. Yu.</i>	117
Проектное управление развитием моногородов <i>Рыбкина Е. А.</i>	119	Project Management of the Development of Single-Industry Towns <i>Rybkina E. A.</i>	123
Модели дистрибьюторского бизнеса на рынке Амурской области <i>Ситникова Т. В.</i>	124	Models of Distribution Business on the Amur Region Market <i>Sitnikova T. V.</i>	129
Основные детерминанты эффективности рабочей группы <i>Слинкова О. К., Пастухова Д. А.</i>	131	The Main Determinants of Team Work Efficiency <i>Slinkova O. K., Pastukhova D. A.</i>	136
Развитие рынка хостелов как перспективное направление малого бизнеса <i>Такмашева И. В., Тяглов С. Г.</i>	137	The Development of the Hostel Market as a Promising Area of Small Business <i>Takmasheva I. V., Tyaglov S. G.</i>	143
Типология моногородов по степени диверсификации среднего профессионального образования как информационная база проектов профессиональной переподготовки населения <i>Тюличева Л. Д.</i>	145	Typology of Single-Industry Towns According to the Degree of Diversification of Secondary Vocational Education as an Information Base of Professional Retraining Projects <i>Tiulicheva L. D.</i>	155
Анализ информационных систем инновационного управления организациями городского водохозяйственного комплекса <i>Фонтана К. А., Ерзнкян Б. А.</i>	157	Urban Water Utilization Scheme: an Analysis of Information Systems of Innovative Management <i>Fontana K. A., Yerznkyan B. H.</i>	162
Институциональные предпосылки социальной рыночной экономики <i>Чеботаренко Е. С.</i>	164	Institutional Background of Social Market Economy <i>Chebotarenko E. S.</i>	168
Применение современных управленческих технологий, методов и инструментов при реализации программы повышения качества среды «Пять шагов благоустройства повседневности» в монопрофильных муниципальных образованиях России <i>Щербина О. А.</i>	170	Modern Management Technologies, Methods, and Instruments of the "Five Steps of Routine Improvement" Urban Environment Program in Russian Single-Industry Settlements <i>Shcherbina O. A.</i>	176
РЕЦЕНЗИИ		BOOK REVIEWS	
Новая социология в изменившемся мире. Рецензия на книгу: «Нормальная аномия» в России и современном мире / под общ. ред. С. А. Кравченко. М.: МГИМО-Университет, 2017. 281 с. <i>Головацкий Е. В.</i>	177	New Sociology in the Changed World: a Review on "Normal Anomie" in Russia and the Modern World (edited by S. A. Kravchenko, Moscow: MGIMO-University, 2017) <i>Golovatsky E. V.</i>	181
<i>Указатель статей, опубликованных в журнале «Вестник КемГУ» в 2018 году</i>	183	<i>Index of articles published in the journal "Bulletin of the Kemerovo State University" in 2018</i>	188

УДК 323.2

ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОГО ЮМОРА В КВНАндрей Е. Барашков^{а, @}^а Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург,

Университетская наб., д. 7/9

@st041431@student.spbu.ru

Поступила в редакцию 24.03.2018. Принята к печати 28.09.2018.

Ключевые слова: комическое, смех, политика, государство, Высшая лига, Премьер-лига

Аннотация: В статье рассматривается феномен политического юмора в телевизионных юмористических играх Клуба весёлых и находчивых в современной России. Описаны понятия смеха, юмора и комического, в том числе и их политической составляющей. Представлен краткий анализ теорий юмора в различные исторические периоды развития общества и отмечена трансформация теоретических подходов вместе с субъектом их изучения. По итогам такого рассмотрения предложено определение понятия *юмор* вообще и *политический юмор* в частности. Целью данной статьи является установление роли политического юмора Клуба весёлых и находчивых в политической культуре страны. Основным методом исследования является дискурс-анализ, с помощью которого мы анализируем выступления команд Клуба весёлых и находчивых в Высшей лиге и Премьер-лиге. Единицами анализа выступают записи игр Высшей лиги и Премьер-лиги, взятые с видеохостинга *YouTube*. Прделанная работа носит прикладной характер и вызывает особый интерес в связи с актуальностью выходящих данных, а выводы исследования позволяют развить в дальнейшем тему роли политического юмора и феномена Клуба весёлых и находчивых. В заключение делается вывод об организующей роли Клуба весёлых и находчивых в развитии политического юмора как инструмента влияния на людей и настроение в обществе.

Для цитирования: Барашков А. Е. Феномен политического юмора в КВН // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 4. С. 5–12. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-5-12

Введение

Изучение феномена юмора в отечественной науке началось сравнительно недавно. Комизм и вытекающие из него юмор и смех являются философскими категориями, которые рассматривались в Европе еще во времена античной Греции, труды которых впоследствии изучались и дополнялись учеными и философами Нового времени. К тому же на основе трудов древности создавались свои концепции, которые получили отклик в научном обществе. То есть феномен комического изучался в Европе по мере своего развития, следовательно, существовало большое исследовательское поле для изучения политического юмора, который рассматривался в рамках исследования комического и смешного. В России юмор стал внимательно изучаться лишь в начале XX в., а политический юмор в 90-е гг. XX в. Прежде всего изучались литератур-

ные аспекты юмора, телевизионные же, такие как в КВН, исследоваться стали только в начале XX в.

Целью данной работы является установления роли политического юмора КВН в политической культуре страны. Основной метод исследования – дискурс-анализ выступлений команд КВН в Высшей лиге и Премьер-лиге. Единицей анализа выступает запись игр Высшей лиги и Премьер-лиги, взятых с видеохостинга *YouTube*.

Развитие и классификации теории юмора

Теории юмора с течением истории изменялись и трансформировались вместе с субъектом их изучения. Каждая теория одновременно и дополнялась, и критиковалась со стороны исследователей, создавая разветвленную систему изучения понятий *юмора*, *комического*, *смешного* и т.д. На данный момент наиболее часто исследования юмора делят на три направления:

– теории, основывающиеся на понятии *враждебности*, или *агрессии*;

– теории, базирующиеся на понятии *несовместимости*;

– теории *высвобождения энергии*.

Некоторые ученые классифицируют теории по двум направлениям: философском (Платон, Аристотель, Г. В. Ф. Гегель, И. Кант и т.д.) и психологическом (Г. Спенсер, З. Фрейд и др.). Психологическое в свою очередь делится еще на несколько поднаправлений.

Отдельное внимание стоит уделить классификации Б. Дземидока, выведшего 6 видов теорий юмора: негативного качества, деградации, контраста, противоречия, отклонения от нормы и смешанного типа. Каждый из видов еще делится на объективистские, субъективистские и реляционистские теории. Например, говоря о теории негативного качества, Б. Дземидок рассказывает об объективизме Аристотеля, субъективизме Т. Гоббса и о реляционизме Карла Юберхорста, который соединил в своей теории объективизм Аристотеля и психологизм Т. Гоббса. Суть этой теории в том, что комическое имеет негативное качество. В случае Аристотеля объектом комического являются какие-либо вредные привычки или физическое уродство, т.е. Аристотель делает уклон в сторону объекта. Т. Гоббс, наоборот, характеризует комическое уже со стороны субъекта и определяет чувство смешного как внезапно возникающее чувство превосходства над другими. Карл Юберхорст пытался объединить эти две теории, рассматривая комическое как со стороны объекта, так и субъекта [1, с. 12–16].

Если рассматривать теории с точки зрения течения истории, то сами понятия *комическое*, *смешное*, *юмор* изучались еще досократиками, в частности Демокритом, которого прозвали смеющимся философом. Однако полноценные определения или концепции ими не записывались, только Платоном, а затем Аристотелем впервые были разработаны теории юмора и комического. Так, Платон утверждает, что юмор относится к разряду негативного, считая это чувство основанным на ненависти и зависти [2, с. 99]. Философ считает, что юмор и смех всегда базируются на насмешках над несчастьем ближних, на агрессии и ложном превосходстве над другими. В «Филебе» Платон приписывает смешливому человеку такие пороки, как гнев, зависть, злоба и т.д., но при этом он называет смех удовольствием [3, с. 57]. Аристотель решил рассмотреть юмор с другой стороны, не считая его негативным чувством. В умеренных количествах, как философ считал, он даже полезен. Аристотель первым дал определение смешному: «Смешное – это некоторая ошибка и безобразия, никому не причиняющее вреда и ни для кого не пагубное» [4, с. 53]. Таким

образом, создается идея о том, что смешное – это что-то неправильное, что-то являющееся экстраординарным, но при этом оно не наносит какого-либо ущерба или вреда, а в некоторых случаях даже является полезным. Однако, заметим, что такие трактаты несколько отличались от реальной ситуации в Древней Греции, где, к примеру, комедии Аристофана пользовались особой популярностью.

В период Средневековья отношение к юмору было схоже с платоновским видением. Юмор и производимый от него смех считались чем-то бесовским, т.к. он сочетал в себе агрессию к ближнему и непристойность, что расходилось с официальной идеологией церкви, соответственно, она не позволяла бездумно выпускать энергию в виде смеха. Как отмечает А. В. Дмитриев, «официальная средневековая культура характеризуется исключительно серьезными тонами. Серьезность считалась единственным способом выражения правды и вообще всего важного и ценного» [5, с. 158]. Однако это не значит, что юмора и смеха не было, им пришлось занять маргинальные позиции и получить представление в народной культуре. Если воспользоваться *теорией высвобождения энергии*, то «запрещенный» смех получил выход через карнавальную культуру. Таким образом, появляется карнавальный смех, описание которому наиболее точно дал М. М. Бахтин: «Карнавальный смех, во-первых, всенароден (всенародность принадлежит к самой природе карнавала), смеются все, это – смех "на миру"; во-вторых, он универсален, он направлен на все и на всех (в том числе и на самих участников карнавала), весь мир представляется смешным, воспринимается и постигается в своем смеховом аспекте, в своей веселой относительности; в-третьих, наконец, этот смех амбивалентен: он веселый, ликующий и – одновременно – насмешливый, высмеивающий, он и отрицает и утверждает, и хоронит и возрождает. Таков карнавальный смех» [6, с. 88]. Карнавал был отличным способом вывести энергию, не нарушая «официальной серьезности средневековой культуры», т.к., скрываясь под маской, человек обезличивает себя, смешиваясь с толпой таких же скрытых под костюмами людей. Также впоследствии юмор вобрал в свою основу механизм *срывания маски*.

В XVIII в. изучение юмора и смеха получает новый толчок. Развиваются теории, основанные на понятии *несовместимости*. И. Кант дал такое определение смеху: «Смех является эмоцией, возникающей из неожиданного превращения напряженного ожидания в ничто» [7, с. 174]. То есть если при ожидании человеком достаточно очевидного исхода события происходит, наоборот, что-то неочевидное, то у этого человека появляется смех. Например, если рассказ о человеке, покупающем яблоко в продуктовом магазине, не вызовет смеха, то такой же рассказ

о человеке, но уже покупающем не яблоко, а автомобиль в продуктовом магазине, вызовет как минимум улыбку. И. Кант назвал такой смех неожиданным [7, с. 175]. Теория И. Канта весьма похожа на теорию абсурда А. Шопенгауэра. Впрочем, эти философы описывали как раз юмор абсурда.

К теории высвобождения энергии вплотную прилегает концепция З. Фрейда. Согласно ему, юмор является «средством получения удовольствия, несмотря на препятствующие ему мучительные аффекты» [8, с. 94]. Удовольствие от юмора человек получает в связи с «экономией аффективной затраты энергии» [8, с. 80]. Использование термина *энергия* связывает теорию З. Фрейда с теорией Г. Спенсера, для которого юмор является способом разрядки. По Г. Спенсеру смех может быть вызван не только приятными чувствами. Сам механизм смеха он определяет не только через психику, но и через физиологию тела. Сильный эмоциональный всплеск нуждается в выходе и самый простой путь – через слабые мышцы, к которым относятся мышцы рта, мимические мышцы и аппарат речи и дыхания.

Таким образом, основываясь на вышеизложенных трактовках, можно определить юмор как способность выявлять какие-либо недостатки в человеке или в обществе и преломлять их так, что эти недостатки теряют свою негативную составляющую, превращаясь в обыденную, не приносящую вреда часть жизни. Смех является реакцией на это преломление, высвобождением энергии, накопившейся в человеке. Конечно, юмор бывает разный и не всегда он приводит к смеху, а наоборот, к агрессии, но это связано в первую очередь с субъектом и объектом юмора. Анекдоты про национальности могут быть восприняты агрессивно со стороны представителей той или иной этнической группы. Или же юмор может быть вообще не понят, например, если рассказать шутку на армейскую тему человеку, который не служил в армии. Кроме того, важным элементом юмора является его социальность, а значит юмор выполняет функцию коммуникации. В основном юмор проявляется, когда есть два и более человека, но в случае, когда индивид смотрит телепередачу или вспоминает забавный случай из жизни и при этом смеется, юмор принимает псевдосоциальный характер.

Политика является публичной сферой, сферой взаимодействия людей друг с другом, юмор в этой сфере играет немаловажную роль. Политический юмор является одним из подвидов юмора. Кроме того, т. к. демократическая система благодаря различным индикаторам предупреждения социального недовольства может достаточно быстро реагировать на него, политический юмор выполняет функцию одного из этих индикаторов.

Сложно сказать, когда конкретно появился политический юмор, но возникновение литературного политического юмора связывают с Аристофаном. А. В. Дмитриев утверждает, что Аристофана можно назвать первым политическим комедиантом, т. к. «к расцвету его творчества древнегреческая комедия перешла от карнавальных фаллических песен к обсуждению острых общественных проблем» [5, с. 109]. Из дошедших до нас произведений Аристофана наиболее политическими можно назвать «Осы», «Всадники», «Женщины в Народном собрании» и «Мир», сюда же некоторые ученые относят и «Облака», в которых Аристофан высмеивает Сократа. Сократ у него является ярким противником политики, а все его учение Аристофан называет «наукой не платить налогов» [9].

Как уже указывалось выше, в Средние века юмор был маргинален, для выплескивания энергии появился карнавал. М. М. Бахтин назвал ведущим действием карнавала символ *увенчания / развенчания*. Во время карнавала социальные роли могли меняться: крестьянин мог стать помещиком, а помещик – крестьянином. И те, и другие высмеивали пороки друг друга, в том числе и политическое устройство страны. М. М. Бахтин называет карнавал также травестией (пародийное иносказание) социальных и политических норм [6]. А. В. Дмитриев, описывая тезис М. М. Бахтина, приводит пример В. В. Жириновского, который обладает такой травестией. Этот политик может начать с одного тезиса, а закончить совершенно другим. Зритель, обладающий карнавальным сознанием, смотря В. В. Жириновского, получит настоящее удовольствие [10, с. 211].

С конца 1990-х гг. стали развиваться теории политического юмора в отечественной науке. С ними связаны работы уже упомянутого А. В. Дмитриева, работы В. В. Разуваева [11], А. А. Иванюшкина [12], Д. А. Будко [13], Е. Н. Коваленко [14] и пр. Однако, несмотря на большое количество работ по юмору, фундаментальных исследований на тему политического юмора в Клубе веселых и находчивых (КВН) нет (можем указать лишь некоторые статьи, например [15]).

Международный Союз КВН

КВН – юмористическая игра, в которой «две или более команд соревнуются в одном или более конкурсах, тема и жанр которых могут заранее определяться организаторами, а некое жюри потом определяет, кто из них оказался лучше» [16]. КВН уникален в своем виде не только для России и стран бывшего СССР, но и для всего мира, т. к. другой такой передачи, сравнимой в продолжительности выхода в эфир, охвате зрителей и фанатов, влияния практически на все сферы жизни, нет. На данный момент

Международный Союз КВН имеет разветвленную сеть различных лиг по всей России, которые подчиняются президенту Союза А. В. Маслякову. Сейчас структура КВН достаточно сложна и политизирована, в отличие от только «зародившегося» КВН или КВН 90-х гг. Это связано с тем, что в советское время программу считали действительно только юмористической и не видели в ней влияния на граждан, по крайней мере до окончания «оттепели», когда руководство центрального телевидения стало вмешиваться в процесс написания сценария, чему руководство КВН начало сопротивляться, в связи с этим программу закрыли до 1986 г. В годы распада СССР и последующий период 90-х гг. юмор в КВН был наиболее *политическим* за все время существования программы. Распад СССР, Конституционный кризис 1993, война в Чечне, дефолт 1998 – все эти события вызывали недовольство со стороны граждан, и люди начали искать пути выхода накопившейся агрессии. КВН в данном случае наиболее быстро реагировал на различные события в сфере политики. Так, М. Марфин пишет об этом: «Стоит кому-то на политической арене кануть в Лету, как тут же в десятке КВНовских Лиг появляется эпизод с саунд-треком из этого мультяка [«Жил-был пес»]» [16].

В период 2000-х гг. КВН стал играть еще большую роль в жизни общества. Теперь это не только способ вывода негативных эмоций, большая часть «выпускников» КВНа создают дискурс развлекательного сегмента российского телевидения и кино. Большинство из них либо являются ведущими различных передач (Павел Воля, Сергей Светлаков, Гарик Мартиросян и т. д.), либо редакторами и сценаристами (Семен Слепаков, Айдар Гараев, Александр Гудков и т. д.), либо актерами кино и телевидения (Гарик Харламов, Михаил Галустян и т. д.). Большое количество контента было произведено компаниями *Comedy Club Production* и *Yellow, Black and White*, созданных бывшими КВНщиками, для двух основных развлекательных телеканалов российского телевидения – ТНТ и СТС. Соответственно, КВН стал некой востребованной «фабрикой звезд».

Кроме того, руководство Союза КВН напрямую связано с руководством страны. А. В. Масляков в январе 2018 г. стал доверенным лицом В. В. Путина на будущих выборах президента. Также в жюри, кроме известных КВНщиков, заседают и некоторые политические деятели, или опосредовано связанные с властью. Например, генеральный продюсер «Первого канала» К. Эрнст, И. Верник, выступивший на флешмобе в поддержку Р. Кадырова, Ю. Гусман, бывший депутат Государственной

Думы. Впрочем, первые лица страны часто бывают на значимых играх – на 50-летие КВН в 2011 г. В. В. Путин выступил с речью на сцене. Ни одна другая программа не заслуживала такого внимания со стороны президента.

В связи с таким особым влиянием КВН на общественную жизнь государство не могло не обратить внимания на него и попытаться контролировать, что в некотором роде ему и удастся, т. к. существует цензура, связанная не только с недопущением нецензурной лексики или некоторых тем, но и политическая. Так, в интервью каналу «Непродакшн» бывший участник и редактор КВН Дмитрий Колчин рассказал о том, что цензура запрещает шутить о президентах плохо, «очень сложно утвердить шутки про президентов, <...> если шутка про президентов и разрешается, то это должно быть что-то обязательно комплиментарное, обязательно поклонение»¹. На критику в адрес КВН отреагировал А. В. Масляков, заявив, что «шутки про президента всегда были и будут»².

Примеры политического юмора в играх КВН

Шутки о политиках, занимавших пост президента страны, существуют. Это подтверждает целый блок шуток о первых лицах России. Например, ряд выступлений команды КВН «Станция спортивная» посвящен проверкам Д. А. Медведева по всей стране. В номерах президент приезжает с проверкой в школу, аптеку и раздевалку сборной России по футболу. Во всех сценах проверяемые знали о приезде Д. А. Медведева и поэтому старались убрать все недостатки: в школе учитель вызывал только отличников к доске, а когда к доске выходил двоечник, то ставил ему высшую оценку в присутствии президента; в аптеке управляющий обучал продавца, о чем стоит сказать и о чем лучше промолчать. В этих номерах обличается страх перед наказанием, люди делают все, чтобы президент не заметил их ошибок, но не делают ничего, чтобы их исправить.

Команда КВН «Сборная Батайска» примечательна номером с В. В. Путиным, который попадает в самые обыденные ситуации, связанные с неработающими батарейками в пульте от телевизора, с отсутствием штопора и последующей невозможностью открыть бутылку вина, с закончившейся пастой в ручке и с вирусом на компьютере. Все эти номера приближают В. В. Путина к обычному народу, т. к. в такие ситуации попадал в своей жизни каждый человек и всем эти ситуации знакомы. Здесь мы сталкиваемся с обычной инверсией – «перевертышем»,

¹ Колчин – об уходе из КВН, Эрнсте и даче // YouTube. 11.09.2017. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=BScX4GDS7rM> (дата обращения: 08.02.2018).

² А. В. Масляков: «Шутки про президентов были, есть и будут!». 23.09.2017. Режим доступа: <http://kvn.ru/journal/14671> (дата обращения: 08.02.2018).

которая легитимирует власть В. В. Путина, делая ее народной, делая его человеком из простых граждан. Это кажется смешным, т. к. первый человек в стране, защищающий интересы государства на мировой арене, определяющий направление политики внутри страны, не может открыть вино или переключить канал.

Шутки, представленные выше, действительно есть в играх КВН, но, как и сказал Д. Колчин, они носят комплиментарный характер и не создают негативного представления о руководстве страны, кроме обезличенного чиновничьего аппарата, шутки о которых зачастую высмеивают их.

Часто предметом смеха становятся выборы в разных странах, но главной мишенью КВНщиков являются российские выборы. Команда КВН «Бомонд» высмеяла выборы президента России в 2012 г. В номере через образ В. В. Жириновского разоблачали образы кандидатов в президенты и сами выборы. Наиболее значимыми шутками нам видятся следующие:

Ведущая: «Мы вас приветствуем на объявлении результатов выборов в президенты Российской Федерации».

В. В. Жириновский (В. В.): «Добавь: самых неожиданных выборов в истории, че ты!».

Ведущая: «Мезенцев...».

В. В.: «Не говори его имя! Молчи! Пусть его имя останется загадкой для страны».

Ведущая: «Владимир Владимирович Путин».

В. В.: «Какая неожиданность! Решили поучаствовать все-таки, да?».

Ведущая: «И президентом России становится...».

В. В.: «Продолжается».

Ведущая: «...становится Владимир Владимирович...».

В. В.: «Мезенцев! Вот мы и узнали его имя!».

Ведущая: «...становится Владимир Владимирович Путин».

В. В.: «Едрен батон! А знаешь, почему ты президентом стал? Потому что тебя народ выбрал! А народ – это я! Короче, ты президент, потому что я так решил! Не благодари!»³.

Весь номер построен на комментариях В. В. Жириновского. В первой и третьей шутках он высмеял Путина как кандидата и сами выборы, в которых понятно, кто выиграет. Во второй и пятой высмеял Мезенцева, которого никто не знал, откуда этот кандидат и даже как его зовут, что вы-

страивает образ некоего подставного кандидата для видимости выборов. А в последней уже легитимируются выборы, т. к. Путина выбрал действительно народ. Этими словами сглаживается сам номер на предмет критики, тем самым перечеркивая все, что было сказано ранее.

В безличных номерах наиболее отличилась команда «Кефир» со своим номером об ущемленных в правах чиновниках. Сам номер музыкальный и состоит из поочередно выносимых лозунгов, которые пародируют лозунги граждан против чиновников:

«Долой народный беспредел!» – Долой чиновничий беспредел!»;

«Руки прочь от коррупции» – Нет коррупции / Долой коррупцию»;

«Бюджет – понятие растяжимое»;

«Руки прочь от ваших денег» – Руки прочь от наших денег»;

«Оставьте нас в наших покоях» – Оставьте нас в покое⁴.

Это лишь часть лозунгов, показанных в номере. Через эти высказывания показываются все негативные черты чиновников, против которых и протестуют граждане.

Похожий номер был у команды «Союз», в котором они в костюмах овощей высмеяли лозунги на митингах и самих митингующих. В основном лозунги носили неполитический характер, но есть такие, как «Путин-огурчик», «Когда олимпийская стройка принесет плоды», «НАТО, хрен вам!»⁵. Изначально можно подумать, что команда несколько грубо относится к митингующим гражданам, называя их *овощами*, но в конце номера выносится лозунг «Люди не будьте овощами», который заглаживает это ощущение. Однако, в этом же лозунге есть некий призыв не участвовать в таких собраниях, чтобы не быть овощем. Если номер сделан и не специально с такой задумкой, то как минимум несет в себе скрытый смысл.

Особой частью юмора в КВН является юмор на внешнеполитическую тему. Например, КВНщики много шутили на тему расширения НАТО и Европейского Союза:

«Через год Латвия вступит в Евросоюз. А Фестиваль куда? Туда же? И что мы будем петь? Евросоюз нерушимый республик свободных?»⁶ (РУДН (Москва)).

Или встречи известных политиков:

³ КВН 2012 Высшая лига. Первая 1/8 (ИГРА ЦЕЛИКОМ) // YouTube. 31.10.2012. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=3kjarс5qeeо> (дата обращения: 29.01.2018).

⁴ КВН Кефир – Чиновники // YouTube. 23.11.2012. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=adAkSCUBEtI&list=PLA81F618912B6A3D9&index=13> (дата обращения: 29.01.2018).

⁵ КВН 2012 Премьер-лига. Третья 1/8 (ИГРА ЦЕЛИКОМ) // YouTube. 08.03.2013. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=FVNFtQf20S0> (дата обращения: 29.01.2018).

⁶ КВН Высшая лига (2003) – Юрмала // YouTube. 17.01.2012. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=PV7trnPleHk> (дата обращения: 29.01.2018).

Встреча Д. А. Медведева и Н. Саркози:

Медведев: «Николя, как Вам Россия?».

Саркози: «Знаете, Москва – очень красивый город».

Медведев: «Но Москва еще не вся Россия. Что уж говорить, если одна Сибирь – это пять Франций!».

Саркози: «Да, знаете, весь мир настораживает, что вы мерите свою страну другими странами...»⁷.

Здесь высмеивается страх перед такой огромной страной, как Россия, и отчасти обосновывается настороженное отношение к ней.

Команда КВН РУДН разыграла номер с Большой восьмеркой без России, вышедшей из состава после событий 2014 г. США предлагали ввести санкции против разных стран, и никто им не мог возразить, чем вызвало разочарование и тоску по России. Впоследствии США звонят России и признаются, что на самом деле без России плохо. В этом номере придается значение России на мировой арене как единственного оппонента США, причем такого, что сами США не могут действовать в нормальном режиме без нее, тем самым повышая ее авторитет.

По поводу ситуации на Украине в 2014 г. пошутили члены команды «Союз»: Хочу спросить как Путин у Януковича: «Витя, ты нормальный?»⁸.

Или песня: ...хоть и страна большая, но моря не хватает! И мы нашли решение: просто, вернули полуостров⁹.

А также эта команда обсмеяла дипломатию США и ООН в музыкальном номере на мотив песни группы «Руки Вверх» «Он тебя целует», где США отвернулись от России, а ООН полностью поддерживает США в этом.

Все эти номера показывают величие России, указывают на недостатки остальных государств. В случае наложенных санкций высмеивают их и говорят, что Россия справится с ними.

Заключение

Проанализировав игры КВН, связанные с политической сферой жизнедеятельности, можно сделать некоторые выводы о КВН и о политическом юморе в нем. Во-первых, политический юмор в КВН снижает все недружественные России государства и, соответственно, поднимает роль России на мировой арене в глазах российских граждан. Во-вторых, поднимает авторитет президента и легитимирует его власть на всех ее уровнях так, что все – и граждане, и чиновники – стараются угодить президенту. В-третьих, номера КВНщиков делают более близкими народу как обычных чиновников, которые сидят у приемной президента, как провинившиеся дети, так и президентов, которые попадают в обычные ситуации, кажущиеся обычному обывателю смешными, т. к. происходят с такими известными людьми, как В. В. Путин и Д. А. Медведев. И в-четвертых, политический юмор в КВН является альтернативным путем вывода той негативной энергии, что может побудить граждан действовать в рамках политической системы более агрессивно: устраивать пикеты, митинги против власти или даже попытаться устроить переворот. В итоге юмор является отличным способом влияния на людей, а КВН – проводником этого юмора.

Литература

1. Дземидок Б. О комическом. М.: Прогресс, 1974. 223 с.
2. Платон. Государство. М.: АСТ, 2016. 448 с.
3. Платон. Филеб // Платон. Собрание сочинений. В 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 7–78.
4. Аристотель. Об искусстве поэзии // Аристотель. Поэтика. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1957. С. 39–141.
5. Дмитриев А. В. Социология юмора: очерки. М.: РАН, 1996. 214 с.
6. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худ. лит-ра, 1965. 690 с.
7. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Собрание сочинений. В 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. С. 68–756.
8. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. СПб.: Азбука, 2015. 288 с.
9. Аристофан. Комедии. М.: Наука-Ладомир, 2000. 1080 с.
10. Дмитриев А. В. Социология политического юмора. М.: Российская политическая энциклопедия, 1998. 332 с.
11. Разуваев В. В. Политический смех в современной России. М.: Теис, 2002. 262 с.
12. Ивановский А. А. Политический юмор как фактор взаимодействия общества и власти: дис. ... канд. полит. наук. М., 2006. 154 с.

⁷ КВН Высшая лига (2008). Вторая 1/2 // YouTube. 27.03.2012. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=eUyZwXymBdw> (дата обращения: 29.01.2018).

⁸ КВН 2014 Высшая лига. Первая 1/8 (ИГРА ЦЕЛИКОМ) // YouTube. 03.03.2014. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=44PRPPsGjKo> (дата обращения: 29.01.2018).

⁹ КВН 2014 Высшая лига. Первая 1/4 (ИГРА ЦЕЛИКОМ) // YouTube. 26.09.2014. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=2RZi0Awgvmk> (дата обращения: 29.01.2018).

13. Будко Д. А. Политический юмор как объект исследования в политической науке (на примере политического анекдота) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2015. № 3. С. 70–82.

14. Коваленко Е. Н. Юмор в политическом дискурсе – это серьезно! // Дискурс-Пи. 2005. № 1. С. 147–149.

15. Пименова О. И., Кузьмина О. В., Серова А. И., Крохалевский И. В., Гиниятуллина М. А. Феномен политического юмора в играх КВН: по материалам контент-анализа // Вестник Университета. 2017. № 12. С. 211–219.

16. Марфин М. Н., Чивурин А. Что такое КВН? 2-е изд. М., 2002. 120 с. Режим доступа: https://royallib.com/read/marfin_mihail/chto_takoe_kv.html (дата обращения: 01.02.2018).

PHENOMENON OF POLITICAL HUMOUR IN THE KVN TV-SHOW

Andrey E. Barashkov^{a, @}

^a*Saint-Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya Emb., Saint-Petersburg, Russia, 199034*

[@]*st041431@student.spbu.ru*

Received 24.03.2018. Accepted 28.09.2018.

Keywords: comic, humour, politics, state, Major League, Premier-League

Abstract: The present research investigates the phenomenon of political humour in modern Russian TV shows. The paper features the case of such wits and humour competition as the KVN Show (The Club of the Funny and Sharp-witted). The author describes the concepts of laughter, humour, and the comic and explains their political component. The research objective was to reveal the role of the KVN's political humour in the political culture of the country. The author used the method of discourse analysis to study the performances of the KVN teams in the Major and Premier Leagues taken from "YouTube". The research results are of particular interest, which make it possible to develop the issues of political humour and the phenomenon of the KVN.

For citation: Barashkov A. E. Fenomen politicheskogo iumora v KVN [Phenomenon of Political Humour in the KVN TV-Show]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 4 (2018): 5–12. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-5-12

References

1. Dzemidok B. *O komicheskom* [About the comic]. Moscow: Progress, 1974, 223.
2. Plato. *Gosudarstvo* [The state]. Moscow: AST, 2016, 448.
3. Plato. Fileb [Phileb]. Plato. *Sobranie sochinenii* [Collected Works by Plato]. Moscow: Mysl', vol. 3 (1994): 7–78.
4. Aristotle. *Ob iskusstve poezii* [About the art of poetry]. Aristotle. *Poetika* [Poetics by Aristotle]. Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit-ry, 1957, 39–141.
5. Dmitriev A. V. *Sotsiologiya iumora: ocherki* [Sociology of the humor: essays]. Moscow: RAN, 1996, 214.
6. Bakhtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaia kul'tura Srednevekov'ia i Renessansa* [Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow: Khud. lit-ra, 1965, 690.
7. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [The critique of pure reason]. Kant I. *Sobranie sochinenii* [Collected Works by Kant]. Moscow: Mysl', vol. 3 (1964): 68–756.
8. Freud S. *Ostroumie i ego otnoshenie k bessoznatel'nomu* [Jokes and their relation to the unconscious]. Saint-Petersburg: Azbuka, 2015, 288.
9. Aristofanes. *Komedii* [Comedies]. Moscow: Nauka-Ladimir, 2000, 1080.
10. Dmitriev A. V. *Sotsiologiya politicheskogo iumora* [Sociology of the political humor]. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia, 1998, 332.
11. Razuvaev V. V. *Politicheskii smekh v sovremennoi Rossii* [Political laughter in modern Russia]. Moscow: Teis, 2002, 262.
12. Ivaniushkin A. A. *Politicheskii iumor kak faktor vzaimodeistviia obshchestva i vlasti*. Diss. kand. polit. nauk [Political humor as a factor in the interaction of society and government. Cand. Polit. Sci. Diss.]. Moscow, 2006, 154.

13. Budko D. A. Politicheskii iumor kak ob"ekt issledovaniia v politicheskoi nauke (na primere politicheskogo anekdotsa) [Political humour as an object of political science (case of political jokes)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serii 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniia = Bulletin of St. Petersburg University. Series 6. Political science. International relationships*, no. 3 (2015): 70–82.

14. Kovalenko E. N. Iumor v politicheskom diskurse – eto ser'ezno! [Humor in political discourse – it's serious!]. *Diskurs-Pi = Discourse-Pi*, no. 1 (2005): 147–149.

15. Pimenova O. I., Kuzmina O. V., Serova A. I., Krokhalevsky I. V., Giniatullina M. A. Fenomen politicheskogo iumora v igrakh KVN: po materialam kontent-analiza [The phenomenon of political humor in the KVN TV-show according to the materials of content analysis]. *Vestnik Universiteta*, no. 12 (2017): 211–219.

16. Marfin M. N., Chivurin A. *Chto takoe KVN?* [What is the KVN?]. 2nd ed. Moscow, 2002, 120. Available at: https://royallib.com/read/marfin_mihail/chto_takoe_kv.html (accessed 01.02.2018).

УДК 327

КАТАЛОНСКИЙ КОНФЛИКТ В ИСПАНИИ: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА
Татьяна В. Вербицкая^{a, @}; Полина Л. Гилева^a; Федор Е. Золотарев^a; Дмитрий А. Коростелев^a;
Денис Е. Начинов^a; Леонид В. Цуканов^a

^a Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 620000, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51

@ Aquitania-17@yandex.ru

Поступила в редакцию 18.09.2018. Принята к печати 17.10.2018.

Ключевые слова:

мультикультурное пространство, трансформация, антиглобализм, эпоха модерна

Аннотация: Целью статьи является выделение характерных особенностей конфликта между Мадридом и Каталонией и его значение для Европейского союза. Задачи заключаются в выявлении закономерностей процесса регионализма, происходящих в Европейском союзе, на примере каталонского конфликта. Доказывается, что данный конфликт относится к постмодернистскому типу. В исследовании конфликта были задействованы комплексные научные методы: компаративистский метод (при сопоставлении экономических, социальных, культурных и политических позиций и аспектов Каталонии и Испании), метод актуализации (рассмотрение ситуации с учетом специфики региона), метод структурного анализа (для исследования содержания конфликта). Рассматривая совокупность многосложной структуры политической системы Испании, мы применили системный подход. В качестве эмпирической базы исследования используются аналитические статьи экспертов, новостные сводки информационных агентств, а также видеозаписи очевидцев конфликта. В результате был выявлен ряд особенностей конфликта постмодернистского мира, сформулированы его черты на примере Каталонского кризиса. Новизна работы заключается в определении особенностей современного конфликта постмодернистского типа.

Для цитирования: Вербицкая Т. В., Гилева П. Л., Золотарев Ф. Е., Коростелев Д. А., Начинов Д. Е., Цуканов Л. В. Каталонский конфликт в Испании: последствия для Европейского союза // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 4. С. 13–18. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-13-18

Введение

Ситуация в Испании на современном этапе исторического развития – яркий пример процесса трансформаций внутри Европейского пространства. Конфликт между условным центром (Мадридом) и условным регионом (Барселоной), по оценкам некоторых исследователей, подтверждает тезис о разноскоростных процессах изменений внутри разнообразного европейского сообщества¹. Это выражается тем, что для одной группы наций уже наступил период постиндустриального развития, в то время как для другой группы подобный процесс находится либо на повестке дня, либо на подготовительном этапе. Данный процесс характерен для сообществ постмодерна, в которых последствия глобализации и интернационализации влияют на эволюцию сообществ, так же как и порождают новые альтернативные явления. Например, вместе с усилением взаимосвязанности, ростом мобильности и общего числа контактов мы мо-

жем наблюдать обратные процессы. Так, антиглобализм и регионализация набирают популярность у некоторых сообществ, что по-своему отражается на общей структуре международных отношений и контактах между акторами внутри надгосударственных образований.

В полиэтничном и мультикультурном пространстве Европейского союза (ЕС), как и внутри Испании, происходят центробежные процессы, которые влияют как на национальную, так и на международную политику [1]. Взаимодействие не происходит без конфликтов, однако этого потенциала не всегда бывает достаточно для резких изменений системы. Тем не менее внутри и Испании, и ЕС имеется достаточный комплекс проблем, который может в дальнейшем поспособствовать развитию и углублению конфликтной ситуации.

Гипотеза исследования: конфликт между Испанией и Каталонией является образцом конфликтных отношений для сообществ постмодерна.

¹ Иванов И. В поисках общего дома // Российская газета. № 7341 (175). 08.08.2017. Режим доступа: <https://rg.ru/2017/08/08/kak-rossii-i-evrope-sosushchestvovot-v-usloviiah-meniiaushchejsia-geometrii-mira.html> (дата обращения: 21.09.2018).

Между сторонами конфликта происходит столкновение интересов, основа для которых отличается от общих контуров эпохи модерна. Исходя из этого *цель исследования* – представить целостную картину относительно конфликта между Мадридом и Каталонией в контексте ЕС, на его примере выявив характерные особенности конфликта постиндустриальной эпохи.

Признаки конфликта постмодерна

Для того чтобы решить, соответствует ли конфликт между Испанией и Каталонией признакам конфликта постмодерна, обратимся, прежде всего, к признакам конфликта постмодерна, к числу которых исследователями отнесены:

- напряженное отношение к норме, правилу, однозначности и порядку;
- низкая степень интенсивности и невысокий уровень насилия;
- привлечение сторонников, внимания общественности (в том числе мировой) посредством сети Интернет;
- упражнения в риторике и языковых играх;
- неприятие иерархий, в том числе горизонтальных (децентрация), культура маргинального – интерес к «краям» и «полям», к малому и второстепенному;
- преобладание конфликта идентичностей [2, с. 145].

Методы и эмпирическая база исследования

При изучении событийных данных конфликта между Испанией и Каталонией будем опираться на ивент-анализ, который наиболее часто применяется для исследования конфликтных ситуаций в политологии. Имеющиеся данные относительно указанного конфликта систематизируем по таким параметрам, как стороны конфликта, его предмет и объект, причины и условия, географическая локализация, акция (что происходит), последствия конфликта. Для изучения особенностей восприятия конфликта со стороны каталонского общества и в целом испанского общества будет использован метод когнитивного картирования. Метод построения прогнозного сценария позволил определить возможное состояние противоречий Испании и Каталонии в будущем.

Эмпирическую базу исследования конфликта составляют научные статьи российских [1; 3; 4] и зарубежных экспертов², анализирующих предпосылки данного конфликта в Испании, его причины, условия и последствия.

Исследование также опирается на новостные сводки информационных агентств, фото и видеоматериалы очевидцев и непосредственных участников конфликта.

Перед тем как перейти к анализу конфликта, необходимо отметить следующие моменты. Во-первых, в данной статье не затрагивается глубокий исторический нарратив отдельных сторон. Это не значит, что авторы исследования отрицают важность исторических предпосылок и их вклад в формирование сегодняшних конфликтных отношений. Напротив, слишком глубокое апеллирование к истории взаимоотношений может сместить акценты. Это не соответствует идее статьи. Во-вторых, данный конфликт представляет собой длительный и поступательный процесс, и говорить о его финальной или заключительной фазе пока рано.

Структура каталонского конфликта

Анализ всей ситуации стоит начать с представления сторон конфликта. Среди основных участников событий важно обозначить испанское руководство страны и Движение за независимость Каталонии. Разностороннюю группу косвенных участников составляют:

- 1) примирители (Европейский союз и Организация Объединенных Наций);
- 2) сочувствующие (Страна Басков);
- 3) невинные жертвы (транснациональные корпорации и рядовые граждане).

Для примирителей важно сохранение политического и легального диалога между конфликтующими сторонами так же, как и для невинных жертв. Ни одной ТНК, базирующейся в Барселоне, не выгодно терять рынок из 500 млн потребителей, равно как и людям, которые теряют из-за этого свои рабочие места³. Что касается «сочувствующих» в лице страны Басков, здесь следует говорить о появлении эмпатии к «соратникам» в борьбе за сохранение своей идентичности.

Обозначив главных и второстепенных участников конфликта, перейдем к разграничению предмета и объекта конфликта. Объект конфликта заключается в осуществлении государственного суверенитета. Предмет – порядок осуществления государственной власти в Каталонии как публичном образовании, образованном по этническому признаку.

На взаимоотношения между Мадридом и Барселоной влияет целый ряд контекстных элементов, который условно можно разделить на макро- и микроуровень. Основу и среду конфликта для макроуровня формируют следующие аспекты:

- *Brexit*;

² Noguera M. Spain's PM to Catalan secessionists: «Stop walking toward the abyss» // El País. 2017. № 2. P. 12–15; Sellart J. Guardia Civil y Policía Nacional movilizan mil antidisturbios más en Catalunya // El Periódico de Catalunya. 2017. № 7. P. 24–28.

³ Noguera M. Spain's PM to Catalan secessionists: «Stop walking toward the abyss» // El País. 2017. № 2. P. 12–15.

– процесс постепенного выхода из экономической стагнации;

– политическая нестабильность на фоне проблем формирования правительства [5];

– террористические атаки в Европе и память о собственных национальных трагедиях;

– глубокие исторические корни конфликта.

Что касается внутреннего климата и условий, на микроуровне можно указать следующее:

1) движение за независимость Каталонии, оформленное в политическое течение;

2) самоидентификация жителей, которые находятся в процессе построения своей *уникальности*;

3) настроения внутри общества, которое разделилось на сторонников и противников выхода Каталонии.

Как было сказано выше, данное исследование не затрагивает долгий исторический процесс и глубинные основы конфликтных отношений между сторонами. Целесообразно взять точку отсчета с сентября 2017 г., выделяя закономерные этапы развития конфликта:

1) сентябрь – этап проявления первых конфликтных действий с момента голосования в Парламенте Каталонии;

2) октябрь – первая треть ноября – этап кризиса и проявление предпосылок для возникновения вооруженного конфликта;

3) вторая треть ноября – начало процесса урегулирования конфликта.

В данной цепочке поступательного развития событий отсутствует этап вооруженного конфликта. В ходе конфликта протестующие массы из числа граждан не провоцировали начало боевых действий с правоохранительными органами. Произошла ситуация, когда при помощи пенитенциарного рычага воздействия удалось не допустить наступления активной фазы конфликта. Причину такого хода развития событий можно связать с апатией и нежеланием протестующих доводить конфликт до вооруженной фазы. Местное население не вступало в прямое противостояние с властью, которое получило карт-бланш на применение насилия.

Тем не менее конфликтный потенциал способствовал развитию стереотипных моделей. Если говорить о каталонском конфликте, относительно коротком, но насыщенном событиями, современный этап стал причиной формирования новых образов и символических единиц в социально-экономиче-

ской, политической, культурной сферах. Среди них необходимо выделить следующие:

1. Социально-экономическая

«La pela es la pela» (Испания) и «Мадрид нас грабит!» (Каталония).

Старая испанская поговорка, которую можно перевести на русский как «Деньги есть деньги» («Деньги решают»), стала прочно ассоциироваться с каталонским сепаратизмом. Сторонники Мадрида считают, что каталонцев настолько поглотила жадность, что они захотели получить еще больше льгот, но ввиду собственной пассивности и стремления к стабильному заработку не рискнули идти на радикальные меры⁴.

Противоположную точку зрения имеют сторонники Каталонии. В отличие от сторонников Мадрида, они апеллируют к сухим фактам. В частности, к тому, что Каталония отдает в государственный бюджет больше средств, чем получает обратно в виде дотаций. На этом фоне попытки Мадрида ограничить в правах один из главных источников бюджетных средств приравнивается к обычному грабежу.

2. Политическая

«В политических беспорядках есть российский след» (Испания) и «Испанское руководство действует хуже генерала Франко» (Каталония).

Массовая истерия вокруг темы с «участием» российских спецслужб в избирательных кампаниях иностранных государств проявилась в контексте каталонского кризиса. Первичный конфликт (Каталония-Испания) отходит на второй план, переквалифицировав Каталонию из причины нестабильности в регионе в дестабилизирующий инструмент в масштабах всего Европейского союза⁵. Формальному и окончательному закреплению этого стереотипа способствовало выступление президента РФ В. В. Путина 19 октября 2017 г., в котором тот сравнил референдумы в Крыму и Каталонии, а также подверг критике политику двойных стандартов⁶.

Если стереотипы испанской стороны формировались преимущественно в ответ на ключевые точки кризиса на современном этапе, то каталонский вариант имеет под собой более глубокий исторический нарратив. Исторические параллели между действиями Франко в проблемном регионе (арест всех членов каталонского правительства, массовые обыски и анти-каталонская пропагандистская кампания) и политикой нынешнего руководства страны всячески связывают образ каудильо с имеющимися институтами. Каталония всячески продвигает идею,

⁴ Elecciones Catalanas. Los apellidos de las listas de Ciudadanos son los más representativos de Cataluña // El Mundo. 27.11.2017. Режим доступа: <http://www.elmundo.es/cataluna/2017/11/27/5a19d44dca4741cf678b467c.html> (дата обращения: 21.09.2018).

⁵ В Испании рассказали о задержаниях во время беспорядков в Каталонии // РИА-Новости. 01.10.2017. Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2017/10/01/zaderjanie/> (дата обращения: 21.09.2018).

⁶ Бовдунов А. «Кризис идентичности»: как может измениться ЕС после референдума о независимости Каталонии // Russia Today. 02.10.2017. Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/article/435815-kataloniya-referendum-posledstviya-separatizm-evropa> (дата обращения: 21.09.2018).

что текущая ситуация вокруг нее, по сути, является очередным повторением предшествующих событий.

3. Культурная; кризис идентичности

Общей проблемой обеих сторон конфликта стал кризис идентичности, последовавший за активной фазой развития конфликтных отношений. Оказавшись на условном перепутье, каталонское общество вынуждено сделать выбор – сохранить «испанское начало», сделав выбор в пользу социально-политической стабильности, или продолжить курс на развитие в рамках самостоятельного государства. Перед аналогичным выбором стоит Испания – либо единое государство с единой культурно-идеологической общностью, либо потеря части населения и приобретение комплексных проблем в экономической, политической и культурной сферах вместе с формированием нового прецедента в международной практике⁷.

Как уже не раз отмечалось выше, каталонский конфликт стал катализатором серьезных изменений в обществе. Образ единой и безопасной Испании, создаваемый правительством страны более десяти лет, пошатнулся, вновь обнажив вопрос об эффективности существующих мер. Силовой разгон демонстраций отрядами полиции и специальной жандармерии привел к нагнетанию атмосферы насилия в обществе. В дальнейшем это спровоцировало следующие акции:

А. Сторонники и противники каталонской независимости. 8 октября организация «Каталонское гражданское сообщество» провела марш под названием «Хватит! Вернемся к здравому смыслу» против независимости Каталонии, в котором, по данным полиции, приняли участие около 350 тыс. человек. Тем же вечером поступали сообщения об участившихся столкновениях участников марша и сторонников Женералитета. Число пострадавших превысило 800 человек, двадцать особо агрессивных были задержаны⁸.

Б. Сторонники независимости и полиция. 1 октября – столкновение полиции и демонстрантов. Против протестующих, в числе прочего, применялись средства активного сдерживания (слезоточивый газ, водометы и резиновые пули). «Без каких-либо провокаций со стороны демонстрантов, со

стороны избирателей, в них начали стрелять резиновыми пулями. Там раненые были. Мы прямо в гуще событий находились», – приводит слова очевидца тех событий информагентство «РИА-Новости»⁹.

В. Противники независимости и полиция. Внутри полицейского корпуса, задействованного на территории Каталонии, также наметился раскол. В частности, полиция Каталонии, «Мосос Эскаудра», частично перешла на сторону каталонского правительства и использует свои силы для разгона малых манифестаций противников независимости региона. По данным Мадрида, насчитывается по меньшей мере десять эпизодов, где фигурирует «Мосос Эскаудра»¹⁰.

Последствия конфликта и их оценка российскими и зарубежными исследователями

Исходя из изложенного можно выделить внутренние и внешние последствия конфликта Каталонии и Испании.

К внутренним последствиям можно отнести то, что конфликт Каталонии и Испании на современном этапе постепенно завершился фазой урегулирования. Итог краткосрочного противостояния – уверенная победа испанского центра¹¹. Что касается Каталонии, в результате ее политической выходки провинция теряет многое из списка своих привилегий: распускаются исполнительный совет, Женералитет и парламент, в то время как руководящие посты занимают сторонники Мадрида. Последовавшая за этим масштабная пропагандистская кампания сформировала у большинства жителей региона отторжение к происходящему вокруг, а пассивность местных управленцев и отсутствие фундаментальных, жизненно важных причин сопротивляться помогли избежать крупных столкновений и вооруженного конфликта, что позволило Испании восстановить контроль практически без сопротивления¹².

Тем не менее российские и зарубежные эксперты сходятся во мнении, что конфликт способен выйти на новый виток развития при определенном стечении обстоятельств, и в будущем, возможно, регион переживет более открытые и активные столкновения¹³. Причины тому эксперты видят в:

⁷ Там же.

⁸ В Испании рассказали о задержаниях во время беспорядков в Каталонии // РИА-Новости. 01.10.2017. Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2017/10/01/zaderjanie/> (дата обращения: 21.09.2018).

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Пучдемон допустил отказ от идеи независимости Каталонии // Вести.ru. 14.11.2017. Режим доступа: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2953893> (дата обращения: 21.09.2018).

¹² Бовдунов А. «Кризис идентичности»: как может измениться ЕС после референдума о независимости Каталонии // Russia Today. 02.10.2017. Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/article/435815-kataloniya-referendum-posledstviya-separatizm-evropa> (дата обращения: 21.09.2018).

¹³ Каталонские хакеры отрицают «российский след» в поддержке референдума // РИА-Новости. 28.09.2017. Режим доступа: <https://ria.ru/world/20170928/1505792037.html> (дата обращения: 21.09.2018).

а) «репрессивном начале» во внутренней политике испанского руководства; б) оторванности повестки о независимости Каталонии от реальных общественных интересов; в) совокупном непринятии мировым сообществом «очередной каталонской инициативы»¹⁴.

К внешним последствиям *каталонского сценария* можно отнести существенное внимание к конфликту не только со стороны ЕС, но и мирового сообщества, что выразилось в абсолютном непризнании итогов референдума в Каталонии. Так, 90 % стран-членов ООН (вместе с постоянными членами Совбеза ООН) раскритиковали происходящее внутри Испании и посоветовали каталонскому руководству искать компромиссы. Нейтральную позицию заняли четыре страны: Колумбия, Пакистан, Антигуа и Барбуда, Нидерландские Антильские острова. Остальные государства (преимущественно Африканского континента) и вовсе воздержались от комментариев. Примечательно, что даже непризнанные государства в этот раз отступили от классической стратегии придерживаться солидарности с похожими политико-территориальными образованиями¹⁵.

Результаты исследования

Приведенные признаки конфликта постмодерна и особенности конфликта Испании и Каталонии позволяют утверждать, что указанный конфликт можно назвать постмодернистским:

– проведение референдума в Каталонии свидетельствует о попытке неподчинения правовому режиму Испании, стремлении выйти из-под контроля центра, неприятию иерархий, в том числе *горизонтальных* (децентрация);

– низкая степень интенсивности и невысокий уровень насилия, непродолжительность конфликтных действий на данном этапе конфликта обусловлена непотворением граждан задержаниям и насилию со стороны правоохранительных органов на протестных акциях¹⁶;

– широкое привлечение внимания общественности к конфликту выражается в том, что по поводу конфликта свое мнение высказали 90 % стран-членов ООН. Такое внимание к внутреннему конфликту Испании свидетельствует о повышенном интересе общественности к «краям» и «полям», к малому в мировой политике, что соответствует одному из приведенных признаков конфликтов постмодерна;

– упражнения в риторике и языковых играх заключались в проведении масштабных пропагандистских кампаний Испанией и Каталонией не столько друг перед другом, сколько перед ЕС и мировым сообществом для того, чтобы привлечь сторонников к своей позиции;

– конфликт Испании и Каталонии относится к конфликтам идентичностей. В государстве произошло деление социальных групп на глубинном уровне по принципу *свой / чужой*, что в рамках данного конфликта выразилось в разнице позиций «сторонников независимости Каталонии и полиции» и «противников независимости Каталонии и полиции».

Заключение

Таким образом, конфликт Испании и Каталонии можно отнести к конфликтам постмодерна, разрушительный потенциал которых как для государства, так и его политического региона, других политических регионов и даже мирового сообщества в целом нельзя недооценивать. Во-первых, речь идет о центробежных тенденциях территориальных единиц государства, которые могут и готовы выйти из-под контроля центра, вплоть до сепаратизма. Во-вторых, широкое освещение конфликта, в том числе гипертрофированное отражение данных о жертвах конфликта с ярким иллюстративным материалом посредством, например, видео (включая постановочное), привлекает внимание мирового сообщества, реакция которого не всегда однозначно предсказуема. Это не только не приведет к эффективному разрешению конфликта, но может существенно усугубить и без того нелегкую ситуацию. В-третьих, с учетом внимания мировой общественности конфликт может быть использован государствами, которым надо обеспечить или закрепить свое влияние в регионе в качестве повода для вмешательства в конфликт с целью его разрешения. В-четвертых, конфликты идентичности в качестве преобладающего вида конфликтов постмодерна, даже при прекращении конфликтных действий, до конца не разрешаются и имеют латентный разрушительный потенциал. Иными словами, представляется обоснованной позиция российских и зарубежных экспертов о том, что не только конфликт Испании и Каталонии вновь вступит в активную фазу, но и указанный конфликт повлечет за собой обострение уже существующих противоречий в рамках ЕС, подобных *Brexit*.

¹⁴ Полиция Каталонии отказалась подчиняться испанской власти // Lenta.ru. 01.10.2017. Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2017/10/01/policevsmadrid/> (дата обращения: 21.09.2018).

¹⁵ Тищенко М. В ООН прокомментировали референдум в Каталонии // Комсомольская правда в Украине. 03.10.2017. Режим доступа: <https://kp.ua/politics/588317-v-oon-prokommentyrovaly-referendum-v-katalonuu> (дата обращения: 21.09.2018).

¹⁶ Салельяс Л. Каталония – больше не внутренняя проблема Испании? (интервью провела М. Сmealова) // Российский совет по международным делам. 20.09.2017. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/kataloniya-bolshe-nvnutrennyaya-problema-ispanii/?sphrase_id=1976226 (дата обращения: 21.09.2018).

Литература

1. Яковлев П. П. «Brexit по-испански»: причины и последствия каталонского кризиса // Перспективы. Электронный журнал. 2017. № 3. С. 36–51.
2. Рубцов А. В. До и после постмодерна: на пороге сверхнового времени // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2018. № 1. С. 143–157.
3. Аникеева Н. Е. Актуальные проблемы Испании // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 6. С. 138–143.
4. Волкова Г. И. Об одной памятной дате в истории Испании // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 6. С. 92–100.
5. Верников В. Кризис политической системы или вызов времени? // Современная Европа. 2017. № 1. С. 134–138. Режим доступа: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/az79.pdf> (дата обращения: 21.09.2018).

THE CATALAN CONFLICT IN SPAIN: CONSEQUENCES FOR THE EUROPEAN UNION

Tatyana V. Verbitskaya^{a, @}; *Polina L. Gilyova*^a; *Fedor E. Zolotarev*^a; *Dmitry A. Korostelev*^a; *Denis E. Nachinov*^a; *Leonid V. Tsukanov*^a

^a Ural Federal University, 51, Lenina Ave., Ekaterinburg, Russia, 620000

@ Aquitania-17@yandex.ru

Received 18.09.2018. Accepted 17.10.2018.

Keywords: multicultural space, transformation, antiglobalism, the era of modernity

Abstract: The present paper identifies the specific features of the conflict between Madrid and Catalonia and its significance for the European Union. The Catalan conflict serves here as an example of the regionalism processes in the European Union. The author defines the conflict as postmodern, which determines the novelty of the research. The research employed integrated scientific methods. The comparative method was used to compare the economic, social, cultural, and political positions and aspects of Catalonia and Spain; the method of actualization was used to describe the situation taking into account the specifics of the region; the method of structural analysis was used to study the content of the conflict. The authors applied the systemic approach since the structure of the Spanish political system is extremely complex. Analytical expert articles, news reports, and video recordings were used as an empirical research base. As a result, some features of the conflict in the postmodern world were revealed and exemplified by the Catalan crisis.

For citation: Verbitskaya T. V., Gilyova P. L., Zolotarev F. E., Korostelev D. A., Nachinov D. E., Tsukanov L. V. Katalonskii konflikt v Ispanii: posledstviia dlia Evropeiskogo soiuza [The Catalan Conflict in Spain: Consequences for the European Union]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 4 (2018): 13–18. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-13-18

References

1. Yakovlev P. P. "Brexit po-ispanski": prichiny i posledstviia katalonskogo krizisa [Brexit Spanish-style: causes and consequences of the Catalan crisis]. *Perspektivy. Elektronnyi zhurnal = E-journal "Perspectives and prospects"*, no. 3 (2017): 36–51.
2. Rubtsov A. V. Do i posle postmoderna: na poroge sverhnovogo vremeni [Before and after postmodernity: on the threshold of super modern time]. *Politicheskaiia kontseptologiia: zhurnal metadisciplinarnykh issledovaniy = The Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Studies*, no. 1 (2018): 143–157.
3. Anikeeva N. E. Aktual'nye roblemy Ispanii [The actual problems of modern Spain]. *Vestnik MGIMO Universiteta = MGIMO Review of International Relations*, no. 6 (2014): 138–143.
4. Volkova G. I. Ob odnoi pamiatnoi date v istorii Ispanii [About one memorable date in the history of Spain]. *Vestnik MGIMO Universiteta = MGIMO Review of International Relations*, no. 6 (2014): 92–100.
5. Vernikov V. Krizis politicheskoy sistemy ili vyzov vremeni? [Crisis of the political system or the challenge of time?]. *Sovremennaiia Evropa = Contemporary Europe*, no. 1 (2017): 134–138. Available at: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/az79.pdf> (accessed 21.09.2018).

УДК 316.628+331.108.26

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В УПРАВЛЕНИИ ПЕРСОНАЛОМ ОРГАНИЗАЦИИ

Ольга В. Година^а,^{@, ID}; Дмитрий В. Чижиков^а; Евгения Е. Самохина^а

^а Северо-Кавказский федеральный университет, 355009, Россия, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1

@ Padalka.o.v@yandex.ru

^{ID} <http://www.researcherid.com/rid/P-6199-2015>

Поступила в редакцию 03.11.2018. Принята к печати 26.11.2018.

Ключевые слова:

кадры, персонал-технологии, социально-психологические методы, государственные служащие, профессиональное выгорание

Аннотация: При формировании стратегических задач управления первостепенное значение в современной организации имеет человек в совокупности своих социальных и психологических черт как личности. Предметом исследования выступили социально-психологические методы и технологии управления кадрами государственной службы. Цель работы – выявить потенциал управления государственными служащими на основе использования современных социально-психологических технологий. Для обоснования выдвинутых в ходе исследования предложений и рекомендаций применялись методы научного познания: системный, ситуационный, экспертных оценок, логического анализа, аналогии, социологический. Выводы исследования могут найти применение в государственных структурах при построении собственных систем управления кадрами. Наиболее важными результатами проведенного исследования являются аргументация целесообразности социально-психологической ориентации персонал-технологий в государственной службе, структурно-содержательный формат реализации социально-психологических технологий в управлении госслужащими; интегральная модель адаптации социально-психологических персонал-технологий к конкретным условиям развития госслужбы; методика диагностики и профилактики синдрома профессионального выгорания в органах госслужбы, конкретизированная на материалах Управления Федеральной службы исполнения наказаний России по Ставропольскому краю.

Для цитирования: Година О. В., Чижиков Д. В., Самохина Е. Е. Развитие социально-психологических технологий в управлении персоналом организации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 4. С. 19–25. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-19-25

Введение

Эффективность деятельности любой социально-экономической системы, ключевым элементом которой является человеческая составляющая, зависит от профессионализма персонала. Повышение его активности и результативности работы во многом определяется стимулированием, обучением, повышением квалификации, т. е. использованием действенных персонал-технологий. Современные кадровые технологии включают в себя экономические, административные, социологические и психологические методы работы с кадрами, направляющие усилия работников на выполнение поставленных целей и задач организации, обеспечивающие эффективное использование их ин-

теллектуальных и физических возможностей, реализацию творческого потенциала, формирующие у работников необходимые организации интересы и поведение с целью интеграции организационных ожиданий организации с их интересами. При повышенном внимании ученых к проблеме управления персоналом в изменяющихся условиях прослеживается недостаток теоретических и практических разработок, раскрывающих необходимость социально-психологического обеспечения формирования кадровой работы в современных организациях на основе тщательного учета социально-психологических особенностей каждого работника как личности.

Особенно остро звучит данный вопрос в отношении государственных организаций и учреждений, в том числе и уголовно-исполнительной системы. По нашему мнению, развитие целостной системы управления государственными служащими с учетом социально-психологических аспектов позволит сформировать новый взгляд на концептуальные положения, цели, задачи и функционал управления в системе государственной службы, детерминировать объективные проблемы и источники их возникновения, повысить качество оказываемых государственных услуг.

В свете происходящих реформаций уголовно-исполнительной системы (УИС) нами проведено исследование необходимости преобразований в области управления персоналом учреждений пенитенциарной сферы на материалах Управления Федеральной службы исполнения наказаний России по Ставропольскому краю (УФСИН России по Ставропольскому краю).

Важным с теоретической и практической точки зрения выступает рассмотрение общих характеристик сотрудников УИС вкрупне с их специфическими личностными особенностями, с учетом их территориальной и функционально-структурной локализации, понимание их запросов и ожиданий относительно содержания, форм и видов кадровой деятельности. Нерешенность ряда методических и практических проблем и определили выбор данной темы исследования.

Методы исследования

В ходе теоретического исследования концептуальных подходов к управлению персоналом российских (А. Кочетковой, Т. Базарова, А. Бачурина, В. Верхоглазенко, А. Кибанова, М. Магуры, А. Маслова, Ю. Одегова, В. Травина, В. Токарева, С. Шекшни и др.) и зарубежных (Р. Уотернена, Т. Питере, И. Ансоффа, П. Друкера, М. Хильба, Ф. Хайза и др.) специалистов, а также проблем развития кадровых технологий государственной службы в РФ (по публикациям В. М. Анисимова, Г. В. Атаманчука, А. П. Егоршина, В. Г. Игнатова, К. О. Магомедова, А. И. Радченко и др.) персонал-технологии нами позиционированы как динамическая совокупность методик и инструментария достижения заранее определенных результатов по конкретному направлению управления человеческими ресурсами, обеспечивающая взаимодействие интересов работников и организации в целях эффективного ее функционирования.

Наиболее тонким инструментом воздействия на группы людей и личность человека в организации являются социально-психологические технологии ввиду того, что искусство управления людьми, прежде всего, состоит в дозированном и регулятив-

ном применении тех или иных социально-психологических методов и приемов. Применительно к профессиональной группе госслужащих УИС проблема социально-психологической конфигурации и постоянного совершенствования кадровых технологий приобретает особую актуальность в современных условиях, когда специалистами осознана насущная социальная и административная необходимость реформирования пенитенциарной системы.

УИС является элементом правоохранительной системы страны, нацеленным на удовлетворение определенных социальных потребностей общества, в первую очередь, в обеспечении защиты от преступности. Руководство учреждениями, исполняющими наказания, осуществляют территориальные органы УИС и федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных, – Федеральная служба исполнения наказаний, находящаяся в ведении Министерства юстиции РФ. ФСИН России создана на основании Указа Президента РФ от 09.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти», Указа Президента РФ от 13.10.2004 № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний».

Практический анализ непосредственно предмета исследования – социально-психологических методов и технологий управления государственными служащими – позволил сделать следующие выводы о необходимости развития социально-психологических направлений кадрового менеджмента в УФСИН России по Ставропольскому краю. Анализ кадрового потенциала показал, что большая часть личного состава учреждения отвечает требованиям, предъявляемым законодательством о государственной гражданской службе. Вопросы, связанные с управлением персоналом, курируются отделом кадрового обеспечения. Специфика управления служащими связана с особенностями профессиональной деятельности государственных служащих органов внутренних дел и гражданской службы. К базовым кадровым технологиям, реализуемым в управленческой практике УФСИН России по Ставропольскому краю, относятся прием кадров, аттестация, обучение в рамках выделенных бюджетных лимитов, социальная работа в направлении, заданном ФСИН России, диагностика уровня соблюдения законности и служебной дисциплины.

В ходе исследования был проведен анализ социально-психологических аспектов в управлении на основе результатов тестирования, в котором приняли участие 45 сотрудников УФСИН России по Ставропольскому краю разных структурных

подразделений, детерминированы следующие особенности применения социально-психологических приемов и мотивации их труда: готовность к достижению относительно высоких результатов в своей профессиональной деятельности; связь профессиональной деятельности с повышенной материальной отдачей; стремление к созданию и поддержанию благоприятного социально-психологического климата; потребность в стабильности выполняемой работы.

В целом можно сделать вывод, что профессиональная деятельность сотрудников УФСИН России по Ставропольскому краю достаточно мотивирована и социально обеспечена. Однако, довольно значимое отклонение в пользу материальных стимулов позволяет говорить о недостаточно высоком уровне нематериальной мотивации. Обращает внимание превалирование в деятельности служащих учреждений УФСИН России по Ставропольскому краю таких неблагоприятных факторов, как профессиональные перегрузки (70 %); перенапряжение (25 %); отсутствие комфорта на рабочем месте (5 %), которые являются одними из симптомов синдрома профессионального выгорания. Сотрудники подвержены данному профессиональному заболеванию в силу воздействия ряда социально-психологических факторов деятельности: ее содержания (работа с задержанными, подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными); особенностей «клиентов» (необходимость безоценочного, принимающего отношения к ним, заинтересованность в их развитии и самореализации может игнорироваться либо не находить своего адекватного выражения в профессиональной деятельности); временных ее параметров деятельности и объема работы; характера отношений с коллегами (ролевые отношения нивелируют потребность в самораскрытии, в эмоциональном, доверительном общении) и др.

Применение социально-психологических методов в УФСИН России по Ставропольскому краю развито недостаточно и требует определенной систематической основы и более глубокой проработки в процедурном плане, в результате чего в учреждениях ФСИН России по Ставропольскому краю наблюдается высокий уровень текучести кадров, что объясняется тяжелыми условиями труда, повышенными требованиями к сотрудникам и низкой заработной платой.

Проведенное исследование позволило достигнуть поставленной цели – обосновать возможность повышения эффективности государственного управления на основе определения особенностей развития социально-психологических свойств личности служащих УФСИН России по Ставропольскому краю и их селективного учета в кадровой работе.

Результаты и обсуждение

В ходе исследования с позиций реализуемой программы реформирования государственной службы нами определено, что разные виды кадровой работы с сотрудниками могут в различной мере быть реализованы посредством социально-психологических персонал-технологий, поскольку основу профессионализма, а соответственно, и успешной карьеры составляют социально-психологические свойства личности.

Применение современных социально и психологически ориентированных кадровых технологий позволяет более объективно оценивать кадры государственной службы, возможности их должностного роста, профессионального развития и продвижения. В связи с этим нами предложено рассматривать социально-психологические технологии управления госслужащими как ситуационно-ориентированные комплексы методов и инструментов, которые позволяют обеспечить эффективность кадровой работы в конкретных условиях развития государственной службы. Структурно-содержательные аспекты социально-психологических технологий управления госслужащими в авторской интерпретации представлены такими понятийными категориями, как цель, функции, методы, организационная форма (рис. 1).

Кадровое консультирование определено как социально-психологическое обеспечение ситуационно-системного управления госслужащими, реализующееся посредством экспертных и процессуальных технологий: ассесмент-центр, конкурс, социальный аудит, кадровая психодиагностика, профилактика синдрома профессионального выгорания, внутрифирменное обучение, – в результате применения которых получают более полную информацию о способностях человека, отчего зависит его дальнейшее профессиональное развитие, изменение должностного статуса госслужащего, эффективная реализация возможностей человека, адекватное вознаграждение за свой труд и другие изменения.

Более тщательное рассмотрение ключевых составляющих *Assessment-Center*, социального аудита позволило прийти к выводу, что их использование в государственной службе будет оправданным при условии грамотной адаптации к специфике учреждения в соответствии с рисунком 2.

Придерживаясь предложенного адаптационного алгоритма, а также учитывая рекомендации, изложенные в работах [6–10], нами была сформирована методика диагностики и профилактики синдрома профессионального выгорания сотрудников УФСИН России по Ставропольскому краю, включающая следующие этапы исследования: изучение научной литературы по проблеме личностно-адаптационного потенциала и проблеме

выгорания специалистов госслужбы; отбор диагностических методик; определение объема выборки; проведение экспериментального исследования по выбранным методикам; обработка результатов с применением методов математической статистики, корреляционный анализ, сравнительный анализ t-критерия Стьюдента, частотный анализ; разра-

ботка практических рекомендаций для начальников подразделений. Определен ряд личностных и поведенческих особенностей, позволяющих сотрудникам УФСИН России по Ставропольскому краю адекватно справляться с признаками синдрома выгорания, даны практические рекомендации в случае выявления высокого уровня синдрома

Сущность:
– социально-психологические технологии управления госслужащими; – ситуационно-ориентированные комплексы методов и инструментов, которые обеспечивают эффективную кадровую работу в конкретных обстоятельствах развития государственной службы.
Цели воздействия:
– создание открытой, социально и результативно ориентированной системы государственной службы; – формирование высококвалифицированного кадрового состава государственной службы, обеспечивающего эффективность государственного управления, развитие гражданского общества и инновационной экономики.
Функции:
– дифференцированно воздействовать на систему внутриорганизационных отношений с целью удовлетворения потребностей государственной службы в количественных и качественных характеристиках служащих; – обеспечивать рациональное включение профессиональных возможностей государственного служащего в систему должностных и профессиональных ролей; – на их основе формировать механизм воспроизводства и востребованности профессионального опыта государственного служащего.
Методы:
1) социальные: – методы управления отдельными групповыми явлениями и процессами включают методы повышения социальной активности, методы социального регулирования, методы управления нормативным поведением; – методы управления индивидуально-личностным поведением: внушение, методы личного примера, методы ориентирующих; 2) психологические: – методы формирования и развития трудового коллектива с учетом психологической и социально-психологической совместимости; – методы гуманизации отношений между работниками и руководителями, соответствующие принципам социальной справедливости: стиль руководства, этика и культура управления; – методы психологического побуждения (мотивации), формирующие у работников инициативу, предприимчивость, стремление к высокопроизводительному труду; – методы профессионального отбора и обучения ориентированы на соответствие психологических характеристик человека выполняемой работе.
Организационная форма
Кадровое консультирование, реализуемое посредством экспертных и процессуальных технологий: – ассесмент-центр, – конкурс, – кадровая психодиагностика, – социальный аудит, – профилактика профессионального выгорания, – внутриорганизационное обучение.

Рис. 1. Структурно-содержательный формат реализации социально-психологических технологий в управлении госслужащими (составлено авторами)

Fig. 1. Structure and content of the implementation of socio-psychological technologies in the management of civil servants (compiled by the authors)

профессионального выгорания. Предложено вышеобозначенные моменты закрепить соответствующим регламентом – Программой профилактики профессионального выгорания сотрудников УФСИН России по Ставропольскому краю.

Заключение

Рассмотренные организационно-экономические аспекты реализации обоснованных предложений

и рекомендаций показали, что грамотная реализация социально-психологических персонал-технологий вносит свой вклад в управляемость госучреждений, эффективность их деятельности, формирование механизма действенной кадровой политики, а в более частном порядке сопряжена с социальным и экономическим эффектом. В первую очередь, ожидается увеличение общего уровня эффективности кадрового менеджмента госслужбы в УИС.

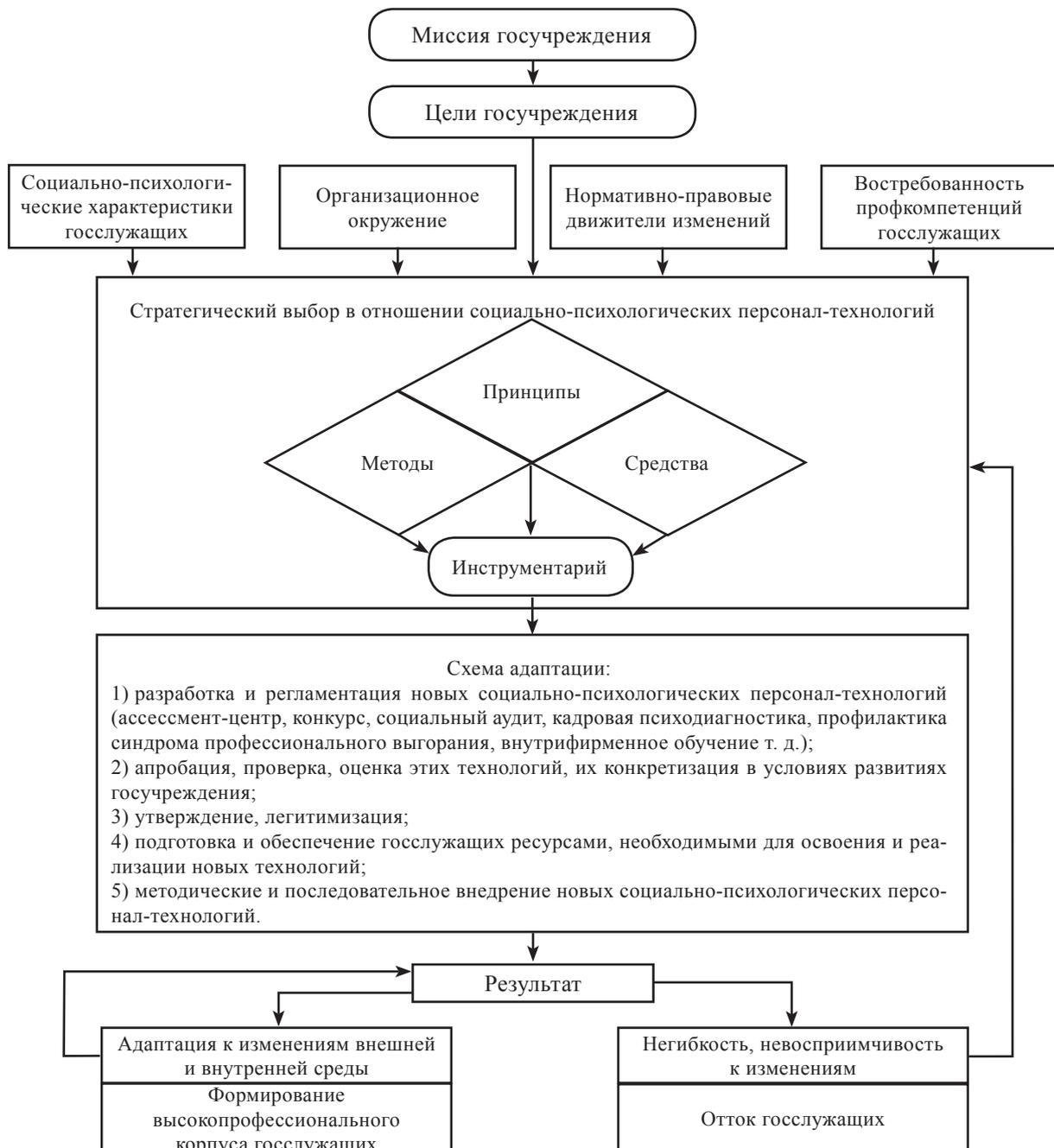

Рис. 2. Интегральная модель адаптации социально-психологических персонал-технологии к условиям развития госслужбы (составлено авторами на основе работ [1–5])
Fig. 2. An integrated model of adaptation of social-psychological personnel-technology to the conditions of development of the civil service (compiled by the authors on the basis of [1–5])

Литература

1. Кондратьева Е. В. Формирование и развитие инструментария адаптивных персонал-технологий в сфере интеллектуальных бизнес-услуг: дис. ... канд. экон. наук. Воронеж, 2006. 244 с.
2. Иванов В. Н., Патрушев В. И. Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления. 2-е изд., пер. и доп. М.: Экономика, 2001. 327 с.
3. Ерина Н. А. Психологические особенности профессионального менталитета государственных служащих: дис. ... канд. психол. наук. М., 1997. 172 с.
4. Прокопьева В. Г. Современные кадровые технологии государственной и муниципальной службы и новое качество государственной власти // Научный вестник Уральского академии государственной службы: политология, экономика, социология, право. 2008. № 2. С. 50–52.
5. Панарин И. А. Социально-психологические свойства личности государственных служащих как основа совершенствования кадровой работы: дис. ... канд. психол. наук; Москва, 2002. 168 с.
6. Самоукина Н. В. Синдром профессионального выгорания // Медицинская газета. 2005. № 43. Режим доступа: http://www.help-patient.ru/psychological_help/doctors/professional_burning/ (дата обращения: 01.02.2018).
7. Осухова Н. Г., Кожевникова В. В. Профилактика профессионального выгорания: практико-ориентированный семинар // Школьный психолог. 2006. № 16. С. 18–31. Режим доступа: <http://psy.1september.ru/article.php?id=200601609> (дата обращения: 01.02.2018).
8. Орел В. Е. Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: эмпирические исследования // Журнал Практической психологии и психоанализа. 2001. № 3. Режим доступа: <http://psyjournal.ru/articles/fenomen-vygoraniya-v-zarubezhnoy-psihologii-empiricheskie-issledovaniya?ID=2901> (дата обращения: 01.02.2018).
9. Психологическое обеспечение профессиональной деятельности: теория и практика / под ред. Г. С. Никифорова. СПб.: Речь, 2010. 816 с.
10. Винокур В. А., Агапова Е. В. Аффективные расстройства и самооценка здоровья у государственных служащих в процессе профессионального «выгорания» // Медицинская психология в России. 2013. № 1. Режим доступа: http://medpsy.ru/mpj/archiv_global/2013_1_18/nomer/nomer01.php (дата обращения: 01.02.2018).

THE DEVELOPMENT OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL TECHNOLOGIES IN PERSONNEL MANAGEMENT

Olga V. Godina^{a, @, ID}; Dmitry V. Chizhikov^a; Evgenia E. Samokhina^a

¹ North Caucasus Federal University, 1, Pushkina St., Stavropol, Russia, 355009

@ Padalka.o.v@yandex.ru

^{ID} <http://www.researcherid.com/rid/P-6199-2015>

Received 03.11.2018. Accepted 26.11.2018.

Keywords: personnel, personnel-technology, social-psychological methods, civil servants, professional burnout

Abstract: Personnel and their social and psychological characteristics map out strategic management tasks of a modern organization. The paper features the socio-psychological methods and technologies of personnel management in the civil service. The objective was to define the potential of management of civil servants with the help of modern socio-psychological technologies. The research employed the methods of scientific knowledge, such as system, situational, expert assessments, logical analysis, analogies, and biological methods. The research results can be used by state structures when building their own personnel management systems. The study revealed the appropriateness of the socio-psychological orientation of personnel-technologies in the civil service and the structural format of the socio-psychological technologies in the management of civil servants. The authors built an integral model of adaptation of socio-psychological staff-technology to specific conditions. They also describe prevention of the professional burnout syndrome in public service. The study featured the case of Office of the Russian Federal Penitentiary Service in the Stavropol region.

For citation: Godina O. V., Chizhikov D. V., Samokhina E. E. Razvitie sotsial'no-psikhologicheskikh tekhnologii v upravlenii personalom organizatsii [The Development of Socio-Psychological Technologies in Personnel Management]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 4 (2018): 19–25. DOI:10.21603/2500-3372-2018-4-19-25

References

1. Kondrat'eva E. V. *Formirovanie i razvitie instrumentariia adaptivnykh personal-tekhnologii v sfere intellektual'nykh biznes-uslug*. Diss. kand. ekon. nauk [Formation and development of tools for adaptive personnel-technologies in the sphere of intellectual business services. Cand. Econ. Sci. Diss.]. Voronezh, 2006, 244.
2. Ivanov V. N., Patrushev V. I. *Innovatsionnye sotsial'nye tekhnologii gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniia* [Innovative social technologies of state and municipal management]. 2nd ed. Moscow: Ekonomika, 2001, 327.
3. Erina N. A. *Psikhologicheskie osobennosti professional'nogo mentaliteta gosudarstvennykh sluzhashchikh*. Diss. kand. psikhol. nauk [Psychological features of professional mentality of civil servants. Cand. Psychol. Sci. Diss.]. Moscow, 1997, 172.
4. Prokop'eva V. G. *Sovremennye kadrovye tekhnologii gosudarstvennoi i munitsipal'noi sluzhby i novoe kachestvo gosudarstvennoi vlasti* [Modern personnel technologies of state and municipal service and a new quality of state power]. *Nauchnyi vestnik Ural'skoi akademii gosudarstvennoi sluzhby: politologiya, ekonomika, sotsiologiya, pravo = Scientific Bulletin of the Ural Academy of State Service: political science, economics, sociology, law*, no. 2 (2008): 50–52.
5. Panarin I. A. *Sotsial'no-psikhologicheskie svoistva lichnosti gosudarstvennykh sluzhashchikh kak osnova sovershenstvovaniia kadrovoi raboty*. Diss. kand. psikhol. nauk [Socio-psychological characteristics of the personality of civil servants as a basis for improving personnel work. Cand. Psychol. Sci. Diss.]. Moscow, 2002, 168.
6. Samoykina N. V. *Sindrom professional'nogo vygoraniia* [Syndrome of professional burnout]. *Meditinskaiia gazeta = Medical newspaper*, no. 43 (2005). Available at: http://www.help-patient.ru/psychological_help/doctors/professional_burning/ (accessed 01.02.2018).
7. Osukhova N. G., Kozhevnikova V. V. *Profilaktika professional'nogo vygoraniia: praktiko-orientirovannyi seminar* [Prevention of Professional Burnout: A Practical Oriented Seminar]. *Shkol'nyi psikholog = School psychologist*, no. 16 (2006): 18–31. Available at: <http://psy.1september.ru/article.php?id=200601609> (accessed 01.02.2018).
8. Orel V. E. *Fenomen "vygoraniia" v zarubezhnoi psikhologii: empiricheskie issledovaniia* [The phenomenon of "burnout" in foreign psychology: empirical research]. *Zhurnal Prakticheskoi psikhologii i psikhoanaliza = Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis*, no. 3 (2001). Available at: <http://psyjournal.ru/articles/fenomen-vygoraniya-v-zarubezhnoy-psihologii-empiricheskie-issledovaniya?ID=2901> (accessed 01.02.2018).
9. *Psikhologicheskoe obespechenie professional'noi deiatel'nosti: teoriia i praktika* [Psychological support of professional activity: theory and practice]. Ed. Nikiforov G. S. Saint-Petersburg: Rech', 2010, 816.
10. Vinokur V. A., Agapova E. V. *Affektivnye rasstroistva i samoocenka zdorov'ia u gosudarstvennykh sluzhashchikh v protsesse professional'nogo "vygoraniia"* [Affective disorders and self-assessment of health among civil servants in the process of professional "burnout"]. *Meditinskaiia psikhologiya v Rossii = Medical psychology in Russia*, no. 1 (2013). Available at: http://medpsy.ru/mprj/archiv_global/2013_1_18/nomer/nomer01.php (accessed 01.02.2018).

УДК 316.354+65.011.8

ИЗУЧЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ РУКОВОДЯЩЕГО СОСТАВА НАУЧНО-МЕДИЦИНСКОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ДЛЯ УЛУЧШЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ

Дмитрий В. Карась ^{a, @, ID1}; Яна В. Данильченко ^{a, ID2}; Дмитрий В. Крючков ^{a, ID3};
Галина В. Артамонова ^{a, ID4}

^a Научно-исследовательский институт комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний, 650002, Россия, г. Кемерово, Сосновый б-р, 6

@ karasdv@kemcardio.ru

^{ID1} <https://orcid.org/0000-0002-6506-2769>

^{ID2} <https://orcid.org/0000-0001-8308-8308>

^{ID3} <https://orcid.org/0000-0002-5408-6562>

^{ID4} <https://orcid.org/0000-0003-2279-3307>

Поступила в редакцию 03.11.2018. Принята к печати 26.11.2018.

Ключевые слова:

требования руководителей, научно-медицинское учреждение, социологический опрос, улучшения в работе, применение стандартов менеджмента качества

Аннотация: Для совершенствования систем управления деятельностью современных учреждений здравоохранения и науки важно использовать проверенные методы и инструменты. Практика применения стандартов менеджмента качества свидетельствует о необходимости их адаптации к условиям работы конкретной организации с учетом актуальных требований и вовлечения персонала в процесс улучшений. Выявление трудностей, препятствующих результативному управлению, и способов их устранения является отправной точкой проектирования улучшений, позволяет вовлечь персонал в процесс изменений и правильно распределить ресурсы для их реализации. *Цель исследования* – изучить требования руководителей относительно трудностей в управлении для улучшения организации работы научно-медицинского учреждения. *Основной метод исследования* – социологический опрос по оригинальной анкете, объект исследования – система управления организации, единица наблюдения – руководитель, объем выборки исследования – 41 человек, база исследования – Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Научно-исследовательский институт комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний» Федерального агентства научных организаций России. Социологический опрос проведен при проектировании улучшений (2010) и после внедрения проекта системы менеджмента качества на основе требований стандарта ИСО 9001 (2015). При первом опросе руководителей (2010) выявленные трудности в выполнении должностных обязанностей сотрудников были сгруппированы в пять качественных блоков. Каждому блоку соответствовали мероприятия по улучшению деятельности руководителей. Полученная информация стала основой проектирования процессной модели системы менеджмента качества в организации. Повторный опрос (2015) показал изменение структуры трудностей, ослабление их приоритетности. Изучение требований управленческого персонала Научно-исследовательского института комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний относительно трудностей в работе дало важную информацию о содержании необходимых изменений и выявило слабые места в работе, позволило избежать разрыва между потребностями персонала и проводимыми преобразованиями. Стандарт ИСО 9001 может быть методической основой для систематизации проблем в управлении и их преодоления.

Для цитирования: Карась Д. В., Данильченко Я. В., Крючков Д. В., Артамонова Г. В. Изучение требований руководящего состава научно-медицинского учреждения для улучшения организации работы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 4. С. 26–32. DOI: 10.21603/2078-8975-2018-1-26-32

Введение

В современных условиях основной задачей научно-медицинских учреждений является развитие передовых технологий медицинской науки и внедрение их в повседневную практику в целях сохранения и улучшения здоровья населения¹. Для их решения требуется постоянное совершенствование методов управления деятельностью. Базовым и наиболее универсальным инструментом для реализации необходимых изменений являются стандарты серии ИСО 9001, посвященные менеджменту качества в целом. В требованиях международного стандарта указано, что организация «должна определять и обеспечивать ресурсы, необходимые для повышения удовлетворенности потребителей путем выполнения их требований» и «должна осуществлять обратную связь с потребителем» как внешним, так и внутренним².

Социологический опрос сотрудников как внутренних потребителей является методом осуществления обратной связи и эффективным средством выявления имеющихся проблем в работе и повышения результативности труда [1].

Выявление наличия и распространенности среди сотрудников представлений о конкретных проблемных зонах и способах их разрешения является важной отправной точкой при планировании улучшений, поскольку они влияют на мотивацию и вовлеченность персонала в процесс изменений и позволяют правильно расставлять управленческие акценты [2].

Цель настоящего исследования – изучить требования руководителей относительно трудностей в управлении для улучшения организации работы научно-медицинского учреждения.

Материалы и методы

Базовое учреждение – Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Научно-исследовательский институт комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний» (НИИ КПССЗ), организованное в 2009 г. Основные виды деятельности: фундаментальные и прикладные научные исследования, специализированная (в т.ч. высокотехнологичная) кардиохирургическая медицинская помощь при болезнях сердца и сосудов, клинические исследования, последиplomное образование.

В штатной структуре персонала (528 штатных единиц) научные работники составляют 29,1 %, медицинские – 51,9 % и прочие (в том числе административно-управленческий) – 19,0 %. С целью изучения мнения руководителей о трудностях в управлении проведен социологический опрос. В анкетировании приняли участие 41 человек

из числа административно-управленческого персонала, что составило 7,5 % от штатных должностей учреждения и 92 % управленческого состава НИИ КПССЗ.

Участникам опроса необходимо было ответить на два вопроса анкеты, соответствующих цели исследования: «Какие Вы видите трудности в выполнении должностных обязанностей сотрудников?» и «Какие мероприятия по улучшению Вашей деятельности могут быть результативными?».

Исследование выполнено в 2010 г. перед началом внедрения системы менеджмента качества (СМК) в НИИ КПССЗ и в 2015 г. – для оценки улучшений в организации. В качестве основного инструмента улучшений было выбрано внедрение системы менеджмента качества в соответствии со стандартом ИСО 9001:2008.

Результаты

Разрабатывая модель СМК учреждения, процессы и документацию руководство НИИ КПССЗ использовало предложения сотрудников, полученные в результате опроса. Выявленные в ходе социологического опроса трудности в работе сотрудников были сгруппированы в пять блоков по приоритету (таблица).

Первый блок: должностные обязанности и трудности с документооборотом (11 % и 16 % от всех ответов соответственно). Сюда вошли ответы о выполнении несвойственных функций и их дублировании, неполном понимании рабочих обязанностей, неясности разделения клинических и научных обязанностей врачей-исследователей. Сотрудники указали на длительную процедуру согласования приказов и неопределенность в порядке оформления документов, отсутствие рассылки приказов ответственным лицам и исполнителям, а также на отсутствие контроля исполнения. Отмечено наличие находящихся в обороте частично устаревших нормативных документов.

Второй блок: взаимодействие между подразделениями. В 15 % ответов респондентов была отмечена несогласованность работы научных лабораторий с клинической базой, слабое межлабораторное взаимодействие, касающееся совместно выполняемых научно-исследовательских работ, неслаженность работы патентной службы, проблемы со связью с территориально отдаленными подразделениями, отсутствие обратной связи между лабораториями и специалистами по обеспечению ресурсами.

Третий блок: проблемы с обеспечением ресурсами подразделений (15 % ответов). Несогласованность снабжения расходными материалами, реактивами и их задержка, непродуманность квартальных заявок (без учета остатков

¹ Стратегия развития медицинской науки в РФ на период до 2025 года. Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2012 № 2580-р // Собрание законодательства РФ. 14.01.2013. № 2. Ст. 111.

² ГОСТ Р ИСО 9001:2011. Системы менеджмента качества. Требования. М.: Стандартинформ; 2012. 28 с.

в отделении и остатков по зарегистрированным контрактам); несвоевременность подачи квартальных заявок от клинических отделений; слабый контроль за подготовкой и выполнением заявок.

Четвертый блок: проблемы программного и инженерно-технического характера (8 % ответов). К ним отнесены несоответствие имеющихся электронных программ друг другу, вынужденное сопровождение и развитие программного обеспечения (ПО) на основе технически устаревшей базы данных. В связи с тем, что не все структурные подразделения работают с электронными программами, а также не в полной мере используют общий сетевой ресурс, возникает либо дефицит информации, либо проблемы с достоверностью. Отмечены труд-

ности в получении информации о пациентах ввиду отсутствия системы электронной истории болезни.

Пятый блок: нехватка знаний и недостаточная компетентность сотрудников (10 % ответов). У научных сотрудников недостаточно знаний по статистике, у медицинского персонала – по вопросам экономики и права в медицине. В целом имеется невысокий уровень подготовки сотрудников в отношении проведения научных программ исследований, владения персональным компьютером и английским языком.

К прочим трудностям (25 % ответов), которые не были классифицированы в блоки, отнесены недостатки системы планирования научных исследований, отсутствие условий для хранения химических реактивов, несоблюдение сроков подачи информации

Таблица. Выявленные трудности в деятельности организации и реализованные мероприятия
Table. Identified difficulties in the organization and implemented activities

№	Выявленные трудности	Доля ответов 2010 г.	Реализованные мероприятия	Доля ответов 2015 г.
1	Нечеткое представление о должностных обязанностях / несовершенство документооборота	11 % / 16 %	Пересмотрены должностные инструкции сотрудников. Разработаны схемы маршрутизации документации. Введена должность документоведа. Разработана номенклатура дел учреждения. Введена в работу система электронного документооборота	26 % / 3 %
2	Проблемы взаимодействия между подразделениями	15 %	Образованы советы (Ученый, больничный и др.). Создан институт научно-клинических руководителей (кураторов) лечебных подразделений. Созданы проектные научные группы	10 %
3	Проблемы с обеспечением ресурсами	15 %	Созданы служба обеспечения ресурсами и контрактная служба, онлайн-ресурс «Принятые обязательства»	8 %
4	Несовершенство инженерно-технического и программного обеспечения	8 %	Создана система электронной записи на прием к специалистам, ПО «Сервисная служба», ПО «Учет научной деятельности», ПО «Медицинский портал»	8 %
5	Нехватка знаний и недостаточная компетентность сотрудников	10 %	Создан план обязательного и желательного обучения. Проводятся образовательные курсы по статистике, английскому языку, управлению и др.	4 %
6	Прочие ответы	25 %	Трудности были учтены при разработке мероприятий по основным блокам	14 %

сотрудниками и большая нагрузка на кабинет компьютерной томографии.

Мероприятия по улучшению работы, предложенные руководителями, были соответственно сгруппированы в соответствующие трудностям 5 блоков (таблица).

Необходимость четко определить должностные функции сотрудников и пересмотреть должностные инструкции отмечена в 16 % ответов. Трудности с документооборотом было предложено преодолеть путем организации системы делопроизводства, переходом на электронный документооборот, разработкой и утверждением алгоритмов работы с документацией, созданием в учреждении канцелярии (11 % ответов).

Для решения проблем взаимодействия между подразделениями рекомендовано проводить работу по интеграции научной и клинической деятельности, использовать эффективные механизмы и алгоритмы работы при выполнении совместных научных программ (10 % предложений).

По мнению 10 % респондентов выявленные проблемы с обеспечением ресурсами можно разрешить путем подробного документирования процедуры (ДП) закупки расходных материалов. Предложено рассмотреть вопрос организации ресурсного отдела.

Мероприятия по улучшению проблем ПО и инженерно-технического характера отражены в 14 % ответов: совершенствование имеющихся электронных и покупка новых программ на основе современной базы данных, в том числе установка их на рабочие места, информирование о возможностях общего сетевого ресурса НИИ КПССЗ. Преодоление трудностей в получении информации о пациентах сотрудники видят во внедрении электронной истории болезни, создании электронных баз данных.

Нехватку знаний и недостаточную компетентность работников 16 % опрошенных рекомендовали преодолеть путем повышения профессиональной квалификации, обучения на местах, организации учебных и лекционных курсов, создания методических рекомендаций или процедур по написанию тезисов, статей, диссертаций. Для персонала отделений – проводить семинары по вопросам контроля качества деятельности.

С целью решения трудностей с документооборотом разработаны схемы маршрутизации входящей и исходящей документации, что позволило отслеживать движение документов от их разработки (поступления) до реализации. Разработаны шаблоны, которые применяются ежедневно: порядок подготовки и согласования приказов, положений, бланки учреждения и др., что обеспечивает единый подход при подготовке документов, писем и облегчают работу при их составлении.

Введена должность документоведа. Разработана номенклатура дел НИИ КПССЗ, что упорядочило ведение документации в подразделениях. Положение о порядке хранения и использования медицинской документации систематизировало работу с архивными материалами, позволило своевременно предоставлять ответы на запросы вышестоящих органов.

Размещение производственных приказов в локальной внутренней сети и ведение реестра нормативных актов обеспечило своевременное исполнение приказов руководителя и применение актуальных документов. Для учета входящей и исходящей документации внедрена система электронного документооборота на основе ПО «Директум». Основной порядок документооборота отражен в ДП СМК процесса «Управление документами и записями».

Для устранения дублирования функций и уточнения рабочих обязанностей пересмотрены все должностные инструкции.

Механизмы взаимодействия между подразделениями при осуществлении основных функций сформулированы в процессах: «Научно-исследовательский» и «Лечебно-диагностический».

С целью координации научной и клинической деятельности приказом директора учреждения утверждены научные руководители (кураторы) лечебных подразделений. Они руководят совместными обходами и обсуждениями всех пациентов, совместно с заведующим отделением определяют стратегию ведения больного, консультируют тяжелых больных, с высоким предоперационным риском пациентов, проводят консилиумы.

Межотделенческое и межлабораторное взаимодействие при выполнении научных исследований осуществляется через участие в научных проектных группах. В каждой определен координатор, сформулированы четкие задачи на конкретный период и порядок отчетности.

Совместное обсуждение управленческих решений по вопросам научной и медицинской деятельности проводится на созданных в советах (ученый совет, проблемная комиссия, больничный совет, локальный этический комитет) ежедневных планерках и еженедельных отчетах.

Устранение выявленных проблем по обеспечению ресурсами подразделений начато с создания четкого графика подачи заявок, определения и доведения финансовых лимитов на приобретение и расходование материально-технических ценностей (МТЦ) в каждом структурном подразделении. Заявки стали формировать с учетом планов работы и материальных запасов. Для сопровождения процесса подготовки и исполнения процедуры закупки, постоянного мониторинга движения информации по обеспечению ресурсами, приема и распределения поставляемых ресурсов созданы

службы обеспечения ресурсами и контрактная служба. Контроль заключения и исполнения контрактов, остатков лимитов денежных средств осуществляется в текущем режиме на базе созданного онлайн-ресурса «Принятые обязательства». Порядок управления МТЦ отражен в ДП СМК «Обеспечение ресурсами подразделений».

Совершенствование информационного обеспечения началось с разработки «Инструкции по управлению информационными технологиями». Поэтапно в работу внедрили систему электронной записи (на прием к специалистам консультативной поликлиники, на исследования УЗИ и ФД, лучевой диагностики), ПО «Сервисная служба», «Учёт научной деятельности», «Медицинский портал». Через ПО «Сервисная служба» организовано движение заявок на работы отдела информационного обеспечения, переводчика, хозяйственной и инженерной служб.

ПО «Учет научной деятельности» используется для мониторинга результативности научной деятельности, ПО «Медицинский портал» – аналог электронной истории болезни пациента.

По проблеме нехватки знаний и недостаточной компетентности сотрудников в процессе СМК «управление персоналом» определены задачи, ориентированные на обязательное и желательное обучение персонала, включая вопросы управленческой деятельности.

В НИИ КПССЗ созданы условия для повышения уровня компетентности персонала как на собственной базе, так и за ее пределами. Создается ежегодный план обучения, проводятся регулярные курсы по медицинской статистике, английскому языку, работает школа молодых ученых, клуб организаторов здравоохранения, различные семинары и конференции. Согласно коллективному договору учреждение оплачивает командировки и обучение сотрудников. Библиотека имеет широкий доступ к научным электронным базам, к полным текстам статей, электронным книгам.

С целью формирования благоприятного социально-психологического климата в коллективе сформированы основные направления социальной политики и создан совет трудового коллектива, принят кодекс корпоративной этики, формируются корпоративные традиции, разработан интернет сайт учреждения³.

По другим трудностям, которые не были классифицированы в указанные блоки, предложений по улучшению работы сотрудниками не высказано. Однако при разработке процессов СМК и реализации мероприятий других блоков они были приняты во внимание. Например, недостатки в системе планирования научных исследований и трудности с соблюдением сроков подготовки отчетной документации

были учтены при разработке научно-исследовательского процесса; мониторинг достижения результатов по разработанным показателям (индикаторам) обеспечивается внутренними (2 раза в год) и внешними (1 раз в год) аудитами СМК учреждения.

В 2015 г. представленность ряда трудностей в управлении в сравнении с 2010 г. в ответах руководителей уменьшилась (таблица). Так, число ответов, связанных с несовершенством документооборота сократилось на 13 %, с обеспечением ресурсами – на 7 %, со взаимодействием между подразделениями – на 5 %, с должностными обязанностями – на 15 %. Соответственно сократилась и доля предложений по их устранению, например, по повышению квалификации – на 7 %, по программному обеспечению – на 5 %.

Обсуждение

Практика анкетирования и проведения опросов сотрудников широко распространена в странах Европы и северной Америки и начинает применяться на передовых российских предприятиях.

Изучение мнения персонала по вопросам улучшения организации работы позволяет определить имеющиеся трудности и предложения для улучшения их работы. Понимание и удовлетворение текущих и будущих требований, ожиданий и потребностей работников – залог долгосрочного успеха и процветания организации [3].

По данным литературы, подобные исследования проводились на производственных предприятиях Нижегородской и Иркутской областях, в Костромском технологическом университете [4; 5].

Особенностью стандартов серии ИСО 9001:2008 является их универсальность – в них изложены системные требования к менеджменту, соблюдение которых гарантирует качество работы, но отсутствует конкретика содержания и готовые решения по воплощению. В связи с этим изучение мнения персонала имело важную роль при внедрении СМК и положительно повлияло на результативность управленческих преобразований в НИИ КПССЗ [6; 7].

Заключение

Изучение требований руководителей о трудностях в управлении и путях их разрешения – важное условие при разработке решений, направленных на улучшение управляемости организации.

В течение 2010–2015 гг. система управления НИИ КПССЗ была выстроена, сформированы механизмы взаимодействия внутри учреждения, определены четкие цели и направления деятельности.

На сегодняшний день СМК учреждения соответствует стандартам ИСО 9001:2015, ориентированным на риск-менеджмент, в связи с чем

³ Режим доступа: <https://kemcardio.ru/>

целесообразным представляется проведение повторного опроса руководителей.

Проведенный опрос дал важную информацию о содержании необходимых изменений и выявил слабые места в работе, позволил избежать разры-

ва между потребностями и ожиданиями персонала и проводимыми преобразованиями. Стандарт ИСО 9001 может быть методической основой для систематизации проблем в управлении и их преодоления.

Литература

1. Морозова Е. А., Лузгарева О. И., Данильченко Я. В., Карась Д. В. Социологическая методика оценки результативности труда персонала // *Russian Journal of Management*. 2017. № 4. С. 625–633.
2. Асаул А. Н., Князь И. П., Коротаяева Ю. В. Теория и практика принятия решений по выходу организаций из кризиса. СПб: ИПЭВ, 2007. 224 с.
3. Князюк Н. Ф., Кицул И. С., Меньшиков М. Л. Социологические аспекты в изучении мотивации персонала как резерв повышения качества управления медицинской организацией // *Социология медицины*. 2009. № 1. С. 23–26.
4. Германюк Е. И. Вовлечение персонала в процесс изменений в формате «четыре вопроса» // *Актуальные вопросы экономических наук*. 2009. № 9-2. С. 98–102.
5. Киселева М. В. Мнение персонала о работе в ВУЗе и качестве образования // *Вестник Костромского государственного технологического университета*. 2010. № 2. С. 131–138.
6. Артамонова Г. В., Костомарова Т. С., Данильченко Я. В., Крючков Д. В., Черкасс Н. В. Анализ достижения целей СМК в НИИ КПССЗ СО РАМН за период 2011–2013 гг. Перспективы 2014 года // *Комплексные проблемы сердечно-сосудистых заболеваний*. 2014. № 2. С. 56–65.
7. Артамонова Г. В., Крючков Д. В., Данильченко Я. В., Костомарова Т. С., Шаповалов Д. Г. Мнение персонала научно-исследовательского медицинского учреждения о системе менеджмента качества // *Социология медицины*. 2015. № 2. С. 25–29.

DEMANDS OF SCIENTIFIC MEDICAL INSTITUTION MANAGEMENT PERSONNEL AS A WAY TO IMPROVE ACTIVITY MANAGEMENT

Dmitriy V. Karas^{a, @, ID1}; *Yana V. Danilchenko*^{a, ID2}; *Dmitriy V. Kruchkov*^{a, ID3}; *Galina V. Artamonova*^{a, ID4}

¹ *Research Institute for Complex Issues of Cardiovascular Diseases, 6, Sosnoviy boul., Kemerovo, Russia, 650002 @ karasdv@kemcardio.ru*

^{ID1} <https://orcid.org/0000-0002-6506-2769>

^{ID2} <https://orcid.org/0000-0001-8308-8308>

^{ID3} <https://orcid.org/0000-0002-5408-6562>

^{ID4} <https://orcid.org/0000-0003-2279-3307>

Received 03.11.2018. Accepted 26.11.2018.

Keywords: demands of management personnel, scientific medical institution, opinion poll, improvements in work, application of quality management standards

Abstract: To improve the management systems of modern healthcare institutions, it is important to use the best methods and tools. The practice of quality management standards application indicates that they have to be adapted to the conditions of a particular organization. It should be based on actual involvement of staff in the improvement process. Moreover, demands and complaints of the personnel should be taken into consideration. First of all, one should define the difficulties which prevent the effective management and the methods of their elimination. Second, one should involve the staff in the reformation process. The study investigates ideas and demands expressed by the scientific medical institution management about work improvement. The main research method was an opinion poll based on an original questionnaire. The research subject was the management system of the Institute for Complex Issues of Cardiovascular Diseases of the Federal Agency for Scientific Organizations of Russia; the unit of observation was managers of the institution; the research scope involved 41 people working for research. The opinion survey was performed twice: when the improvements were planned (2010) and after the implementation of quality management system project based on the requirements

of ISO 9001 standard (2015). The first survey (2010) revealed difficulties in the staff performance. They were grouped into five quality blocks. Each block included improvement measures. The obtained information became the basis for the design of the process model of quality management system. The second survey (2015) showed a change in the structure of difficulties and a weakening of their priority. The study of the demands made by the management personnel of the Research Institute provided an important information about the character of the necessary changes and revealed the drawbacks in the work. The research allowed the management to avoid the gap between the needs of the staff and the ongoing transformations. The authors believe that the ISO 9001 standard may be used as a methodological basis for systematization of the problems in management and their negotiation.

For citation: Karas D. V., Danilchenko Ya. V., Kruchkov D. V., Artamonova G. V. Izuchenie trebovaniy rukovodiashchego sostava nauchno-meditsinskogo uchrezhdeniia dlia uluchsheniia organizatsii raboty [Demands of Scientific Medical Institution Management Personnel as a Way to Improve Activity Management]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 4 (2018): 26–32. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-26-32

References

1. Morozova E. A., Luzgareva O. I., Danilchenko Ya. V., Karas D. V. Sotsiologicheskaya metodika otsenki rezul'tativnosti truda personala [Sociological methodology for assessing the labour efficiency of the staff]. *Russian Journal of Management*, no. 4 (2017): 625–633.
2. Asaul A. N., Knyaz' I. P., Korotaeva Yu. V. *Teoriya i praktika priniatiya reshenii po vykhodu organizatsii iz krizisa* [Theory and practice of decision-making on the organizations crisis recovery]. Saint-Petersburg: IPEV, 2007, 224.
3. Knyasuk N. F., Kitzul I. S., Menshikov M. L. Sotsiologicheskie aspekty v izuchenii motivatsii personala kak rezerv povysheniia kachestva upravleniia meditsinskoj organizatsiei [The sociological characteristics in the study of personnel motivation as a reserve of enhancement of quality of medical institution management]. *Sotsiologiya meditsiny = Sociology of Medicine*, no. 1 (2009): 23–26.
4. Germanyuk E. I. Vovlechenie personala v protsess izmenenii v formate "chetyre voprosa" [The involvement of personnel in the process of change in the "four questions" format]. *Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk = Current issues of economic sciences*, no. 9-2 (2009): 98–102.
5. Kiseleva M. V. Mnenie personala o rabote v VUZe i kachestve obrazovaniia [Personnel's opinion on the work at the higher education institute and the quality of education]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta = Bulletin of the Kostroma State Technological University*, no. 2 (2010): 131–138.
6. Artamonova G. V., Kostomarova T. S., Danilchenko Ya. V., Kruchkov D. V., Cherkass N.V. Analiz dostizheniia tselei SMK v NII KPSSZ SO RAMN za period 2011–2013 gg. Perspektivy 2014 goda [Quality management system's goals achievement analysis of the research institute for complex issues of cardiovascular diseases under the Siberian branch of the Russian academy of medical sciences for the period of 2011–2013. Prospects of 2014]. *Kompleksnye problemy serdechno-sosudistykh zabolevanii = Complex Issues of Cardiovascular Diseases*, no. 2 (2014): 56–65.
7. Artamonova G.V., Kruchkov D.V., Danilchenko Ya.V., Kostomarova T.S., Shapovalov D.G. Mnenie personala nauchno-issledovatel'skogo meditsinskogo uchrezhdeniia o sisteme menedzhmenta kachestva [The opinion of personnel of research medical institution concerning system of quality management]. *Sotsiologiya meditsiny = Sociology of Medicine*, no. 2 (2015): 25–29.

УДК 339.138 (338.48)

ГЕНЕЗИС ТУРИСТИЧЕСКОГО МАРКЕТИНГА КАК ОБЛАСТИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В ТЕОРИИ МАРКЕТИНГА*

Сергей К. Волков^{a, @, ID}

^a Волгоградский государственный технический университет, 400005, Россия, г. Волгоград, пр. Ленина, 28
[@] ambiente2@rambler.ru

^{ID} <http://www.researcherid.com/rid/P-9031-2015>

Поступила в редакцию 11.10.2018. Принята к печати 15.11.2018.

Ключевые слова:

маркетинг территорий, туризм, туристическое предприятие, продвижение, туристическая услуга, туристический продукт

Аннотация: *Предмет.* В статье проведен анализ этапов развития туристического маркетинга как области научного знания в теории маркетинга. *Цель* данной статьи заключается в анализе становления и развития теории туристического маркетинга за рубежом и в России. *Методология.* Методологической базой настоящего исследования послужил контент-анализ фундаментальных трудов отечественных и зарубежных авторов, которые легли в основу теории туристического маркетинга. Кроме того, применялись сравнительный и аналитический методы исследования. *Результаты.* Показано, что развитие основ теории туристического маркетинга базировалось и было логическим продолжением развития теории маркетинга услуг как ответ на процесс формирования экономики сервисного типа (экономика услуг). В процессе эволюции теории туристического маркетинга он прошел две стадии. Первая стадия (1965 – середина 1990-х гг.) была посвящена изучению особенностям маркетинговой деятельности в сфере туризма и гостеприимства на уровне микросреды. Второй этап начинается с середины 1990-х гг. – изучение маркетинговых технологий на уровне мезо- и макросистем. *Выводы.* На основе проведенного анализа делается вывод о производности отечественной теории туристического маркетинга от зарубежных исследований в этой области. Также автором выделяются два основных этапа развития теории маркетинга в туризме, которые характеризуются сменой объекта изучения.

Для цитирования: Волков С. К. Генезис туристического маркетинга как области научного знания в теории маркетинга // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 4. С. 33–46. DOI: 10.21603/2078-8975-2018-1-33-46

Введение

Изначально теория маркетинга развивалась с ориентацией на товарное производство и была направлена на максимизацию эффективности реализации материальных товаров. Однако по мере интенсивного развития сферы услуг, в том числе и сферы туризма, а также стремительного перехода от индустриальной к постиндустриальной модели развития национальных экономик акценты маркетологов стали смещаться в стороны изучения услуг как специфического продукта управления.

Активное формирование экономики сервисного типа началось в конце 40-х – начале 50-х гг. XX в. К началу XXI в. сфера услуг стала одной из наиболее капиталоемких и прибыльных отраслей эко-

номики. Так, согласно данным Группы Всемирного Банка доля сферы услуг в мировом ВВП в 2012 г. составила 70 %¹. Согласно данным Всемирного совета по туризму и путешествиям (*World Travel & Tourism Council*) начиная с 2005 г. туризм стал самым крупным и наиболее динамично развивающимся сектором сферы услуг. Его доля в структуре мирового ВВП составляет 9,5 % (7 трлн долл.). В индустрии туризма по данным за 2013 г. работало 266 млн человек, т. е. каждый 11 работник в мире².

От маркетинга услуг к маркетингу в туризме

Все вышеперечисленные обстоятельства предопределили интерес к проблемам маркетинга услуг как со стороны практики, так и со стороны

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-410-343001 «Совершенствование методологии туристического маркетинга в целях устойчивого развития российских регионов».

¹ The Little Data Book 2014. Washington: The World Bank, 2014. P. 2.

² Travel and Tourism: Economic Impact. London: World Travel & Tourism Council, 2014. P. 3–4.

научного сообщества. В процессе эволюции теории маркетинга, которая выражалась в стабильном тренде углубления и специализации научных работ, маркетинг услуг выделился в самостоятельную область научного знания. Что касается маркетинга туристической сферы (туристического маркетинга), то он развивался в рамках концепции маркетинга услуг и лишь в начале 90-х гг. XX в. сформировался в отдельное научное направление в рамках теории маркетинга, хотя отдельные работы по специфике туристического маркетинга стали появляться задолго до этого.

Так, первая публикация в академическом журнале по проблеме туристического маркетинга появилась в 1968 г. С тех пор интерес ученых к проблемам развития теории туристического маркетинга устойчиво возрастает (рис. 1). Количественный и качественный скачок в публикационной активности по проблемам туристического маркетинга наблюдается с 2000-х гг. Если в период с 1968 г. по 1990 г. в среднем в год публиковалось 5 статей по теме туристического маркетинга, то начиная с 2000 г. среднегодовое число работ, посвященных проблемам маркетинга в туризме, возросло до 218. Именно в этот период можно говорить

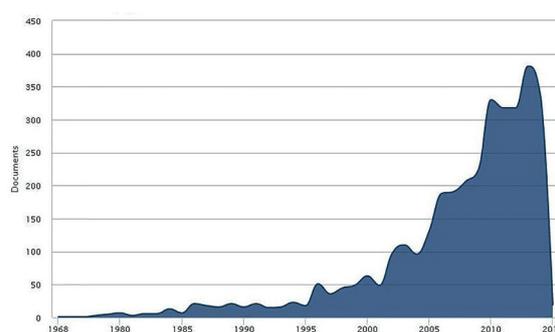

Рис. 1. Количество публикаций по теме туристического маркетинга в международных академических журналах, 1968–2014

Fig. 1. Number of publications on tourism marketing in international academic journals, 1968–2014

о туристическом маркетинге как о самостоятельной концепции в теории маркетинга.

Итак, проследим эволюцию развития туристического маркетинга через призму маркетинга услуг. Основные этапы становления концепции маркетинга услуг представлены в таблице.

Таблица. Основные этапы становления концепции маркетинга услуг [1, с. 13–14]

Table. The main stages of the development of the concept of marketing services [1, p. 13–14]

Период	Основное содержание теоретических работ	Автор
Конец 40-х гг. XX в.	Начало опережающего развития сферы услуг по сравнению с промышленным производством в экономике ряда стран	–
1969	Попытки выявить различия между товарами вещной формы и услугами. Заложены основы теории маркетинга услуг	Э. Джонсон (Университет Вашингтона, США)
Конец 60-х–начало 70-х гг. XX в.	Вклад сферы услуг в ВВП развитых стран стал равным вкладу промышленного и аграрного секторов	–
1972	Исследование применения концепции маркетинга в индустрии услуг	В. Джордж (Университет Джорджии, США)
Начало 70-х гг. XX в.	Многочисленные публикации в <i>Journal of Marketing</i> по поводу возможности выделения концепции маркетинга услуг в отдельную дисциплину	В. Джордж, Х. Баксдейл, Р. Джадд, Д. Ратмелл
1973	Начало создания кейсов, посвященных проблемам маркетинга услуг	К. Лавлок (Гарвардская школа бизнеса, США)
1974	Раскрыта одномоментность производства, маркетинга и потребления услуг. Показана специфика услуги как продукта. Впервые определен новый элемент процесса маркетинга услуг – процесс взаимодействия между теми, кто оказывает услугу, и теми, кто ее потребляет	Д. Ратмелл (США)
	Издана первая книга по маркетингу услуг «Введение в маркетинг услуг». Раскрыты проблемы управления маркетингом услуг, обусловленные неосязаемостью услуги	Э. Джонсон (Университет Вашингтона, США)

Период	Основное содержание теоретических работ	Автор
1976	Предложена модель маркетинга услуг <i>обслуживание в действии</i> , или <i>производство услуг</i> . Выделены базисные характеристики услуги: одновременность производства и потребления услуги и неосвязаемость	Э. Лангеард, П. Эйглие (Университет Марселя, Франция)
1977	Исследование особенностей концепции маркетинга в сфере профессиональных услуг. Выдвижение инициатив по организации конференций по проблемам качества в сфере услуг. Американский институт маркетинга опубликовал первый научный доклад, в котором освещалась специфика маркетинга услуг	Э. Гаммесон (Университет Стокгольма, Швеция)
Середина – конец 70-х гг. XX в.	Предложены различные классификации услуг	Дж. Шостак, У. Сассер, Р. Олсен, Т. Хилл, Р. Чейз
1979	Раскрыта функция маркетинга в сфере услуг. Определены специфические черты концепции маркетинга услуг. Введены в научный оборот понятия <i>внутренний маркетинг, двусторонний маркетинг</i>	К. Гренроос (Шведская школа экономики и бизнес-управления)
1980	Определено родовое отличие услуги от физического товара	Л. Берри (США)
1981	Проведена первая национальная конференция, посвященная маркетингу услуг, организованная Американской ассоциацией маркетинга (ААМ)	–
1984	Организована отдельная секция в ААМ, занимающейся проблемами маркетинга услуг	–
80-е гг. XX в.	Становление теории маркетинга услуг общественных организаций	К. Лавлок, Ч. Вейнсберг (Гарвардская школа бизнеса, США)
1985	Основан Центр изучения маркетинга услуг при Университете г. Аризона (США)	–
1990	Проведен первый международный семинар по управлению маркетингом услуг	Университет г. Марселя (Франция)
Начало 90-х гг. XX в.	Появились первые отечественные публикации по проблеме маркетинга услуг	Э. В. Новаторов, В. Д. Маркова, Г. Л. Тульчинский

Базовые положения маркетинга услуг были сформулированы американским предпринимателем Сайрусом Х. Маккормиком, который сформулировал такие основные направления современного маркетинга, как изучение и анализ рынка, основные принципы ценообразования и сервисного и постсервисного обслуживания [2, р. 25].

До середины 80-х гг. XX в. активно идет научная полемика о целесообразности и необходимости выделения маркетинга услуг из общей теории маркетинга. Спорным и дискуссионным оставался вопрос о критерии разделения материальных товаров и услуг. Впервые главное родовое отличие услуги от физического товара было дано Леонардом Берри в 1980 г. В своей работе *Services Marketing is Different* Л. Берри говорит о том, что «физический

товар – это предмет, устройство или вещь, в то время как услуга – поступок, исполнение или усилие» [3]. Таким образом, автор выводит главное отличие товара от услуги – неосвязаемость.

На сегодняшний день сформировалось и существует несколько известных и признанных научных школ по маркетингу услуг в Северной Америке и Западной Европе. Ведущую роль среди них играют североамериканские школы. Одна из старейших из них была основана в виде Центра изучения маркетинга услуг (ЦИМУ) при Аризонском университете (США) [4].

Другой известной североамериканской школой маркетинга услуг является Техасский А&М университет. Эта школа представлена работами трех плодотворно работающих коллег – Леонарда Берри,

Валерии Зейтхамл и Парсю Парасурамана [5; 6]. Именно эти ученые являются авторами североамериканской модели качества услуги и популярной методики ее измерения SERVQUAL.

Гарвардская школа бизнеса также сыграла свою роль в становлении маркетинга услуг как самостоятельной научной дисциплины. Лидерами этой школы являются Кристофер Лавлок [7; 8], Чарльз Вейнсберг и Джон Батесон [9].

Среди западноевропейских школ маркетинга услуг заметно выделяются две школы: Северная школа и Марсельская школа. Северная школа представлена работами двух бесспорных лидеров: Эверта Гаммессона и Кристиана Гренрооса [10–12].

Другая европейская школа, условно называемая «Марсельской» по одноименному названию известного французского университета, представлена ветеранами маркетинга услуг Э. Ланггардом и П. Эйглие [13; 9].

Как и в случае общей теории маркетинга, концепция туристического маркетинга строилась на обширном практическом опыте предпринимательских структур. В процессе бурного развития туристской сферы после Второй мировой войны, усложнения форм и методов конкуренции предпринимательские структуры столкнулись с необходимостью изучения своего потребителя и формирование лояльности спроса.

Становление туристического маркетинга как самостоятельной области научного знания

Первоначально весь туристический бизнес в основном ориентировался на сбыт существующего продукта. Невиданная популярность пакетных туров в 1960-х гг. стала результатом изобретательности предпринимателей, которые увидели возможность снижения стоимости отдыха за счет использования непроданных мест в самолетах. Неудивительно, что первые туроператоры не особо нуждались в применении маркетинговых технологий, т. к. качество продукта постоянно росло, и если цены удавалось держать под контролем, то за уровень спроса можно было не волноваться, он демонстрировал устойчивый тренд к возрастанию. Вместе с тем чрезмерный спрос тоже создает определенные сложности для развития компаний. Популярность пакетного отдыха за границей вскоре привела к необходимости расширения ассортимента, дифференциации предложения. На многих курортах шли масштабные строительства гостиниц и иных средств размещения, большинство из которых не соответствовали стандартам ни по уровню комфорта, ни по качеству обслуживания. Туристы были обеспокоены не только качеством проживания, но и деятельностью авиаперевозчиков.

Как отмечается в монографии английского исследователя Дж. Кристофера Холлоуэя «Туристический маркетинг», «менеджмент туристических компаний начал сознавать, что достичь оптимального уровня сбыта невозможно без преодоления трех широко распространенных в обществе фобий: страха перед полетом; страх перед непривычной пищей; страх перед иностранцами» [14, с. 28].

Пассажиры рейсов обслуживали старые, технически изношенные самолеты; из-за жесткой ценовой политики государственных перевозчиков и двусторонних соглашений приходилось прибегать к услугам неподходящих с технической-эксплуатационной точки зрения аэропортов. На смену концепции дешевых и частых авиарейсов пришло понимание того, что гораздо выгоднее приобретать новые машины, которые благодаря высокому коэффициенту технического использования и большей вместительности позволяют сократить эксплуатационные расходы, а главное – гарантировать безопасность пассажиров.

В середине 60-х – начале 70-х гг. XX в. потребители туристических услуг характеризовались как консервативные. Процессы глобализации только начинали набирать обороты, и межкультурное и международное взаимодействия были на стадии становления. Туристы боялись всего нового, особенно в такой сфере, как питание. Процесс организации питания вызывал проблему как у туристов, так и у собственников отелей. Проблему помогли решить специалисты, которые подсказали, как наиболее эффективно организовать процесс общественного питания в гостиницах за счет изменения способов приготовления блюд, их подачи и презентации. По мере роста затрат на оплату труда все больше отелей переходило на систему шведского стола, предусматривающую самостоятельный выбор блюд. В результате дополнительные расходы компенсировались за счет значительной экономии на обслуживании и сокращении объема пищевых отходов. В середине 1990-х гг. на смену концепции *шведского стола* пришла концепция *все включено* [15], которая, однако, не отменила предыдущую, а лишь дополнила ее, особенно в сегменте курортного отдыха.

Страх перед иностранцами зачастую развивается из-за непонимания местных обычаев и манеры поведения. В 1970-х гг. крупнейшие туристические компании Великобритании пришли к выводу, что единственным способом преодоления барьера является тотальный контроль за условиями проживания и качеством сервиса. Они вложили огромные средства в строительство собственных отелей и наняли опытных и квалифицированных менеджеров, которые подняли стандарты обслуживания на качественно новый уровень. Если раньше роль

курортных представителей сводилась к сопровождению туристов из аэропорта в отель и обратно, а также продаже экскурсий, то теперь они превратились в квалифицированный обслуживающий персонал, призванный оказывать максимальное содействие клиенту с целью удовлетворения его потребностей. Больше внимание стало уделяться обучению менеджеров по туризму основам делового общения, психологии и техники продаж.

Усложняющиеся формы взаимодействия субъектов туристического рынка, повышения уровня конкуренции и требований со стороны потребителей (туристов), многочисленные практические кейсы требовали глубокого теоретического осмысления и систематизации имеющихся знаний о специфике туристической сферы.

Одной из первых теоретических работ в области туристического маркетинга является монография Г. Шеленберга *Marketing у Turismo*, которая была опубликована в 1965 г. в мадридском Институте туристических исследований. В 1971 г. в Швейцарии выходит работа одного из основоположников туристического маркетинга Йоста Криппендорфа – *Marketing et tourisme* [16], которая рассматривает важность применения методов и инструментов маркетинга в сфере туризма. Позже, в 1987 г., данная работа была дополнена и доработана автором и переиздана во Франции [17]. Неудивительно, что Испания стала первой страной, где появились работы по теории туристического маркетинга. Дело в том, что именно в Испании появилось первое в Европе министерство, которое занималось вопросами поддержки и развития туризма на национальном уровне.

Классиком и основоположником концепции туристического маркетинга принято считать Йоста Криппендорфа, который определяет его как «систематическую и скоординированную бизнес-деятельность частного или государственного предприятия на местном, региональном, национальном или международном уровне, осуществляемую для достижения оптимального удовлетворения потребностей групп потребителей и их мотивации для совершения повторной покупки» [16, р. 46]. Данное определение туристического маркетинга отражает суть концепции, которая основывается на принципе удовлетворения потребностей потребителей туристических услуг (туристов) с одновременным извлечением прибыли для поставщиков туристических услуг. Одновременно автор подчеркивает важность проведения систематических и скоординированных мероприятий со стороны предпринимательских услуг на местном, региональном, национальном и международном уровнях для налаживания долгосрочных отношений с туристом.

В другой, не менее концептуальной работе французского исследователя Жан-Жака Шварца «Маркетинговый подход к развитию туризма» (*Pour un approche marketing de la promotion touristique*), туристический маркетинг рассматривается как процесс поиска и выявления оптимального рынка сбыта, основанного на реальных и потенциальных потребностях потребителя с целью улучшения конкурентных преимуществ туристической компании [18, р. 1]. Автор не оспаривает мысль, высказанную Й. Криппендорфом о важности и необходимости удовлетворения потребностей туристов, дополняет данное умозаключение выводом о целесообразности выявления потребительских предпочтений, путем проведения маркетинговых исследований. Таким образом, в теории туристического маркетинга появляются работы, которые апеллируют к необходимости перманентного изучения, выявления и формирования туристических предпочтений, что в дальнейшем ляжет в основу современных концепций территориального развития индустрий туризма.

Ранее подобную идею высказывал румынский экономист-географ Евгений Николеску (*Nicolescu Eugeniu*) в своей работе «Маркетинг в туризме». Исследователь рассматривал туристический маркетинг «как политику туристической компании или организации, основанную на постоянном изучении текущих и будущих туристских предпочтений, – специфическими методами и технологиями, – направленными на постоянную адаптацию предложения этим требованиям, для их лучшего удовлетворения с целью развития бизнеса в конкретных рыночных условиях» [19, р. 40]. Несмотря на то, что два последних подхода более полно отображают сущность туристического маркетинга, расширяя его рамки и формы применения, они не могут считаться всеобъемлющими.

Как более полное определение можно считать то, которое предложили канадские специалисты Токер Джерард (*Tocquer Gerard*) и Зинс Мишель (*Zins Michel*), которые дают следующее определение туристического маркетинга в своей работе «Маркетинг в туризме» (*Marketing du tourism*): «маркетинг в туризме – это процесс, в котором структура туристского спроса ожидается и удовлетворяется разработкой продукта (услуги), распространением, установлением обменного курса (цены турпродукта), наличием связи между туристической организацией и ее целевыми рынками, для наилучшего удовлетворения интересов компании и потребителей» [20, р. 40]. Это определение раскрывает дополнительный аспект маркетингового подхода, предлагая широкий образ маркетинговой деятельности туристического предприятия.

До начала 1990-х гг. академическая маркетинговая наука акцентирует свое внимание исключительно на вопросах особенности маркетинговой деятельности в сфере туризма и гостеприимства на уровне микросреды. Глобальные экономические и геополитические преобразования начала 1990-х гг. (конфликт в Персидском заливе, окончание холодной войны, распад СССР, образование новых независимых государств и пр.), высокие темпы научно-технического прогресса (прежде всего развитие средств электроники и коммуникаций) естественным образом отразились и на фокусе маркетинговых исследований. Стали появляться исследования (преимущественно в виде научных статей в академических журналах), в которых начинает исследоваться проблема оценки влияния макросреды на качество туристских услуг. Постепенно реализуется системный подход к описанию условий обеспечения качественного и устойчивого развития индустрии туризма на уровне территорий (стран, регионов, городов, муниципалитетов и т. д.). Вопросы создания, управления и продвижения национального туристического продукта (бренда) на зарубежные рынки становятся ключевыми в повестке теории туристического маркетинга [21–23].

С середины 1990-х – начала 2000-х в зарубежной академической среде происходит стратегический сдвиг в объекте исследования туристического маркетинга. Если до этого основная часть исследований была посвящена анализу маркетинговой деятельности на уровне туристских фирм и организаций, обеспечению конкурентоспособности предпринима-

тельских структур в сфере туризма и особенностям маркетинговой коммуникации между участниками туристического обмена, то с начала 2000-х гг. стали появляться работы, которые исследовали туристические территории как объект продвижения. Акцент исследований смещается с отдельных фирм на особенности формирования территориальной политики по развитию и продвижению уникальных туристских свойств как конкурентных преимуществ территорий в борьбе за привлечение туристов. Глобальная и многоструктурная конкуренция заставляет территории развивать новые маркетинговые методы и технологии привлечения туристов и формирования у них устойчивых стимулов к совершению повторных поездок [24–26].

На сегодняшний момент можно говорить о ряде сформировавшихся научных центров по изучению специфики туристического маркетинга (рис. 2). Лидирующую позицию в этом списке занимает Школа гостиничного и туристического менеджмента в Гонконге. Остальные места распределились между американскими, австралийскими и европейскими университетами. Примечательно, что в списке 50 научных центров с наибольшим количеством зарегистрированных в международных наукометрических базах данных научных статей по проблемам туристического маркетинга нет ни одного российского университета или исследовательского центра. Данное обстоятельство позволяет нам сделать вывод о том, что в нашей стране не сложилась полноценная научная школа туристического маркетинга. Об этом же свидетельствует количество

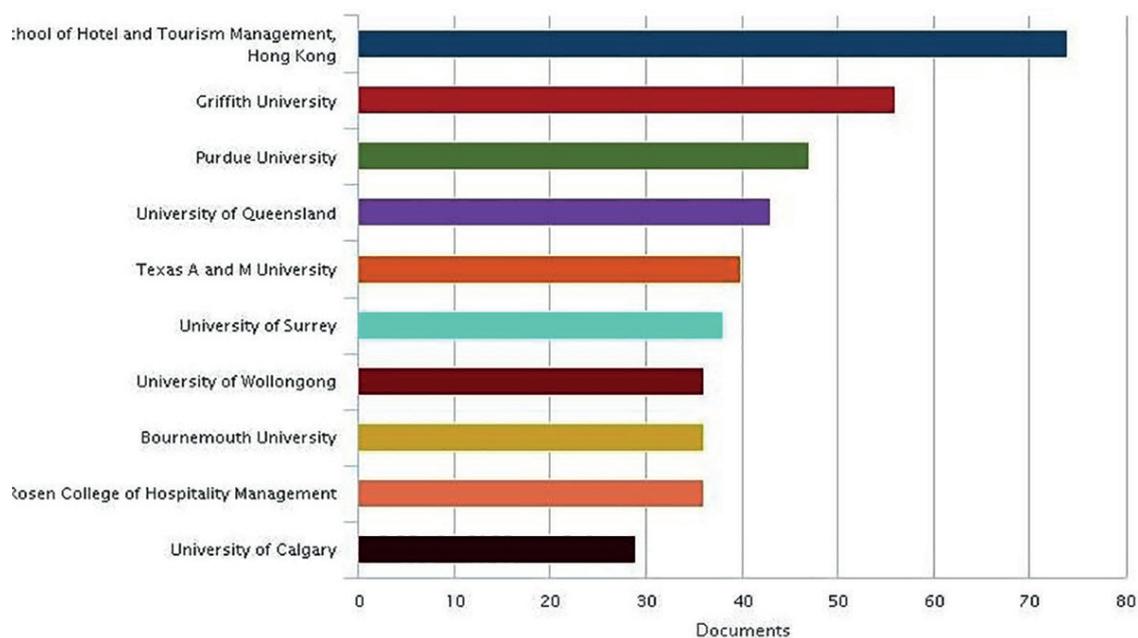

Рис. 2. Научные центры с наибольшим количеством зарегистрированных научных статей по проблемам туристического маркетинга, 1968–2014 гг.

Fig. 2. Scientific centers with the largest number of registered scientific articles on tourism marketing, 1968–2014

статей, зарегистрированных российскими авторами в международных наукометрических базах данных (рис. 3). По данным на конец 2014 г. в базе *Scopus* было зарегистрировано всего лишь 8 работ, посвященных проблемам туристического маркетинга, две из них принадлежат автору данного исследования.

В иностранной научной среде создан ряд специализированных научных периодических изданий, которые публикуют наиболее актуальные исследования в сфере туризма, с большим акцентом на проблемах туристического маркетинга (рис. 4). В отечественной академической среде такими примерами могут служить научные издания Российского государственного университета туризма и сервиса («Современные проблемы сервиса и туризма», «Сервис plus», «Сервис в России и за рубежом», «Вестник Ассоциации ВУЗов туризма и сервиса»), а также «Вестник Национальной академии туризма». Однако данные научные журналы специализируются в основном на общих проблемах развития сферы туризма и уделяют недостаточно внимания проблемам маркетинга, что не позволяет отнести данные издания к профильным по проблемам туристического маркетинга.

Генезис туристического маркетинга в России

В отечественной науке концепция туристического маркетинга начала развиваться в начале 1990-х гг. с появлением переводных трудов западных исследователей. Наличие в системе туризма большого количества убыточных и малорентабельных предприятий послужило причиной разработки методических рекомендаций по основам туристского маркетинга, которые были предложены специалистами и экспертами

Центрального совета по туризму и экскурсиям, Управления туристских учреждений и маршрутов, научными сотрудниками Всесоюзной научно-исследовательской лаборатории по туризму и экскурсиям³. Данная работа являлась попыткой разработать основные принципы маркетинга для туристских предприятий, которые переходили от планового метода ведения хозяйственно-экономической деятельности к рыночному механизму функционирования. Туристская индустрия начинает рассматриваться и изучаться не как социальное явление, а как отрасль народного хозяйства с высоким предпринимательским и финансово-экономическим потенциалом.

Авторы обозначенных методических рекомендаций выделяют ряд перспективных в новых условиях хозяйствования путей использования маркетинга в деятельности туристского предприятия. Среди основных:

- разработка комплексного туристского продукта;
- смягчение остроты сезонного превышения спроса над предложением;
- развитие дополнительного платного обслуживания туристов;
- специализация хозяйства на производстве отдельных видов туристского продукта, или на работе с узкими секторами рынка⁴.

Кроме того, в работе отводится важное место разработке практических рекомендаций по использованию основных принципов создания и функционирования коммерческой службы и службы маркетинга туристского предприятия. Отличительными чертами анализируемых методических рекомендаций являются,

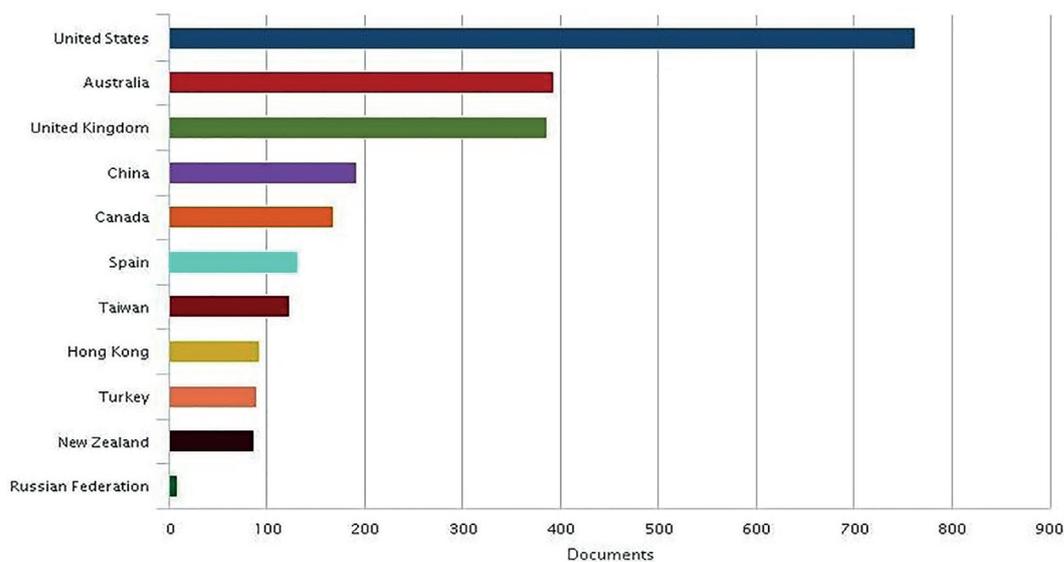

Рис. 3. Национальная принадлежность авторов статей по проблемам туристического маркетинга, 1968–2014 гг.
Fig. 3. The country of origin of the authors writing about tourist marketing, 1968–2014

³ Основы туристского маркетинга (для туристских предприятий, работающих в условиях полного хозяйственного расчета). Методические рекомендации. М.: ЦРИБ «Турист», 1990. 80 с.

⁴ Там же.

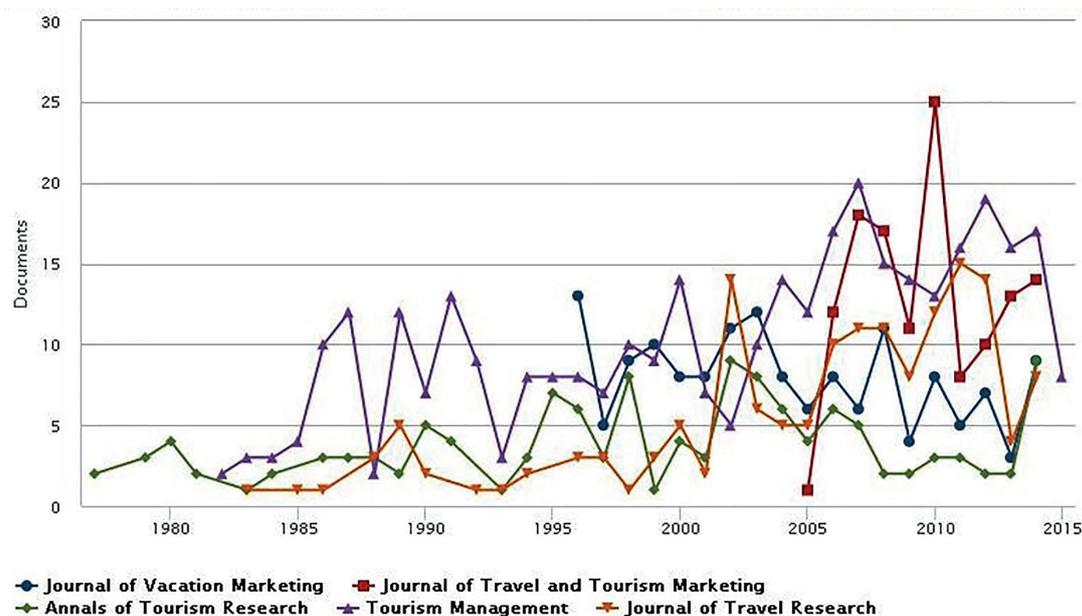

Рис. 4. Наиболее авторитетные профессиональные журналы по проблемам туристического маркетинга
 Fig. 4. The list of the most reputable professional travel marketing journals

во-первых, высокая практическая направленность рекомендаций для повышения рентабельности и конкурентоспособности предпринимательских структур в сфере туризма в условиях перехода национальной экономики на рыночную модель развития, а во-вторых, отсутствие общепринятой маркетинговой терминологии, что свидетельствует об эмбриональной стадии развития теории туристического маркетинга в России.

Одной из первых отечественных работ, посвященных проблеме применения маркетинговых инструментов для повышения конкурентоспособности субъектов туристического рынка, является учебное пособие Д. К. Исмаева «Основы стратегии и планирования маркетинга в иностранном туризме» [27]. В нем автор рассматривает общую концепцию маркетинга применительно к сфере туризма. Вопросы, поставленные в работе, рассматриваются применительно к деятельности туристических фирм и организаций. Отличительной особенностью данного исследования является ориентация автора на анализ маркетинговых технологий и моделей применительно к тем турфирмам, которые занимаются организацией приема иностранных туристов на территории России. Другими словами, автор указывает на необходимость внедрения концепции маркетинга для привлечения иностранных туристов, а не для развития конкуренции среди туристических фирм и организаций, занимающихся выездом соотечественников за рубеж. Данная особенность может быть объяснена влиянием советского наследия развития сферы туризма, которая была направлена в первую очередь на развитие въездного

туризма, чем выездного. Данный тезис постепенно нивелируется в последующих работах отечественных исследователей. Основной задачей туристического маркетинга, по мнению Д. К. Исмаева, должны стать «рекламные и другие коммерческие мероприятия, способствующие закреплению и развитию» положительных тенденций развития сферы туризма. Однако функцию по реализации этой задачи он возлагает исключительно на предпринимательские структуры, которые, по его мнению, «должны искать пути воздействия на законодательные и исполнительные органы всех уровней с целью привлечения их внимания к необходимости создания более благоприятных условий для приема иностранных туристов» [27]. Данный подход мы считаем некомплексным и малоэффективным, т.к. он значительно сужает сферу применения маркетинговых технологий и исключает ряд инструментов развития сферы туризма, в частности инструмент государственно-частного партнерства.

Особо следует отметить работу А. Т. Кириллова и Л. А. Волковой «Маркетинг в туризме» [28], которую можно считать первым в отечественной теории туристического маркетинга исследованием, носящим системный, комплексный и структурированный характер. Авторы на основе изучения отечественного и зарубежного опыта анализируют основные категории и понятия туристического рынка, формы и методы продаж туристического продукта. Помимо общих вопросов туристического маркетинга, таких как роль маркетинга в деятельности туристической фирмы, специфика маркетинга турпредприятия и процесс

организации и проведения маркетинговых исследований, авторы предпринимают первую попытку изучения влияния туризма на региональное развитие. В монографии исследуется взаимосвязь между туристической привлекательностью региона и уровнем развития туризма в нем. Определяется роль туристических предприятий (турфирм и туроператоров) в системе развития территорий. Особую роль исследователи отводят процессу маркетинговых исследований как стратегическому инструменту повышения экономической эффективности функционирования турпредприятия и развития рынка туризма в регионе. Данная монография является первой отечественной работой, пытающейся перейти от анализа индустрии туризма с микроуровня на макро.

В работе В. Б. Сапруновой «Туризм: эволюция, структура, маркетинг» на примере европейских стран (в первую очередь Германии и Швейцарии) рассматриваются проблемы эволюции, структуры и регулирования рынка туризма. Также в ней рассматриваются основные черты нового потребителя туристических услуг, анализируется его мотивация и поведенческие особенности. Особый интерес представляют вопросы практического маркетинга, которые помимо микроуровня (туристические операторы и туристические агентства) анализируются на институциональном уровне (вопросы разделения функций маркетинга между государственными органами, отраслевыми объединениями и предпринимателями). Автором предпринимается одна из первых попыток в отечественной науке перейти от анализа маркетинговой деятельности турфирм к анализу общенациональной маркетинговой стратегии развития отрасли. В. Б. Сапрунова выделяет ключевые особенности туристического маркетинга, к которым относятся:

- не стимулирование спроса на туристические услуги, а управление спросом;
- высокая степень достоверности информации о турпродукте;
- защита прав потребителей;
- особая роль маркетинга в межсезонный период (диверсификация турпродукта);
- центральная роль психолого-поведенческих и социальных особенностей потребителя;
- координация маркетинга участников рынка туруслуг [29].

И хотя выделяемые автором особенности туристического маркетинга не подвергаются глубокому системному анализу, они легли в основу многих дальнейших отечественных научных изысканий в данном аспекте проблемы.

Одной из первых системных работ в отечественной концепции туристического маркетинга является учебное пособие профессора Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова

«Маркетинг в туризме: стратегия достижения успеха» Т. П. Розановой [30]. Автор анализирует концепцию маркетинга с позиции туристической компании. На основании анализа зарубежного и отечественного опыта развития туристического рынка формулируются методические подходы к разработке концепции маркетинга в туризме. Т. П. Розанова выделяет 8 основных этапов в процессе реализации туристического маркетинга турфирмами: анализ сильных и слабых сторон предприятия; анализ и выбор туристических продуктов; выявление возможных целевых рынков; ранжирование избранных рынков; тщательный (глубинный) анализ отобранных рынков; разработка плана маркетинга; использование плана маркетинга; наблюдение за использованием и мониторинг. Реклама в туризме рассматривается как один из важнейших элементов туристического маркетинга. Интересен вывод, к которому в итоге приходит автор: туристический маркетинг является скорее искусством, а не наукой. В связи с этим «требуется от того, кто пользуется его приемами в своей практике, творческого подхода к каждой встреченной им проблеме и, как правило, нестандартного решения соответствующих практических задач» [30].

Наиболее комплексной работой, посвященной проблемам и специфике туристического маркетинга, является учебное пособие белорусских авторов А. П. Дуровича и А. С. Копанева «Маркетинг в туризме» [31], которое в последующем неоднократно переиздавалось и даже было рекомендовано Министерством образования Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям и специальностям *Менеджмент, Маркетинг, Менеджмент в социальной сфере*. В данном учебном пособии авторы на основе общих научных методов и теорий маркетинга раскрывают сущность, принципы маркетинга, его функции и технологии маркетинговой деятельности туристского предприятия. Данная работа представляет собой классический пример фундаментального труда без авторских оригинальных идей и является базовым учебным пособием в сфере туристического маркетинга. Основными субъектами туристического маркетинга выступают туристические фирмы и турист.

Последующие работы [32–35] расширяют состав субъектов туристического маркетинга, включая, помимо турфирм и туристов, средства размещения (гостиницы), объекты питания (кафе, рестораны) и предпринимательские структуры.

Одним из первых отечественных исследователей, который начал целенаправленно и системно изучать проблемы экономики и маркетинга в индустрии туризма не с позиций отдельных фирм и предприятий, а с позиций территорий, является профессор Российского экономического университета

им. Г. В. Плеханова Е. А. Джанджугазова. Ее работа – «Маркетинг туристских территорий» [36] – отличается нетривиальностью и большой практической ценностью в силу комплексного и системного подхода к рассматриваемым проблемам. Автор в своей работе исследует основные элементы комплекса маркетинга туристских территорий, а также рассматривает методы формирования и продвижения территориального туристского продукта с учетом региональных особенностей. Новизна подхода заключается в стратегическом симбиозе территориального и туристического маркетинга для формирования и продвижения регионального туристического продукта на внешние и внутренние рынки.

Большинство отечественных научных работ в области туристического маркетинга носят либо уточняющий характер [37–40], либо выполнены в виде практических кейсов применительно к конкретным территориям [41–43]. В последнее время активно стало развиваться научное направление по изучению туристического брендинга или брендинга туристских территорий [44–46].

Несмотря на большое количество публикаций в российской научной сфере относительно туристического маркетинга, практически все исследования сводятся исключительно к интерпретации роли маркетинговых технологий в развитии сферы туризма на различных уровнях (микро-, мезо- и макроуровнях). Отечественная теория маркетинга опирается на адаптацию методологии зарубежных

авторов в сфере маркетинга услуг и туристического маркетинга. К сожалению, отсутствуют авторские уникальные методы и модели развития сферы туризма на основе концепции туристического маркетинга. Попытки адаптировать зарубежные методические разработки и реализации маркетинговых стратегий развития туристской отрасли выглядят неубедительно и слабо эффективными в силу своей практической оторванности от специфики развития отечественного рынка туристических услуг.

Выводы

В процессе эволюции теории туристического маркетинга он прошел две стадии. Первая стадия (1965 – середина 1990-х гг.) была посвящена изучению особенностей маркетинговой деятельности в сфере туризма и гостеприимства на уровне микросреды (туристические фирмы, туроператоры, туристы). Исследования проводились на примерах конкретных фирм и компаний. Начиная с середины 1990-х гг. начинается процесс изучения маркетинговых технологий на уровне мезо- и макросистем. Изучается влияние государственной политики на процесс развития национальных индустрий туризма. В рамках теорий региональной экономики конкретная туристическая территория рассматривается как продукт продвижения на туристические рынки. Фокус маркетинговых исследований смещается в сторону территориальных стратегий брендинга и продвижения национальных турпродуктов.

Литература

1. Хлебович Д. И. Сфера услуг: маркетинг. М.: КНОРУС, 2007. 235 с.
2. Gross D. Greatest Business Stories of All Time. N. Y.: John Wiley & Sons, Inc., 1997. 368 p.
3. Berry L. Services Marketing is Different // Business. 1980. № 30. P. 24–29.
4. Новаторов Э. В. Становление маркетинга услуг как самостоятельной научной дисциплины за рубежом // Маркетинг в России и за рубежом. 2002. № 4. С. 19.
5. Parasuraman A., Zeithaml V., Berry L. A conceptual model of service quality and its implications for future research // Journal of Marketing. 1985. № 49. P. 41–50.
6. Parasuraman A., Zeithaml V., Berry, L. SERVQUAL: a multiple-item scale for measuring consumer perceptions of service quality // Journal of Retailing. 1988. № 64. P. 12–40.
7. Lovelock C. Service Marketing: Text, Cases & Readings / 1nd ed. Englewood Cliffs; N. Y.: Prentice Hall, 1984.
8. Lovelock C., Weinberg C. Marketing for Public and Nonprofit Managers. N. Y.: John Wiley & Sons, 1984.
9. Langeard E., Bateson J. Services Marketing: New Insights from Consumers and Managers. Cambridge, MA: Marketing Science Institute, 1981.
10. Gummesson E. The Marketing and Purchasing of Professional Services. Stockholm. Marketing Technology Center, 1977.
11. Grönroos C. Marketing of Services: A Study of Marketing Function of Service Firms. Dr. Econ. Sci. Diss. Swedish School of Economics (Finland), 1979.
12. Grönroos C. Strategic Management and Marketing in the Service Sector. Cambridge, MA: Marketing Science Institute, 1983.
13. Langeard E, Eiglier P. Principes de politique marketing pour les entreprises de services. L'Institute d'Administration des entreprises, Université d'Aix-Marseille, 1976.
14. Холловой Дж. К. Туристический маркетинг. К.: Знания, 2008. 576 с.
15. Волков С. К. Система «Всё включено» как фактор развития туризма в Российской Федерации // Вестник Национальной академии туризма. 2009. № 1. С. 46–48.

16. Krippendorf J. Marketing et tourism. Berne: Herbert Lang, 1971.
17. Krippendorf J. Marketing et tourism. Paris: Presses Universitaires de France, 1987.
18. Schwartz J. J. Pour un approche marketing de la promotion touristique. France: Lausanne, 1984.
19. Nicolescu E. Marketing in turism. București: Editura Sport-Tourism, 1975.
20. Tocquer G., Zins M. Marketing du turism. Canada: Gaetan Morin éditeur, 1987.
21. Hollier R. Conflict in the gulf. Response of the tourism industry // *Tourism Management*. 1991. Vol. 12. Iss. 1. P. 2–4.
22. Chon K.-S. Tourism destination image modification process. Marketing implications // *Tourism Management*. 1991. Vol. 12. Iss. 1. P. 68–72.
23. Bramwell B., Rawding, L. Tourism marketing organizations in industrial cities. Organizations, objectives and urban governance // *Tourism Management*. 1994. Vol. 15. Iss. 6. P. 425–434.
24. Williams A. P., Palmer A. J. Tourism destination brands and electronic commerce: Towards synergy? // *Journal of Vacation Marketing*. 1999. Vol. 5. Iss. 3. P. 263–275.
25. Hall D. Destination branding, niche marketing and national image projection in central and Eastern Europe // *Journal of Vacation Marketing*. 1999. Vol. 5. Iss. 3. P. 227–237.
26. Crockett S. R., Wood L. J. Brand Western Australia: A totally integrated approach to destination branding // *Journal of Vacation Marketing*. 1999. Vol. 5. Iss. 3. P. 276–289.
27. Исмаев Д. К. Основы стратегии и планирования маркетинга в иностранном туризме. М.: ЛУЧ, 1994. 222 с.
28. Кириллов А. Т., Волкова Л. А. Маркетинг в туризме. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. 184 с.
29. Сапунова В. Б. Туризм: эволюция, структура, маркетинг. М.: Ось-89, 1998. 160 с.
30. Розанова Т. П. Маркетинг в туризме: стратегия достижения успеха. М.: Изд-во РЭУ им. Г. В. Плеханова, 1998. 135 с.
31. Дурович А. П., Копанев А. С. Маркетинг в туризме. Минск: Экономпресс, 1998. 400 с.
32. Янкевич В. С., Безрукова Н. Л. Маркетинг в гостиничной индустрии и туризме: российский и международный опыт. М.: Финансы и статистика, 2003. 632 с.
33. Турковский М. Маркетинг гостиничных услуг. М.: Финансы и статистика, 2006. 294 с.
34. Лесник А. Л. Гостиничный маркетинг. Теория и практика максимизации продаж. М.: Кнорус, 2007. 232 с.
35. Барышев А. Ф. Маркетинг в туризме и гостеприимстве. М.: Финансы и статистика, 2007. 159 с.
36. Джанджугазова Е. А. Маркетинг туристских территорий. М.: Академия, 2006. 224 с.
37. Рафаилова Г. Значение маркетинга для устойчивого развития туристической специализации // *Вопросы структуризации экономики*. 2012. № 2. С. 17–21.
38. Казанцев Ю. Ю. Роль маркетинга территорий в повышении туристической привлекательности региона // *Интерэкспо Гео-Сибирь*. 2012. № 3. С. 65–69.
39. Дадалова М. В. Особенности формирования туристического маркетинга // *Белгородский экономический вестник*. 2010. № 1. С. 17–20.
40. Маринов С. Маркетинговое управление туристской дестинацией // *Сервис в России и за рубежом*. 2013. № 8. С. 98–103.
41. Семенова Л. В. Тенденции и перспективы развития маркетинга туризма на Ставрополье // *НаукаПарк*. 2014. № 2-2. С. 100–105.
42. Кошурникова Ю. Е., Калюжнова Н. Я. Маркетинг взаимодействия в туристической отрасли (на примере Иркутской области) // *Вестник Иркутского государственного технического университета*. 2012. № 11. С. 229–235.
43. Голошапова Т. В. Маркетинговые исследования рынка гостиничных услуг (на примере г. о. Тольятти) // *Вестник Поволжского государственного университета сервиса*. Серия: Экономика. 2008. № 4. С. 47–54.
44. Латорцев А. А. Продвижение национального туристического продукта с использованием государственного туристского брендинга // *Научный вестник МГИИТ*. 2011. № 2. С. 24–28.
45. Чернякина А. О. Брендинг туристской территории: ошибки и ключевые аспекты создания в рамках кластерного подхода развития туризма // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2012. № 12. С. 47–52.
46. Петерс М. Стратегический бренд-менеджмент туристских дестинаций // *Вестник РМАТ*. 2013. № 2. С. 11–21.

THE GENESIS OF TOURISM MARKETING AS AN AREA OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN MARKETING THEORY*

Sergey K. Volkov^{a, @, ID}

^a Volgograd State Technical University, 28, Lenina Ave., Volgograd, Russia, 400005

@ ambiente2@rambler.ru

^{ID} <http://www.researcherid.com/rid/P-9031-2015>

Received 11.10.2018. Accepted 15.11.2018.

Keywords: place marketing, tourism, tourism enterprises, promotion, tourist services, tourist product

Abstract: *Importance.* The article analyzes the stages of development of tourism marketing as a field of scientific knowledge in the theory of marketing. *Objectives.* The purpose of the present research was to analyze the formation and development of the theory of tourist marketing abroad and in Russia. *Methodology.* The study was based on the content and comparative analysis of foreign and domestic fundamental works on the theory of tourist marketing. *Results.* The theory of tourist marketing was a logical continuation of the development of the theory of service marketing as a response to the formation of a service-type economy. In the process of evolution of the theory of tourist marketing, it went through two stages. The first stage (1965 – mid-1990s) was devoted to the study of the characteristics of marketing activities in the field of tourism and hospitality at the microenvironment level. The second stage began in the mid-1990s. It was the study of marketing technologies at the level of meso- and macrosystems. *Conclusions.* The conducted analysis showed that the domestic theory of tourist marketing is derived from foreign studies in this area. In addition, the author distinguishes two main stages in the development of marketing theory in tourism according to the object of study.

For citation: Volkov S. K. Genezis turistichestkogo marketinga kak oblasti nauchnogo znaniia v teorii marketinga [The Genesis of Tourism Marketing as an Area of Scientific Knowledge in Marketing Theory]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 4 (2018): 33–46. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-33-46

References

1. Khlebovich D. I. *Sfera uslug: marketing* [Services: marketing]. Moscow: KNORUS, 2007, 235.
2. Gross D. *Greatest Business Stories of All Time*. N. Y.: John Wiley & Sons, Inc., 1997, 368.
3. Berry L. Services Marketing is Different. *Business*, no. 30 (1980): 24–29.
4. Novatorov E. V. Stanovlenie marketinga uslug kak samostoiatel'noi nauchnoi distsipliny za rubezhom [Formation of marketing services as an independent scientific discipline abroad]. *Marketing v Rossii i za rubezhom = Journal of Marketing in Russia and Abroad*, no. 4 (2002): 19.
5. Parasuraman A., Zeithaml V., Berry L. A conceptual model of service quality and its implications for future research. *Journal of Marketing*, no. 49 (1985): 41–50.
6. Parasuraman A., Zeithaml V., Berry, L. SERVQUAL: a multiple-item scale for measuring consumer perceptions of service quality. *Journal of Retailing*, no. 64 (1988): 12–40.
7. Lovelock C. *Service Marketing: Text, Cases & Readings*. 1st ed. Englewood Cliffs; N. Y.: Prentice Hall, 1984.
8. Lovelock C., Weinberg C. *Marketing for Public and Nonprofit Managers*. N. Y.: John Wiley & Sons, 1984.
9. Langedard E., Bateson J. *Services Marketing: New Insights from Consumers and Managers*. Cambridge, MA: Marketing Science Institute, 1981.
10. Gummesson E. *The Marketing and Purchasing of Professional Services*. Stockholm: Marketing Technology Center, 1977.
11. Grönroos C. *Marketing of Services: A Study of Marketing Function of Service Firms*. Dr. Econ. Sci. Diss. Swedish School of Economics (Finland), 1979.
12. Grönroos C. *Strategic Management and Marketing in the Service Sector*. Cambridge, MA: Marketing Science Institute, 1983.

* The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-410-343001 «Improving the tourism marketing methodology for the sustainable development of Russian regions».

13. Langeard E, Eiglier P. *Principles de politique marketing pour les entreprises de services*. L'Institute d'Administration des entreprises, Universite d'Aix-Marseille, 1976.
14. Holloway J. K. *Turisticheskii marketing* [Marketing for Tourism]. Kiev: Znanna, 2008, 576.
15. Volkov S. K. Sistema "Vse vklucheno" kak faktor razvitiia turizma v Rossiiskoi Federatsii ["All Inclusive" system as a factor of tourism development in the Russian Federation]. *Vestnik Natsional'noi akademii turizma = Vestnik of National Tourism Academy*, no. 1 (2009): 46–48.
16. Krippendorf J. *Marketing et tourism*. Berne: Herbert Lang, 1971.
17. Krippendorf J. *Marketing et tourism*. Paris: Presses Universitaires de France, 1987.
18. Schwartz J. J. *Pour un approche marketing de la promotion touristique*. France: Lausanne, 1984.
19. Nicolescu E. *Marketing in turism*. București: Editura Sport-Tourism, 1975.
20. Tocquer G., Zins M. *Marketing du turism*. Canada: Gaetan Morin éditeur, 1987.
21. Hollier R. Conflict in the gulf. Response of the tourism industry. *Tourism Management*, 12, Iss. 1 (1991): 2–4.
22. Chon K.-S. Tourism destination image modification process. Marketing implications. *Tourism Management*, 12, Iss. 1 (1991): 68–72.
23. Bramwell B., Rawding, L. Tourism marketing organizations in industrial cities. Organizations, objectives and urban governance. *Tourism Management*, 15, Iss. 6 (1994): 425–434.
24. Williams A. P., Palmer A. J. Tourism destination brands and electronic commerce: Towards synergy? *Journal of Vacation Marketing*, 5, Iss. 3 (1999): 263–275.
25. Hall D. Destination branding, niche marketing and national image projection in central and Eastern Europe. *Journal of Vacation Marketing*, 5, Iss. 3 (1999): 227–237.
26. Crockett S. R., Wood L. J. Brand Western Australia: A totally integrated approach to destination branding. *Journal of Vacation Marketing*, 5, Iss. 3 (1999): 276–289.
27. Ismaev D. K. *Osnovy strategii i planirovaniia marketinga v inostrannom turizme* [Fundamentals of strategy and marketing planning in foreign tourism]. Moscow: LUCH, 1994, 222.
28. Kirillov A. T., Volkova L. A. *Marketing v turizme* [Tourism Marketing]. Saint-Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1996, 184.
29. Saprunova V. B. *Turizm: evoliutsiia, struktura, marketing* [Tourism: evolution, structure, marketing]. Moscow: Os'-89, 1998, 160.
30. Rozanova T. P. *Marketing v turizme: strategiiia dostizheniia uspekha* [Tourism Marketing: Strategy for Success]. Moscow: Izd-vo REA im. G. V. Plekhanova, 1998, 135.
31. Durovich A. P., Kopanev A. S. *Marketing v turizme* [Tourism Marketing]. Minsk: Ekonompress, 1998, 400.
32. Yankevich B. C., Bezrukova N. L. *Marketing v gostinichnoi industrii i turizme: rossiiskii i mezhdunarodnyi opyt* [Marketing in the hotel industry and tourism: Russian and international experience]. Moscow: Finansy i statistika, 2003, 632.
33. Turkovskii M. *Marketing gostinichnykh uslug* [Hotel Services Marketing]. Moscow: Finansy i statistika, 2006, 294.
34. Lesnik A. L. *Gostinichnyi marketing. Teoriia i praktika maksimizacii prodazh* [Hotel marketing. Theory and practice of sales maximization]. Moscow: Knorus, 2007, 232.
35. Baryshev A. F. *Marketing v turizme i gostepriimstve* [Tourism and Hospitality Marketing]. Moscow: Finansy i statistika, 2007, 159.
36. Dzhandzhugazova E. A. *Marketing turistiskikh territorii* [Marketing of tourist areas]. Moscow: Akademiia, 2006, 224.
37. Rafailova G. Znachenie marketinga dlia ustoichivogo razvitiia turisticheskoi spetsializatsii [The importance of marketing for the sustainable development of tourism specialization]. *Voprosy strukturizatsii ekonomiki = Questions of structuring the economy*, no. 2 (2012): 17–21.
38. Kazantsev Y. Y. Rol' marketinga territorii v povyshenii turisticheskoi privlekatel'nosti regiona [Territory marketing role in the increase the tourist attraction of the region]. *Interexpo Geo-Sibir' = Interexpo GEO-Siberia*, no. 3 (2012): 65–69.
39. Dadalova M. V. Osobennosti formirovaniia turisticheskogo marketinga [Features of the formation of tourism marketing]. *Belgorodskii ekonomicheskii vestnik = Belgorod Economic Journal*, no. 1 (2010): 17–20.
40. Marinov S. Marketingovoe upravlenie turistiskoi destinatsiei [Marketing management of tourist destination]. *Servis v Rossii i za rubezhom = Services in Russia and abroad*, no. 8 (2013): 98–103.
41. Semenova L. V. Tendentsii i perspektivy razvitiia marketinga turizma na Stavropol'e [Trends and prospects for the development of tourism marketing in the Stavropol region]. *NaukaPark = SciencePark*, no. 2-2 (2014): 100–105.
42. Koshurnikova Yu. E., Kaliuzhnova N. Ia. Marketing vzaimodeistviia v turisticheskoi otrasli (na primere Irkutskoi oblasti) [Interaction marketing in tourism industry (by example of the Irkutsk region)]. *Vestnik*

Irkutskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta = Proceedings of Irkutsk State Technical University, no. 11 (2012): 229–235.

43. Goloschapova T. V. Marketingovye issledovaniia rynka gostinichnykh uslug (na primere g. o. Tol'atti) [Marketing researches of hotel service market (by example of Togliatti)]. *Vestnik Povolzhskogo gosudarstvennogo universiteta servisa. Serii: Ekonomika = Bulletin of the Volga State University Service. Series: Economy*, no. 4 (2008): 47–54.

44. Latorcev A.A. Prodvizhenie natsional'nogo turisticeskogo produkta s ispol'zovaniem gosudarstvennogo turistskogo brendinga [Advancement of the national tourism product with use of the state tourist branding]. *Nauchnyi vestnik MGIT = Research Bulletin of MSITI*, no. 2 (2011): 24–28.

45. Chernyakina A. O. Brending turistskoi territorii: oshibki i kliuchvye aspekty sozdaniia v ramkakh klasternogo podhoda razvitiia turizma [Tourism destination branding: errors and main aspects of creation in the cluster approach of tourism development]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk state pedagogical university bulletin*, no. 12 (2012): 47–52.

46. Peters M. Strategicheskii brend-menedzhment turistskikh destinatsii [Strategic brand management of tourism destinations: Creating emotions and meaningful intangibles]. *Vestnik RMAT = Vestnik RIAT*, no. 2 (2013): 11–21.

УДК 332.12

ТЕКУЩИЕ НАСТРОЙКИ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ: ВЫБОР МОДЕЛИ ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА В РЕСУРСНЫХ РЕГИОНАХ МОНОПРОФИЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ*

Елена В. Гоосен^{a, @, ID}; Софья В. Ковригина^a

^a Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, 650000, Россия, г. Кемерово, пр-т Советский, 18

@ egoosen@yandex.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0002-1387-4802>

Поступила в редакцию 14.05.2018. Принята к печати 29.06.2018.

Ключевые слова:

государственно-частное партнерство, плюралистическая модель, корпоративная модель, региональное государство, региональный бизнес

Аннотация: В работе актуализируется проблема поиска модели отношений государства и бизнеса в условиях смены вектора развития российской экономики. Важное место в этой дискуссии занимает вопрос о границах государственного и частного секторов. На основе анализа современных подходов к моделям взаимоотношений государства и бизнеса определена роль отношений в тандеме государство-бизнес. Самой эффективной формой взаимоотношений признано государственно-частное партнерство. Развитие государственно-частного партнерства как механизма, максимально приближенного к рыночному, для реализации социально значимых проектов способствует социально-экономическому развитию и смене вектора развития ресурсных регионов. Предложена классификация отношений в тандеме государство-бизнес. На основе сравнительного анализа выделены две диаметрально противоположные модели взаимодействия государства и бизнеса: плюралистическая и корпоративная. Показано, что более перспективным для анализа взаимодействия государства и бизнеса в регионах с монопрофильной направленностью является подход, опирающийся на дихотомию либеральной и координированной модели.

Для цитирования: Гоосен Е. В., Ковригина С. В. Текущие настройки рыночной экономики: выбор модели отношений государства и бизнеса в ресурсных регионах монопрофильной направленности // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 4. С. 47–54. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-47-54

Введение

Сегодня проблема выбора модели развития экономики России в вопросах преодоления зависимости от природных ресурсов – на пике актуальности. Экономика регионов с доминирующим природно-эксплуатирующим сектором (ресурсная), равно как и монопрофильная, отличается узкой специализацией, неэластичностью и опаздывающим развитием других типов производств. Поиск новых точек роста, направлений диверсификации экономики ресурсных регионов, ставших вследствие ресурсной направленности монопрофильными, требует пересмотра текущих настроек рыночной экономики, когда получаемая рента от добычи ресурсов перераспределяется между ограниченным числом участников, а уровень жизни обеспечивается за счет роста национального благосостояния. Все чаще возникает ситуация, когда регионы, живу-

щие за счет добычи ресурсов, не могут обеспечить необходимый уровень перераспределения ренты, а государство не обладает достаточным уровнем финансовой защищенности для обеспечения качества уровня жизни. Руководители компаний сталкиваются с тем, что государство все активнее вмешивается в процесс управления бизнесом, задавая направления стратегического развития в торговой, инвестиционной и технологической сферах. Можно ли говорить о начавшейся трансформации модели взаимодействия государства и бизнеса?

Важное место в этой дискуссии занимает вопрос о границах государственного и частного секторов. Именно адекватное сложившейся экономической ситуации взаимодействие государства и бизнеса должно обеспечить экономический рост и развитие России как государства, состоящего из многих ресурсных регионов, в т. ч. монопрофильной направленности.

* Исследование проведено при финансовой поддержке российского научного фонда по соглашению № 16-18-10182 «Формирование организационно-экономических механизмов комплексного освоения недр в регионах ресурсного типа на основе партнерства науки, власти и бизнеса».

Характер отношений между *региональным государством* и *региональным бизнесом*, включающий такие параметры, как степень свободы бизнеса, регулярность двусторонних отношений и др., определяет способность ресурсных секторов к интеграции с другими секторами и производствами, необходимой для перехода регионов на новый путь развития.

С методологической позиции вопрос участия государства и размер частного сектора весьма актуален. Теоретические позиции в этом вопросе тесно закреплены за А. Илларионовым, Н. Пивоваровой, В. Мау, Р. Нигматулиным, Г. Клейнером. Вопросы размера и роли государства неоднозначны среди российских экономистов, выбор модели отношений государства и бизнеса также не определен. В связи с этим целью данного исследования является выбор и обоснование модели отношений государства и бизнеса в ресурсных регионах монопрофильной направленности на основе анализа современных подходов к классификации отношений в тандеме «государство-бизнес». Методами исследования стали сравнение, анализ и синтез, а также моделирование.

1. Анализ современных подходов к классификации отношений в тандеме «государство-бизнес»

В настоящее время одной из самых эффективных форм взаимоотношений государства и бизнеса является государственно-частное партнерство (ГЧП). Под ГЧП понимаем институциональный и организационный альянс между государством и бизнесом в целях решения общественно-значимых задач в широком спектре сфер деятельности. Феномен ГЧП в широком смысле рассматривается и как механизм, привлекающий в традиционно государственные сферы эффективные рыночные инструменты менеджмента и способствующий страхованию «провалов рынка» в пределах компетенции государства, и как инструмент стратегического развития страны и ее регионов [1]. Такой широкий подход к ГЧП актуален в первую очередь для российских ресурсных регионов монопрофильной направленности, для которых характерны следующие основные особенности современных экономических процессов:

- высокая степень зависимости от внешнеэкономических факторов;
- наличие развитых экспортно-ориентированных секторов экономики;
- снижение показателей экономического роста и / или темпов их прироста;
- региональный бюджетный дефицит;
- активное развитие ГЧП в отдельных секторах экономики и др.

Несмотря на то, что ГЧП затрагивает в основном экономическую сферу, его особенности нельзя

понять вне общей модели (тандема) взаимодействия власти и бизнеса, сложившейся в обществе.

Реальные модели взаимодействия отличаются значительным разнообразием. В современной литературе, посвященной изучению специфике взаимодействия государства и бизнеса, можно выделить множество подходов и моделей. В таблице 1 представлены три наиболее распространенные классификации.

Наибольшее количество исследований проводится в рамках дихотомии плюралистической и корпоративистской (неокорпоративистской) моделей взаимодействия государства и бизнеса (например [2–4]).

На основе сравнительного анализа опыта развития развитых рыночных стран авторы выделяют две диаметрально противоположные модели взаимодействия государства и бизнеса: плюралистическую и корпоративную. В основе плюралистической модели лежит англо-американская традиция, в рамках которой власть и бизнес автономны и функционально дифференцированы – каждый действует на своем строго ограниченном поле: бизнес – в экономической сфере, государство – в политической. Диалог власти и бизнеса носит ограниченный характер, ведущая роль в нем принадлежит бизнесу. Интересно, что в рамках данной модели расширительно трактуется понятие *частная сфера*. Данная модель исходит из предпосылки, что в обществе нет доминирующего актора, бизнес представлен множеством слабых, конкурирующих между собой ассоциаций бизнеса, а государство играет роль одного из немногих акторов. Такая система является многоцентричной и опирается на децентрализацию интересов, именно поэтому она защищена от излишней бюрократизации. При этом бизнес имеет возможность отстаивать и продвигать свои интересы без посредников (ассоциаций, коалиций и партий). По мнению исследователей, плюралистическую модель характеризует контрастный режим публичности и соревновательность; акторы при продвижении своих интересов используют механизм открытого соперничества, а не сговора. Поэтому в рамках плюрализма акторам удается сохранять значительную автономию при ограниченном участии в процессах принятия решений. Для целей преодоления монопрофильной направленности регионов в рамках такой модели используется кооперация бизнеса, формирование и развитие локальных рынков, диверсификация производств. Бизнес-структуры инициативны и активно участвуют в совместных с региональными органами государственной власти проектах (ГЧП), направленных в т. ч. на комплексное развитие территорий таких регионов. Тем не менее такая модель не отвечает требованиям ресурсных регионов, т. к. доминирующая

природно-эксплуатирующая составляющая экономики требует более активного участия государства.

Корпоративная модель, опирающаяся на европейские традиции взаимодействия власти и бизнеса, предполагает активное, доминирующее участие государства во многих процессах. В его рамках нет четких границ между бизнесом и государством, что позволяет говорить о широкой трактовке публичной сферы и слабом функциональном разграничении политической и экономической сфер. Соответственно, акторы находятся в состоянии постоянного взаимо-

действия друг с другом, а их автономия находится на низком уровне.

Некоторые исследователи [3; 4] наряду с корпоративной выделяют неокорпоративную модель – *неокорпоративизм*. Ее используют, чтобы показать отличия между активной ролью государства в странах с демократическим режимом власти и в странах с авторитарным режимом. Поэтому исследователи подчеркивают, что неокорпоративная модель предполагает не просто ведущую роль государства, но и активный диалог с бизнесом, который ведется посредством взаимодействия с помощью посредничества

Таблица 1. Современные подходы к классификации отношений в тандеме *государство-бизнес*

Table 1. Modern approaches to the classification of relations in the *state-business tandem*

Авторы	Выделяемые модели	Характеристики моделей
Дихотомия плюралистической и корпоративной модели		
Шмиттер Ф., Коусон А., Лембрух Дж., Олсон М., Большаков С. Н., Большакова Ю. М., Михальченко Н. А., Ткачев С. А., Киселев В. И.	Плюралистическая модель с ведущей ролью бизнеса – <i>партийное государство</i>	– расширенная трактовка частной сферы; – автономия государства и бизнеса; – отношения между бизнесом и государством выстраиваются снизу; – рынок представительств; – наличие множества небольших представительских структур бизнеса; – диалог власти и бизнеса посредством партий и принятия законов
	Корпоративистская (неокорпоративистская) модель с ведущей ролью государства – государство ассоциаций	– расширенная трактовка публичной сферы; – низкий уровень автономии бизнеса и государства; – отношения между бизнесом и государством выстраиваются сверху; – активное вмешательство государства во все сферы деятельности, в том числе экономическую; – основная площадка диалога – политическая сфера; – значительная роль централизованных, сильных бизнес-ассоциаций и союзов, создаваемых сверху по отраслевому принципу
Модифицированная классификация дихотомии плюралистической и корпоративной модели		
Ленская О. Ю.	Системная модель	Опирается на наличие в обществе норм, разграничивающих сферы деятельности государства и бизнеса. Эти нормы являются основными правилами, регулирующими участие бизнеса в политических процессах
	Корпоративная модель	В основе – ведущая роль государства в экономике и политике, опирающаяся на его имущественную экспансию. Взаимодействие между государством и бизнесом выстраивается сверху с использованием политических методов
	Модель функционального представительства	Описание механизмов влияния крупного корпоративного бизнеса и бизнес-ассоциаций на государство
	Конфликтная модель	Взаимодействие государственной власти и бизнеса рассматриваются как столкновение интересов. Сферами столкновения интересов могут быть сфера экономической, политической деятельности и право

Авторы	Выделяемые модели	Характеристики моделей
Дихотомии либеральной и координационной модели		
Зудин А. Ю., Попандопуло А. И., Алейников А. В., Курбатова М. В., Левин С. Н., Гоосен Е. В.	Либеральная модель	– фирма – основной актор; – рынок и иерархии – основные механизмы координации действий фирм; – инструменты координации – цены и формальные контракты; – малое государство – невмешательство государства в функционирование рынка; – взаимодействие бизнеса с государством носит эпизодический характер
	Корпоративная модель	– государство является доминирующим самостоятельным актором; – основная функция государства – координация деятельности рынка; – устойчивые долгосрочные связи между государством и бизнесом в самых различных сферах; – основная форма взаимодействия – контракты, которые часто носят реляционный и неполный характер

сильных предпринимательских союзов, которые часто выступают не только от лица бизнес-сообщества, но и от лица общества в целом. Эту модель отличают непубличность принятия решений и высокая бюрократизация, а также широкое распространение лобби, которое действует через цепочку формально установленных согласований. Важно, что и корпоративная, и некорпоративная модели предполагают ограничение автономии акторов и их постоянное взаимодействие при определении приоритетов как в экономической, так политической сфере экономики и политики [2].

О. Ю. Ленская несколько модифицирует представленную выше дихотомию, добавляя в модель взаимодействия государства и бизнеса степень остроты противоречий интересов и способы их разрешения. В результате наряду с корпоративистской и системной моделями (аналог плюралистической модели) классификация О. Ю. Ленской дополнилась моделью функционального представительства и конфликтной моделью [5]. Это позволило автору более детально показать уровни и механизмы взаимодействия государства и бизнеса в современном обществе.

В рамках данных моделей тесные постоянные связи между органами региональной власти и местным бизнесом, а также с некоммерческими организациями, способствуют в регионах монопрофильной направленности нацеленности бизнеса на активное участие в совместных проектах, инициируемых региональными властями в целях развития кластеров, формирования локальных рынков и диверсификации экономики. Однако эта модель не подходит для российских регионов ресурсного типа (недостаточное развитие и активность малого и среднего предпри-

нимательства, коррупция и проч.). Таким образом, несмотря на широкое распространение представленных выше классификаций, они существенно ограничены и не могут описать особенности отношений государства и бизнеса в ресурсных регионах России, находящихся в ситуации поиска новых траекторий развития. В основном это связано с ориентацией данных моделей на анализ стран с развитой рыночной экономикой (европейские страны и США).

2. Выбор и обоснование модели отношений государства и бизнеса в ресурсных регионах монопрофильной направленности

Более перспективным для анализа взаимодействия государства и бизнеса в регионах с монопрофильной направленностью является подход, опирающийся на дихотомию либеральной и координированной модели. Он основан на определении отношений акторов в широком смысле. Различные масштабы и форматы полномочий публичной власти во взаимоотношениях с экономикой и обществом способствовали формированию различных политических моделей государства, группировавшихся вокруг двух полярных типов – *классического либерального* (минималистского) и *этатистского* (самодостаточного и доминантного) государства. Сегодня они представлены либеральной (англо-американская традиция) и координированной (европейская традиция) моделями (например [6–9]).

Крайней точкой на векторе от отстраненности государства от функционирования рынка до радикального вмешательства является социализм. Важную роль во взаимоотношениях государства и бизнеса играют исторические особенности, которые на языке институционалистов получили

название *обусловленного развития*. Отношения между государством и бизнесом приобретают конкретные формы как под влиянием различий в траекториях обусловленного развития, так и в результате конкретного выбора политического курса, сделанного наиболее сильными акторами в поворотные моменты истории [10].

Выбранный подход позволяет оценить в отношениях регионального тандема *государство-бизнес* следующие параметры, представленные в таблице 2:

- специфику регулирования рынка со стороны государства;
- регулярность отношений между государством и бизнесом;
- распределение ролей между государством и бизнесом;
- зону ответственности государства;
- степень свободы бизнеса;
- специфику проникновения бизнеса в политическую систему;
- специфику принятия решений;
- специфику разрешения конфликтных ситуаций;

– инициирование, участие, распределение ответственности в проектах ГЧП как одной из форм взаимоотношений.

Заключение

Представленная классификация моделей взаимодействия региональных органов государственной власти и бизнеса в координатах *либеральная – координированная модель отношений* адекватно описывает их место и роль в процессе перехода российских ресурсных регионов монопрофильной направленности на новый путь развития. Регулярные, прозрачные и равноправные отношения между региональным правительством и бизнесом, их активная совместная работа могут способствовать интеграции различных секторов экономики и их развитию, формированию и развитию локальных рынков и кластеров и в конечном итоге преодолению региональной ресурсной монопрофильности. Поскольку именно адекватное сложившейся экономической ситуации взаимодействие государства и бизнеса должно обеспечить экономический рост и развитие России

Таблица 2. Либеральная и координированная модели отношений в региональном тандеме *государство-бизнес*
Table 2. Liberal and coordinated models of relations in the regional *state-business* tandem

Параметры отношений	Модели отношений	
	Либеральная	Координированная
Регулирование рынка	Минимальное регулирование	Организованное регулирование
Регулярность отношений	Непостоянные	Постоянные
Распределение ролей	Региональная власть и бизнес – равноправные партнеры. Ведущая роль принадлежит бизнесу	Региональная власть и бизнес – равноправные партнеры. Ведущая роль принадлежит государству
Зона ответственности региональной власти	Общее состояние экономики и социальных отношений	Устойчивая конкурентная рыночная экономика, формирование у всех экономических групп позиции социальной ответственности, модернизация региональной экономики
Степень свободы бизнеса	Экономическая и политическая автономия бизнеса	Экономическая и политическая зависимость бизнеса
Проникновение бизнеса в региональную политическую систему	Бизнес свободно проникает в политическую систему	Бизнес проникает в политическую систему только при делегировании ему региональной властью определенных полномочий
Принятие решений, разрешение конфликтных ситуаций	Переговоры и компромисс. Права принятия решений, связанных с распределением ресурсов, – у региональной власти и бизнеса	Переговоры и указания, компромисс и директивы (в зависимости от целей региональной власти). Права принятия решений, связанных с распределением ресурсов, – у региональной власти
Инициирование, участие и распределение собственности в ГЧП	Бизнес свободно иницирует ГЧП. Региональная власть активно участвует в проектах. Обычно объекты остаются в собственности бизнеса	В основном региональная власть иницирует ГЧП. Бизнес активно участвует в ГЧП. Обычно объекты остаются в собственности регионального правительства

как государства, состоящего из многих ресурсных регионов, в т. ч. монопрофильной направленности. На решение этих же задач нацелены такие показатели региональной экономики, как экономическая и политическая свобода бизнеса, развитие малого и среднего предпринимательства, здоровая, конкурентная бизнес-среда, описываемые либеральной моделью взаимоотношений (таблица 2).

Таким образом, подход, опирающийся на дихотомию либеральной и координированной модели, является наиболее перспективным для анализа взаимодействия регионального государства и биз-

неса в ресурсных регионах с монопрофильной направленностью. Активное развитие и кооперация местного и регионального бизнеса, его политическая свобода и экономическая инициатива, в т. ч. в проектах ГЧП (либеральная модель), при активном участии региональных органов государственной власти (координированная модель), обусловленном ресурсной региональной спецификой, может способствовать развитию кластеров, комплексному развитию территорий и диверсификации экономики в регионах с монопрофильной направленностью.

Литература

1. Нижегородцев Р. М., Никитенко С. М., Гоосен Е. В. Государственно-частное партнерство в инновационной сфере: мировой опыт и перспективы России. Кемерово: Сибирская изд. группа, 2012. 482 с.
2. Киселев В. И. Сравнительный анализ корпоративистской и плюралистической моделей взаимодействия власти и бизнеса // Наука вчера, сегодня, завтра: сб. ст. по матер. V Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК, 2013. № 5. Режим доступа: <https://sibac.info/conf/science/v/34342> (дата обращения: 20.10.2017).
3. Большаков С. Н., Большакова Ю. М., Михальченкова Н. А., Ткачев С. А. О проблеме взаимодействия современного российского бизнеса и государства: общее и частное // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2014. № 2. С. 1–14.
4. Кисель К. Ю. Современные модели взаимодействия бизнес-структур и органов государственной власти: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2013. 24 с.
5. Ленская О. Ю. Политические аспекты взаимоотношений власти и бизнеса в условиях государственного корпоративизма в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2009. 28 с.
6. Зудин А. Ю. Ассоциации – бизнес – государство. «Классические» и современные формы отношений в странах Запада. М.: Гос. ун-т – Высш. шк. экономики, 2009. 68 с.
7. Попандопуло А. И. Государство и бизнес: новые горизонты партнерства // Власть. 2011. № 8. С. 22–26.
8. Алейников А. В. Институциональные аспекты управления взаимодействием государства и бизнеса в российской социально-экономической системе // Бизнес, менеджмент и право. 2011. № 1. С. 61–65.
9. Курбатова М. В., Левин С. Н., Гоосен Е. В., Медянцева С. Г., Скрипак Е. И., Сурцева А. А., Трофимова Ю. В. Общественно-договорные механизмы формирования социально-экономических моделей рыночной экономики. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. 358 с.
10. Зудин А. Ю. Государство и бизнес в России: эволюция модели взаимоотношений // Неприкосновенный запас. 2006. № 6. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/50/zu18-pr.html> (дата обращения: 20.10.2017).

CURRENT ADJUSTMENTS OF THE MARKET ECONOMY: CHOICE OF THE MODEL OF RELATIONS BETWEEN THE STATE AND THE BUSINESS IN MONO-PROFILE RESOURCE REGIONS*

Elena V. Goosen^{a, @, ID}; *Sofia V. Kovrigina*^a

^a *The Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 18, Sovetsky Ave., Kemerovo, Russia, 650000*

@ *egoosen@yandex.ru*

^{ID} *https://orcid.org/0000-0002-1387-4802*

Received 14.05.2018. Accepted 29.06.2018.

Keywords: public private partnership, pluralistic model, corporate model, regional state, regional business

Abstract: The research features the problem of searching for a model of relations between the state and the business in the conditions of the changing development vector of the Russian economy. An important place in this discussion is the issue of the boundaries of the public and private sectors. Based on the analysis of modern approaches to models of government-business relations, the authors define the role of relations in the state-business tandem. The most effective form of relations is public-private partnership. The development of the partnership between the state and the business is a mechanism for the implementation of socially significant projects, as close to the market as possible. It contributes to the socio-economic development and the changes in the development vector of resource regions. The paper introduces a classification of relations in the «state-business» tandem. The authors use the basis method of comparative analysis to distinguish two diametrically opposite models of state-business interaction, i.e. pluralistic and corporate. The approach based on the dichotomy of a liberal and a coordinated model is more promising for analyzing the interaction between the state and the business in regions with a mono-profile orientation.

For citation: Goosen E. V., Kovrigina S. V. Tekushchie nastroiiki rynochnoi ekonomiki: vybor modeli otnoshenii gosudarstva i biznesa v resursnykh regionakh monoprofil'noi napravlenosti [Current Adjustments of the Market Economy: Choice of the Model of Relations between the State and the Business in Mono-Profile Resource Regions]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 4 (2018): 47–54. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-47-54

References

1. Nizhegorodtsev R. M., Nikitenko S. M., Goosen E. V. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v innovatsionnoi sfere: mirovoi opyt i perspektivy Rossii* [Public-private partnership in the innovation sphere: the world experience and prospects of Russia]. Kemerovo: Sibirskaiia izd. Gruppya, 2012, 482.
2. Kiselev V. I. Sravnitel'nyi analiz korporativistskoi i pluralisticheskoi modelei vzaimodeistviia vlasti i biznesa [Comparative analysis of corporatistic and pluralistic models of interaction between power and business]. *Nauka vchera, segodnia, zavtra: sb. st. po mater. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Science yesterday, today, tomorrow: Proc. V Intern. Sci.-Prac. Conf.]. Novosibirsk: SibAK, no. 5 (2013). Available at: <https://sibac.info/conf/science/v/34342> (accessed 20.10.2017).
3. Bolshakov S. N., Bolshakova Yu. M., Mikhailchenkova N. A., Tkachev S. A. O probleme vzaimodeistviia sovremennogo rossiiskogo biznesa i gosudarstva: obshchee i chastnoe [The problem of interaction between modern Russian business and the state: general and private]. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie ekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniia i venchurnogo investirovaniia Syktyvkar'skogo gosudarstvennogo universiteta = Corporate Governance and innovative economic development of the North: Bulletin of Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University*, no. 2 (2014): 1–14.

* The study was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation under the agreement No. 16-18-10182 "Formation of the organizational and economic mechanisms for the integrated development of subsurface resources in resource-based regions on the basis of partnership between science, government and business".

4. Kisel K. Iu. *Sovremennye modeli vzaimodeistviia biznes-struktur i organov gosudarstvennoi vlasti*. Avtoref. diss. kand. polit. nauk [Modern models of interaction of business structures and public authorities. Cand. Polit. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2013, 24.
5. Lenskaya O. Iu. *Politicheskie aspekty vzaimootnoshenii vlasti i biznesa v usloviakh gosudarstvennogo korporativizma v sovremennoi Rossii*. Avtoref. diss. kand. polit. nauk [Political aspects of the relationship between government and business in the conditions of state corporatism in modern Russia. Cand. Polit. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2009, 28.
6. Zudin A. Yu. *Assotsiatsii – biznes – gosudarstvo. "Klassicheskie" i sovremennye formy otnoshenii v stranakh Zapada* [Association - business - state. "Classic" and modern forms of relations in Western countries]. Moscow: Gos. un-t – Vyssh. shk. ekonomiki, 2009, 68.
7. Popandopulo A. I. Gosudarstvo i biznes: novye gorizonty partnerstva [State and business: new horizons of partnership]. *Vlast' = The Authority*, no. 8 (2011): 22–26.
8. Aleinikov A. V. *Institutsional'nye aspekty upravleniia vzaimodeistviem gosudarstva i biznesa v rossiiskoi sotsial'no-ekonomicheskoi sisteme* [Institutional aspects of managing the interaction of the state and business in the Russian social and economic system]. *Biznes, menedzhment i pravo = Business, Management and Law*, no. 1 (2011): 61–65.
9. Kurbatova M. V., Levin S. N., Goosen E. V., Mediantseva S. G., Skripak E. I., Surtseva A. A., Trofimova Iu. V. *Obshchestvenno-dogovornye mekhanizmy formirovaniia sotsial'no-ekonomicheskikh modelei rynochnoi ekonomiki* [Socially-contractual mechanisms for the formation of socio-economic models of a market economy]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2005, 358.
10. Zudin A. Yu. Gosudarstvo i biznes v Rossii: evoliutsiia modeli vzaimootnoshenii [The state and business in Russia: the evolution of the model of mutual relations]. *Neprikosnovennyi zapas = The untapped reserve*, no. 6 (2006). Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/50/zu18-pr.html> (accessed 20.10.2017).

УДК 332.12

ПРОБЛЕМА ПОИСКА ПЕРСПЕКТИВНЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СФЕРЕ КОМПЛЕКСНОГО ОСВОЕНИЯ НЕДР В УГОЛЬНОЙ ОТРАСЛИ*

Елена В. Гоосен^{a, @, ID}; Сергей М. Никитенко^a; Владимир И. Клишин^a

^a Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, 650000, Россия, г. Кемерово,

пр-т Советский, 18

@ egoosen@yandex.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0002-1387-4802>

Поступила в редакцию 14.05.2018. Принята к печати 29.06.2018.

Ключевые слова:

цепочки добавленной стоимости, государственно-частное партнерство, комплексное освоение недр, ресурсный регион, анализ патентов

Аннотация: В статье дается анализ проблем и перспектив наиболее сложной отрасли экономики России – угольной отрасли, предпринята попытка поиска направлений диверсификации экономики угольного региона. Мы предлагаем обратиться к теории цепочек добавленной стоимости. Угольная отрасль выступает началом цепочки по формированию добавленной стоимости. Подтверждена возможность сотрудничества с машиностроительной отраслью для построения новых технологических цепочек. Проведенный анализ также позволил выдвинуть гипотезу о том, что локализация на территории перерабатывающих производств на основе связанных технологий в рамках современных удлиненных и разветвленных цепочек поставок и цепочек добавленной стоимости может стать инструментом преодоления *анклавности* и снижения ресурсной зависимости регионов. На основе анализа патентных источников определены основные направления развития угольной отрасли, на которых сосредоточено внимание ведущих угледобывающих стран и компаний. На примере ресурсного региона (Кемеровская область) определены степень технологического развития поддерживаемых патентов и уровень готовности компаний к совместным проектам с машиностроительной отраслью на основе научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

Для цитирования: Гоосен Е. В., Никитенко С. М., Клишин В. И. Проблема поиска перспективных производственных технологий в сфере комплексного освоения недр в угольной отрасли // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 4. С. 55–60. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-55-60

Введение

Проблемам диверсификации ресурсных экономик, в том числе с помощью кластерных инициатив, государственно-частного партнерства и пр., в последние годы уделяется много внимания [1]. Целью исследования является анализ проблем и поиск перспективных направлений развития экономики Кузбасса на основе теории цепочек добавленной стоимости (ЦДС).

Предшествующие десятилетия экстенсивного развития природных ресурсов привели к целому ряду проблем во многих добывающих секторах экономики, которые также обострились в последнее время: истощение запасов месторождений, снижение размеров и качества новых геологических открытий, увеличение затрат на освоение

сложных и удаленных провинций. Российские добывающие сектора в настоящее время характеризуются высокой зависимостью от внешних рынков, проблемой импортозамещения, технологическими провалами в ряде производств, высоким износом производственных фондов. Представляется, что решение всех этих проблем тесно связано с переходом от экстенсивного использования природных ресурсов на комплексное освоение недр с устойчивым социально-экономическим развитием территорий, взаимовыгодным партнерством науки, власти и бизнеса на принципах государственно-частного партнерства (ГЧП) [2].

* Исследование проведено при финансовой поддержке российского научного фонда по соглашению № 16-18-10182 «Формирование организационно-экономических механизмов комплексного освоения недр в регионах ресурсного типа на основе партнерства науки, власти и бизнеса».

Результаты и обсуждение

Угольная отрасль России является ключевым элементом мировой ресурсно-сырьевой базы и имеет большое значение для социально-экономического развития России в целом и особенно ее угольных регионов. Как и газовая, угольная отрасль оказалась зависима от внешних факторов: ключевой проблемой ее дальнейшего развития является емкость внешнего рынка и проблема транспортировки. С одной стороны, экономика России имеет достаточный запас ресурсов газа и угля, с другой стороны, актуализируется проблема их продажи, доставки и переработки. Политическое давление в лице санкционной политики ЕС и США, климатические программы формируют неопределенность для обеих отраслей. Кроме того, экономико-производственное противостояние газовой и угольной отраслей сокращает перспективы угольной сферы на внутреннем рынке и ориентируют ее на экспорт.

Доля поставок на экспорт увеличилась с 29 % в 2006 г. до 43 % в 2016 г. С 2014 г. объемы экспорта тоже начали сокращаться. На сегодняшний день добыча российского угля поддерживается в основном за счет спроса на уголь на внутреннем рынке. При этом в условиях общего падения цен на внешнем и внутреннем рынках энергоносителей можно ожидать обострения конкуренции между производителями угля и газа и сокращения внутреннего спроса на уголь.

В наиболее тяжелом положении находится Кузбасс, который является основным угольным бассейном России. В регионе добывается 61 % угля страны и экспортируется 76 %. Ресурсная ориентация до 2009 г. обеспечивала Кемеровской области достаточно высокие темпы роста, высокий уровень доходов населения, однако ограничивала возможности развития других отраслей, усиливала дезинтеграционные процессы. За период 2010–2015 гг. объем государственного долга региона вырос в три раза и составил 62,5 млрд руб. Это составляет почти 80 % от доходов бюджета Кемеровской области¹. Сложившуюся ситуацию в регионе можно объяснить негативными мировыми и общероссийскими тенденциями (падением в разы мировых цен на уголь и металлы, спад экономики, санкции, снижение реальных доходов населения, снижение инвестиционной и предпринимательской активности). Но фундаментальные причины лежат гораздо глубже и связаны с особенностью участия Кузбасса и России в глобальных ЦДС и спецификой вертикальных ЦДС, формируемых крупнейшими рос-

сийскими вертикально-интегрированными компаниями (ВИК) на внутреннем рынке.

Россия в наибольшей степени участвует в восходящих ЦДС (индекс 86 %) – поставляет на экспорт сырье и материалы и приобретает готовую продукцию². Большая часть ЦДС имеет ярко выраженную иерархическую структуру. Последнее означает, что большая часть восходящих ЦДС, в которых участвует Россия, контролируется отечественными ВИК. Угольная сфера России характеризуется насыщением крупных вертикально интегрированных угледобывающих компаний. В таблице³ приведены данные топ-10 компаний, которые обеспечивают 58 % добычи угля в стране. Большая часть из них имеет подразделения на территории Кузбасса. Цепочки ЦДС имеют вертикальную структуру.

Основу ЦДС экономики Кемеровской области составляют добыча и обогащение угля. Экспортно-ориентированная модель развития привела к тому, что в регионе сосредоточены в основном первые производственные стадии, которым свойственны такие черты, как капиталоемкость, для развития разветвлений ЦДС необходим более высокий спрос на научные исследования и разработки, вовлечение в смежные производства и переработку других компаний. Все в совокупности создает в регионе моноотраслевую структуру экономики и создает барьеры для ее диверсификации. По нашему мнению, в ресурсных регионах России разумно развивать и восходящие, и нисходящие ЦДС, которые должны дополнять друг друга [3]. При этом инновационное развитие ресурсных регионов и формирование перспективных ЦДС невозможно без технологической модернизации смежных и обеспечивающих производств, к которым относятся в первую очередь машиностроение и железнодорожная инфраструктура.

Для успешного развития ЦДС в угольной отрасли необходимо широко вовлекать отечественных ученых и машиностроителей в процесс разработки новых технологий добычи и переработки угля и создания автоматизированного оборудования. Но данные процессы не должны носить хаотичный характер, а должны четко соответствовать мировым тенденциям в данной отрасли. Для определения основных направлений развития технологий в области добычи угля было проведено исследование по патентным источникам как наиболее чувствительным к малейшим изменениям и инновациям.

¹ Михайлов А. Долговая яма для губернаторов // Профиль. 20.02.2017. Режим доступа: <http://m.profile.ru/economics/item/115341-dolgovaya-yama-dlya-gubernatorov> (дата обращения: 15.02.2018).

² Input-Output Tables (IOTs) // OECD (2015). Режим доступа: <http://www.oecd.org/sti/ind/input-outputtables.htm> (дата обращения: 15.02.2018).

³ Составлено по: Ведущие угледобывающие компании РФ – 2018 г. Режим доступа: http://www.eruda.ru/gdp/top_50_vedushchikh_ugledobyvayushchikh_kompaniy_rf_reyting.htm (дата обращения: 01.02.2018).

Таблица. Крупнейшие российские угледобывающие компании по итогам 2017 г.

Table. The largest Russian coal mining companies by the end of 2017

№	Название компании	Объем добычи угля (млн т)	Доля компании в общей добычи угля в России
1	АО «СУЭК»	107,8	20 %
2	АО УК «Кузбассразрезуголь»	46,3	9 %
3	АО ХК «СДС уголь»	27,6	6 %
4	ООО «ЕвразХолдинг»	20,5	5 %
5	ПАО «Мечел»	23,3	4 %
6	Компании, подконтрольные Дмитрию Босову (АО «Сибирский Антрацит», УК «ВостокУголь»)	21,44	3 %
7	АО «Русский уголь»	14,1	3 %
8	ООО «Компания «Востсибуголь»»	13,8	3 %
9	ПАО «Кузбасская Топливная Компания»	13,23	3 %
10	ООО «ХолдингСибуглемет»	12	2 %

В процессе исследований были отобраны патентные документы по заданной тематике. Изучение коснулось ведущих стран в угледобывающей отрасли России, США, Китая, Великобритании, Австралии, Германии, Чехии, Украины, ЮАР и др. Проводились изучение и анализ динамики патентования в исследуемых странах, выявлялись фирмы, проявляющие наибольшую активность при проведении исследований по данному вопросу. Глубина исследования составила 10 лет. В итоге для анализа было отобрано 317 патентов, определяющих наиболее перспективные направления развития технологий добычи и переработки угля.

Анализ патентно-лицензионной ситуации показал, что в период 2012–2017 гг. у исследователей разных стран возрос интерес к вопросам совершенствования оборудования для отработки полого-наклонных пластов. Рост количества полученных патентов наблюдается в России, США, Украине, Китае. Наиболее активное патентование происходит в Китае. Данная ситуация объясняется тем, что на протяжении последних лет машинный парк оборудования для отработки полого-наклонных пластов состоял в основном из морально и физически устаревших конструкций. На рынке востребованы новые технические решения конструкций очистных комплексов, конвейеров, механизированных крепей, что подтверждается повышенным интересом разработчиков.

Из числа ведущих зарубежных компаний, производящих аналогичное оборудование, найдены патенты *Caterpillar Global Mining*, *JOY MM DELA-*

WARE, *Bucyrus International*, *Shandong Xingyuan Mining Equipment Group Co*, *Handan Mining Group*, *Eriez Magnetics*, *General Kinematics*, *группа компаний FAMUR*⁴.

В настоящее время на горнодобывающих предприятиях России, Китая, Австралии, ЮАР и других угледобывающих стран при выемке угля из пологих и круто-наклонных пластов мощностью не менее пяти метров наибольшее распространение получили две технологии. Первая заключается в разделении пласта на наклонные слои и использование в пределах каждого слоя системы разработки длинными столбами по простиранию. При этом мощность слоя при использовании механизированной крепи – 5–6 м, а управление кровлей при отработке слоев осуществляется при помощи полного обрушения. Вторая – обрушение и выпуск угля подкровельной пачки. Данная технология состоит в отработке подсечного слоя у почвы мощного пласта с последующим разрушением подкровельной пачки угля и выпуском разрушенного угля в призабойное пространство подсечного слоя, при этом мощность подсечного слоя составляет от 2,5 до 3,5 м, а мощность подкровельной пачки – от 6 до 17 м.

Как показал анализ источников, с выпуском угля подкровельной толщи применяются два варианта технологии: на забойный скребковый конвейер отработываемого слоя, примененный в комплексах КТУ, КНКМ (Россия), VHP-731 (Венгрия) и др., и на дополнительный завальный скребковый конвейер, расположенный в завальной части лавы

⁴ System and method for servicing load rollers in undercarriage assembly. Патент US № 15045253. 17.02.2016. Режим доступа: <https://patents.google.com/patent/US20160159419A1/en?assignee=Caterpillar+Global+Mining&before=priority:20180101&after=priority:20160101> (дата обращения: 01.02.2018); Dive grit discharge pump. Патент CN № 206234131. 09.06.2017. Режим доступа: <https://patentimages.storage.googleapis.com/20/64/60/91913796d3d253/CN206234131U.pdf> (дата обращения: 01.02.2018).

(например, комплексы ОКПВ-70, КМ-81В (Россия), ZFS (Китай) и др. [4]).

При осуществлении первой технологии – выпуска угля на забойный скребковый конвейер – возникает следующая проблема: для того чтобы уменьшить размер секции крепи по длине, выпускной люк располагают вблизи от забоя, но при этом не обеспечивается необходимая подготовка угля к самообрушению, т.к. расстояние до люка недостаточно велико. В связи с этим уже при не самом плотном угле его приходится дополнительно разрыхлять. Помимо данного недостатка при выпуске угля образуется большое количество угольной пыли, что снижает безопасность работ. При выпуске угля на завальный конвейер – вторая технология – деформирование и разрушение подкровельной пачки происходит значительно легче в технологическом плане, но при этом размеры секции крепи существенно больше по сравнению с первым способом. Также недостатком данной технологии является усложнение конструкции крепи и перегрузочного устройства в узле состыковки лавы и конвейерного штрека, что приводит к дополнительным сложностям в его обслуживании [5].

Заключение

В результате анализа описаний изобретений к патентам, отобранным при проведении патентного поиска по устройствам, обеспечивающим возможность разработки наклонных, крутонаклонных, крутых пластов с выпуском угля (питатели), были выявлены шесть основных технико-экономических показателей устройств, улучшение которых было целью или задачей соответствующих изобретений. Наибольший коэффициент весомости имеют показатели улучшения эксплуатационных характеристик, упрощение технического обслуживания, повышение безопасности и надежности, повышение износоустойчивости и срока службы.

Анализ зарубежных и российских источников показал, что для увеличения износоустойчивости при воздействии ударных нагрузок наиболее эффективны покрытия и сплавы на основе покрытий хрома, железа, никеля, порошков карбидов, оксидов, боридов, алмаза. Для дробилок рекомендуется применять высокомарганцевые стали. При этом следует отметить, что при разработке технического направления следует учитывать тот факт, что использование композиционных материалов может увеличить стоимость готовой продукции.

Также было установлено, что на зарубежных шахтах преобладает щитовая механизированная крепь поддерживающе-оградительного типа с двухстоечными или четырехстоечными секциями, и широкое распространение получили гидрофицированные механизированные крепи, которые

используются сегодня при выемке пологих, наклонных и крутых пластов. Основными параметрами механизированной крепи, которые определяют возможность ее применения, являются номинальная высота крепи, рабочее сопротивление на единицу площади поддерживаемой кровли, рабочее сопротивление стойки, коэффициент затяжки кровли, давление основания крепи на почву, шаг установки секции, шаг передвижки секции, габариты секции крепи.

Как показал анализ, наибольшую весомость имеют показатели, характеризующие надежность и безопасность механизированной крепи и расширения ее эксплуатационных возможностей. Исследователи работают над улучшением элементов гидросистемы, способов передвижения крепи, способов дистанционного управления секциями крепи, увеличением шага установки секций.

Наблюдается развитие техники в направлении применения дистанционного, преимущественно электрогидравлического управления секциями крепи. Исследователи работают над вопросом увеличения шага установки секций крепи, позволяющего при этом повысить несущую способность секций, их устойчивость. Указанные цели достигаются за счет совершенствования механизма подъема основания, исключения заклинивания толкателя, использования скользящего способа перемещения секции, укрепления гидростоек.

Еще одним из основных направлений по развитию угледобычи является поиск наиболее эффективных способов разупрочнения горных пород. Из отобранных источников известны основные способы разупрочнения угольного массива и разрушения горных пород: буровзрывные, механические, гидравлические, прочие (использование расширяющихся средств, электродинамические, температурное влияние). Однако одним из наиболее перспективных способов разрушения прочных горных пород, с точки зрения безопасности, производительности, экологичности, является метод направленного гидроразрыва.

На основании анализа патентных документов можно сделать вывод о том, что вопрос экологичности гидроразрыва угольного пласта и строго ориентированной направленности гидроразрыва и заданных параметров щели для исследователей является важным, приоритетным. Как правило, проведение гидроразрыва связано с расходом большого количества воды и песка, с использованием химических соединений, модификаторов проницаемости и т.д. Актуальным является вопрос загрязнения грунтовых вод и почвы. Экологичность гидроразрыва исследователи связывают с отсутствием токсичных веществ и песка.

В Кемеровской области были отобраны две крупнейшие угледобывающие компании: публичная компания «ЕВРАЗ» и акционерное общество «Сибирская угольная энергетическая компания» (АО «СУЭК»). Было установлено, что в группе компаний ПАО «ЕВРАЗ» научная деятельность ведется на наиболее крупных угольных предприятиях, входящих в его состав, АО ОУК «Южкузбассуголь» и ПАО «Распадская», на их долю приходится 100 % патентов в угольной отрасли. Напротив, в АО «СУЭК» стратегия ведения научной деятельности сосредоточена в рамках одного специализированного научного института, «Сибниуглеобогащение», являющегося правообладателем 70 % патентов в угольной отрасли.

Анализ отобранных патентов показал, что основным направлением ведения научно-технической деятельности является разработка технологии и оборудования, связанных с обогащением угля. При этом данные патенты были зарегистрированы

в течение последних трех лет, а срок жизни технологии составляет 8 лет, следовательно, компании постоянно совершенствуют собственные разработки, кроме этого, патенты являются действующими, т.е. поддерживаются в силе, что свидетельствует об их использовании при добыче угля.

Таким образом, анализ патентных источников позволил определить основные направления развития угольной отрасли, на которых сосредоточено внимание ведущих угледобывающих стран и компаний. Знание данной информации позволит существенно сузить круг направлений для исследований и разработки современных технологических решений в сфере добычи и переработки угля, что в свою очередь приведет к развитию ЦДС в угольной отрасли за счет вовлечения смежных отраслей гражданского хозяйства, в частности машиностроителей и проектно-конструкторские организации (включая научные институты).

Литература

1. Никитенко С. М., Гоосен Е. В. Государственно-частное партнерство в недропользовании: новые возможности для ТЭК России // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. 2017. № 1. С. 27–32.
2. Никитенко С. М., Гоосен Е. В. Цепочки добавленной стоимости как инструмент развития угольной отрасли // ЭКО. 2017. № 9. С. 104–124.
3. Саблин К. С., Гоосен Е. В., Никитенко С. М. Проблема поиска инструментов развития регионов ресурсного типа // Материалы IV Всероссийского симпозиума по региональной экономике. 2017. С. 59–63.
4. Новосельцев А. А. Геомеханическое обоснование технологических решений по управляемому выпуску угля подкровельной толщи и мощных пологих пластов: дис. ... канд. техн. наук. М., 2013. 202 с.
5. Клишин В. И., Шундулиди И. А., Ермаков А. Ю., Соловьев А. С. Технология разработки запасов мощных пологих пластов с выпуском угля. Новосибирск: Наука, 2013. 198 с.

THE PROBLEM OF SEARCHING FOR PROMISING PRODUCTION TECHNOLOGIES IN THE FIELD OF INTEGRATED DEVELOPMENT OF MINERAL RESOURCES IN THE COAL INDUSTRY* *Elena V. Goosen*^{a, @, ID}; *Sergei M. Nikitenko*^a; *Vladimir I. Klishin*^a

¹ *The Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 18, Sovetsky Ave., Kemerovo, Russia, 650000*

@ *egoosen@yandex.ru*

^{ID} *https://orcid.org/0000-0002-1387-4802*

Received 14.05.2018. Accepted 29.06.2018.

Keywords: integrated subsoil development, public-private partnership, value chain, resource of the region, analysis of patents

Abstract: The paper offers an analysis of the problems and prospects of the most difficult branch of the Russian economy, i.e. coal industry. An attempt is made to find directions for diversifying the economy of a coal region. The authors suggested turning to the theory of value chains. The coal industry is the beginning of a chain of added value formation. The study confirmed the possibility of cooperation with the engineering industry for building new technological chains. The analysis also made it possible to put forward a hypothesis that localization on the territory of

* The study was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation under the agreement No. 16-18-10182 «Formation of the organizational and economic mechanisms for the integrated development of subsurface resources in resource-based regions on the basis of partnership between science, government and business».

processing industries, based on related technologies within the framework of modern elongated and ramified supply chains and value chains, can become an instrument for overcoming «enclave» and reducing resource dependence of regions. Based on the analysis of patent sources, the authors defined the main directions of development of the coal industry that are currently in the focus of attention of the leading coal-mining countries and companies. On the basis of scientific research and design, the authors use the example of the Kemerovo region to determine the degree of technological development of the supported patents and the level of companies' readiness for joint projects with the machine-building industry.

For citation: Goosen E. V., Nikitenko S. M., Klishin V. I. Problema poiska perspektivnykh proizvodstvennykh tekhnologii v sfere kompleksnogo osvoeniia nedr v ugol'noi otrasli [The Problem of Searching for Promising Production Technologies in the Field of Integrated Development of Mineral Resources in the Coal Industry]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 4 (2018): 55–60. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-55-60

References

1. Nikitenko S. M., Goosen E. V. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v nedropol'zovanii: novye vozmozhnosti dlia TEK Rossii [Public-private partnership in subsoil use: new opportunities for Russian fuel and energy complex]. *Mineral'nye resursy Rossii. Ekonomika i upravlenie = Mineral Resources of Russia. Economics and Management*, no. 1 (2017): 27–32.
2. Nikitenko S. M., Goosen E. V. Tsepochki dobavlennoi stoimosti kak instrument razvitiia ugol'noi otrasli [Chains of value added as an instrument for the development of the Kuzbass coal industry]. *EKO = ECO*, no. 9 (2017): 104–124.
3. Sablin K. S., Goosen E. V., Nikitenko S. M. Problema poiska instrumentov razvitiia regionov resursnogo tipa [The problem of finding tools for development of resource-type regions]. *Materialy IV Vserossiiskogo simpoziuma po regional'noi ekonomike* [Proc. IV All-Russian Symposium on Regional Economics]. 2017, 59–63.
4. Novoseltsev A. A. *Geomekhanicheskoe obosnovanie tekhnologicheskikh reshenii po upravliaemomu vypusku uglia podkrovel'noi tolshchi i moshchnykh pologikh plastov*. Diss. kand. tekhn. nauk [Geomechanical justification of technological solutions for the controlled release of coal underlying the thickness and thick, shallow layers. Cand. Techn. Sci. Diss.]. Moscow, 2013, 202.
5. Klishin V. I., Shundulidi I. A., Ermakov A. Iu., Solov'ev A. S. *Tekhnologiia razrabotki zapasov moshchnykh pologikh plastov s vypuskom uglia* [Technology for the development of reserves of thick, shallow reservoirs with the release of coal]. Novosibirsk: Nauka, 2013, 198.

УДК 332.12

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ МОНОГОРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Владимир П. Григорьев^{a, @}

^a Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, 677000, Россия, г. Якутск, ул. Беллинского, 58

[@] perspectiva64@mail.ru

Поступила в редакцию 31.01.2018. Принята к печати 29.06.2018.

Ключевые слова:

регионы, монопрофильное производство, ресурсы, мощность, вахта

Аннотация: Статья посвящена актуальной и острой проблеме формирования и функционирования монопрофильных моногородов. Приведены количественные параметры «созревших» моногородов Российской Федерации и Дальнего Востока. Показаны основные факторы создания моногородов, проблемы монопрофильных поселений. Отражены основные проблемы моногородов – безработица, демография и миграция, отсутствие инвесторов-резидентов. В Республике Саха (Якутия) разработана и реализуется программа комплексного развития моногородов, где основное внимание уделяется созданию новых рабочих мест. В результате чего до 2020 г. на промышленные предприятия предусматривается привлечение не менее 10 тысяч человек из числа местного населения. Предложены пути и направления выхода моногородов региона из проблемной ситуации. Обосновывается целесообразность проведения технико-экономических обоснований при выборе метода освоения каждого конкретного месторождения исходя из размеров запасов производственной мощности будущего предприятия, что покажет продолжительность отработки крупного и ряда мелких близкорасположенных месторождений, от чего прямо зависят сроки функционирования населенных пунктов. Исходя из этого следует выбирать стационарный (поселок) или вахтовый метод отработки месторождений.

Для цитирования: Григорьев В. П. Проблемы и перспективы моногородов Дальнего Востока // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 4. С. 61–66. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-61-66

Введение

Макрорегионы нашей страны, такие как Урал, Сибирь и европейская часть Арктики, прошли пик своего развития, в связи с истощением ресурсного потенциала сегодня здесь все идет на спад. Поэтому народное хозяйство страны вынуждено было ориентироваться на развитие природоэксплуатирующих регионов Дальнего Востока, включая азиатскую часть Арктики и Забайкалье.

Исторически освоение новых территорий во всем мире (к таковым относится и Дальний Восток России) начиналось с поиска и добычи стратегических и дефицитных валютных природных ресурсов: цветных металлов, нефти, а также географических местоположений.

Есть необходимость определения рациональных и эффективных путей повышения развития природоэксплуатирующих районов и субъектов, которые имеют проблемы и становятся депрессивными. К ним относятся Дальний Восток и арктические регионы, удаленные от развитых центральных регионов и транспортных артерий. Освоение этих регионов начиналось с разработки одного крупного

валютного вида полезных ископаемых (нефть, газ, золото, алмазы). В результате создавалось одно монопрофильное производство и поселение, которое со временем становилось моногородом.

Основными предпосылками и стартовыми факторами образования любого населенного пункта – поселка – со временем в малый моногород являются:

– наличие на локальной территории крупного месторождения полезного ископаемого с большими запасами, на базе которого возможно создание промышленного производства основного градо- и бюджетообразующего предприятия;

– удаленность от других городов, исключая кооперацию и диверсификацию, и проблема трудоустройства высвобождающихся квалифицированных работников и вторых членов их семей.

Монопрофильный город – это город, где основная часть трудоспособного населения работает на одном или нескольких градообразующих предприятиях, которые определяют экономические, социальные, экологические процессы в городе, т.е. условия его жизнедеятельности.

Отметим, что развитие моногородов вошло в одно из 11 стратегических направлений экономики РФ. А в 2016 г. утверждена приоритетная программа «Комплексное развитие моногородов». Сюда входят создание новых рабочих мест, не связанных с деятельностью градообразующих предприятий, и улучшение качества городской среды.

В России малые города числом составляют 945, это 2/3 всех городов страны, в них проживает около 20 % всего населения, а главное – более 45 % российских малых городов являются монопрофильными¹.

Монопрофильный город должен определяться степенью эффективности работы градообразующих предприятий.

Основными признаками моногородов являются: доля промышленного производства основного градообразующего предприятия составляет более 20 % от общегородского объема производства; на градообразующем предприятии работает более 20 % от численности занятого населения города.

Серьезной проблемой моногородов являются безработица, демография и миграция. Важным стратегическим преимуществом создаваемых в регионах территорий опережающего развития (ТОР) является улучшение критического положения в депрессивных моногородах за счет включения их в свой состав. В результате практически все монопрофильные города Дальнего Востока становятся участниками ТОР, что положительно отразится на их функционировании и развитии за счет привлечения новых инвесторов, создания центров и опорных зон масштабной диверсификации производства.

1 января 2017 г. по России было учтено 319 моногородов, из них 100 было причислено к моногородам со сложной экономической ситуацией. На период 2010–2017 гг. из Фонда развития моногородов (ФРМ) было выделено 29,6 млрд руб. на создание в них рабочих мест и новых производств. В результате этого было создано 122 тыс. новых рабочих мест².

К 2019 г. 18 моногородов в России должны перестать быть таковыми. Здесь может быть два варианта выхода из критического положения – создание крупными холдингами альтернативных производств или переселение. Это возможно лишь для поселков, когда создавать новое производство экономически нецелесообразно. Между тем для переселения пяти тысяч человек потребуется 5 млрд руб. только на новое жилье и проезд.

Функционирование монопрофильных городов Арктической зоны РФ

Исчерпание ресурсов, изменение конъюнктуры отечественного и мирового рынков вследствие монофункциональности городов могут привести к кризисной ситуации. Поэтому монопрофильность городов Арктической зоны РФ либо уже в настоящее время определяет потенциальные риски выживания и развития города, либо создает их в перспективе.

Кроме отмеченных выше признаков, характерных для всех моногородов России, моногородам Арктической зоны РФ присущи специфические характеристики, такие как экстремальность природно-климатических условий; уникальность минерально-сырьевого потенциала; высокий уровень зависимости экономики моногорода от состояния ресурсной базы и уровня добычи; неравномерность инвестиционных потоков; высокая уязвимость природной среды и высокий уровень негативного воздействия на природную среду, связанный с сырьевой ориентацией промышленных центров [1].

Поэтому для моногородов – добывающих промышленных центров – характерна сложная экологическая ситуация. Так, Норильск является одним из самых загрязненных городов мира. По итогам 2010 г. он признан Росстатом самым загрязненным городом России. Несмотря на то, что на комбинате внедрен экологический мониторинг, ситуация остается достаточно сложной [2].

В 1970-е гг. на Диксоне, например, жили более 8 тыс. человек, а сейчас там всего 300–500 жителей. Но чем наш Север хуже, чем Аляска или север Канады, где такого оттока приезжего населения не наблюдается.

«Надо искать ответ на вопрос: как правильнее осваивать Север? Жить там постоянно или работать вахтовым методом? Необходимо поддерживать Северный морской путь, укреплять государственную границу, тренировать в этих местах военные контингенты, создавать современные структуры, обеспечивающие безопасность населения в непростой природной среде. Кроме полнокровных городов – Мурманска, Петрозаводска, Воркуты, Норильска, Анадыря – нужны небольшие поселки с налаженным бытом, чтобы людям не приходилось зимой бегать в туалет на улицу. За возможность освоения Арктики сегодня борются многие страны. Однако для России Север, наверное, значит больше, чем для других государств. Здесь проходят исконно русские рубежи – Вологда, Архангельск, побережье Белого моря. На Севере не счесть запасов самых различных ресурсов – никеля, меди, золота, алмазов, газа, нефти, там невероятное биологическое разнообразие»³.

¹ Российская газета. 26.01.2018.

² Российская газета. 16–22.01.2017.

³ Шпаро Д. Постоянные жители или вахтовики? // Аргументы и факты. 18.10.2017. № 42.

Наибольшее число моногородов региона относится к малым, аналогичная ситуация характерна и для Арктической зоны России. Общая численность населения моногородов Арктической зоны РФ составляет около миллиона человек (952148 человек).

Для снижения социальной напряженности в моногородах европейской части страны Правительство было вынуждено принять решение о создании ТОР в западных и арктических субъектах страны.

Исходя из складывающегося положения малые монопрофильные города разбросаны пространственно, особенно в арктической части страны и северо-востоке страны. По одному они не смогут самостоятельно решить свои проблемы, хотя «сидят» на уникальных природных ресурсах, например, олово- и золотодобывающая промышленность страны (Чукотка, Якутия).

Количество монопрофильных поселений производственной (горно-, угледобывающей) и обслуживающей (дорожной, ремонтной) специализации сократилось в Чукотском АО, Воркутинском промышленном районе, Магаданской области на десятки единиц [3].

Количество поселений в Дальневосточном федеральном округе, отнесенных к моногородам с наиболее сложным социально-экономическим положением, а также с рисками его ухудшения по субъектам РФ: Республика Саха (Якутия) – 4, Приморский край – 8, Хабаровский край – 2, Амурская область – 2, Магаданская область – 1, Чукотский АО – 1.

Проблемы моногородов затрагивают почти 14 млн граждан, которые в них проживают. «Ключевая проблема здесь известна. Из-за крайне узкой специализации экономики эти территории даже в более благополучной ситуации находились в зоне риска»⁴.

Решение проблемы – диверсификация экономики моногородов, увеличение числа небольших компаний, которые будут производить разнообразные товары и услуги. Именно малый и средний бизнес должен повысить устойчивость этих территорий и их сопротивляемость различным кризисам.

Теперь этого нет. Воркута – умирающий город. Там стоят девятиэтажки, в которых живет всего по несколько семей. В 2012 г. размер средней заработной платы на Севере отличался от среднероссийского в 1,6 раза, а сегодня – только в 1,3 раза. Климат на Севере тяжелее, транспортная доступность хуже, тарифы и нагрузка на бизнес выше, чем в центральной части и на юге страны.

Северные территории есть и в других странах. Приведем опыт Канады. Людям, проживающим там на некоторых территориях, государство компенси-

рует фиксированную сумму за проживание в экстремальных условиях. Причем эта сумма варьируется исходя из определенного набора критериев. Такой способ поддержки кажется более справедливым, чем начисление северных надбавок к зарплате. Потому что со 100 тыс. руб. надбавка одна, а с 10 тыс. руб. совершенно другая. В Канаде же и уборщица, и директор, проживающие в конкретной местности, получают одинаковую компенсацию⁵.

На Дальнем Востоке до моногородов «созрели» более двадцати городов и поселков, из них 8 в Республике Саха (Якутия). В 2014 г. был создан ФРМ, имеющий более 13 млрд руб. бюджетных средств на год.

Доля городского населения на территории Дальнего Востока составляет 80 %. Причем крупных городов всего несколько.

Малые города – в большинстве своем являясь районными центрами – играют стержневую роль в решении многих проблем социально-экономического развития. Их рассредоточенность позволяет осуществлять управление обширной территорией. Возникновение и развитие данной группы городских поселений подчинялось следующим задачам: добыча необходимых стране природных ресурсов, их первичная обработка на основе централизованно определяемого разделения труда.

Приоритетное развитие добывающих отраслей на территории Дальнего Востока служило основой формирования и развития большинства малых городов. Размещение в ряде населенных пунктов производств федерального значения способствовало их быстрому развитию. Сравнение темпов роста больших, средних и малых дальневосточных городов за 1959–1989 гг. показало, что темпы роста малых городов были значительно выше, чем больших, что связано с размещением в них промышленных объектов, экономически значимых в масштабе страны (города Зея, Амурск, Арсеньев, Дальнегорск).

Монофункциональная структура хозяйства, ориентация в прошлом градообразующих предприятий на региональный и федеральный рынки сбыта определили большую зависимость малых городов от колебаний в ведущем производстве. Снижение или полное отсутствие государственного заказа привело к падению объемов производства, усилилась социальная напряженность (рост безработицы, снижение уровня жизни населения).

В малых городах с численностью 50 тыс. человек показатели общего прироста за 1990–1998 гг. значительно снизились, в то время как в городах с населением до 20 тыс. человек снижение общего

⁴ Медведев призвал создать в моногородах 230 тысяч рабочих мест // БНК: информационное агентство. 01.12.2016. Режим доступа: <https://www.bnkomi.ru/data/news/56600/> (дата обращения: 23.12.2017).

⁵ Чеботарёв А., Михова А., Кудряшов К., Кожемякин В., Гудкова В., Шигарева Ю. Русский Север: сумеем ли мы правильно распорядиться богатствами региона? // Аргументы и факты. 18.10.2017. № 42.

прироста происходило медленнее, миграционный отток не был столь значительным. За 1989–2002 гг. только в двух малых городах Дальнего Востока отмечен прирост населения (города Фокино, Вилючинск).

Показатели уровня безработицы в малых городах в несколько раз превышают показатели больших: Хабаровск – 1,2 %; Владивосток – 1,3 %; Бикин – 11,9 %; Арсеньев – 7,4 % (в процентах к экономически активному населению, 2003 г.); доля населения с доходами ниже прожиточного минимума в малых городах достигает 40–70 %, в субъектах Дальнего Востока – 30–32 %, в России – 21 % [4].

В целях снижения риска проблемы будущих городов, ориентированных исключительно на горнодобывающее производство при разработке стратегии и планов развития ресурсодобывающих районов следует предусмотреть перспективы разработки новых видов минерально-сырьевых ресурсов в пределах приемлемой транспортной логистики и возможности диверсификации, а также учитывать сроки оработки месторождений, объемы добычи и масштабы новых производств, т.е. не следует увлекаться «гигантизмом» производств, что быстро приведет к исчерпанию запасов и соответственно к закрытию населенных пунктов, даже не доводя их до масштабов малых городов и превращению их преждевременно в мертвые поселки и города.

В целях снижения и предотвращения подобного сценария необходимо изучить обеспеченность района в определенном радиусе различными видами полезных ископаемых, т.е. взаимозаменяемость, что позволит продлить сроки функционирования промышленных поселков и малых городов. Необходимо проводить исследования и технико-экономические обоснования по сопоставлению двух подходов: 1) создание промышленного поселка с модульными жилыми домами; 2) вахтовый метод.

Особую тревогу вызывает обострение демографических проблем: снижение естественного прироста сопровождается миграционным оттоком, причем малые города перестали быть центрами притяжения населения из своего ближайшего окружения. Не обладая достаточным внутренним потенциалом, малые города в настоящее время теряют «подпитку» со стороны сельской местности, растет доля лиц пожилого возраста. Удаленные от районного центра населенные пункты теряют население в миграционном обмене с большими городами региона [5].

В 2017 г. моногорода должны были утвердить паспорта программ собственного развития и приступить к их реализации. Перед некоторыми из них была поставлена довольно непростая задача – уже через несколько лет избавиться от статуса монопрофильных. К числу таких относятся несколько моногородов Приморья. Для семи из девяти насе-

ленных пунктов уже были разработаны проекты паспортов, они согласованы с ФРМ. В нескольких городах планировалось создать ТОР.

В 2017–2019 гг. субсидия ФРМ составила более 15 млрд руб.

В 2015–2016 гг. 17 моногородов уже получили финансовую поддержку ФРМ. За это время в них создано 2,4 тыс. рабочих мест и привлечено 16,5 млрд частных инвестиций, что говорит об эффективности вложенных федеральных ресурсов. Между тем в начале 2017 г. Счетная палата России обнародовала результаты проверки. Она исследовала насколько эффективно использованы направленные в 2014–2016 гг. в ФРМ средства федерального бюджета. По итогам ревизии ведомство пришло к выводу, что деньги, выделенные ФРМ, значительно превышали реальные потребности моногородов. Проверка показала, что социально-экономическое положение большинства моногородов, несмотря на принимаемые государством меры, ухудшается, при этом бюджетные расходы увеличиваются.

Выделенные средства можно было потратить не только на инфраструктуры, которые, вероятнее всего, востребованы не будут, но и на переселение жителей из наиболее бесперспективных городов в районы, где требуется рабочая сила.

По мнению генерального директора ФРМ, в городах, которые еще можно спасти, нужно не создавать инфраструктуру, а снижать налоги и административные барьеры, чтобы поддерживать средний и малый бизнес.

Шесть из моногородов находятся в Якутии – алмазные – Мирный, Удачный, Айхал, угольный – Нерюнгри, золотой – Нижний Куранах и цементный – Мохсоголлох.

Всего в моногородах республики должны быть реализованы 26 проектов по так называемым «Пяти шагам благоустройства». Они синхронизированы с приоритетным проектом «Формирование комфортной городской среды». На поддержку муниципальных программ формирования современной городской среды моногородов республики выделено 73,6 млн руб. На сегодняшний день реализованы 15 проектов, а г. Удачный и п. Айхал их уже полностью завершили.

Одним из основных показателей реализации приоритетной программы является создание новых рабочих мест, не связанных с деятельностью градообразующего предприятия. Так, по предварительным итогам 2017 г., всего создано 530 новых рабочих мест в моногородах, а с учетом 2016 г. – 4031 новое рабочее место.

Достижение данного показателя обеспечивается реализацией инвестиционных проектов. Всего их запланировано более 30. Для реализации были

сформированы команды, управляющие проектами развития моногородов⁶.

Реализация проекта рассчитана до декабря 2025 г. и предполагает создание в 100 моногородах территорий опережающего развития, в 150 – реализацию инвестиционных проектов⁷.

Утверждены ключевые показатели программы комплексного развития моногородов, в которые вошли Нерюнгри, Мирный, Удачный, Айхал, Нижний Куранах, Мохсоголлох. Основное внимание будет уделено благоустройству, формированию городской среды, созданию новых рабочих мест.

10000 жителей Якутии до 2020 г. будет трудоустроено в промышленность.

Еще один проект, получивший одобрение, разработан Госкомитетом по занятости населения и предусматривает привлечение до 2020 г. на промышленные предприятия не менее 10 тыс. человек из числа местного населения.

Теперь республиканские власти поставили задачу до 2020 г. трудоустроить в промышленности

не менее 10 тыс. якутян, в том числе около одной тысячи человек из сельской местности, а также свыше пяти тысяч молодых специалистов⁸.

Заключение

Выходом из кризиса моногородов в короткие сроки могут быть:

- создание новых многоцелевых производств;
- диверсификация функционирующих предприятий;
- развитие малого и среднего бизнеса;
- согласованная демографическая и миграционная политика.

Однако главным направлением здесь следует признать включения их во вновь формируемые ТОР региона.

Международная кооперация и экспорт тоже вынесены в приоритетные направления. Для успешного выхода российских компаний на зарубежные рынки правительству в первую очередь предстоит принять системные меры для увеличения экспорта.

Литература

1. Российская Арктика: современная парадигма развития / под ред. А. И. Татаркина. СПб.: Нестор-История, 2014. 843 с.
2. Замятина М. Ф. Диверсификация экономики монопрофильных городов АЗ РФ // Российская Арктика: современная парадигма развития / под ред. А. И. Татаркина. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 719–778.
3. Пилясов А. Н. Развитие городов-центров – форпостных баз северного фронта // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2016. № 1. С. 107–118.
4. Цициашвили Г. Ш., Сидоркина З. И. Малые города в системе расселения дальнего Востока: проблемы устойчивости // Перспективы развития бизнеса в условиях малых городов Дальнего Востока: сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф. Владивосток: Изд-во Дальневост. техн. ун-та, 2007. С. 24–31.
5. Бельская Е. Э. Малые города: социально-экономические и демографические проблемы и перспективы развития (Региональный анализ на примере Дальнего Востока): дис. ... канд. геогр. наук. Владивосток, 2005. 196 с.

⁶ Точка опоры – моногорода // Якутия: интернет-газета. 18.01.2018. Режим доступа: <http://gazetayakutia.ru/tochka-opory-monogoroda/> (дата обращения: 23.12.2017).

⁷ Кузьмин В. Моногороду и миру // Российская газета. 01.12.2016. № 7140 (272).

⁸ Басыгысов Р. Проектное управление: от слов к делу // Якутия. 29.06.2017. № 25. С. 6.

PROBLEMS AND PERSPECTIVES OF SINGLE-INDUSTRY TOWNS IN THE FAR EAST

Vladimir P. Grigoryev^{a, @}

^a M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, 58, Belinskogo St., Yakutsk, Russia, 677000

@perspectiva64@mail.ru

Received 31.01.2018. Accepted 29.06.2018.

Keywords: regions,
single-industry,
resources, power, watch

Abstract: The research features the topical problem of formation and functioning of single-industry towns. The paper gives the quantitative parameters of some single-industry towns of the Russian Federation and the Far East, as well as the main factors of their development and related problems, such as unemployment, demography, migration, and absence of residents-investors. For example, a program of complex development of single-industry towns has been developed and implemented in the Republic of Sakha (Yakutia) with the main focus on creating new jobs. As a result, industrial enterprises are expected to attract at least 10,000 people from the local population by 2020. The author offers some possible solutions and substantiates the expediency of feasibility studies when choosing a method of development of each specific deposit. The studies should be based on the production capacity of the future enterprise. The obtained data predict when the local deposits will be exhausted and, thus, the prospective operation life of the settlement. Only after that, either stationary settlement or rotational team method can be chosen.

For citation: Grigoryev V. P. Problemy i perspektivy monogorodov Dal'nego Vostoka [Problems and Perspectives of Single-Industry Towns in the Far East]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 4 (2018): 61–66. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-61-66

References

1. *Rossiiskaia Arktika: sovremennaia paradigma razvitiia* [Russian Arctic: modern development paradigm]. Ed. Tatarkin A. I. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriia, 2014, 843.
2. Zamyatina M. F. Diversifikatsiia ekonomiki monoprol'nykh gorodov AZ RF [Diversification of the economy of single-industry cities in the Arctic zone of the Russian Federation]. *Rossiiskaia Arktika: sovremennaia paradigma razvitiia* [Russian Arctic: modern development paradigm]. Ed. Tatarkin A. I. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriia, 2014, 719–778.
3. Piliarov A. N. Razvitie gorodov-tsentrov – forpostnykh baz severnogo frontira [Development of center cities as outpost bases at the northern frontier]. *Vestnik Severo-Vostochnogo nauchnogo tsentra DVO RAN = Bulletin of the North-East Science Center*, no. 1 (2016): 107–118.
4. Tsitsiashvili G. Sh., Sidorkina Z. I. Malye goroda v sisteme rasseleniia dal'nego Vostoka: problemy ustoichivosti [Small cities in the Far East settlement system: problems of sustainability]. *Perspektivy razvitiia biznesa v usloviakh malykh gorodov Dal'nego Vostoka: sb. tr. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Prospects for business development in small towns of the Far East: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. tekhn. un-ta, 2007, 24–31.
5. Bel'skaia E. E. *Malye goroda: sotsial'no-ekonomicheskie i demograficheskie problemy i perspektivy razvitiia (Regional'nyi analiz na primere Dal'nego Vostoka)*. Diss. kand. geogr. nauk [Belskaya E. E. Small cities: socio-economic and demographic problems and development prospects (Regional analysis on the example of the Far East). Cand. Geogr. Sci. Diss.]. Vladivostok, 2005, 196.

УДК 330:658(075.8)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЛАЧНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ УПРАВЛЕНИИ ЗНАНИЯМИ ОРГАНИЗАЦИИ

Владимир А. Дресвянников ^{a, @, ID1}; Игорь Д. Бунимович ^{b, ID2}

^a Пензенский государственный университет, 440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40

^b Казанский национальный исследовательский технологический университет, 420015, Россия, г. Казань, ул. Карла Маркса, 68

@ dva5508@yandex.ru

^{ID1} <http://www.researcherid.com/rid/W-1035-2017>

^{ID2} <http://www.researcherid.com/rid/Y-8793-2018>

Поступила в редакцию 03.11.2018. Принята к печати 26.11.2018.

Ключевые слова:

информационные технологии, технологии распределенной обработки знаний, интеллектуальный капитал, спиральный подход внедрения информационных технологий

Аннотация: Предметом исследования являются облачные технологии, используемые в системе Интернет. Цель исследования – изучить возможности, предоставляемые облачными интернет-технологиями для управления знаниями организации, и предложить оптимальный подход для их освоения в организации, позволяющий в определенной мере снизить риски проектно-внедренческой деятельности. Методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования формально-логического и семантического анализа, сравнительного анализа, описательного метода. Результаты. Представлен перечень возможностей, предоставляемых облачными технологиями при управлении эксплицитными знаниями организации и формировании интеллектуального капитала различных видов. Для включения облачных технологий в систему управления знаниями организации предложен спиральный подход, основанный на выборе точек роста с постепенным расширением области внедрения. Область применения результатов. Полученные результаты могут быть применены организациями, создавшими корпоративные системы управления знаниями, с целью повышения эффективности их использования на основе внедрения передовых информационных технологий. Выводы. Современные информационные технологии, к которым относятся и облачные технологии, постоянно развиваются и предоставляют организациям все новые и новые возможности для управления корпоративными знаниями, но при этом требуют применения подходов, обеспечивающих их оптимальное внедрение с созданием необходимой методологической базы.

Для цитирования: Дресвянников В. А., Бунимович И. Д. Использование облачных технологий при управлении знаниями организации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 4. С. 67–72. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-67-72

Введение

В современной экономике знаний вопросы управления информацией, знаниями и интеллектуальным капиталом являются актуальными для организаций любого типа и вида деятельности. При этом с развитием информационных технологий появляются все новые и новые возможности, позволяющие повышать эффективность менеджмента знаний.

Управление знаниями должно отвечать следующим требованиям:

- своевременность, точность и легкость доступа к знаниям;
- полученные знания способствуют правильно-му принятию решений;
- полученные знания позволяют создавать новые знания [1].

К указанным требованиям можно добавить следующие:

- обновление знаний с учетом динамики внутренних и внешних изменений организации (управление жизненным циклом знаний);
- возможность работы со знаниями в индивидуальном, групповом и массовом режимах;
- доступность современных технологий управления знаниями.

В данной статье мы обратимся к использованию в управлении знаниями современных облачных технологий. Это технологическое направление представляет интерес для организаций, которые не ограничиваются локальными плановыми мероприятиями по управлению знаниями, например, периодическим обучением и повышением

квалификации сотрудников, а стремятся создать целостную корпоративную систему, использующую современные, постоянно обновляемые технологии работы с информацией.

Актуальность использования облачных технологий при управлении знаниями обостряется в связи с тем, что в настоящее время многим организациям, особенно крупным, необходимо хранить и обрабатывать большие массивы данных с получением целевых информационных моделей и релевантной информации для оперативного принятия оптимальных управленческих решений. Кроме того, многие корпорации должны обеспечить эффективную информационную логику для территориально разобщенных подразделений. Отметим, что облачные технологии можно рассматривать как промежуточный этап для формирования систем искусственного интеллекта, которые либо становятся помощниками высококвалифицированных специалистов и / или клиентов, либо заменяют средне- и низкоквалифицированных специалистов, работающих с информацией.

Однако, как и во всяком другом освоении нового, перед специалистами и менеджерами встают вопросы: что это нам дает, т. е. какие возможности, функционал предоставляет новая технология и как наиболее оптимально организовать ее внедрение?

Представленная статья в определенной мере дает ответы на данные вопросы, которые могут быть интересны менеджерам и специалистам в области управления знаниями и освоения современных информационных технологий.

Понятие облачные компьютерные технологии

Облачные компьютерные технологии (англ. *cloud computing*) – модель обеспечения удобного сетевого доступа по требованию к некоторому общему фонду конфигурируемых вычислительных ресурсов (например, сетям передачи данных, серверам, устройствам хранения данных, приложениям и сервисам – как вместе, так и по отдельности), которые могут быть оперативно предоставлены и освобождены с минимальными эксплуатационными затратами или обращениями к провайдеру [2].

Анализ показывает, что видовыми понятиями, составляющими основное содержание понятия *облачные технологии*, являются провайдер, фонд сетевых ресурсов, сетевой доступ. Представленное понятие также отражает особенности облачных технологий по сравнению с корпоративными технологиями – удобство и оперативность доступа, минимизация затрат.

Концепцию облачных ресурсов разработали американские ученые Джон Маккарти и Джозеф Ликлайдер в 60-гг. прошлого века [3]. В настоящее время она получила широкое практическое вопло-

щение, однако, по нашему мнению, до сих пор не систематизированы подходы и методы управления знаниями организации с использованием облачных технологий, что не позволяет их использовать в полной мере для создания «обучающей организации» согласно концепции П. Сенге [4].

Как известно, организационные знания делятся на два вида:

– эксплицитные – явные, формализованные с помощью определенного языка и представленные на определенном носителе для передачи другим людям (социализация знаний);

– имплицитные – неформализованные, скрытые, являющиеся личностными знаниями индивида [5, с. 30–32].

В системе управления знаниями организации облачные технологии позиционируются как информационные технологии, позволяющие создавать эксплицитные знания, формализованные в знаковой системе с использованием различных языков. Причем эффективность преобразования сведений в данные, а затем в информацию и знания по сравнению с умственной деятельностью человека является очень высокой. Также она является более высокой по сравнению с подобными технологиями, но используемыми в качестве «железа» локальный сервер организации. В настоящее время облачные технологии не позволяют формировать имплицитные знания, но при создании облачных технологий искусственного интеллекта это станет возможным. И не только для индивида, у которого появится личный помощник, собеседник, эксперт, оппонент, но и для группы людей, получивших возможность «ментального общения» через общее «интеллектуальное ядро».

Облачные технологии как средство управления знаниями и формирования интеллектуального капитала организации

Облачные технологии предоставляют следующие возможности и формируют определенный вид интеллектуального капитала.

1. Создание доступных и значительных по объему организационных хранилищ данных, которыми могут пользоваться сотрудники организации и ее деловые партнеры по мере возникновения информационных потребностей в соответствии с их статусом – организационный интеллектуальный капитал.

2. Обеспечение пользователей нужными им данными в требуемом объеме и в нужное время посредством ручной и автоматизированной информационной рассылки – организационный интеллектуальный капитал.

3. Групповое деловое общение в рамках проектной деятельности, направленное на обмен релевантной информацией и знаниями решения

проблем, – групповой интеллект, создающий групповой интеллектуальный капитал.

4. Общеорганизационное общение в ходе текущей деятельности, при решении проблем организации – организационный интеллект, создающий организационный интеллектуальный капитал.

5. Общение с привлечением субъектов внешней среды, в частности в целях краудсорсинга, – интеллект стейкхолдеров и бенчмаркинга – интеллект деловых партнеров, создающий клиентский или, более широко, рыночный интеллектуальный капитал.

6. Гибкое и оперативное использование разнообразного программного обеспечения без его приобретения и установки с настройкой индивидуальной конфигурации, позволяющее увеличить организационный интеллектуальный капитал.

7. Использование облачного математического обеспечения и программных средств с высокой производительностью расчетов при обработке больших массивов данных – организационный интеллектуальный капитал.

8. Использование технологии Интернет-вещей с образованием организационного интеллектуального капитала.

9. Использование облачных систем искусственного интеллекта и пополнение организационного интеллектуального капитала.

10. Обучение в корпоративном Интернет-университете с формированием человеческого интеллектуального капитала.

11. Создание корпоративной «памяти знаний» – структурных и продукционных знаний, которые в настоящее время не используются, но при необходимости они могут быть восстановлены – организационный интеллектуальный капитал.

12. Получение знаний по интересующим организацию темам из внешних источников посредством использования специальных поисковых программ – организационный интеллектуальный капитал.

Как видим, возможности, предоставляемые облачными технологиями при управлении знаниями организации, достаточно широки. При создании корпоративных знаний они включаются в процессы:

1) информационной логистики – получение, хранение, распределение, передача данных;

2) математической обработки полученных данных, например, посредством маркетинговых исследований, с применением большого спектра методов и с получением математических моделей, группировок, определенных правил, образцов и в конечном итоге так называемых *нетривиальных знаний*;

3) обучения и самообучения персонала организации посредством создания корпоративных обучающих порталов, систем и программ;

4) социализации знаний, т. е. их представления в свободном доступе заинтересованным лицам с последующим обсуждением, осознанием и нахождением областей практического применения. Этому, в частности, способствуют такие возможности облачных технологий, как групповое и коллективное общение, которые значительно расширяются посредством технологий виртуальной реальности.

Использование спирального подхода при внедрении облачных технологий с целью управления знаниями организации

Как мы отметили выше, при освоении в организации облачных технологий для управления знаниями необходимо определенным образом оптимизировать проектную деятельность для того, чтобы снизить риски «распыления» ресурсов, выбора «тупикового» направления, незавершенности проекта, превышения его стоимости.

В связи с этим менеджерам организации предлагается использовать *спиральный подход* [6, с. 83–84], при котором *спираль* расширения области их использования осуществляется в следующих направлениях с опорой на определенные *точки роста*.

1. Сферы деятельности организации – наиболее «прозрачные» и обеспеченные необходимыми информационными ресурсами на локальных компьютерах и серверах организации, что обеспечит наименее затратный перенос данных в «облако».

2. Персонал организации – наиболее квалифицированные, инициативные специалисты, что даст возможность быстрого внедрения облачных технологий и использования их экспертных знаний при создании автоматизированных систем.

3. Деловые партнеры – имеющие постоянные устойчивые связи с организацией и общие элементы системы управления, например, планирование деятельности, логистику, что позволит повысить эффективность взаимодействия за счет создания так называемого «облака сообщества» (англ. *Community cloud*).

4. Стейкхолдеры – лояльные покупатели, а также субъекты инфраструктуры бизнес-деятельности фирмы, средства массовой информации, административные органы и пр., с которыми осуществляется частое взаимодействие, что даст возможность создать «общедоступное облако» (англ. *Public cloud*) и организовать обратную связь, использовать возможности краудсорсинга.

5. Базы данных – наиболее полные и отвечающие требованиям релевантной информации, что позволит использовать математико-статистические технологии обработки данных, интеллектуальный анализ данных (англ. *Data mining*) с получением зависимостей и закономерностей, новых полезных

и доступных интерпретации знаний, необходимых для принятия решений.

При успешном освоении облачных технологий в *точках роста* и получении необходимого опыта, формализованного в виде методологических инструкций, раскручивается следующий виток спирали, захватывая более широкие области. Например, освоение облачных технологий высококвалифицированными специалистами, которым для этого выделяется проектное время и ресурсы, позволяет на следующем витке включить в освоение других специалистов, отобранных по определенным критериям, в частности, это перспективность и возраст (молодые специалисты), уровень мотивации к освоению нового, уровень владения стандартными информационными технологиями и пр.

Отметим, что в настоящее время облачные технологии находят все большее применение в учебном процессе высших учебных заведений, что позволяет накопить соответствующий опыт и перенести его в реальный сектор экономики [7].

Основными ограничителями роста российского рынка облачных технологий эксперты назвали макропараметры: монополизацию отдельных индустрий, низкий уровень рыночной конкуренции по сравнению с западными странами¹. Однако многие аналитики предсказывают рост доли потребителей в области облачных услуг на 30–40 % [8].

В 2012 г. американская компания *Citrix* провела опрос среди ряда фирм с целью выяснить, что знают представители корпоративного сектора об облачных технологиях и как они к ним относятся. При этом выяснилось, что 54 % опрошенных считают, что до сих пор они никаким образом не использовали облачные вычисления в своей практике, причем среди опрошенных 95 % пользовались операциями расчетов и хранения файлов, базирующимися на облачных технологиях. По поводу безопасности хранимых данных в облаке 51 % опрошенных были уверены, что размещение данных в облаке сопряжено с большими рисками, и лишь 16 % опрошенных могли уверенно объяснить, в каких ситуациях они помещают данные в облако или выполняют облачные вычисления².

Литература

1. Dave M., Dave M., Shishodia Y. S. Knowledge Management and Organizational Competencies: A Harmonic Collaboration // International Journal of Advanced Research in Computer Science and Software Engineering (IJARCSSE). 2012. Vol. 2. № 12. P. 45–50.
2. Mell P., Grance T. The NIST Definition of Cloud Computing. 2011. DOI: <https://doi.org/10.6028/NIST.SP.800-145>

К настоящему времени накопился некоторый опыт использования облачных технологий. Представим результаты исследования, проведенного *SiliconANGLE* в США, которые в определенной мере подтверждают наши рекомендации по использованию облачных технологий в системе управления знаниями организации:

- если компания планирует использование облачных технологий, то первым шагом становится создание облачной системы хранения данных – 25 % опрошенных компаний;
- на начало 2014 г. более 60 % американских компаний применяют функции, требующие облачных вычислений;
- на начало 2014 г. средняя американская компания имеет в своем активе порядка 545 облачных сервисов;
- переход на облачные вычисления повышает качество операционной деятельности компании уже в первые шесть месяцев: такой результат получили 80% опрошенных компаний;
- после перехода на облачную модель потребления услуг размер ИТ-бюджета сокращается, что подтвердили 14 % опрошенных компаний;
- будущее за облачными вычислениями: такого мнения придерживается практически каждая третья американская компания (32 %)³.

Заключение

В заключение отметим, что облачные технологии имеют многочисленные преимущества, связанные с увеличением возможностей организации по управлению знаниями, обеспечению совместной проектной работы и созданию интеллектуальной синергии, снижению транзакционных затрат, постоянному обновлению информационных технологий и оперативному использованию информационных инноваций. Однако использование облачных технологий в системе управления знаниями организации несет и определенные риски, прежде всего связанные с потерей информации, нарушением ее конфиденциальности и снижением информационной безопасности организации.

¹ Облачные сервисы (рынок России): Данные iKS-Consulting // TAdviser. Режим доступа: [http://www.tadviser.ru/index.php/статья:Облачные_сервисы_\(рынок_России\)#.D0.94.D0.B0.D0.BD.D0.BD.D1.8B.D0.B5_iKS-Consulting](http://www.tadviser.ru/index.php/статья:Облачные_сервисы_(рынок_России)#.D0.94.D0.B0.D0.BD.D0.BD.D1.8B.D0.B5_iKS-Consulting) (дата обращения: 16.03.2018).

² Облачные вычисления: статистика и прогнозы // BYTEmag.ru. Режим доступа: <http://www.bytemag.ru/articles/detail.php?ID=24720> (дата обращения: 31.03.2018).

³ Там же.

3. Черняк Л. Облака: три источника и три составных части // Открытые системы. СУБД. 2010. № 1. Режим доступа: <https://www.osp.ru/os/2010/01/13000672> (дата обращения: 27.03.2018).
4. Сенге П. М. Пятая дисциплина. Искусство и практика самообучающейся организации. М.: Олимп-Бизнес, 2003. 660 с.
5. Дресвянников В. А. Управление знаниями организации. М.: КНОРУС, 2016. 344 с.
6. Дресвянников В. А., Чуфистов О. Е. Инновационный менеджмент: современные аспекты. Пенза: РИО МИЭМП, 2011. 164 с.
7. Каменев Р. В., Лейбов А. М. Анализ возможностей «облачных технологий» для использования их в учебном процессе ВУЗА // Технично-экономическое образование в XXI веке: проблемы и достижения: Всероссийская науч.-практ. конф. Новосибирск: НГПУ, 2011. С. 146–153.
8. Валевский Р. С., Страмоусова С. А. Анализ использования «облачных технологий» для компаний и конечных пользователей // Молодой ученый. 2016. № 9-4. С. 6–9.

CLOUD TECHNOLOGIES IN KNOWLEDGE MANAGEMENT

Vladimir A. Dresvyannikov^{a, @, ID1}; *Igor D. Bunimovich*^{b, ID2}

^a *Penza State University, 40, Krasnaya St., Penza, Russia, 440026*

^b *Kazan National Research Technological University, 68, Karl Marx St., Kazan, Russia, 420015*

@ *dva5508@yandex.ru*

^{ID1} *<http://www.researcherid.com/rid/W-1035-2017>*

^{ID2} *<http://www.researcherid.com/rid/Y-8793-2018>*

Received 03.11.2018. Accepted 26.11.2018.

Keywords: information technology, technologies of distributed knowledge processing, intellectual capital, a spiral approach to the introduction of information technology

Abstract: The research features Internet cloud technologies to study the opportunities it provide for knowledge management of a particular organization and to offer an approach for their safe development. The research employed formal-logical and semantic analysis, comparative analysis, and descriptive method. The authors propose a list of opportunities provided by cloud technologies for managing the explicit knowledge of an organization and the formation of intellectual capital. They introduced a «spiral» approach based on the choice of «points of growth» with a gradual extension of the implementation area. The results obtained can be applied by organizations that have created corporate knowledge management systems to improve the efficiency by introducing modern information technologies. Modern information technologies, including cloud technologies, are constantly evolving and providing organizations with new opportunities to manage corporate knowledge, but they require approaches that would ensure their optimal implementation and an adequate methodological base.

For citation: Dresviannikov V. A., Bunimovich I. D. Ispol'zovanie oblachnykh tekhnologii pri upravlenii znaniiami organizatsii [Cloud Technologies in Knowledge Management]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 4 (2018): 67–72. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-67-72

References

1. Dave M., Dave M., Shishodia Y. S. Knowledge Management and Organizational Competencies: A Harmonic Collaboration. *International Journal of Advanced Research in Computer Science and Software Engineering (IJARCSSE)*, 2, no. 12 (2012): 45–50.
2. Mell P., Grance T. *The NIST Definition of Cloud Computing*. 2011. DOI: <https://doi.org/10.6028/NIST.SP.800-145>
3. Chernyak L. Oblaka: tri istochnika i tri sostavnyh chasti [Clouds: three sources and three constituent parts]. *Otkrytye sistemy. SUBD = Open Systems. DBMS*, no. 1 (2010). Available at: <https://www.osp.ru/os/2010/01/13000672> (accessed 27.03.2018).

4. Senge P. M. *Piataia distsiplina. Iskusstvo i praktika samoobuchaiushcheisia organizatsii* [The fifth discipline. The Art And Practice Of The Learning Organization]. Moscow: Olimp-Biznes, 2003, 660.

5. Dresvyannikov V. A. *Upravlenie znaniiami organizatsii* [Organization knowledge management]. Moscow: KNORUS, 2016, 344.

6. Dresvyannikov V. A., Chufistov O. E. *Innovatsionnyi menedzhment: sovremennye aspekty* [Innovative management: modern aspects]. Penza: RIO MIEHMP, 2011, 164.

7. Kamenev R. V., Leibov A. M. Analiz vozmozhnostei «oblachnykh tekhnologii» dlia ispol'zovaniia ikh v uchebnom protsesse VUZA [Analysis of the possibilities of "cloud technologies" for their use in the teaching process of the university]. *Tekhniko-ekonomicheskoe obrazovanie v XXI veke: problemy i dostizheniia: Vserossiiskaia nauch.-prakt. konf.* [Technical and economic education in the XXI century: problems and achievements: All-Russian Sci.-Prac. Conf.]. Novosibirsk: NGPU, 2011, 146–153.

8. Valevskii R. S., Stramousova S. A. Analiz ispol'zovaniia «oblachnykh tekhnologii» dlia kompanii i konechnykh pol'zovatelei [Analysis of the use of "cloud technologies" for companies and end users]. *Molodoi uchenyi = Young scientist*, no. 9-4 (2016): 6–9.

УДК 330.342.24+316.334.23

КОНЦЕПЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ЗНАНИЯМИ В ФИРМЕ: АНТРОПОСОЦИАЛЬНОСТЬ КАК ПРИОРИТЕТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Евгений Е. Жернов^{a, @, ID}

^a Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева, 650000, Россия,

г. Кемерово, ул. Весенняя, 28

@ zhee.eti@kuzstu.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0003-3558-0802>

Поступила в редакцию 03.11.2018. Принята к печати 26.11.2018.

Ключевые слова:

экономика знаний, измерение управления знаниями, социальность, экономичность, технологичность, социализированная экономика знаний

Аннотация: Предмет исследования – антропосоциальность, экономичность и технологичность как три измерения управления знаниями в фирме. Цель – обосновать для управления знаниями выдвижение на первое место антропосоциальности как нематериального измерения при переходе к социализированной экономике знаний в сравнении с материальными измерениями. Метод проведения работы – анализ концептуальных моделей управления знаниями сквозь призму методологической триады «антропосоциальность – экономичность – технологичность». Результаты работы: предложено новое измерение управления знаниями в фирме – антропосоциальность; сформулированы теоретические основания меры практичности технологии и экономики, которые вкуче определили соотношение выбранных трех измерений управления знаниями в фирме в индустриальной экономике, капитализированной экономике знаний и социализированной экономике знаний; выделены приоритеты указанных измерений в зависимости от целей управления знаниями в фирме, функционирующей в экономике названных типов. Область применения результатов – разработка кадровой и социальной политики фирмы с учетом предлагаемого измерения управления знаниями. Выводы: 1. Теоретическое основание «антропосоциальность – мера практичности экономики» обосновывается приоритетом пользы социальной экономики человеку в виде его здоровья, а также морально и материально благополучного пребывания в социуме. 2. Для управления знаниями установлены преобладание технологичности в индустриальной экономике, т. к. его цель – производственное приложение знаний работников для извлечения прибыли; первенство экономичности в капитализированной экономике знаний из-за цели получения прибыли за счет развития интеллекта работника; приоритет антропосоциальности в социализированной экономике знаний в связи с целью всестороннего развития человека-работника с помощью получения прибыли от использования технологий. 3. Разработка кадровой и социальной политики фирмы с учетом предлагаемого измерения управления знаниями позволит повысить значимость антропосоциальности в управлении современной фирмой, что станет условием самоцельного развития работников в экономике знаний.

Для цитирования: Жернов Е. Е. Концепция управления знаниями в фирме: антропосоциальность как приоритетное измерение // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 4. С. 73–79. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-73-79

Введение

Одной из актуальных концепций управления, влияющих на эффективность реального сектора экономики, является управление знаниями (УЗ). УЗ становится неотъемлемой составной частью процесса использования в производстве главной производительной силы новой экономики – работника знаний. Поэтому, казалось бы, современное

управление производством на уровне предприятий и крупных компаний должно быть ориентировано на признание возрастающей роли человека-работника, обладающего новейшими знаниями в своей профессиональной деятельности. Однако ни в теории, ни на практике этого не происходит. Основная проблема существующей концепции управления знаниями на предприятии состоит в том, что

знание не осмысливается как индивидуальное свойство работника, принадлежащее лично ему, а не фирме. В результате эта концепция остается зажатой между экономичностью и технологичностью – ее материальными измерениями. Развитие антропного начала (человека) и социального порядка как оснований УЗ в капитализированной экономике знаний (КЭЗ) ограничено и подчинено цели максимизации прибыли. Только объективное развитие производства на основе информатизации / цифровизации вынуждает капитал применять такие новые виды управления, как УЗ, которое, однако, в своей нынешней форме не меняет сущности управления производством.

Управление фирмой не может не изменяться под воздействием нарастающей интеллектуализации труда. Оно все более превращается из непосредственного регулирования производства в формирование отношений между людьми в рамках создания на предприятии профессионального микросоциума с целью извлечения наибольшей выгоды от использования общих знаний работников. В процессе становления информационно-цифровой цивилизации, безусловно, резко повышается значение информационных систем в структуре управления предприятием. Но сложившаяся при этом практика преобладания значимости информационно-технологического обеспечения УЗ для извлечения прибыли не может решить проблемы эффективности всестороннего развития работников и социального развития предприятий. Возникает потребность выбора антропосоциальной направленности системы УЗ с ее информационно-технологической и экономической подсистемами, что в условиях становления экономики знаний и определения ее типа обуславливает актуальность темы настоящего исследования.

Обоснование выбора антропосоциальности в качестве приоритетного измерения управления знаниями в фирме

В современной концепции управления знаниями в фирме, по нашему мнению, можно выделить три измерения: технологичность, экономичность и социальность. Рассмотрим сначала теоретические истоки УЗ, из которых вытекают эти измерения.

Технологичность в наиболее общем виде обосновывается концепцией технологического детерминизма, получившей свое развитие в прошлом веке. В определенной степени такой детерминизм присущ теориям индустриального (Дж. Гэлбрейт), постиндустриального (Д. Белл), технократического (Э. Тоффлер), технотронного (З. Бжезинский) обществ, общества знаний (П. Друкер), под воздействием которых и зародилась концепция УЗ. В перечисленных теориях центральной проблемой социального

развития становится управление технологическими изменениями. Технологическое измерение управления знаниями исследует те возможности повышения экономического эффекта, которые заложены в техническом прогрессе – информатизации и цифровизации – и его влиянии на содержание труда. В нем же можно выделить эргономическое направление, которое использует психофизиологию труда, занимающуюся координацией отношений *человек – машина*.

Экономичность связана с идеями теории научного менеджмента Ф. Тейлора, значимыми для управления знаниями в экономическом измерении, которые состоят в следующем: 1) взаимовыгодное сотрудничество руководителей и работников как средство достижения экономического процветания; 2) необходимость только производственного развития работника как особого средства производства; 3) трансформация неявных знаний работников в явные знания менеджеров как предпосылка интерпретации знания в качестве самостоятельного фактора производства, нового экономического ресурса; 4) существование предприятия исключительно ради прибыли его собственника.

Социальность в исследовании управления современными предприятиями берет свое начало в теориях как Ф. Тейлора и его последователей, так и Э. Мэйо и М. Фоллетт. Соответственно научное и гуманистическое направления в классических западных теориях менеджмента, в частности проблема их синтеза на основе знания, подробно рассмотрены нами в работе [1]. Указанные теории оперировали понятиями *экономический человек* и *социальный человек*. Предложенное Э. Мэйо понятие *социальный человек* было введено в научный оборот в противоположность понятию *экономический человек*, находившемуся в центре внимания теории Ф. Тейлора. Согласно данным теориям для экономического человека главным является материальное, денежное вознаграждение, для социального человека – отношения в рабочей группе.

Принципы *человеческих отношений*, сформулированные Э. Мэйо, легли в основу таких дисциплин, как производственная социология, социальная психология труда, антропология производственной деятельности. Именно эти дисциплины мы рассматриваем в качестве первой предпосылки необходимости введения для обозначения третьего измерения УЗ в фирме термина *антропосоциальность* вместо термина *социальность*. Вторая предпосылка связана с замечанием Ч. Барнарда, согласно которому социализация и специальное обучение – средства объединения личностей, обладающих общностью целей. Разделение работниками общих целей и ценностей отражает нерыночную природу предприятия в условиях высокотехнически оснащенного и высокообщественного производства

в экономике знаний. В ней технологическое развитие производительных сил объективно диктует антропосоциальность (коллективизм) в труде в форме добровольного обмена знаниями. Управление знаниями следует понимать одновременно и как новую функцию управления, и как особый вид совместной деятельности по обмену знаниями специалистов и менеджеров. Антропосоциальность обмена профессиональными знаниями в фирме рассмотрена нами в работе [2]. Поскольку знания включают информацию, насыщенную личностными смыслами, а также элементы группового сознания, они имеют социально-психологическую природу, что является третьей предпосылкой. Формируясь в совместной деятельности, они содержат «когнитивные, оценочные и эмоциональные компоненты группового отношения к действительности» [3]. Это означает, что в УЗ необходимо социально-психологическое измерение *когнитивного человека* – антропного начала (в нашей терминологии). Социально-психологический анализ пяти моделей управления знаниями, распространенных в российских организациях, – управление знаниями в проектах, виртуальные группы экспертов, центры компетенций, управление знаниями через организационное развитие, а также открытые инновации – представлен в работе [3].

Вводимое нами понятие *антропосоциальности* как новое измерение управления знаниями мы предлагаем использовать в комплексе с технологическим и экономическим измерениями. Далее сквозь призму методологической триады «антропосоциальность – экономичность – технологичность» проведем анализ современных зарубежных концептуальных моделей УЗ. Выбранный методологический подход определяет практический вывод: существующие концепции УЗ мало ориентированы на человека и микросоциум фирмы. Так, модель, предложенная С. Галахером и Ш. Хазлетт [4], выделяет три взаимосвязанные компоненты: инфраструктура знаний, культура знаний и технология знаний. Из них только создание эффективной культуры знаний включает осознание важности роли человека как носителя знаний, и то с целью создания в человеке заинтересованности в обмене знаниями для извлечения прибыли. В этом же экономическом плане формируется соответствие социальной среды компании требованиям управления знаниями. Раскрывая многообразие взаимосвязей между знаниями и стратегией фирмы, управлением знаниями и стратегическим менеджментом, М. Зак исходит из того, что знания являются главным (или по меньшей мере одним из главных)

стратегическим ресурсом фирмы. Однако из этой посылки он выводит лишь одно конкретно-экономическое заключение: «бизнес-стратегия фирмы должна отражать роль знаний в помощи фирме конкурировать» [5]. В частности, такие аспекты стратегического менеджмента, как аллокация ресурсов, организационный дизайн, разработка продукта и сегментация рынка, могут быть настроены для укрепления сильных и уменьшения слабых сторон знаний, для извлечения выгоды и смягчения основанных на знании конкурентных возможностей и угроз. Дж. Секстон, исследуя создание новых знаний посредством передачи существующих знаний в контексте создания и контроля инноваций на уровне фирмы, рассматривает обмен знаниями как antecedent инноваций внутри фирмы, фундаментальный компонент инновационного процесса, но лишь постольку, поскольку успешные инновационные результаты могут привести к увеличению прибыли, увеличению доли рынка и конкурентным преимуществам по сравнению с другими фирмами [6, p. 20, 23].

Такой подход к УЗ, частные примеры которого приведены выше, в более обобщенном виде представлен в исследовательском докладе по управлению знаниями *KPMG Consulting*¹. Опрос 423 организаций в Великобритании, континентальной Европе и США показал, что управление знаниями, по мнению респондентов, играет *чрезвычайно значительную* или *значительную* роль в улучшении конкурентных преимуществ (79 %), в маркетинге (75 %), в улучшении ориентации на клиента (72 %), в продуктовых инновациях (64 %), в росте выручки и прибыли (по 63 %), в развитии наемных работников (57 %). Исходя из полученных результатов авторы доклада упрекают практиков УЗ в том, что они концентрируются на немедленных результатах в виде роста прибыли и снижения издержек, но упускают такие долгосрочные финансовые выгоды, как интеллектуальный капитал, увеличивающий стоимость компании на рынке. Также консультанты критикуют компании за то, что они «рассматривают управление знаниями как чисто технологическое решение», практически не внедряя системы, специально сконфигурированные для УЗ, и не осознают необходимость его включения в организационную культуру. Преодоление же этих недостатков, по мнению специалистов *KPMG Consulting*, позволит организациям получить «Высокопроизводительного Сотрудника – индивида, который использует процедуры и технологии управления знаниями для реализации собственного потенциала и предоставления реальных

¹ Knowledge Management Research Report. 2000. 28 p. Режим доступа: http://www.providersedge.com/docs/km_articles/kpmg_km_research_report_2000.pdf (дата обращения: 01.04.2018).

бизнес-преимуществ для организации, ее клиентов и заинтересованных сторон»².

Отсюда совершенно очевидно, что реализация собственного потенциала и развитие наемных работников в нынешних менеджмент-консалтинге и деловой практике управления знаниями по-прежнему носят ограниченный, инструментальный характер, подчиняясь узко-экономическим целям собственников и менеджеров фирмы, и не являются самоценными. Таким образом, современным моделям управления знаниями присущи общие методологические основания и соответственно прагматически прикладные измерения – экономическое и технологическое. В их основе лежат концепция *использования человеческих ресурсов*, которая стала продолжением теории *человеческих отношений* (Э. Мэйо), и теория *человеческого капитала* (Г. Беккер, Т. Шульц). Модели управления знаниями остаются в русле технократизма и факторного подхода КЭЗ. В них принципиально отсутствует антропосоциальность.

Концепция управления знаниями в фирме, по нашему мнению, должна иметь два теоретических основания: 1) экономичность – мера практичности технологии, 2) антропосоциальность – мера практичности экономики как корневой системы процесса управления. Если первое, на наш взгляд, не требует своего доказательства в рыночной экономике, то второе нуждается в развернутом обосновании. Рыночная экономика, как никакая другая, требует доведения результатов теоретических исследований до практических рекомендаций. На микроуровне – до обоснования действий фирмы по достижению желаемых в обществе социально-экономических результатов. Особенно велико число практических задач, требующих антропосоциального подхода к своему решению, в инновационных организациях, где и развито УЗ: госкорпорации «Росатом» и «Ростех», АО и УК «РОСНАНО», ПАО «Сбербанк», ПАО «Банк ВТБ», ПАО «МТС», ПАО «Северсталь», ПАО «Газпром», ПАО «Газпром нефть», ПАО «ЛУКОЙЛ» и др. Как видно, в этом списке есть компании и добывающих отраслей, что должно послужить примером для угледобывающих компаний, работающих в Кемеровской области.

Выбор целей и средств их достижения объективно и субъективно ограничивают сформированные обществом для фирм ценностные установки и разделяемые ими морально-культурные нормы. Социальная рыночная экономика исходит из того, что индивидуальный выбор субъектов формируется под воздействием не столько рационального личного интереса – стремления к максимизации выгоды в виде прибыли, сколько морально-этических ограничений, социальных обязательств

и ожиданий (в нашей терминологии – социально-го порядка). Такая социоантропная группа качеств роднит, по нашему мнению, социальную экономику с экономикой, основанной на знаниях человека. Последняя в силу общественного характера знаний изначально является социальной, а из-за неразрывности знаний с человеком – антропной. Общая социальная природа обеих наук состоит в том, что «они исходят из потребностей человека, и, являясь результатом его деятельности, воплощаются в определенных духовных ценностях и социальных условиях человеческого бытия» [7, с. 82]. Это означает, что их сущностными основаниями являются антропное начало и социальный порядок. Данный факт должны учитывать теория и практика УЗ. Эксперты отмечают, что «уровень «социальности» современной экономической науки пока явно недостаточен для ответа на *практические* запросы» [8, с. 71]. На наш взгляд, данный вывод еще более правомерен для управления. Для того чтобы экономика служила человеку, а не человек – экономике, нужно, прежде всего, установить меру практичности экономики в современном обществе.

Мерой практичности экономики является, по нашему убеждению, ее антропосоциальность как польза человеку в виде его здоровья, а также морально и материально благополучного пребывания в социуме. Асоциальная рыночная экономика отличается пренебрежением к человеческой жизнедеятельности. Экономика, лишенная антропосоциальности, – яркий пример последующей в истории дисторсии мира, отклики которой мы наблюдаем в УЗ. Мера, согласно Аристотелю, – наиболее точное выражение существа единого; «мерой называется то первое, чем каждая вещь познается, и для каждого мерой служит единое» [9, с. 254]. «Таким образом, единое есть мера всех вещей, потому что мы узнаем, из чего состоит сущность, когда производим деление либо по количеству, либо по виду. И единое неделимо потому, что первое в каждом [роде вещей] неделимо» [9, с. 254–255]. Исходя из этого положения философии и учитывая, что экономика с управлением – неотделимая часть социума, призванная обслуживать его благополучие, на них будет методологически верным, по нашему мнению, распространить в качестве меры практичности социальность, дополненную антропностью, т. е. антропосоциальность.

Три измерения УЗ – антропосоциальность, экономичность и технологичность – мы рассматриваем в экономике трех типов: индустриальной экономике, капитализированной экономике знаний и социализированной экономике знаний (СЭЗ) [10]. Приоритетность трех измерений УЗ в фирме по типам экономики представлена в таблице.

² Там же.

Таблица. Место антропосоциальности, экономичности и технологичности как измерений управления знаниями в фирме в экономике разных типов

Table. The place of anthroposociality, economy and technology and as the dimensions of knowledge management in the firm according to various economy types

Измерение УЗ \ Тип экономики	Индустриальная экономика	КЭЗ	СЭЗ
Антропосоциальность	III	III	I
Экономичность	II	I	III
Технологичность	I	II	II

Исходя из обусловленности целями средств их достижения места распределены нами следующим образом. В индустриальной экономике – технологичность занимает I место, экономичность – II место, антропосоциальность – III место из-за того, что цель УЗ там – производственное приложение знаний работников для извлечения прибыли. В КЭЗ – экономичность на I месте, технологичность – на II месте, антропосоциальность – на III месте, т.к. цель УЗ – получение прибыли за счет развития интеллекта работника, применяющего технологии. В СЭЗ экономичности отведено нами III место, технологичности – II место (из-за важности для человека эргономики) и антропосоциальности – I место, поскольку цель УЗ – всестороннее развитие человека-работника за счет прибыли от использования технологий. Лавинообразное усложнение когнитивно-информационных обменов на предприятии влияет на его микросоциум и требует пересмотра акцентов концепции управления знаниями в пользу антропосоциальности перед технологичностью и экономичностью.

Заключение

Как и любое теоретическое построение, претендующее на практическое осуществление, обоснование антропосоциальности как приоритетного измерения управления знаниями имеет двойственный характер. С одной стороны, оно являет собой идеальный антропосоциальный замысел автора. С другой стороны, его воплощение в реальную практику должно учитывать законы современной российской рыночной экономики. Представляется, что на начальном этапе предлагаемое измерение может на практике реализоваться в КЭЗ в форме компромисса, став средством нейтрализации такой негативной реакции работников на применяемые методы управления знаниями, как нежелание добровольно делиться личными знаниями.

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Рассматривая управление знаниями как современное направление в теориях менеджмента и организации, следует ввести в него такое измерение, как антропосоциальность. Она включает антропное начало (человека) в качестве конечной цели деятельности фирмы и социальный порядок – средство обеспечения достижения названной цели. Действительное развитие концепции УЗ и ее практическое применение в фирме представляется возможным лишь с опорой на антропосоциальность как нематериальное измерение в дополнение к материальным измерениям технологичности и экономичности для более полного использования духовного понятия знания – индивидуального и коллективного.

2. Модернизация концепции УЗ в виде изменения вектора измерений в пользу антропосоциальности позволит теснее связать УЗ с социальной и кадровой политикой фирмы. Имплементация антропосоциальности как меры практичности реального сектора экономики будет служить системным выправлением кризисной ситуации, сложившейся в экономике в целом. Антропосоциальность, правильно задействованная менеджментом фирмы, – это большая практическая сила, она работает на ее экономику, прежде всего потому, что элиминирует недобросовестное отношение сотрудников к выполняемой работе путем их верной социализации.

3. Экономисты-теоретики должны проработать теорию и механизм формирования нового уклада социализированной экономики знаний, инструментом которой будет модернизированное УЗ. Концепция УЗ в фирме, признающая приоритет антропосоциальности, в рамках новой теории социальной экономики, основанной на научных знаниях человека, открывает хорошие перспективы для своевременного и адекватного ответа на актуальные запросы реального сектора экономики.

Литература

1. Жернов Е. Е., Жернова Н. А. Научное и гуманистическое направления в классических западных теориях менеджмента: проблема синтеза на основе знания // Становление экономики знаний: от теории к практике региона / под общ. ред. Н. В. Осокиной, Е. Е. Жернова. Кемерово, 2012. С. 74–111.
2. Жернов Е. Е. Антропосоциальность обмена профессиональными знаниями в фирме // Идеи и идеалы. 2017. № 1. С. 102–113. DOI: 10.17212/2075-0862-2017-1.2-102-113
3. Нестик Т. А. Модели управления знаниями в российских организациях: социально-психологический анализ // Современные технологии управления. 2014. № 1. С. 30–37.
4. Gallagher S., Hazlett S. Using the Knowledge Management Maturity Model (KM3) as an Evaluation Tool. Paper presented at Conference on Knowledge Management Concepts and Controversies, University of Warwick, Coventry, February 10–11, 2000.
5. Zack M. Developing a Knowledge Strategy: Epilogue // The Strategic Management of Intellectual Capital and Organizational Knowledge. N. Bontis and C. W. Choo (eds.), Oxford University Press, March, 2002. Режим доступа: <http://web.cba.neu.edu/~mzack/articles/kstrat2/kstrat2.htm> (дата обращения: 01.04.2018).
6. Sexton J. C. The creation of new knowledge through the transfer of existing knowledge: examining the conundrum of creation and control in innovation. Dr. Philos. Sci. Diss. 2012. Режим доступа: <https://pqdtopen.proquest.com/doc/1287996246.html?FMT=AI&pubnum=3551215> (дата обращения: 01.04.2018).
7. Яровая Е. В. Социальная наука в контексте общественно-исторического и научного процесса (на примере США). М.: ИМЭМО, 1995. 86 с.
8. Шабанова М. А. Социоэкономика как актуальное междисциплинарное направление: вклад социологии // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 64–75.
9. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения. В 4 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. С. 63–367.
10. Жернов Е. Е. Какое знание необходимо экономике знаний? // Россия молодая: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (18–21 апреля 2017 г.). Кемерово, 2017. С. 74019. Режим доступа: <http://science.kuzstu.ru/wp-content/Events/Conference/RM/2017/RM17/pages/Articles/0704019-.pdf> (дата обращения: 01.04.2018).

CONCEPTION OF KNOWLEDGE MANAGEMENT IN THE FIRM: ANTHROPOSOCIALITY AS THE PRIORITY DIMENSION

Evgeny E. Zhernov^{a, @, ID}

^a T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, 28, Vesennyaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@ zhee.eti@kuzstu.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0003-3558-0802>

Received 03.11.2018. Accepted 26.11.2018.

Keywords: knowledge economy, dimension of knowledge management, sociality, economy, technology, socialized knowledge economy

Abstract: The present research features anthroposociality, economy, and technology as three dimensions of knowledge management in the firm. The purpose of the research is to substantiate the advancement of anthroposociality for knowledge management as the non-material dimension in the transition to the socialized knowledge economy in comparison with material dimensions. The research method is the analysis of conceptual models of knowledge management through the prism of the methodological triad «anthroposociality – economy – technology». The author proposes a new dimension of knowledge management in the firm, i.e. anthroposociality, and formulates the theoretical foundations of practical measures in technology and economy, which determine the correlation of the chosen dimensions of knowledge management in industrial economy, capitalized knowledge economy, and socialized knowledge economy. The author determines the priorities of these dimensions according to the objectives of knowledge management in a firm operating in one of the economies mentioned. The results can be used for the development of the personnel and social policies. Conclusions: 1. The theoretical basis «anthroposociality is the measure of

practicality of the economy» is substantiated by the priority of the benefits of the social economy to the employees in the form of their health, as well as moral and material wellbeing in the society. 2. For knowledge management, the following aspects have been established: the predominance of technology in the industrial economy, since its goal is the production application of knowledge of employees to extract profit; the primacy of economy in the capitalized knowledge economy because of the goal of making a profit by developing the intellect of the worker; the priority of anthroposociality in the socialized knowledge economy due to the goal of the all-round development of the individual-worker by making a profit from the use of technology. 3. Development of the personnel and social policies of the firm, taking into account the proposed dimension of knowledge management, will increase the importance of anthroposociality in the management of a modern firm, which will become a condition for the goal-in-itself development of workers in the knowledge economy.

For citation: Zhernov E. E. Kontsepsiia upravleniia znaniiami v firme: antroposotsial'nost' kak prioritetoie izmerenie [Conception of Knowledge Management in the Firm: Anthroposociality as the Priority Dimension]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 4 (2018): 73–79. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-73-79

References

1. Zhernov E. E., Zhernova N. A. Nauchnoe i gumanisticheskoe napravleniia v klassicheskikh zapadnykh teoriiah menedzhmenta: problema sinteza na osnove znaniia [Scientific and humanistic trends in classical Western management theories: the problem of synthesis on the basis of knowledge]. *Stanovlenie ekonomiki znanii: ot teorii k praktike regiona* [Formation of the knowledge economy: from theory to practice of the region]. Ed. Osokina N. V., Zhernov E. E. Kemerovo, 2012, 74–111.
2. Zhernov E. E. Antroposotsial'nost' obmena professional'nymi znaniiami v firme [Anthroposociality of professional knowledge sharing in the firm]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, no. 1 (2017): 102–113. DOI: 10.17212/2075-0862-2017-1.2-102-113
3. Nestik T. A. Modeli upravleniia znaniiami v rossiiskikh organizatsiakh: sotsial'no-psikhologicheskii analiz [Knowledge management models in Russian organizations: socio-psychological analysis]. *Sovremennye tehnologii upravleniya = Modern Management Technologies*, no. 1 (2014): 30–37.
4. Gallagher S., Hazlett S. *Using the Knowledge Management Maturity Model (KM3) as an Evaluation Tool*. Paper presented at Conference on Knowledge Management Concepts and Controversies, University of Warwick, Coventry, February 10–11, 2000.
5. Zack M. Developing a Knowledge Strategy: Epilogue. *The Strategic Management of Intellectual Capital and Organizational Knowledge*. N. Bontis and C. W. Choo (eds.), Oxford University Press, March, 2002. Available at: <http://web.cba.neu.edu/~mzack/articles/kstrat2/kstrat2.htm> (accessed 01.04.2018).
6. Sexton J. C. *The creation of new knowledge through the transfer of existing knowledge: examining the conundrum of creation and control in innovation*. Dr. Philos. Sci. Diss. 2012. Available at: <https://pqdtopen.proquest.com/doc/1287996246.html?FMT=AI&pubnum=3551215> (accessed 01.04.2018).
7. Yarovaya E. V. *Sotsial'naia nauka v kontekste obschestvenno-istoricheskogo i nauchnogo protsessa (na primere SShA)* [Social science in the context of socio-historical and scientific process (the USA case)]. Moscow: IMEMO, 1995, 86.
8. Shabanova M. A. Sotsioekonomika kak aktual'noe mezhdistsiplinarnoe napravlenie: vklad sotsiologii [Socio-economy as an actual interdisciplinary area: the contribution of sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniia = Sociological Studies*, no. 11 (2013): 64–75.
9. Aristotle. *Metafizika* [Metaphysics]. Aristotle. *Sochineniia* [Works by Aristotle]. Moscow: Mysl', vol. 1 (1975): 63–367.
10. Zhernov E. E. Kakoe znanie neobkhodimo ekonomike znanii? [What knowledge is necessary for the knowledge economy?]. *Rossiiia molodaia: materialy IX Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (18–21 aprelia 2017 g.)* [Young Russia: Proc. Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation (April 18–21, 2017)]. Kemerovo, 2017, 74019. Available at: <http://science.kuzstu.ru/wp-content/Events/Conference/RM/2017/RM17/pages/Articles/0704019-.pdf> (accessed 01.04.2018).

УДК 330:65.015.3

МОДЕЛЬ КОМПЕТЕНЦИЙ НАСТАВНИКА НА ПРЕДПРИЯТИИ КАК ОСНОВА ПОСТРОЕНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ НАСТАВНИЧЕСТВА

Александра А. Карташова^{a, b, c, @}; Булат И. Камалиев^b

^a Некоммерческое партнерство «Камский инновационный территориально-производственный кластер», 420061, Россия, г. Казань, ул. Н. Ершова, 29а, а/я 113

^b Казанский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, 420081, Россия, ул. г. Казань, Н. Ершова, 58

^c Казанский открытый университет талантов 2.0, 420021, Россия, г. Казань, ул. Татарстан, 20
[@] kitpk@list.ru

Поступила в редакцию 03.11.2018. Принята к печати 26.11.2018.

Ключевые слова:

компетенция, управление человеческими ресурсами, менеджмент, наставник, кадровая политика

Аннотация: В статье представлены результаты исследования профессионально-педагогических компетенций наставников производственного обучения в сфере управления талантами с целью закрепления молодых специалистов на предприятиях. Проанализирован ряд наиболее актуальных типологий компетенций наставников с учетом современных вызовов и требований. На основе проведенного анализа выдвинута авторская модель типологии компетенций наставника на предприятии, которая включает в себя 4 блока: организация и планирование обучения на производстве с целью повышения уровня квалификации наставляемых; руководство и оценка работы наставляемого; нормирование и оценка знаний наставляемого; повышение собственной компетенции в качестве наставника (психолого-педагогические компетенции). На основе данной модели сформирована методика самодиагностики развития психолого-педагогических компетенций наставника на предприятии. Результаты исследования рекомендуются для рассмотрения и внедрения на промышленных предприятиях. Представленное исследование проведено в рамках комплексной научно-методической разработки для Временного научно-исследовательского коллектива «Золотой стандарт развития ребенка 2.0» АНО «Казанский открытый университет талантов 2.0» на тему «Формирование профессионально-педагогических компетенций наставников предприятий в сфере управления талантами с целью закрепления молодых специалистов на предприятиях Республики Татарстан».

Для цитирования: Карташова А. А., Камалиев Б. И. Модель компетенций наставника на предприятии как основа построения корпоративной системы наставничества // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 4. С. 80–85. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-80-85

Введение

Современные вызовы, с которыми сталкиваются промышленные предприятия, затрагивают различные процессы и требуют принятия соответствующих управленческих решений. Это касается как сферы инновационного развития, сокращения издержек, повышения эффективности работы в целом, так и вопросов кадрового обеспечения молодыми талантливыми специалистами. В свою очередь построение отвечающей вызовам времени корпоративной системы управления человеческими ресурсами требует от современного менеджмента использования новых концепций и методов. В связи с этим в рамках данного исследования авторами предпринята попытка исследования существующих моделей описания компе-

тений наставника на предприятии и разработка наиболее оптимальной структуры компетенций с целью последующего ее учета при построении корпоративной системы наставничества.

В условиях построения инновационной экономики внедрение новых подходов и средств зачастую опережает их системное и всестороннее исследование. Это связано с экспоненциальным ростом количества информации, требующей обработки, и существенным ускорением разработки и внедрения технологий. При этом изменения касаются всех сфер жизнедеятельности человека, а грамотное управление ими становится критически важным параметром с точки зрения выживания в современном мире.

Модели компетенций наставника

Согласно одному из основных атрибутов идеального работодателя корпорация «Росатом» отмечает понимание того, что «сегодня главный ресурс, за который борется мир, – это талантливые люди, интеллект, умные головы»¹. Осознание неизбежности борьбы за лучшие кадры демонстрируют и другие российские компании. В этой связи крайне важно обеспечить сохранение талантливых молодых специалистов и их вовлеченность в деятельность компаний для обеспечения опережающего социально-экономического развития.

Согласно Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации² основные вызовы перед производственными компаниями, которые стремятся к развитию на рынке, придется столкнуться с ростом требований к квалификации исследователей, международной конкуренцией за талантливых высококвалифицированных работников и привлечение их в науку, инженерию, технологическое предпринимательство. И в данном случае вариантов развития событий всего два: либо принять этот вызов и работать с ним, либо «вылететь» с рынка ввиду потери конкурентоспособности.

Ввиду этого новую критическую роль приобретают вопросы грамотного выстраивания корпоративной системы наставничества как системы «входа» молодого сотрудника в производственный коллектив, а также передачи актуального опыта и передовых профессиональных знаний.

Инновационные подходы в системе кадрового обеспечения всегда являлись одной из ключевых задач построения экономики в целом, т.к. речь идет о таких фундаментальных системах, как образование и промышленность.

Важную роль в формировании устойчивости системы кадрового обеспечения играет наставничество. При этом наставник важен как на этапе обучения ученика (т. е. наставник-педагог в системе образования), так и на этапе подготовки квалифицированного специалиста (мастер-наставник на производстве).

Н. А. Бондаренко [1] таким образом описывает наставника на производстве: *наставник* – это уважаемый, высококвалифицированный сотрудник, уполномоченный в индивидуальном порядке вести работу по адаптации более молодых коллег к производственной деятельности, корпоративной культуре и профессиональному развитию.

Безусловно, чтобы стать наставником, нужно обладать рядом качеств или, как сейчас популяр-

но говорить, компетенций, выходящих за рамки навыков просто хорошего специалиста на производстве. Компетенция – способность успешно реагировать на сложные требования (ситуации), осуществлять деятельность или выполнять задачу [2]. Компетенция – базовое качество индивидуума, имеющее причинное отношение к эффективному и / или наилучшему на основе критериев исполнению в работе или в других ситуациях [3]. Можно сказать, что компетенции есть базовые качества людей, которые обозначают варианты поведения или мышления.

Вполне логично, что наставник должен быть не только профессионалом в своей практической производственной деятельности, но и грамотным педагогом, который сможет донести материал до наставляемых. В связи с этим важен как профессиональный, так и психолого-педагогический набор компетенций наставника.

Рассмотрим некоторые из зарубежных и российских моделей, представляющие оптимальный набор компетенций наставника.

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в рамках проекта *Definition and Selection of Competencies (DeSeCo)* – Определение и выбор компетенций – выделяет 3 категории компетенций:

– компетенции «Действуя интерактивно»: способность использовать язык, символы и текст в интерактивном режиме; способность использовать знания и информацию в интерактивном режиме; способность использовать новые технологии в интерактивном режиме;

– компетенции «Действуя в социуме»: способность устанавливать отношения с другими; способность сотрудничать; способность управлять и решать конфликты;

– компетенции «Действуя автономно»: способность защищать и утверждать свои права, интересы, ограничения (возможности, способности) и потребности, брать ответственность; способность создавать и реализовывать жизненные планы и личные проекты; способность действовать в рамках большой картины / широкого контекста³ [4].

Аналитическое агентство Канады по кадровой аналитике (*The conference board of Canada*) разделило основные профессиональные навыки, необходимые специалистам на предприятиях, на 3 группы, или на так называемые 3 домена компетенций:

– когнитивные компетенции – активное слушание, критическое мышление, анализ и др.;

¹ Новое поколение Росатома. Рекомендации по работе с молодежью для руководителей и наставников. М.: Академия Росатома, 2018. 22 с.

² О Стратегии научно-технологического развития РФ. Указ Президента РФ № 642 от 01.12.2016 // СЗ РФ. 05.12.2016. № 49. Ст. 6887.

³ Definition and Selection of Competencies (DeSeCo). Режим доступа: <http://deseco.ch/bfs/deseco/en/index/02.parsys.43469.downloadList.2296.DownloadFile.tmp/2005.dskcexecutivesummary.en.pdf> (дата обращения: 13.04.2018).

– межличностные компетенции – эмпатия, ответственность, умение работать в команде и др.;

– глубоко личностные компетенции – любопытство, способность к обучению в течение жизни, адаптивность и др.

M. Fullan и *J. Scott* выделили шесть основных компетенций успеха *The Six Cs* [5]:

- характер,
- социальная ответственность,
- коммуникативность,
- критическое мышление,
- кооперация / сотрудничество,
- креативность.

Центр мониторинга качества образования НИУ ВШЭ в рамках проекта «4К современного мира. Формирование компетенций XXI века и оценка индивидуального прогресса в их развитии» выделил «Ключевые компетенции 21 века» (4К), которыми в равной степени должны обладать как талантливые специалисты, так и наставники производственного обучения⁴:

– креативность – любознательность, воображение, сопротивление преждевременному завершению;

– критическое мышление – анализ, вывод и аргументация;

– коммуникация и кооперация – анализ и оценка взаимодействия, командная работа.

В Атласе новых профессий Агентства стратегических инициатив обозначены наиболее важные надпрофессиональные навыки:

– мультиязычность и мультикультурность;

– навыки межотраслевой коммуникации;

– клиентоориентированность, умение работать с запросами потребителя;

– умение управлять проектами и процессами;

– работа в режиме высокой неопределенности и быстрой смены условий задач;

– способность к художественному творчеству, наличие развитого эстетического вкуса;

– умение работать с коллективами, группами и отдельными людьми;

– программирование, управление сложными автоматизированными комплексами, работа с искусственным интеллектом;

– системное мышление, бережливое производство, экологическое мышление⁵.

В исследовании «Россия 2025: от талантов к кадрам» *BCG* [6] выделили 9 универсальных компетенций, разделив на категории – социально-поведенческие и когнитивные: коммуникация, межличностные навыки, межкультурное взаимодействие, адаптивность, решение нестандартных

задач, достижение результатов, управленческие навыки, организованность, саморазвитие.

В рамках реализации комплексных мер поддержки Университета Талантов профессиональным сообществом наставников выделено 10 ключевых компетенций [7]:

1. Фасилитатор – наставник в раскрытии потенциала молодого человека. В этой роли он контролирует процесс взаимодействия участников друг с другом, в том числе формирует дружеские отношения в молодежной группе, знакомит участников между собой, настраивает на позитив, создает ситуацию успеха, вдохновляет, организует.

2. Модератор – наставник в развитии групповых процедур. Он готовит и продумывает дискуссии, публично выступает, контролирует и планирует время.

3. Наставник карьерной навигации – наставник кадровых программ, выстраивающий технологию карьерного роста.

4. Тренер прорывных компетенций – наставник, который осваивает тренинговые технологии, организует, проводит и создает тренинги по развитию прорывных компетенций, закрепляет у участников новые инструменты и способы действия на практике, мотивирует на применение их в реальной деятельности. К числу прорывных компетенций отнесены когнитивность, открытость, инициативность, предприимчивость, управление проектом под результат, командность и эффективность взаимодействия; видение и лидерство.

5. Наставник проектного творчества. В этой роли вместе с наставляемыми выявляет проблемы, обучает использованию инструментов проектной деятельности, вдохновляет, вовлекает в создание продукта.

6. Наставник предпринимательского творчества – наставник, создающий вызовы для молодого человека или ребенка, помогающий увидеть и раскрыть предприимчивость, демонстрирующий примеры.

7. Наставник инженерного творчества. В этой роли наставник помогает находить проблемы, решения и идеи. Помогает в подборе технологий, адаптации идей, создании прототипа. Сопровождает в инженерном творчестве и обучает ему.

8. Наставник по организации научных, интеллектуальных состязаний – наставник, который собирает и обобщает информацию, организует события, составляет план проведения мероприятия.

9. Продюсер – провайдер ребенка. В этой роли наставник осуществляет поиск инвестора, создает идею, интегрирует продукт в экономику, ищет пути реализации готового продукта, площадку применения творческой молодежи.

⁴ 4К современного мира. Формирование компетенций XXI века и оценка индивидуального прогресса в их развитии. Режим доступа: <https://ioe.hse.ru/monitoring/4k> (дата обращения: 13.04.2018).

⁵ Атлас новых профессий. Режим доступа: <http://atlas100.ru/> (дата обращения: 13.04.2018).

10. Наставник родительского образования – наставник, который идентифицирует ролевое поведение родителей. Он обучает их функциям модератора и фасилитатора, знакомит с прорывными компетенциями и формирует у них навыки эмпатийного отношения к ребенку в условиях высокой неопределенности и стресса. Наставник обучает родителей навыкам формирования условий для самоопределения ребенка.

Еще раз отметим, что наставник должен знать требования законодательства, нормативных актов, определяющих права и обязанности стажера по занимаемой должности или выполняемой работе; осуществлять регулярный контроль за соблюдением стажером выполнения производственных задач, правил промышленной безопасности и охраны труда; обучать стажера приемам и методам труда; рациональной организации рабочего времени и многое другое.

Должность наставника уникальна возможностью совместить высокую квалификацию в профессиональной деятельности и деятельности педагогической. При этом особенностью последней становится обучение через процесс и действие, воспитание собственным примером.

С точки зрения руководства завода наставнику необходим педагогический минимум, который в дальнейшем должен развиваться за счет педагогических и психологических тренингов, тренингов в сфере управления персоналом.

Проанализировав мировые и отечественные исследования оценки и развития компетенций, эксперты Университета Талантов [8] пришли к следующим выводам:

- существует много разных моделей компетенций;
- компетенции делятся на ключевые, или про-рывные, и профессиональные;
- встречается несколько вариантов названий одной и той же компетенции;
- каждая компетенция имеет структуру, элементы можно замерять и тренировать;
- компетенции без практики «умирают».

Результатом проведенного исследования стало составление авторской модели компетенций наставника, а также методика самостоятельной оценки уровня развитости компетенций наставника на предприятии на основе модели [9]. В качестве основных областей компетенций наставника выделены:

- 1) организация и планирование обучения на производстве с целью повышения уровня квалификации наставляемых;
- 2) руководство и оценка работы наставляемого;
- 3) нормирование и оценка знаний наставляемого;

4) повышение собственной компетенции в качестве наставника (психолого-педагогические компетенции).

При этом следует уточнить важность и актуальность усовершенствования компетенций именно последнего (четвертого) психолого-педагогического блока. Конкретными примерами таких психолого-педагогических компетенций являются установление контакта, активное слушание, развивающая обратная связь, задавание вопросов, помощь в планировании развития, позитивное переформулирование, умение объяснять, постановка развивающих целей, умение вдохновлять, принятие обратной связи о работе наставника.

Разработанные на базе данной модели методические материалы по самооценке уровня развития компетенций являются инструментом самостоятельной идентификации уровня развития компетенций наставника на производстве. В рамках данной модели компетенций наставника на производстве описаны основные области компетенции и задачи. Наставник производственного обучения может оценить свой уровень с помощью данной карты в различных ситуациях – до и после подготовки или, например, по прошествии нескольких месяцев после подготовки, после того, как была возможность применить на практике полученные знания. Карта компетенции позволяет определить свои сильные и слабые стороны, чтобы спланировать дальнейшее повышение своей компетенции.

Критерии оценки уровня компетенций разработаны на основе ведущих целей по каждой из компетенций наставника на производстве в рамках предложенной модели компетенций.

Заключение

Несмотря на то, что системы наставничества в том или ином виде существовали на предприятиях нашей страны еще с советских времен, объективным фактором и задачей развития корпоративных систем наставничества является исследование, формирование и оценка психолого-педагогических аспектов наставнической деятельности. Результаты проведенного исследования рекомендуется более подробно представить корпоративным кадровым службам с целью совершенствования корпоративных систем организации наставничества. Заинтересованность к итоговым положениям приведенного исследования со стороны промышленных предприятий Республики Татарстан подтверждает актуальность и значимость вопросов развития института наставничества на различных предприятиях, что обязательно будет учитываться в дальнейшей деятельности АНО «Казанский открытый университет талантов 2.0».

Литература

1. Бондаренко Н. А. Организация наставничества как бизнес-процесса // *Кадровик*. 2008. № 7. С. 14–19.
2. Браславски С. Развитие ключевых компетенций в образовании: некоторые уроки из международного опыта. ЮНЕСКО, 2004. Режим доступа: <http://docplayer.ru/34986305-Razvitie-klyuchevykh-kompetencyi-v-obrazovanii-nekotorye-uroki-iz-mezhdunarodnogo-opyta.html> (дата обращения: 13.04.2018).
3. Спенсер Л. М., Спенсер С. М. Компетенции. Модели максимальной эффективности работы. М.: ГИППО, 2010. 384 с.
4. Christopherson G. J. Coping with cultural differences: The development of generic capabilities in logistics graduates. Dr. Education Sci. Diss. RMIT University, 2005. 196 p. Режим доступа: <http://researchbank.rmit.edu.au/view/rmit%3A6636/Christopherson.pdf> (дата обращения: 13.04.2018).
5. Fullan M., Scott G. New Pedagogies for Deep Learning Whitepaper: Education PLUS. Collaborative Impact SPC, Seattle, Washington, 2014. 9 p.
6. Бутенко В., Полуниин К., Котов И., Сычева Е., Степаненко А., Занина Е., Ломп С., Руденко В., Топольская Е. Россия 2025: от талантов к кадрам. М.: The Boston Consulting Group, 2017. 72 с.
7. Артемьева Е. Н. Наставник 2.0: девять ключевых компетенций // *Вестник Университета Талантов*. 2016. № 3. С. 67–69.
8. Зарипова Т. Ю., Туктамышева С. В. Системы оценки и развития «прорывных компетенций»: мировой и отечественный опыт // *Вестник Университета талантов*. 2017. № 1. С. 38–46.
9. Хятёнен Х. Карта компетенции наставника производственного обучения. Tampere: Juvenes Print – Suomen Yliopistopaino Oy, 2014. 37 с. Режим доступа: http://www.oph.fi/download/155785_competence_map_for_workplace_instructors_russian.pdf (дата обращения: 13.04.2018).

COMPETENCY PROFILE OF ENTERPRISE MENTOR AS A BASIS FOR CORPORATE "BUDDY SYSTEMS"

Aleksandra A. Kartashova^{a, b, c, @}; Bulat I. Kamaliev^a

^a Non-Profit Partnership «Kamskiy innovative regional production cluster», POBox 113, 29a, N. Ershova St., Kazan, Russia, 420061

^b Kazan cooperative institute (branch) of Russian university of cooperation, 58, N. Ershova St., Kazan, Russia, 420081

^c Kazan Open University of Talents 2.0, 20, Tatarstan St., Kazan, Russia, 420021

@ kitpk@list.ru

Received 03.11.2018. Accepted 26.11.2018.

Keywords: competence, human resources management, management, mentor, HR

Abstract: The research features professional and pedagogical competencies of a mentor in the field of talent management with the aim of securing young specialists at enterprises. The authors analyze the most relevant typologies of mentors' competences according to modern challenges and requirements. They introduce an authentic typology of competency profile of the mentor at an enterprise. It includes four blocks: 1) the organization and planning of training in the workplace in order to improve the level of qualifications of the instructors; 2) the guidance and assessment of the work of the trainee; 3) rationing and assessment of the instructed; 4) raising one's own psychological and pedagogical competence as a mentor. The paper contains a methodology for self-diagnosis of the development of the psycho-pedagogical competences of the mentor at the enterprise. The results of the study are recommended for review and implementation in industrial plants. The present research was carried out within the framework of a comprehensive scientific and methodological development for the Temporary Research Team "Golden Standard for Child Development 2.0" of the Kazan Open University of Talents 2.0 on the topic "Formation of professional and pedagogical competences of mentors of enterprises in the field of talent management with the aim of securing young professionals at the enterprises of the Republic of Tatarstan".

For citation: Kartashova A. A., Kamaliev B. I. Model' kompetentsii nastavnika na predpriiatii kak osnova postroeniia korporativnoi sistemy nastavnichestva [Competency Profile of Enterprise Mentor as a Basis for Corporate "Buddy Systems"]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 4 (2018): 80–85. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-80-85

References

1. Bondarenko N. A. Organizatsiia nastavnichestva kak biznes-protssesa [Organization of mentoring as a business process]. *Kadrovik = Personnel officer*, no. 7 (2008): 14–19.
2. Braslavsky C. *Razvitie kliuchevykh kompetentsii v obrazovanii: nekotorye uroki iz mezhdunarodnogo opyta* [Development of key competences in education: some lessons and an international experience]. UNESCO, 2004. Available at: <http://docplayer.ru/34986305-Razvitie-klyuchevyh-kompetency-v-obrazovanii-nekotorye-uroki-iz-mezhdunarodnogo-opyta.html> (accessed 04.13.2018).
3. Spenser L. M., Spenser S. M. *Kompetentsii. Modeli maksimal'noi effektivnosti raboty* [Competencies. Models of maximum efficiency. Translation from English]. Moscow: GIPPO, 2010, 384.
4. Christopherson G. J. *Coping with cultural differences: The development of generic capabilities in logistics graduates*. Dr. Education Sci. Diss. RMIT University, 2005, 196. Available at: <http://researchbank.rmit.edu.au/view/rmit%3A6636/Christopherson.pdf> (accessed 13.04.2018).
5. Fullan M., Scott G. *New Pedagogies for Deep Learning Whitepaper: Education PLUS*. Collaborative Impact SPC, Seattle, Washington, 2014, 9.
6. Butenko V., Polunin K., Kotov I., Sycheva E., Stepanenko A., Zanina E., Lomp S., Rudenko V., Topol'skaia E. *Rossiiia 2025: ot talantov k kadram* [Russia 2025: from talent to cadres]. Moscow: The Boston Consulting Group, 2017, 72.
7. Artemieva E. N. *Nastavnik 2.0: deviat' kliuchevykh kompetentsii* [Supervisor 2.0: nine key competences]. *Vestnik Universiteta Talantov = Bulletin of the University of Talents*, no. 3 (2016): 67–69.
8. Zaripova T. Yu., Tuktamysheva S. V. *Sistemy otsenki i razvitiia «proryvnykh kompetentsii»: mirovoi i otechestvennyi opyt* [Systems for evaluation and development of «breakthrough competences»: world and domestic experience]. *Vestnik Universiteta Talantov = Bulletin of the University of Talents*, no. 2017. №1. P. 38–46.
9. Hyatönen X. *Karta kompetentsii nastavnika proizvodstvennogo obucheniia* [Competence Training Competency Map]. Tampere: Juvenes Print – Suomen Yliopistopaino Oy, 2014, 37. Available at: http://www.oph.fi/download/155785_competence_map_for_workplace_instructors_russian.pdf (accessed 13.04.2018).

УДК 658.8:663.85/86

РЫНОК БЕЗАЛКОГОЛЬНЫХ НАПИТКОВ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ Юрий Н. Клещевский^{a, @}; Лариса В. Карташова^b; Мария А. Николаева^c; Ольга А. Рязанова^a

^a Кемеровский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, 650992, Россия, г. Кемерово, пр-т Кузнецкий, 39

^b Образовательный комплекс «Юго-Запад», 117449, Россия, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 26

^c Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119571, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 82

@kemerovo@rea.ru

Поступила в редакцию 01.03.2018. Принята к печати 05.06.2018.

Ключевые слова:

безалкогольные напитки отечественного производства, экспорт, импорт, структура ассортимента, тенденции развития, спрос, потребление

Аннотация: В статье рассмотрено состояние источников насыщения безалкогольного рынка России: отечественного производства, импорта. Обращено внимание на физиологическую ценность безалкогольных напитков не только как продуктов, удовлетворяющих потребности организма человека в воде, но и как источника биологически активных веществ, которые переходят в продукт из сырья. Выделены сегменты рынка безалкогольных напитков с подсегментами. Представлены сведения по промышленному и торговому ассортименту продукции в 2010–2016 гг. в зависимости от ее вида. Рассмотрены причины снижения спроса на отдельные виды продукции (подсегмент тонизирующих напитков), которые имеют важное физиологическое значение для организма человека. Представлены основные лидеры рынка среди товаропроизводителей в зависимости от вида выпускаемой продукции, а также показана региональная структура производства безалкогольных напитков (по Федеральным округам). Приведены и проанализированы статистические данные об объемах отечественного производства, импорта безалкогольных напитков. Выявлена структура ассортимента российских безалкогольных напитков. Определены проблемы и перспективные направления развития рынка безалкогольных напитков, намечены пути их совершенствования.

Для цитирования: Клещевский Ю. Н., Карташова Л. В., Николаева М. А., Рязанова О. А. Рынок безалкогольных напитков: состояние и перспективы развития // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 4. С. 86–94. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-86-94

Введение

Главенствующее место в рыночной системе занимают продовольственные рынки, которые, с одной стороны, являются важнейшей составляющей национальной экономики России, а с другой – удовлетворяют важнейшую жизненную потребность человека в продуктах питания.

Рынок безалкогольных напитков – один из сегментов продовольственного рынка, занимающий значительное место по объему производства среди других сегментов этого рынка. Основным объектом безалкогольного рынка является однородная группа безалкогольных напитков, которая подразделяется на следующие подгруппы: питьевые и минеральные воды, фруктово-ягодные, тонизирующие напитки, квас и квасные напитки, соки, нектары и сокосодержащие напитки; полуфабрикаты для приготовления напитков (сиропы, концентраты, сухие порошки и т. п.).

Безалкогольные напитки предназначены в первую очередь для удовлетворения потребности организма в воде. Кроме того, напитки удовлетворяют пластические потребности в минеральных веществах (все подгруппы, даже питьевая вода, но в разной степени), в витаминах С и Р, некоторые виды соков – в витаминах группы В, а также в полифенолах, красящих и пектиновых веществах (фруктовые и овощные соки). Однако концентрация сухих веществ в безалкогольных напитках небольшая (1–15 %), поэтому степень удовлетворения потребности в основных биологически активных веществах (БАВ) невелика.

В этой связи изучение вопросов, связанных с исследованием состояния рынка безалкогольных напитков и перспектив его развития, приобретает все большую актуальность, потому что популярность продуктов этой группы в нашей стране растет, особенно в летнее время года, поскольку напитки

прекрасно утоляют жажду. В рационе питания россиян натуральные плодово-ягодные соки все чаще заменяют на сокосодержащие напитки, цена на которые несколько ниже цены на соки натуральные, тем более, что по биологической ценности последние приближаются к натуральным.

Исходя из вышеизложенного целью данной работы является исследование состояния российского рынка безалкогольных напитков и определение перспективных направлений его дальнейшего совершенствования. Изучению рынка безалкогольных напитков посвящен ряд работ российских ученых и специалистов: Д. В. Коновалова [1], А. Н. Становова [2], Д. О. Ямпольской, В. Ю. Черновой [3] и др. В настоящей работе использованы общенаучные методы исследования: сбор, обработка, анализ и синтез научной информации.

Норма потребления напитков и сегменты рынка

Спрос на безалкогольные напитки, особенно в жаркое время года, повышенный. Это обусловлено тем, что суточная потребность организма человека в воде составляет 2,5–3 л в сутки, из них 1–1,5 л приходится на напитки. Потребность в воде зависит от температуры окружающей среды и от массы тела человека. Поэтому потребность в воде конкретного человека можно определить из расчета 30 мл воды на 1 кг массы тела, а в жаркое время года – 50 мл на 1 кг массы тела¹.

В Рекомендациях рациональных норм потребления пищевых продуктов² и в потребительской корзине³ нормы потребления безалкогольных напитков отсутствуют. Вероятно, разработчики этих документов исключили безалкогольные напитки из перечня пищевых продуктов по каким-то только им известным соображениям. Однако Росстат учитывает производство безалкогольных напитков, выделяя шесть подгрупп (таблица 1⁴). В Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности (ТН ВЭД) также учитывается группа напитков с подгруппами: 042201 – воды минеральные газированные без сахара и 042202 – воды минеральные газированные с сахаром. Таким образом, ТН ВЭД не охватывает большинства подгрупп безалкогольных напитков.

Однако анализ учитываемых Росстатом и ТН ВЭД подгрупп недостаточно раскрывает состояние рынка

безалкогольных напитков, поэтому мы предлагаем авторскую классификацию этого рынка на сегменты и подсегменты с учетом товароведной классификации безалкогольных напитков и ТР ТС 021/2011⁵.

Сегменты рынка безалкогольных напитков

1. Рынок питьевой и минеральной воды с подсегментами:

- воды питьевые газированные и негазированные;
- воды минеральные (природные) газированные и негазированные;
- воды минерализованные газированные и негазированные.

2. Рынок соков, нектаров и сокосодержащих напитков:

- фруктово-ягодные соки, нектары и сокосодержащие напитки;
- овощные соки.

3. Рынок фруктово-ягодных напитков:

- натуральные напитки газированные и негазированные;
- напитки с вкусо-ароматическими добавками газированные и негазированные.

4. Рынок квасов и квасных напитков (на подсегменты не делится).

5. Рынок тонизирующих напитков:

- кофеинсодержащие напитки;
- напитки на основе тонизирующих растений без кофеина;
- энергетические напитки.

6. Рынок сухих полуфабрикатов для приготовления безалкогольных напитков (на подсегменты не делится).

Представленная авторская сегментация рынка основана на применении классификационного признака – используемое сырье, определяющее пищевую ценность безалкогольных напитков, которая, в свою очередь, обуславливает потребительские предпочтения и степень удовлетворения разных подвидов физиологических потребностей. Так, питьевые и минеральные воды удовлетворяют потребность организма человека только в воде и минеральных веществах; соки, нектары и сокосодержащие напитки – дополнительно еще в витаминах, полифенолах, органических кислотах и других биологически активных веществах; тонизирующие напитки – дополнительно в веществах, стимулирующих нервную

¹ Скурихин И. М., Тутельян В. А. Таблицы химического состава и калорийности российских продуктов питания: справочник. М.: ДеЛи принт, 2008. 276 с.

² Об утверждении рекомендаций рациональных норм потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания. Приказ Минздрава РФ от 19.08.2016. № 164. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/420374878> (дата обращения: 25.02.2018).

³ Потребительская корзина на 2017 год: состав. Режим доступа: <http://bs-life.ru/makroekonomika/potrebitel'skaya-korzina2013.html> (дата обращения: 25.02.2018).

⁴ Рассчитано и составлено авторами на основе: Россия в цифрах. 2017: Крат. стат. сб. М.: Росстат, 2017. 511 с.

⁵ О безопасности пищевых продуктов. Технический регламент Таможенного союза 021/2011. Утвержден Решением Комиссии Таможенного союза от 09.12.2011 № 880. 242 с.

и другие системы организма. Поэтому считаем целесообразным учитывать предложенную нами сегментацию при проведении маркетинговых исследований рынка безалкогольных напитков как учитывающую характер спроса их потребителей.

Производство безалкогольных напитков за период 2012–2016 гг.

В официальной статистике Росстата производство безалкогольных напитков учитывается не по сегментам, а по подгруппам (таблица 1).

Анализ данных таблицы 1 свидетельствует, что совокупный объем производства безалкогольных напитков за период 2010–2016 гг. снизился на 30,9 млн дкл, или на 5,4 %. Наибольший объем производства отмечался в 2010 г. (574,7 млн дкл), наименьший – в 2011 г. (524,3 млн дкл), после чего наблюдался наибольший прирост объемов, но так и не достигший уровня 2010 г.

также удовлетворяют потребность в воде. В определенной мере падение спроса на безалкогольные напитки обусловлено снижением платежеспособности населения и перехода 53 % россиян на берегающую модель потребления, когда безалкогольные напитки заменяются очищенной с помощью бытовых водоочистителей водой или кипяченой водопроводной водой.

Динамика объемов производства отдельных подгрупп безалкогольных напитков, как правило, аналогична изменениям их совокупных объемов.

В структуре промышленного ассортимента безалкогольных напитков (без соков и нектаров) наибольший удельный вес в 2010–2016 гг. занимали газированные сладкие воды с вкусо-ароматическими добавками. Так, в 2016 г. на их долю приходилось 61 %, в то время как на питьевые и минеральные воды – 1 %, а на подгруппу прочих напитков – 38 %. В структуре промышленного

Таблица 1. Объемы производства безалкогольных напитков

Table 1. Non-alcoholic beverages production volumes

Подгруппы напитков	2010	2012	2013	2014	2015	2016	2016 (в % к 2010 г.)
Воды минеральные и газированные неподслащенные неароматизированные, млн дкл	4,7	5,3	5,5	5,8	5,7	5,8	110
Воды газированные с добавками сахара и других подслащивающих и вкусоароматических веществ, млн дкл	347	319	328	333	338	332	95,7
Напитки безалкогольные, не включенные в другие группировки, прочие, млн дкл	223	200	197	210	210	206	92,4
Соки фруктовые и овощные, млн усл. банок	2784	2629	2617	2612	1906	1582	56,8
Соки для детей, млн усл. банок	3439	2786	2715	2697	2651	2754	80,0
Нектары и другие напитки фруктовые, млн усл. банок	2287	2930	2843	2786	2494	2281	99,7

Производство соков и нектаров, в том числе и для детей, постоянно снижалось. Наибольшие темпы падения наблюдались у фруктовых и овощных соков (56,8 % в 2017 г. по сравнению с 2010 г.), наименьшие – у нектаров и других фруктовых напитков (99,7 %).

Сокращение производства безалкогольных напитков объясняется падением спроса на них вследствие переориентации определенной части населения на здоровый образ жизни и появлением в СМИ информации о вреде сладких газировок. Кроме того, конкурентами безалкогольных напитков являются пиво и пивные напитки, чай, кофе, которые

ассортимента соков и нектаров наибольший удельный вес приходится на соки для детей (41,6 %), затем на нектары (34,5 %), а самый низкий – на соки фруктовые и овощные (23,9 %).

Несколько иная структура торгового ассортимента в денежном выражении представлена в 2016 г. Самая высокая доля приходится на питьевые и минеральные воды – 43 %. На втором месте находятся фруктово-ягодные и тонизирующие напитки с добавленным сахаром и вкусо-ароматическими добавками – 27 %, на третьем – соки и нектары – 19 %, на четвертом – квас и квасные напитки – 6 %.

Самую низкую долю занимают холодный чай – 3 % и энергетические напитки – 2 %⁶.

В 2016 г. по сравнению с 2015 г. отмечалось снижение продаж безалкогольных напитков на 1,2 % в натуральном выражении. Однако в денежном выражении рынок безалкогольных напитков демонстрирует увеличение на 3,2 %, что свидетельствует о росте цен на эти напитки. При этом рост цен на разных сегментах рынка безалкогольных напитков был неодинаковым. Наибольшие темпы роста цен наблюдались в сегменте соков и нектаров, наименьшие – в сегментах питьевых и минеральных вод, а также кваса и квасных напитков. В результате этого уменьшился спрос на соки и нектары, холодный чай, а увеличился на питьевые и минеральные воды, что сказалось на объемах продаж. Так, в 2016 г. выросли продажи питьевой и минеральной воды, кваса – на 2 % каждой подгруппы, но снизились продажи фруктово-ягодных напитков (типа лимонад) – на 4,3 %, соков и нектаров – на 8 %. Наибольший спад наблюдался в субкатегории холодного чая – на 15 %, входящей в подсегмент тонизирующих напитков.

Объемы розничной торговли безалкогольных тонизирующих напитков и лидеры рынка

Особое место на рынке безалкогольных напитков занимают тонизирующие напитки, производство которых за последние годы постоянно увеличивается. Данные об их розничных продажах приведены в таблице 2. Как видно из данных таблицы 2⁷, объемы продаж тонизирующих напитков характеризуются тенденцией к росту. Лишь в 2012 г. наблюдался спад продаж на 22,5 %. В последующие годы продажи этих напитков постоянно увеличивались. Наиболее высокие темпы роста отмечались в 2011 г. (129 %) и 2014 г. (128,6 %). Начиная с 2015 г. темпы роста продаж замедлились. Однако в натуральном выражении продолжали расти.

Таблица 2. Объемы розничной торговли безалкогольных тонизирующих напитков

Table 2. Volumes of retail trade of non-alcoholic tonic drinks

Показатели	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Объемы продаж, млн дкл	6,9	8,9	6,9	7,7	9,9	11,8	13,5
Темпы роста, %	–	129,0	77,5	111,6	128,6	119,2	114,4

Увеличение объемов продаж тонизирующих напитков обусловлено ростом спроса на них, особенно у молодежи, считающих эти напитки модными и престижными, повышающими физическую выносливость и умственную работоспособность. Повышению спроса способствует широкий и постоянно обновляющийся ассортимент тонизирующих напитков, насчи-

тывающий от 30 до 50 наименований. В ассортименте тонизирующих напитков присутствуют две категории: на основе синтетических пищевых добавок (кофеина, таурина, L-карнитина) и на основе натурального растительного сырья, содержащего тонизирующие вещества (женьшень, элеутерококк, лавзея, гуарана и др.). Кроме того, напитки второй категории могут быть обогащены витаминами С, Р, группы В, Е, а также минеральными веществами. Ассортимент тонизирующих напитков представлен такими брендами, как *Devil, Burn, AdrenalineRush, Jaguar, Battery* и др.

Значительный взлет продаж показали и энергетические напитки (на 12,2 % в 2016 г., по сравнению с 2015 г. на 4,2 %). Этот рост объясняется расширением и постоянным обновлением ассортимента, привлекательностью для молодежной аудитории благодаря возбуждающему действию на нервную систему человека входящих в состав этих напитков кофеина и таурина. Однако этот рост может быть временным, если будет принят закон о запрете продажи этих напитков подросткам до 18 лет, который сейчас находится на рассмотрении в Госдуме. Кроме того, спрос на энергетические напитки носит иррациональный характер, поэтому в СМИ периодически появляется информация о их негативном воздействии на организм человека, а переориентация определенной части потребителей на здоровый образ жизни будет способствовать их репрофилированию на другие безалкогольные напитки.

Для рынка безалкогольных напитков характерна сильная конкурентная среда. Розлив прохладительных напитков осуществляют несколько крупных транснациональных компаний, большое число производителей питьевой, минеральной и минерализованной воды, сотни пивобезалкогольных заводов. Всего на этом рынке функционирует около 3500 предприятий, из них 2000 производителей и 1500 дистрибуторов.

Лидерами рынка являются:

– ООО «Кока-Кола ЭйчБиСи Евразия», ООО «Пепсико Холдинг». ООО «ПК Аквалайф» (бренд «Черноголовка»), ЗАО «Авалайн» (Эльбрус), производящие тонизирующие и фруктово-ягодные напитки с вкусо-ароматическими, тонизирующими добавками и сахаром;

⁶ Ситуация и тенденции: Российский рынок безалкогольных напитков // Nielsen. 03.03.2017. Режим доступа: <https://www.nielsen.com/ru/ru/insights/news/2017/beverages-retail-audit.html> (дата обращения: 25.02.2018).

⁷ Euromonitor International. Режим доступа: <http://www.euromonitor.com> (дата обращения: 25.02.2018).

– производители минеральных и питьевых вод: ООО «ИДС Боржом», ОАО «Нарзан», ОАО «Меркурий», ООО «Фонте АКВА»;

– пивоваренные заводы, производящие квас, квасные и другие безалкогольные напитки: ООО «Дека» (Великий Новгород – квас «Никола»), ОАО «Жигулевское пиво» (Самара), ОАО «Ставропольский пивоваренный завод».

В Сибирском Федеральном округе основными товаропроизводителями безалкогольных напитков являются ОАО «Барнаульский пивоваренный завод» (Алтайский край), ООО «Чистая вода» (г. Красноярск), ООО «Альпина» (Республика Хакасия), ООО «Компания «Ирбис» (г. Новокузнецк Кемеровской области), ООО «Кладовые Сибири-Н» (г. Новосибирск), ООО «ТК «Томское пиво» (г. Томск) и др.

Кроме того, в регионах действует большое число мелких предприятий, разливающих питьевую воду из местных водных источников. Россия – страна, богатая водными ресурсами: наземными и подземными, пригодными для использования на пищевые цели. Примерами местных торговых марок являются «Шишкин лес», «Новоиерусалимская», «Сенежская» (Московская область), «Василевская» (Вологодская область), «Липецкая Росинка» (Липецкая область), «Серебряный Сокол» (г. Суздаль Владимирской области), «Святой источник» (Костромская обл.) и др.⁸

В региональной структуре производства безалкогольных напитков доминируют следующие федеральные округа: Приволжский (20,3 %), Центральный (15,8 %), Сибирский (13 %). На их долю приходится почти 50 % общего производства безалкогольных напитков. Региональная структура соответствует размещению населения. Вместе с тем по отдельным подгруппам безалкогольных напитков отмечаются различия с региональной структурой производства напитков в целом. Так, производство соков и нектаров сконцентрировано в Санкт-Петербурге и Ленинградской области (29,7 %), в Липецкой области (18,9 %) и Московской области (6,1 %); квас и квасные напитки – в Северо-западном, Центральном и Приволжском федеральных округах (80 %).

На рынке безалкогольных напитков отмечается значительное количество мультинациональных брендов (*Coca-cola*, *Пепси-кола*, *Бон Аква* и т. п.), российских национальных брендов (*Тархун*, *Байкал*, *Святой источник*, *Добрый*, *Фруктовый*

сад, *Сады Придонья*, *Никола*, *Боржом*, *Нарзан*, *Славянская* и др.), а также собственных торговых марок предприятий розничной торговли (*Каждый день*, *Л7* и др.).

Потребление безалкогольных напитков в России составляет 93,7 литров на человека в год, что в 2 раза меньше, чем в Европе⁹. Установлено, что с ростом материального благосостояния отмечается увеличение потребления безалкогольных напитков, особенно натуральных соков, питьевой и минеральной воды.

Рост потребления питьевой воды зависит и от качества водопроводной воды в конкретном регионе. К сожалению, целый ряд регионов отличается низким качеством водопроводной воды, вследствие чего население этих регионов вынуждено переходить на бутилированную воду или питьевую воду из торговых автоматов. Так, в г. Вологде на улицах установлены автоматы по розливу питьевой воды в тару потребителей.

Многие организации закупают в офисы и / или в залы обслуживания баллоны с питьевой водой, которые поставляют им по заявкам специализированные фирмы.

Основными каналами продаж безалкогольных напитков выступают супермаркеты, дискаунтеры и минимгазины (примерно 30 % от общего объема продаж в натуральном выражении). На долю традиционной торговли приходится около 22 %. При этом 50 % продаж соков и нектаров в магазинах современных форм приходится на продажи по акциям¹⁰.

Особенностью рынка безалкогольных напитков является сезонный характер спроса на них. Так, почти 70 % всего годового объема продаж кваса приходится на апрель-июль¹¹. Спрос на соки и нектары увеличивается в летний период на 20–25 %. Кроме того, как уже указывалось, в группе безалкогольных напитков есть категория энергетических напитков, для которой характерен иррациональный спрос.

Приобретателями безалкогольных напитков являются физические лица (конечные потребители, использующие напитки в питании дома и / или вне дома) и юридические лица или индивидуальные предприниматели: предприятия общественного питания, производственные, сервисные и управленческие организации, образовательные, государственные и иные учреждения.

Доля безалкогольных напитков в расходах на покупку продовольственных товаров невелика и составляла в 2010 г. вместе с чаем и кофе всего 2,4 %,

⁸ Герасимов С. Рынок прохладительных напитков идет в рост // Indexbox. 03.08.2016. Режим доступа: / <http://www.indexbox.ru/news/napitki-idut-v-rost/> (дата обращения: 25.02.2018).

⁹ Ситуация и тенденции: Российский рынок безалкогольных напитков // Nielsen. 03.03.2017. Режим доступа: <https://www.nielsen.com/ru/ru/insights/news/2017/beverages-retail-audit.html> (дата обращения: 25.02.2018).

¹⁰ Nielsen: 50% соков в России продаётся по акциям // FruitNews. 11.07.2017. Режим доступа: <https://fruitnews.ru/analytics/48429-nielsen-50-sokov-v-rossii-prodaetsya-po-aktsiyam.html> (дата обращения: 25.02.2018).

¹¹ Панин В. Обзор российского рынка безалкогольных напитков // Пивное дело. 07.10.2016. Режим доступа: /www.pivnoe-delo.info/rok/10/07/obzor-rossijskogorynke-bezalkogoabnyx-napitkov/ (дата обращения: 25.02.2018).

а в 2016 г. – 2,8 % [4], т. е. увеличилась всего на 0,4 %. Учитывая рост цен на безалкогольные напитки, чай и кофе за период 2010–2016 гг. в пределах 4–12 %, можно констатировать, что в натуральном выражении доля безалкогольных напитков в покупках населения снизилась не только в количественном, но и в качественном отношении.

В период 2013–2016 гг. произошла переориентация приобретателей с более дорогих напитков класса премиум на более дешевые; с соков – на нектары или на фруктово-ягодные сладкие напитки. Основной причиной стали кризисные явления, в том числе снижение платежеспособности населения и переход определенной части потребителей на сберегающую модель потребления.

Рынок безалкогольных напитков, за исключением сегментов тонизирующих напитков, соков и нектаров, характеризуется повышенной импортнезависимостью. Для производства большинства подгрупп безалкогольных напитков не требуется импортное сырьё. Лишь для производства тонизирующих напитков, соков и нектаров сырьё и полуфабрикаты (кофеинсодержащие экстракты, таурин, соковые концентраты) импортируются из-за рубежа. Однако их купаж, газирование и розлив в тару производится в России, поэтому эти напитки считаются отечественными.

Таким образом, насыщение российского рынка безалкогольных напитков производится практически на 100 % за счет отечественного производства. Небольшие поставки импортных напитков не влияют на конъюнктуру рынка. Объемы импорта безалкогольных напитков по сравнению с отечественным производством незначительны. Так, в 2014 г. в Россию было импортировано 550 млн л (0,55 млн дкл), а в 2015 г. – 400 млн (0,40 млн дкл), что составило около 3 % от общего производства безалкогольных напитков¹². Снижение импорта было на 22 %. Импорт напитков уменьшался не только в натуральном, но и в денежном отношении.

В структуре импорта безалкогольных напитков преобладают концентраты для соков и нектаров и напитки типа *Cola*. Импорт осуществляется преимущественно из стран дальнего зарубежья (Израиль, Греция, Нидерланды). На страны СНГ приходится не более 1,5 %. В структуре поставок преобладают Казахстан и Белоруссия. На их суммарную долю приходится 73,2 % российского импорта безалкогольных напитков¹³.

Проблемы российского рынка безалкогольных напитков

1. Импортозависимость сокового производства даже по тем видам плодов и овощей, которые выращиваются в России. В структуре ассортимента соков и нектаров преобладают яблочный, грушевый, вишневый, персиковый, абрикосовый, томатный соки или их купажи, занимающие более половины рынка соков. Однако в 2016 г. только 25 % яблочного сока и 17 % томатного сока было выработано из отечественного сырья. В результате на рынке представлено 95 % соков и нектаров отечественного производства, но 85 % из них выработано из импортного сырья¹⁴.

2. Высокая доля фальсифицированной и контрафактной продукции. Наиболее распространенными видами фальсификации являются:

– ассортиментная фальсификация путем замены питьевой и минеральной воды из конкретных природных источников (например, *Святой источник*, *Сенежская*, *Боржом* и тому подобное) с уникальным минеральным составом на очищенную водопроводную воду или минерализованную воду, макросостав которой совпадает с минеральной водой того же наименования, но микросостав существенно отличается, при этом марочная фальсификация как разновидность ассортиментной фальсификации является контрафактом, а выпускаемая продукция называется контрафактной, если к тому же незаконно использован зарегистрированный товарный знак другой организации; замена соков нектарами, кваса – квасными напитками, морсов с заявленным на маркировке составом, включающим натуральное плодово-ягодное сырьё, напитками на пищевых добавках, которые не могут называться морсами;

– квалиметрическая фальсификация связана с выпуском безалкогольных напитков ненадлежащего качества, частичной или полной заменой натуральных компонентов пищевыми добавками (например, натуральных сокосодержащих напитков фруктово-ягодными напитками на пищевых добавках);

– информационная фальсификация сопровождается вышеуказанными видами фальсификации за счет использования недостоверной информации.

3. Недостаточность сырьевой базы для производства соков и нектаров из отечественного сырья, вследствие чего большая их часть производится из импортного сырья, а из ассортимента почти исчезли сокосодержащие напитки из натурального плодово-ягодного сырья.

¹² Герасимов С. Рынок прохладительных напитков идет в рост // Indexbox. 03.08.2016. Режим доступа: / <http://www.indexbox.ru/news/napitki-idut-v-rost/> (дата обращения: 25.02.2018).

¹³ Панин В. Обзор российского рынка безалкогольных напитков // Пивное дело. 07.10.2016. Режим доступа: /www.pivnoe-delo.info/rok/10/07/obzor-rossijskogorynke-bezalkogoabnyx-napitkov/ (дата обращения: 25.02.2018).

¹⁴ Nielsen: 50% соков в России продаётся по акциям // FruitNews. 11.07.2017. Режим доступа: <https://fruitnews.ru/analytics/48429-nielsen-50-sokov-v-rossii-prodaetsya-po-aktsiyam.html> (дата обращения: 25.02.2018).

4. Несовершенство материально-технической базы производства безалкогольных напитков небольших и средних предприятий, особенно базирующихся на основе старых, еще с советских времен, предприятий, вследствие чего ассортимент выпускаемой продукции не обновляется, а ее качество остается низким.

5. Падение спроса и его сезонный характер на многие виды безалкогольных напитков: соки, нектары, фруктово-ягодные, тонизирующие напитки. Для решения этой проблемы необходимо использовать ремаркетинг, включающий следующие мероприятия: поиск внутренних резервов для снижения себестоимости производства готовой продукции и внедрение их в практику работы предприятий, применение отечественного сырья, приведение в соответствие цены и качества. В настоящее время один литр фруктово-ягодных и тонизирующих напитков на пищевых добавках стоит столько же, а иногда и дороже 1 литра молока, хотя пищевая ценность последнего и затраты на его производство неизмеримо выше.

6. Слабое внедрение в производство научных разработок в области совершенствования ассортимента безалкогольных напитков, в том числе функционального назначения, несмотря на то, что множество таких НИР с разработанной технической документацией имеются в России, но не востребованы производителями.

Для решения указанных проблем необходимо внедрить комплекс мероприятий, определяющих перспективные направления развития рынка безалкогольных напитков.

Перспективные направления развития рынка безалкогольных напитков

1. Увеличение сырьевой базы для производства безалкогольных напитков, в том числе соков, нектаров, сокодержавших и тонизирующих напитков, что позволит повысить их выпуск из отечественного сырья и преодолеть импортозависимость в этой подотрасли безалкогольной промышленности. Одним из путей обеспечения этого направления является расширение посевных площадей в овощеводстве и посадок семечковых, косточковых плодов, ягод перспективных сортов, предназначенных для переработки на соки и обладающих улучшенными технологическими и потребительскими свойствами. Однако окупаемость затрат в овощеводстве, особенно в садоводстве, носит долговременный характер, поэтому необходима государственная поддержка этого направления. Для тонизирующих напитков необходимо увеличение посевных площадей под растения, обладающие тонизирующими свойствами (женьшень, родиола, элеутерококк и др).

2. Расширение и обновление ассортимента безалкогольных напитков за счет внедрения в производство научных разработок функциональных напитков, содержащих физиологически функциональные ингредиенты (витамины, минеральные вещества, антиоксиданты и пр.), а также повышения удельной доли напитков на натуральном плодово-ягодном и пряно-ароматическом сырье. Следует отметить, что российскими учеными, в том числе и учеными Кемеровского государственного университета, разработано достаточно большое количество функциональных и обогащенных безалкогольных напитков. Для большинства из них разработана необходимая нормативная и технологическая документация. Однако эти разработки слабо внедряются в промышленное производство. Производителям выгоднее изготавливать безалкогольные напитки с использованием пищевых добавок.

3. Повышение качества и конкурентоспособности отечественных безалкогольных напитков, что позволит увеличить их экспорт не только страны СНГ, но и дальнего зарубежья. Для повышения качества как основного критерия оценки конкурентоспособности напитков целесообразно на каждом предприятии разрабатывать и внедрять политику в области качества, в которой необходимо предусматривать два стратегических направления: улучшение потребительских свойств напитков и обеспечение их безопасности, прогнозировать меры по внедрению и возможные риски от применения указанных направлений.

4. Усиление управления качеством безалкогольных напитков на всех этапах товародвижения, в том числе путем внедрения систем менеджмента качества ИСО 9000 и ХАССП (Hazard Analysis and Critical Control Points (НАССР), анализ рисков и критических контрольных точек). Внедрение указанных систем управления качеством позволит предотвратить выпуск дефектной продукции и продукции, не отвечающей запросам потребителей, вследствие чего повысятся результаты финансово-хозяйственной деятельности предприятий-производителей за счет сокращения затрат на выпуск и продвижение на рынок безалкогольных напитков, не пользующихся спросом.

5. Внедрение инновационных технологий производства, хранения и транспортирования безалкогольных напитков, что позволит усовершенствовать их ассортимент, улучшить качество, снизить логистические затраты, товарные потери и технологические отходы на всех этапах жизненного цикла продукции.

6. Снизить удельную долю фальсифицированных и контрафактных безалкогольных напитков путем усиления государственного и внутрифирменного контроля качества реализуемой продукции.

Предотвращение выпуска фальсифицированной и контрафактной продукции позволит защитить интересы добросовестных производителей, а также потребителей, т.к. фальсифицированные безалкогольные напитки имеют ухудшенные потребительские свойства вследствие использования низкокачественного, но более дешевого сырья. При этом такие напитки, как правило, реализуются по низким или одинаковым ценам по сравнению с подлинной продукцией. В результате ценовой конкуренции проигрывают добросовестные производители и потребители, для которых важно высокое качество напитков.

Литература

1. Коновалов Д. В. Влияние конкурентной среды на рынке безалкогольных напитков на стратегическое развитие предприятий // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2013. № 3. С. 173–176.
2. Становов А. Н. Регулирование деятельности транснациональных корпораций на российском рынке безалкогольных напитков: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2006.
3. Ямпольская Д. О., Чернова В. Ю. Анализ конкурентной ситуации на российском рынке безалкогольных прохладительных напитков // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 12-3. С. 132–151.

THE MARKET OF SOFT DRINKS: STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Yury N. Kleshchevsky^{a, @}; Larisa V. Kartashova^b; Maria A. Nikolaeva^c; Olga A. Ryazanova^a

^a *Plekhanov Russian University of Economics (Kemerovo branch), 39, Kuznetsky Ave., Kemerovo, Russia, 650992*

^b *Educational complex «South-West», 26, Dmitry Ulyanov St., Moscow, Russia, 117449*

^c *The Russian Presidential Academy of National Economy And Public Administration, 82, Vernadsky Ave., Moscow, Russia, 119571*

[@] *kemerovo@rea.ru*

Received 01.03.2018. Accepted 05.06.2018.

Keywords: soft drinks of domestic production, export, import, structure of the range, development tendency, demand, consumption

Abstract: The paper features the condition of domestic and foreign markets of nonalcoholic beverages. The authors investigate the physiological value of soft drinks not only as products that satisfy the water requirements but also as a source of biologically active agents. The research defines segments and subsegments of the soft drinks market. The article introduces the data on the industrial and trade product range (2010–2016). The authors give various reasons of decrease in the demand for particular types of production (tonics), enumerate the main market leaders, describe the regional structure of production in various Federal districts, and analyze statistical data on volumes of domestic production and import of soft drinks. They also define the problems and the perspectives of the market of soft drinks.

For citation: Kleshchevsky Yu. N., Kartashova L. V., Nikolaeva M. A., Ryazanova O. A. Rynok bezalkogol'nykh napitkov: sostoianie i perspektivy razvitiia [The Market of Soft Drinks: State and Development Prospects]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 4 (2018): 86–94. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-86-94

References

1. Konovalov D. V. Vliianie konkurentnoi sredy na rynke bezalkogol'nykh napitkov na strategicheskoe razvitie predpriatii [Impact of competitive environment on the strategic development of enterprises in the soft drinks market]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta = Bulletin of Saratov Socio-Economic Institute*, no. 3 (2013): 173–176.
2. Stanovov A. N. *Regulirovanie deiatel'nosti transnatsional'nykh korporatsii na rossiiskom rynke bezalkogol'nykh napitkov*. Avtoref. diss. kand. ekon. nauk [Regulation of the activities of transnational corporations in the Russian market of non-alcoholic beverages. Cand. Econ. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2006.
3. Yampol'skaya D. O., Chernova V. Yu. Analiz konkurentnoi situatsii na rossiiskom rynke bezalkogol'nykh prokhladitel'nykh napitkov [Analysis of the competitive situation in the Russian market of soft drinks]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanitarian, socio-economic and social sciences*, no. 12-3 (2014): 132–151.

УДК 336.73

О НЕОБХОДИМОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ONLINE-МИКРОЗАЙМАМИ

Никита Б. Мягких^{а, @}

^а Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@ nikson17235@yandex.ru

Поступила в редакцию 03.11.2018. Принята к печати 26.11.2018.

Ключевые слова: микрофинансовая организация, online-микрокредитование, микрофинансовая деятельность, микрокредитование, микрозайм

Аннотация: В статье рассматривается проблема эффективного управления деятельностью микрофинансовых организаций в части online-микрокредитования в условиях его активного роста на российском кредитном рынке. Предметом данной статьи является online-микрокредитование в России; цель работы – разработать рекомендации по совершенствованию управления online-микрокредитованием при осуществлении микрофинансовыми организациями микрофинансовой деятельности. В ходе исследования определена специфика online-микрокредитования, выделены этапы процесса online-микрокредитования, описаны преимущества и недостатки процесса как для рынка микрофинансовых организаций в целом, так и для отдельной микрофинансовой организации. Приведены актуальные данные о состоянии online-микрокредитования в России, определена тенденция дальнейшего роста сегмента online-микрокредитования. Отмечены возможные негативные последствия online-микрокредитования при условии неэффективного управления online-микрозаймами. В результате проведенного исследования разработаны рекомендации по совершенствованию управления online-микрокредитованием с целью минимизации его негативных эффектов. Данные рекомендации применимы для большинства микрофинансовых организаций, оказывающих услуги online-микрокредитования.

Для цитирования: Мягких Н. Б. О необходимости управления online-микрозаймами // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 4. С. 95–100. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-95-100

Введение

На сегодняшний день деятельность микрофинансовых организаций (МФО) на российском кредитном рынке становится более актуальной как для самого кредитного рынка в целом, так и для его клиентов. Рост значимости микрофинансовой деятельности, который обусловлен непростой экономической ситуацией в стране и непрерывно продолжающимся на этом фоне падением реальных доходов населения, способствует процветанию микрофинансовых организаций и распространенности по стране микрозаймов [1, с. 446]. Сами микрозаймы с момента их легализации в 2011 г. в связи с принятием ФЗ № 151 от 02.07.2010 «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»¹ с каждым годом становятся все более доступными населению. С недавних пор набирает обороты такая форма предоставления микрозаймов населению, как online-микрокредитование.

Процесс, преимущества и недостатки online-микрокредитования

Online-микрокредитование, или выдача микрозаймов в режиме онлайн, представляет собой деятельность микрофинансовых организаций по предоставлению микрозаймов населению посредством сети Интернет без необходимости физического присутствия клиентов в отделении микрофинансовой организации. В основном в рамках online-микрокредитования осуществляется выдача микрозаймов «до зарплаты» – микрозаймов со сроком погашения менее одного месяца и на сумму не более 30 тыс. руб. [2, с. 136]. Это объясняется тем, что микрокредитование на большие сроки и суммы в рамках одного заемщика при отсутствии должной системы мониторинга (аналогичной банковской) является чересчур рискованной операцией, особенно в режиме онлайн. Тем не менее на практике встречаются и предложения по online-микрозаймам с более высокими суммами; как правило, такие микрозаймы нацелены на юридических лиц

¹ О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях. ФЗ от 02.07.2010 № 151-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 05.07.2010. № 27. Ст. 3435.

и индивидуальных предпринимателей как основной группы клиентов.

Все предоставляемые микрофинансовой организацией online-микрозаймы с их подробной характеристикой должны быть представлены на официальном сайте МФО. Вся информация о них, включая полную стоимость микрозайма, должна быть отражена в понятном и наглядном для клиентов виде.

Типичный процесс выдачи микрозайма в режиме онлайн, характерный для большинства микрофинансовых организаций, осуществляющих online-микрокредитование, не является достаточно сложной процедурой; информация о нем представлена в таблице 1².

рокредитования могут выступать люди из самых разных регионов страны. Достаточно лишь доступа в Интернет – и вполне обыденна ситуация, когда клиентом МФО, зарегистрированной, например, в Кемерово, может оказаться человек, проживающий в Краснодарском крае и т. д.

Во-вторых, становятся все более очевидными преимущества online-микрокредитования для самих заемщиков. Удобство оформления и предоставления заявки, отсутствие необходимости предоставления дополнительного пакета документов, оперативное получение суммы микрозайма (до 30 минут с момента одобрения заявки) предпочтительным для клиента способом в купе с нецелевым характером расходования

Таблица 1. Процесс предоставления online-микрозайма
Table 1. The process of online microloan

№	Этап предоставления online-микрозайма	Краткая характеристика этапа
1	Обращение клиента в МФО	Клиент осуществляет выбор приемлемых параметров микрозайма (срок микрозайма и его сумма) и составляет заявку в личном кабинете на сайте МФО с заполнением специально составленной анкеты, предоставлением сканов паспорта (первая страница + страница с пропиской) и указанием контактной информации для дальнейшей идентификации личности клиента
2	Рассмотрение заявки	Менеджер МФО изучает предоставленную информацию и в случае одобрения заявки связывается с клиентом по телефонной связи, уточняет подлинность его намерения взять микрозайм и прочую необходимую информацию
3	Выдача микрозайма	Перевод одобренной суммы на банковский счет / банковскую карту клиента либо на его электронный кошелек

Таблица 1 наглядно демонстрирует простоту процесса online-микрокредитования, которая является достаточно привлекательной для множества микрофинансовых организаций по всей России. И действительно, все больше российских МФО стремятся «уйти в онлайн», т. к. это дает следующие преимущества.

Во-первых, существенно расширяется потенциальная клиентская база МФО. Иными словами, привязанность деятельности микрофинансовой организации к конкретному городу / региону в случае предоставления online-микрозаймов отсутствует в принципе. Теоретически клиентами микрофинансовой организации в части online-мик-

средств – все это весьма существенно влияет на увеличение спроса в области online-микрокредитования³ [3, с. 109]. Так, в одном из проводимых опросов 27 % респондентов отметили важность удобства оформления займа в режиме онлайн⁴.

В-третьих, область online-микрокредитования для сегмента рынка микрофинансовых организаций пока является относительно «свежей», поэтому в условиях ужесточения регулирования деятельности МФО со стороны Центрального банка РФ в части online-микрозаймов существенные и специфические ограничения еще не проработаны должным образом, что является стимулом для МФО к переводу своей деятельности в онлайн.

² Онлайн-кредит без паспорта: это возможно? // Моя Удмуртия. 29.03.2018. Режим доступа: <http://www.myudm.ru/articles/2018-03/onlajn-kredit-bez-pasporta-eto-vozmozhno> (дата обращения: 03.04.2018).

³ Там же.

⁴ Россияне пояснили привязанность к микрокредитам // Финансовый контроль. 20.03.2018. Режим доступа: <http://fcinfo.ru/finance/2147-rossiyane-poyasnili-privyazannost-k-mikrokreditam.html> (дата обращения: 03.04.2018).

Тем не менее при всех очевидных преимуществах микрокредитования в режиме онлайн существуют и негативные последствия распространения подобной формы микрокредитования. Среди них можно выделить следующее.

Во-первых, микрокредитование в режиме онлайн способствует существенному росту просроченной задолженности в структуре кредитного портфеля микрофинансовой организации. Это вызвано тем, что даже высококвалифицированный менеджер и правильно составленная анкета не в состоянии выявить платежеспособного заемщика. Удаленность микрофинансовой организации в данном случае является достаточным поводом для недобросовестного заемщика не производить выплаты по микрозайму в надежде, что про него «забудут». Это действительно важная проблема, которая присуща каждой микрофинансовой организации, практикующей выдачу online-микрозаймов. Кроме того, данная проблема влечет за собой рост закредитованности населения [4, с. 135].

Во-вторых, в связи с масштабами деятельности так называемых онлайн-МФО и возникновением просроченной задолженности у заемщиков нередко возникают проблемы юридического характера. Наиболее распространенная из них – необходимость ведения исполнительного производства по каждому должнику. Учитывая, что в теории

заемщики онлайн-МФО могут быть расположены как минимум на территории всей страны, обозначенная проблема приобретает все больший масштаб. По каждому должнику необходимо правильно определить территориальную подсудность для инициирования исполнительного производства, что зачастую приходится делать вручную. Да и сам процесс исполнительного производства может затянуться из-за того, что он осуществляется посредством почты. В результате процесс взыскания задолженности только с одного заемщика может затянуться на недели, а то и месяцы. А принимая во внимание тот факт, что случаи возникновения просроченной задолженности по online-микрокредитованию не являются редкостью, можно сделать вывод о большом объеме работы юридических служб микрофинансовых организаций, нацеленных на выдачу online-микрозаймов.

Представленные проблемы способны негативно повлиять на состояние всего рынка микрофинансовых организаций в целом, особенно в условиях уверенного роста сегмента online-микрокредитования. Данный рост отражается в основных показателях, характеризующих online-микрокредитование, которые публикуются в информационных материалах ЦБ РФ, наиболее актуальные на настоящий момент данные о показателях представлены в таблице 2⁵.

Таблица 2. Основные показатели, характеризующие состояние сегмента online-микрокредитования
Table 2. Primary indicators of the segment of online-microloan

Показатель	30.06.2016	30.09.2016	31.12.2016	30.03.2017	30.06.2017
<i>Количество заемщиков по действующим договорам микрозайма, получивших онлайн-микрозайм, ед.</i>	715 483	889 166	1 047 583	1 422 227	1 534 646
В том числе в сумме менее 45 тыс. руб. на срок менее 60 дней	662 739	809 986	945 053	1 285 859	1 397 096
Доля в общем количестве заемщиков МФО в целом по рынку, %	17,34	18,94	20,47	24,25	24,64
<i>Количество договоров онлайн-микрозаймов, заключенных за квартал, ед.</i>	x	443 031	1 918 623	1 381 820	1 448 393
В том числе в сумме менее 45 тыс. руб. на срок менее 60 дней	x	403 584	1 854 389	1 328 079	1 366 387
Доля в общем количестве договоров МФО в целом по рынку, %	x	8,85	33,6	24,27	25,59

⁵ Обзор ключевых показателей микрофинансовых институтов. II квартал 2017. М.: Центральный банк Российской Федерации, 2017. 22 с. Режим доступа: http://www.cbr.ru/finmarkets/files/supervision/review_mfo_17Q2.pdf (дата обращения: 04.04.2018).

Показатель	30.06.2016	30.09.2016	31.12.2016	30.03.2017	30.06.2017
Сумма онлайн-микрозаймов, выданных за отчетный квартал, млн руб.	х	3 710,3	14 531,2	10 287,3	12 633,8
В том числе в сумме менее 45 тыс. руб. на срок менее 60 дней	х	2 534,8	13 138,3	8 939	10 351,4
Доля в общей сумме выданных микрозаймов в целом по рынку, %	х	7,17	26,99	18,16	19,6

Из таблицы 2 видно, что сегмент online-микрокредитования в России находится в состоянии более чем уверенного роста. Всего за год количество заемщиков в данном сегменте выросло более чем вдвое, а объем выдач в целом по сегменту – почти в 3,5 раза. В таблице 2 заметен резкий рост показателей по данным за четвертый квартал 2016 г. – он вызван традиционным ростом спроса населения на заемные средства в связи с новогодними праздниками. Что касается места online-микрокредитования в структуре микрофинансовой деятельности в целом, то тут также наблюдается положительная динамика удельного веса online-микрокредитования как в части новых заемщиков, так и в части новых выдач. Судя по наметившимся на рынке тенденциям, дальнейшее распространение online-микрозаймов на рынке микрофинансовых организаций уже никем не ставится под сомнение⁶. Более того, уже в краткосрочной перспективе именно область online-микрокредитования будет определять основные тенденции на российском рынке микрофинансовых организаций.

Представленные в таблице данные наглядно отразили впечатляющий рост сегмента выдачи online-микрозаймов, что, на первый взгляд, имеет весьма положительное влияние на дальнейшее развитие рынка МФО в России. Тем не менее, как уже отмечалось ранее по тексту, столь стремительный рост при отсутствии должного контроля способен создать целый комплекс проблем, нежелательных для дальнейшего функционирования как рынка МФО в целом, так и отдельно взятой микрофинансовой организации. Среди них можно выделить следующее:

1. Увеличение доли просроченной и безнадежной задолженности в структуре совокупного кредитного портфеля российского рынка МФО. Степень влияния online-микрокредитования на рост удельного веса безнадежной задолженности была описана выше – количественное расширение клиентской базы посредством online-микро-

кредитования в ущерб ее «качеству» неизбежно приводит к подобной тенденции. В некоторых МФО доля просроченной задолженности превышает 50 % [5, с. 123]. Важно отметить, что увеличение данного показателя крайне нежелательно в текущих экономических реалиях; тем не менее за период 2014–2016 гг. данный показатель вырос практически вдвое – с 1,7 % до 3,3 %⁷; влияние распространения онлайн-микрозаймов на подобную динамику достаточно высоко.

2. Возникновение дефицита располагаемых микрофинансовой организацией денежных средств. Иными словами – снижение ее ликвидности. Данная проблема является прямым следствием непродуманной политики МФО относительно выдачи online-микрозаймов как в части количества клиентов, так и их платежеспособности. Микрокредитование по типу «всем подряд» способно создать ситуацию, при которой существенная часть выделенных под микрозаймы средств из-за возникновения проблем с должниками надолго выйдет из оборота (ввиду длительной процедуры исполнительного производства по взыскиваемой задолженности). В свою очередь, это создает риск неплатежеспособности самой микрофинансовой организации – средства, направляемые на микрозаймы, как правило, являются привлеченными самой МФО из других источников, а просрочка либо невозврат задолженности в больших масштабах негативно влияет на своевременный возврат привлеченных средств кредиторам ввиду неполучения доходов с микрозаймов в планируемые сроки.

3. Рост негативного влияния на репутацию рынка МФО в целом. Крайне высокая степень риска online-микрокредитования вкупе с его влиянием на рост невозвратных микрозаймов влияют на репутацию МФО в сторону ее ухудшения. С учетом того, что отношение российского общества к деятельности микрофинансовых организаций нельзя

⁶ Микрофинансирование в России. 2018 // Expert: рейтинговое агентство. Режим доступа: https://raexpert.ru/project/micro_fin/2018/resume (дата обращения: 04.04.2018).

⁷ Обзор ключевых показателей микрофинансовых институтов. II квартал 2017. М.: Центральный банк Российской Федерации, 2017. 22 с. Режим доступа: http://www.cbr.ru/finmarkets/files/supervision/review_mfo_17Q2.pdf (дата обращения: 04.04.2018).

назвать положительным, это является весьма нежелательной тенденцией.

Все это способно стать неотъемлемыми чертами рынка online-микрокредитования уже в краткосрочной перспективе при условии отсутствия должного регулирования, причем в данном случае речь идет не столько о регулировании со стороны ЦБ РФ, сколько о самостоятельном регулировании своей деятельности со стороны самих МФО. Для каждой микрофинансовой организации очень важно разработать взаимоувязанный комплекс мер, направленный на оптимизацию управления деятельностью по выдаче online-микрозаймов с целью максимально возможного снижения негативных последствий, возникающих при осуществлении online-микрокредитования.

Во-первых, следует проводить более тщательную проверку платежеспособности потенциального заемщика, насколько это представляется возможным без ущерба оперативности выдачи микрозайма. Это осуществимо посредством включения в анкету ключевых вопросов, по ответам на которые менеджер микрофинансовой организации сможет произвести тщательный отбор заемщиков. Такие вопросы, например, могут завуалированно спрашивать о размере и источниках дохода заемщика. Кроме того, в случае недостаточности информации о заемщике, полученной посредством заполнения им анкеты, все необходимые для принятия оптимального решения данные можно получить уже при звонке самому клиенту. Все это способно замедлить рост просроченной и безнадежной задолженности в структуре кредитного портфеля МФО.

Во-вторых, замедлению роста просроченной задолженности также может способствовать внедрение в деятельность МФО так называемых программ лояльности для добросовестных клиентов. Их суть заключается в предоставлении более выгодных условий микрокредитования при повторном обращении заемщика в МФО при условии своевременного погашения взятого им ранее микрозайма⁸. Выгода может заключаться как в сниженной процентной ставке по микрозайму, так и в возможности взять новый микрозайм на более длительный срок. Наличие подобного рода программ способно повлиять на своевременную выплату задолженности по микрозаймам со стороны части клиентов.

В-третьих, в случае работы с уже имеющейся просроченной и безнадежной задолженностью

важна четкая и взаимоувязанная работа юридических служб. На самом деле для микрофинансовых организаций, основным продуктом которых является online-микрозайм, организация работы отдела судебных взысканий, отдела исполнительного производства, отдела досудебных взысканий и пр. является чуть ли не первостепенной задачей. Правильно организованная деятельность перечисленных ранее структур способна значительно оптимизировать процесс «просуживания» заемщиков, особенно с точки зрения затраченного времени, необходимого на исполнительное производство.

В-четвертых, в отношении клиентов, расположенных по месту регистрации в том же регионе, в котором расположена и сама МФО, стоит акцентировать внимание на досудебное взыскание задолженности с клиентов. Это поможет избежать необходимости доводить дело до суда, что существенно замедлит процесс возврата микрозайма. Возможно даже ведение дел с каждым должником на индивидуальных условиях, например, постепенное погашение задолженности по микрозайму и т.д. Тем не менее категорически воспрещается прибегать к методам, способным оказать физический и моральный вред должнику – это крайне негативно скажется на репутации МФО. Также из соображений сохранения репутации не рекомендуется связываться со сторонними коллекторскими агентствами – каждая микрофинансовая организация, осуществляющая online-микрокредитование, должна сформировать свой собственный отдел досудебных взысканий, если еще не сделала этого.

Заключение

В качестве заключения стоит отметить, что приведенные выше рекомендации вполне применимы на практике; их взаимоувязанная реализация способна оптимизировать издержки online-микрокредитования, являющиеся его неотъемлемой частью. В условиях уверенного, но в то же время трудно контролируемого роста сегмента online-микрозаймов, а также принимая во внимание тот факт, что online-микрокредитование уже в настоящее время становится основной формой микрокредитования физических лиц, необходимость реализации разработанных в рамках данной статьи мер не должна ставиться под сомнение.

Литература

1. Мягких Н. Б., Калачева И. В. Микрофинансовые организации в России: вчера, сегодня, завтра // Россия и новая экономика: ключевые векторы развития: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. в рамках Всероссийского фестиваля науки. 2016. Ч. 2. С. 446–452.

⁸ Микрофинансовые компании любят вас! Какие программы лояльности предлагают МФО? Режим доступа: <https://4slovo.ru/press/mikrofinansovye-kompanii-lyubyat-vas> (дата обращения: 05.04.2018).

2. Дубенко А. Ю. Онлайн кредитование жителей Крыма в современных условиях // Лучшая научная статья 2016: сб. ст. победителей V Междунар. науч.-практ. конкурса. 2017. С. 135–138.
3. Рахманина Н. В. Понятие интернета и проблемы, связанные с оказанием финансовых интернет-услуг // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2015. № 4. С. 107–113.
4. Набатова А. А., Устинова Н. Г. Финансовая безопасность населения в условиях экономической нестабильности // Экономическая безопасность России: вызовы XXI века: материалы II Междунар. (заочной) науч.-практ. конф. 2017. С. 134–137.
5. Чечнева И. А. Системный анализ невозврата долгов по микрозаймам // Системный анализ в экономике – 2016: сб. тр. IV Междунар. науч.-практ. конф.-биеннале. М.: Финансовый университет, 2016. Т. 2. С. 123–126.

MANAGEMENT OF ONLINE MICROLOANS

Nikita B. Myagkikh^{a, @}

^a *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*

[@] *nikson17235@yandex.ru*

Received 03.11.2018. Accepted 26.11.2018.

Keywords:
microfinance institution,
online microloans,
microfinance activity,
microcredit, microlender

Abstract: The article deals with the problem of effective management of online microlenders on Russian credit market. Ineffective management may lead to bad consequences. The research objective was to develop recommendations for improving online-microcredit's management. The authors determined the specifics of online microloans, defined the phases of online microloan process, and described the advantages and disadvantages for the microlending market and separate microlenders. The paper gives actual information about online microlenders, describes the development trend, and gives some recommendations that can be useful for microlenders that provide online-microloans.

For citation: Myagkikh N. B. O neobkhodimosti upravleniia online-mikrozaimami [Management of Online Microloans]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 4 (2018): 95–100. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-95-100

References

1. Myagkikh N. B., Kalacheva I. V. Mikrofinansovye organizatsii v Rossii: vchera, segodnya, zavtra [Microfinance in Russia: yesterday, today, tomorrow]. *Rossii i novaia ekonomika: kluchevye faktory razvitiia: sb. nauch. tr. po materialam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. v ramkakh Vserossiiskogo festivalia nauki* [Russia and new economics: key factors of development: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. as part of All-Russian Sci. festival]. Part 2 (2016): 446–452.
2. Dubenko A. Y. Onlain kreditovanie zhitelei Kryma v sovremennykh usloviiah [Online loans for residents of the Crimea in modern conditions]. *Luchshaia nauchnaia stat'ia 2016: sb. st. pobeditelei V Mezhdunar. nauch.-pract. konkursa* [Best science article 2016: Proc. winner's articles from V Intern. Sci.-Prac. Contest]. 2017, 135–138.
3. Rakhmanina N. V. Poniatie interneta i problemy, sviazannye s okazaniem finansovykh internet-uslug [The concept of Internet and the problems related to rendering financial internet services]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Iurisprudentsiya = Bulletin of Volgograd state university. Series 5: Jurisprudence*, no. 4 (2015): 107–113.
4. Nabatova A. A., Ustinova N. G. Finansovaia bezopasnost' naseleniia v usloviiah ekonomicheskoi nestabil'nosti [People's finance security in conditions of economic instability]. *Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: vyzovy XXI veka: materialy II Mezhdunar. (zaochnoi) nauch.-prakt. konf.* [Russia's economic security: challenges of XXI century: Proc. II Intern. (on distance) Sci.-Prac. Conf.]. 2017, 134–137.
5. Chechneva I. A. Sistemnyi analiz nevozvrata dolgov po mikrozaïmam [System analysis of non-returning microloan debts]. *Sistemnyi analiz v ekonomike – 2016: sb. tr. IV Mezhdunar. nauchn.-pract. konf.-biennale* [Systems Analysis in the Economy – 2016: Proc. IV Intern. Sci.-Pract. conf.-binneal. Moscow: Finansovyi universitet, vol. 2 (2016): 123–126.

УДК 338.242

ПРОБЛЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ НА РЕГИОНАЛЬНОМ И МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЯХ

Алексей Ю. Нестеров ^{а. @. ID}

^а Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@ nesterov.rf@gmail.com

^{ID} <https://orcid.org/0000-0002-9854-4860>

Поступила в редакцию 02.03.2018. Принята к печати 29.06.2018.

Ключевые слова:

стратегическое планирование, повышение эффективности стратегического управления, региональное развитие, муниципальные образования

Аннотация: В статье рассмотрены проблемы стратегического управления социально-экономическим развитием на региональном и муниципальном уровнях. В настоящее время нормативная правовая основа обеспечения управления социально-экономическим развитием на региональном и муниципальном уровнях является достаточно динамичной и соответствующей текущим условиям и вызовам. Нормативная правовая база в сфере стратегического управления сформирована не только как институциональная основа социально-экономического развития, но и представляет собой достаточно глубоко проработанную систему методик, инструментов и методов разработки стратегических документов и обеспечения их реализации. Вместе с тем нормативные правовые документы отражают, как правило, традиционный взгляд на осуществление процесса стратегического планирования, сформированный в рамках научных школ дизайна и планирования, с включением отдельных элементов прогрессивных технологий стратегического управления. Федеральными органами государственной власти последовательно формируется основа для фактического усиления роли методологии стратегического менеджмента в региональном и муниципальном управлении. Последовательное внедрение в практику государственного и муниципального управления программно-целевого подхода, методологии стратегического планирования, принципов проектного менеджмента формирует основу для применения принципов гибкого публичного управления как основы стратегического менеджмента в режиме реального времени. Самостоятельность, инициативность, инновационность, открытость, гибкость, профессионализм, высокая мотивация все в большей степени будут определять успех в практике государственного и муниципального управления. Вместе с тем залогом эффективного внедрения и применения механизмов и технологий проектного менеджмента и гибкого публичного управления в органах государственной власти и местного самоуправления будет выступать успешная работа по преодолению сопротивления административной бюрократической системы управления.

Для цитирования: Нестеров А. Ю. Проблемы стратегического управления социально-экономическим развитием на региональном и муниципальном уровнях // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 4. С. 101–106. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-101-106

Введение

В соответствии с Федеральным законом от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹ стратегическое планирование в РФ осуществляется на федеральном уровне, уровне субъектов РФ и уровне муниципальных образований. В законе приведен исчерпывающий перечень документов стратегического планирования и фундаментальные поло-

жения, позволяющие реализовать методологию стратегического планирования в практике публичного управления. Разработка стратегических документов осуществляется на основе прогнозов социально-экономического развития РФ, субъектов РФ, отраслей, муниципальных образований на среднесрочный период (от 3 до 6 лет включительно) и на долгосрочный период (более шести лет).

¹ О стратегическом планировании в РФ. ФЗ от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 31.12.2017). СЗ РФ от 30.06.2014 № 26. Ч. I. Ст. 3378.

В рамках процесса стратегического планирования на региональном и муниципальном уровнях разрабатываются три типа документов в соответствии с различным институциональным назначением:

1) целеполагающие документы стратегического планирования: стратегии социально-экономического развития;

2) прогнозные документы стратегического планирования: прогнозы социально-экономического развития и бюджетные прогнозы;

3) плановые и программные документы стратегического планирования: планы мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития, государственные и муниципальные программы, схема территориального планирования двух и более субъектов РФ, схема территориального планирования субъекта РФ.

Императивы формирования стратегических документов на региональном и муниципальном уровнях определяют не только структуру, но и во многом содержание программ и планов социально-экономического развития. Несмотря на то, что для муниципальных образований разработка стратегии социально-экономического развития и, соответственно, плана мероприятий по реализации стратегии не являются обязательными, в муниципальных образованиях эти документы формируются в связи с необходимостью решения вопросов местного значения органами местного самоуправления, исчерпывающий перечень которых определен законодательно².

Характерными недостатками стратегических документов в муниципальных образованиях – концепций, стратегий, стратегических планов – являются [1]:

1) терминологическая неопределенность и, как следствие, смысловые и содержательные несоответствия и противоречия в документах, несогласованность в действиях и формализм в процессе стратегического планирования;

2) слабый учет потенциала местного сообщества при определении стратегии развития муниципального образования стратегических приоритетов, выборе целей и т. д.;

3) неочевидный механизм участия всех заинтересованных групп (органов власти, бизнеса, населения) в реализации стратегии развития;

4) завуалированное основное назначение стратегического планирования, заключающееся в повышении конкурентоспособности муниципального образования в условиях рыночных отношений и конкурентной борьбы за ресурсы.

Анализ нормативных правовых документов, определяющих порядок разработки, принятия, реализации, контроля и мониторинга стратегий социально-

экономического развития регионов и муниципальных образований, позволяет сделать следующие выводы:

1) в настоящее время нормативная правовая база сформирована не только как институциональная основа социально-экономического развития, но и представляет собой достаточно глубоко проработанную систему методик, инструментов и методов разработки стратегических документов и обеспечения их реализации;

2) нормативная правовая основа обеспечения управления социально-экономическим развитием на региональном и муниципальном уровнях является достаточно динамичной и соответствующей текущим условиям и вызовам;

3) нормативные правовые документы отражают, как правило, традиционный взгляд на осуществление процесса стратегического планирования, сформированный в рамках научных школ дизайна и планирования [1–3] при включении отдельных элементов прогрессивных технологий стратегического управления.

Постановка проблемы

Федеральными органами государственной власти на протяжении последних 20 лет последовательно формируется основа для фактического усиления роли методологии стратегического менеджмента в региональном и муниципальном управлении. Посредством внедрения программно-целевого подхода в практику государственного и муниципального управления были достигнуты достаточно серьезные результаты в обеспечении стабильности социально-экономического развития. В дополнение и развитие программно-целевого подхода были созданы условия для применения методологии стратегического планирования с присущей ей глубокой детализацией процесса стратегического планирования и качественным нормативным и методическим обеспечением разработки и выполнения стратегий социально-экономического развития как субъектов РФ, так и муниципальных образований. В последние годы активно формируются условия для внедрения принципов проектного менеджмента, направленные на повышение качества управления социально-экономическим развитием при одновременном усилении роли и повышении ответственности региональных и муниципальных органов власти в решении проблем, относящихся к их предметам ведения. Очевидно, что следующим этапом в развитии государственного и муниципального управления должно стать внедрение принципов гибкого менеджмента как основы стратегического управления в режиме реального времени. Вместе с тем необходимо определить принципы гибкого публичного управления, применение

² Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ. ФЗ от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // СЗ РФ. 06.10.2003 № 40. Ст. 3822.

которых, во-первых, будет являться естественным и логичным продолжением осуществляемых преобразований в системе государственного и муниципального управления, во-вторых, обеспечит успех в практике государственного и муниципального управления и, в-третьих, сформирует институциональные условия трансформации государственного и муниципального управления в высоко динамичную эффективную систему.

Методы исследования

Основным методом исследования являлся анализ документов: методических, статистических, отчетных, нормативных правовых документов федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления муниципальных образований по проблематике исследования. Метод экспертной оценки применялся при рассмотрении основных выводов и результатов исследования.

Результаты исследования

Институциональные и нормативные основы, обуславливающие необходимость перехода к гибкому стратегическому управлению социально-экономическим развитием на региональном и муниципальном уровнях, были заложены Указом Президента РФ от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года». Во исполнение Указа Президента РФ был разработан и утвержден План мероприятий по реализации Основ государственной политики регионального развития РФ на период до 2025 г.³, выполнение которого должно «обеспечить сбалансированность социально-экономического развития территорий, сокращение уровня дифференциации экономического развития территорий и материального благосостояния людей, прежде всего за счет наращивания собственного экономического потенциала, за счет опережающего развития малообеспеченных регионов»⁴. План включает более 30 конкретных взаимоувязанных мероприятий, сгруппированных в 3 целевых блока:

1. Разработка Стратегии пространственного развития страны до 2025 г. Предусматривается определение перспективного места каждого субъекта РФ в межрегиональном разделении труда на основе результатов анализа сложившейся и перспективной схем размещения производительных сил в РФ.

2. Стимулирование органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправ-

ления муниципальных образований к увеличению собственного экономического потенциала развития.

3. Совершенствование механизмов распределения дотаций, субсидий, бюджетных кредитов из средств федерального бюджета на основе анализа результатов мониторинга расходов субъектов РФ и их сопоставления со среднероссийскими расходами.

Приращение экономического потенциала регионов планируется стимулировать посредством следующих механизмов:

– в целях выравнивания уровня бюджетной обеспеченности предоставление регионам с низкой бюджетной обеспеченностью дотаций на условиях принятия на себя субъектами РФ обязательства по наращиванию собственного налогового потенциала, по созданию новых рабочих мест, по привлечению инвестиций;

– в целях повышения качества публичного менеджмента в регионах совершенствование механизмов оценки эффективности деятельности региональных органов государственной власти и, следовательно, распределение грантов, величина которых будет увеличена для наиболее динамично развивающихся субъектов РФ;

– изменение порядка зачисления части налога на прибыль в федеральный бюджет: прирост поступлений в федеральный бюджет по налогу на прибыль будет оставаться в распоряжении субъекта РФ, который обеспечил этот прирост.

В управлении социально-экономическим развитием отдельных категорий субъектов РФ и муниципальных образований в определенной степени реализуются новые подходы к обеспечению стратегического управления. Так, разработаны и приняты Государственные программы социально-экономического развития Арктической зоны РФ, Дальнего Востока и Байкальского региона, Калининградской области, Республики Крым и города Севастополя, Северо-Кавказского федерального округа.

В целях обеспечения устойчивого развития муниципальных образований (например, моногородов, территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), наукоградов, закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО) и др.) также сформированы либо формируются правовые и институциональные условия, с одной стороны, привносящие в публичное управление долгосрочную предсказуемость федерального центра для регионов, муниципалитетов и бизнеса, с другой стороны, требующие более гибких, быстрых, зачастую неординарных и эффективных решений социально-экономических проблем.

³ О плане мероприятий по реализации Основ государственной политики регионального развития РФ на период до 2025 года. Распоряжение Правительства РФ от 05.06.2017 № 1166-р (ред. от 20.12.2017). Режим доступа: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 12.02.2018).

⁴ О плане реализации Основ государственной политики регионального развития до 2025 года // Правительство России. 05.06.2017. Режим доступа: <http://government.ru/news/27971/> (дата обращения: 12.02.2018).

Важно, чтобы закрепленные за муниципальным образованием вопросы местного значения полностью реализовывались с учетом возрастающих жизненных потребностей населения.

В этой связи показательным является опыт реализации Национального проекта развития моногородов «Моногорода России», управление которым осуществляется Фондом развития моногородов⁵. Мощный импульс к созданию новой экономической реальности в моногородах посредством диверсификации экономики, создания новых рабочих мест и привлечения внешних инвестиций невозможен без комплексной модернизации среды и повышения качества жизни населения этих городов. Проекты благоустройства дворов, улиц, набережных и иных муниципальных территорий, создания комфортной навигационной и информационной инфраструктуры, модернизации транспортной и инженерной инфраструктуры и другие рассматриваются как не менее важные, чем диверсификация экономики.

Комплексное методическое сопровождение проектов развития моногородов, формируемые нормативные и институциональные условия стратегического управления социально-экономическим развитием на региональном и федеральном уровнях способствуют повышению качества государственного и муниципального управления, активизации эффективной деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, населения и представителей бизнеса в решении актуальных значимых задач развития.

Для полноценного внедрения методологии стратегического управления помимо программно-целевого подхода и проектного менеджмента целесообразным является планомерное применение в практике государственного и муниципального управления следующих принципов гибкого публичного управления [4; 5]:

1) косвенное руководство посредством формирования заинтересованных групп и стимулирования их целенаправленной деятельности, способствующей решению задач стратегического управления социально-экономическим развитием территории, на основе законов рыночной экономики;

2) управление на основе поддержания мотивации активной социально-значимой деятельности не столько органов власти, сколько бизнес-сообщества, населения;

3) управление в условиях фактической конкуренции в оказании услуг;

4) управление в соответствии с миссией (местом, ролью и значением) региона или муниципального

образования, предусматривающее управляемые целенаправленные преобразования в условиях ведения и развития бизнеса, качества жизни населения и т. д.;

5) созидательное управление, ориентированное на результат, а не на деятельность или инициативы и начинания как таковые;

6) управление, ориентированное на потребителя – население, бизнес и иных стейкхолдеров – посредством смещения приоритетов в деятельности с соблюдения принципов бюрократии на удовлетворение потребностей потребителей услуг публичного менеджмента;

7) предприимчивое (предпринимательское) управление посредством ориентации на приращение экономического, ресурсного, инвестиционного и т. д. потенциала территории, приумножение положительных эффектов деятельности;

8) упреждающее управление посредством принятия и выполнения решений, максимизирующие вероятность устойчивого развития и минимизирующие кризисные ситуации, риски и негативные последствия для развития региона и муниципального образования;

9) децентрализованное управление посредством формирования эффективных работоспособных команд мотивированных профессионалов и наделения их полномочиями, властью и ресурсами для решения социально-экономических задач развития региона и муниципальных образований.

Заключение

Самостоятельность, инициативность, инновационность, открытость, гибкость, профессионализм, высокая мотивация все в большей степени будут определять успех в практике государственного и муниципального управления. Вместе с тем залогом эффективного внедрения и применения механизмов и технологий проектного менеджмента и гибкого публичного управления в органах государственной власти и местного самоуправления будет выступать успешная работа по преодолению сопротивления административной бюрократической системы управления.

Достаточно сложный и болезненный процесс трансформации государственного и муниципального управления в высокодинамичную эффективную систему отношений, построенную на принципах гибкого менеджмента, вероятно, будет ускоряться в ближайшие 3–5 лет. При этом очень важно не забыть о главном – качестве результатов стратегического управления.

⁵ Моногорода РФ. Режим доступа: <http://xn--80afd4affbbat.xn--p1ai/> (дата обращения: 12.02.2018).

Литература

1. Иванков В. И., Квашнин А. В., Псарёв В. И., Псарева Т. В. Формирование комплексных программ социально-экономического развития муниципальных образований. Новосибирск: Сибирское книжное издательство, 2005. 342 с.
2. Минцберг Г., Альстрэнд Б., Лэмпел Дж. Школы стратегий / ред. Ю. Н. Каптуревского. СПб: Питер, 2000. 336 с.
3. Селиверстов В. Е. Стратегические разработки и стратегическое планирование в Сибири: опыт и проблемы. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2010. 496 с.
4. Локтионов М. В. Стратегии развития государственного управления в России: история и современность. М.: Генезис, 2012. 448 с.
5. Osborne D., Gaebler T. Reinventing government: how the entrepreneurial spirit is transforming the public Sector. Reading (MA): Addison-Wesley, 1992. 420 p.

PROBLEMS OF STRATEGIC MANAGEMENT OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT AT THE REGIONAL AND MUNICIPAL LEVELS

Alexey Yu. Nesterov^{a, @, ID}

^a *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*

@ *nesterov.rf@gmail.com*

^{ID} *https://orcid.org/0000-0002-9854-4860*

Received 02.03.2018. Accepted 29.06.2018.

Keywords: strategic planning, improving the effectiveness of strategic management, regional development, municipalities

Abstract: The paper features the problems of strategic management of social and economic development at the regional and municipal levels. Currently, the legal and the regulatory framework that ensures the management of socio-economic development at the regional and municipal levels is quite dynamic and corresponds with the current conditions and challenges. The legal and regulatory framework in the field of strategic management is formed not only as an institutional basis for socio-economic development: it also represents a thoroughly developed system of methods and tools for developing strategic documents and ensuring their implementation. However, normative legal documents reflect, as a rule, a traditional view of the implementation of the strategic planning process, formed within the scientific schools of design and planning, with the inclusion of individual elements of advanced technologies of strategic management. Federal authorities have consistently formed the basis for the actual strengthening of the role of the methodology of strategic management in regional and municipal management. The consistent implementation of the program-target approach, the methodology of strategic planning, the principles of project management in the practice of state and municipal management forms the basis for applying the principles of agile public administration as the basis for strategic management in real-time. Independence, initiative, innovation, openness, agile, competence, and high motivation will increasingly determine success in the practice of state and municipal government. Hence, successful work on overcoming the resistance of the administrative bureaucratic management system will be a pledge of effective implementation and application of mechanisms and technologies of project management and agile public administration.

For citation: Nesterov A. Yu. Problemy strategicheskogo upravleniia sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem na regional'nom i munitsipal'nom urovniakh [Problems of Strategic Management of Socio-Economic Development at the Regional and Municipal Levels]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 4 (2018): 101–106. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-101-106

References

1. Ivankov V. I., Kvashnin A. V., Psarov V. I., Psarova T. V. *Formirovanie kompleksnykh programm sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia munitsipal'nykh obrazovani* [Formation of comprehensive programs for social-economic development of municipalities]. Novosibirsk: Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2005, 342.
2. Mintzberg H., Ahlstrand B., Lampel J. *Shkoly strategii* [School of Strategy]. Ed. Kapturevskii Yu. N. Saint-Petersburg: Piter, 2000, 336.
3. Seliverstov V. E. *Strategicheskie razrabotki i strategicheskoe planirovanie v Sibiri: opyt i problem* [Strategic development and strategic planning in Siberia: experience and problems]. Novosibirsk: IEOPP SO RAN, 2010, 496.
4. Loktionov M. V. *Strategii razvitiia gosudarstvennogo upravleniia v Rossii: istoriia i sovremennost'* [Strategies for the development of public administration in Russia: history and modernity]. Moscow: Genezis, 2012, 448.
5. Osborne D., Gaebler T. *Reinventing government: how the entrepreneurial spirit is transforming the public Sector*. Reading (MA): Addison-Wesley, 1992, 420.

УДК 330:651.5:657

ОРГАНИЗАЦИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ ДЕБИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТЬЮ

Татьяна Н. Павлюченко ^{a, @, ID}; Ирина В. Калюгина ^a

^a Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I, 394087, Россия,

г. Воронеж, ул. Мичурина, 1

@ Pavlychenko_tn@mail.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0002-9879-1079>

Поступила в редакцию 03.11.2018. Принята к печати 26.11.2018.

Ключевые слова:

бизнес-процесс, контроль, бухгалтерская служба, электронный архив, деловые коммуникации

Аннотация: Приоритетной целью большинства компаний в процессе формирования финансовой информации о наличии и движении дебиторской задолженности является сокращение времени на ее подготовку без потери качества. Поставленная цель может быть достигнута посредством оптимизации бизнес-процессов, одним из направлений которой может выступать электронный документооборот. Внедрение электронного документооборота позволит существенно сократить сроки обработки договоров, одновременно обеспечивая приемлемую полноту и достоверность информации. Контролировать дебиторскую задолженность и оперативно реагировать на возникновение просроченных долгов позволит ежедневный отчет, формируемый в автоматическом режиме. В статье рассмотрен процесс внедрения системы электронного документооборота, подчеркивается эффективность и целесообразность его применения в процессе подготовки информации о расчетах с дебиторами. Одним из ключевых обстоятельств является то, что после успешного прохождения всех этапов автоматизации внедренная система должна постоянно дорабатываться и совершенствоваться. Это является одним из основных факторов успешного использования электронного документооборота для управления дебиторской задолженностью.

Для цитирования: Павлюченко Т. Н., Калюгина И. В. Организация электронного документооборота для управления дебиторской задолженностью // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 4. С. 107–112. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-107-112

Введение

Дебиторская задолженность возникает из-за временного разрыва между операцией купли-продажи товаров, работ или услуг и их оплатой. Работа с дебиторской задолженностью требует четко выстроенного и спланированного процесса управления риском неплатежей. К наиболее распространенным проблемам, связанным с управлением дебиторской задолженностью, которые характерны для большей части предприятий, можно отнести следующие:

1) отсутствие достоверной информации о сроках погашения дебиторами своих обязательств перед организацией;

2) отсутствие внутреннего регламента по работе с просроченной дебиторской задолженностью;

3) отсутствие контроля за оборачиваемостью дебиторской задолженности, а также о величине затрат, связанных с увеличением ее размера;

4) отсутствие оценки кредитоспособности покупателей и заказчиков на стадии подписания договора;

5) отсутствие регламента взаимодействия между различными подразделениями организации, осуществляющими функции сбора денежных средств, анализа дебиторской задолженности, и, как следствие, отсутствие ответственных за каждый этап.

Основные факторы, определяющие, почему контрагенты не оплачивают свою задолженность в установленные сроки, можно объединить в 5 групп.

1 группа. Наиболее актуальными в современных условиях являются факторы экономического характера. Дебитор временно испытывает дефицит оборотных средств в связи с кризисными процессами, происходящими на рынке, и не может своевременно исполнить долговые обязательства.

2 группа. Дебитор располагает достаточным количеством денежных средств, согласен произвести

оплату, но в то же время не платит вовремя вследствие монопольного положения на рынке или значительного перевеса в экономическом потенциале. Данная ситуация может возникать из-за особенностей финансовой стратегии должника, который предпочитает расширять свой бизнес за счет временно привлеченных средств.

3 группа. Обстоятельства категории «Форс-мажор». В качестве таких факторов могут выступать природные катаклизмы, стихийные бедствия, аварии, техногенные катастрофы, вмешательство компетентных органов.

4 группа. К факторам данной группы относят причины недобросовестного характера, когда должник изначально не собирается осуществлять оплату за приобретенные ценности или полученные услуги. В качестве предпосылок могут быть выделены наличие просчетов в подписанном соглашении, наличие законодательных «ловушек», отсутствие достаточного контроля над расчетами со стороны поставщика, недобросовестная конкуренция и т. д.

5 группа. Банкротство должника. Банкротство, как правило, возникает по экономическим причинам, вследствие наступления форс-мажорных обстоятельств или по неэкономическим причинам. Особую категорию составляет фиктивное банкротство, которое носит недобросовестный характер [1].

Управление дебиторской задолженностью

Для эффективного управления дебиторской задолженностью компании нужна всесторонняя информация о дебиторах и состоянии их расчетов. Получить необходимую для контроля информацию можно путем доработки системы бухгалтерского учета. Эффективность работы любой организации в первую очередь зависит от оперативности обработки документов, скорости распределения информации между подразделениями и контрагентами, а также от надежности всей информационной составляющей в целом.

Для управления дебиторской задолженностью необходима следующая информация:

- данные о выставленных дебиторам счетах, которые не оплачены на настоящий момент;
- время просрочки платежа по каждому из счетов;
- размер безнадежной и сомнительной дебиторской задолженности;
- кредитная история контрагента.

Управление дебиторской задолженностью начинается с организации правильного и своевременного документооборота внутри компании. Л. В. Путькина отмечает, что переход с бумажного документооборота на электронный должен быть грамотным и хо-

рошо продуманным, т. к. от этого шага зависит дальнейшая работа всего предприятия [2].

Система комплексной автоматизации бизнеса, объединяющая все процессы и подразделения компании, должна включать следующие направления [3]:

- система электронного документооборота;
- управление бизнес-процессами;
- деловые коммуникации.

Процесс автоматизации документооборота включает несколько ключевых этапов. Первый этап – организация системы электронного документооборота, которая заключается в последовательном внедрении следующих блоков:

- электронное согласование договоров;
- электронный архив документов;
- электронное согласование прочих документов (локальных нормативных документов предприятия и т. п.);
- бюджетный контроль;
- контроль за своевременным закрытием документов.

Реализация блока электронного согласования договоров заключается в точном описании процедуры инициации, согласования, подписания, хранения, исполнения и закрытия договоров разных типов [4]. Согласованию договоров, проводимому в автоматизированном режиме, предшествует подготовительная работа, заключающаяся в категоризации договоров. Договоры с покупателями могут быть разделены по следующим категориям:

- по бизнес-процессам: продажи, закупки, маркетинг, администрирование, финансы, прочее [5];
- по типам: основной, срочный, дополнительное соглашение, спецификация;
- по статусу: подготовка договора, внутреннее согласование, на подписи у контрагента, действующий, закрыт.

Блок электронного согласования договоров позволяет исключить подмену договора при подписанном листе согласования, дает возможность контролировать сроки согласования договора.

Электронный документооборот предоставляет возможность осуществления работы с договорами в онлайн-режиме. При подготовке отчетности (после отчетной даты) специалисты видят не только все новые заключенные договоры, но и иницированные договоры в статусе подготовки или подписания [6]. Электронное согласование договоров является основным инструментом системы внутреннего контроля предприятия.

Электронный архив документов представляет собой хранилище сканов всех договоров и первичных документов. Целью данного блока системы электронного документооборота является обеспечение оперативного доступа к документам. Электронный архив позволяет оптимизировать работу бухгалтерской

службы [4]. Работа с дебиторской задолженностью посредством электронного архива заключается в следующем:

- в результате обмена данными между структурными подразделениями в систему загружаются новые договоры с указанием статуса «действующий»; статусы же договоров, срок исполнения которых истек, изменяются на «приостановленный»;
- отражая новую бухгалтерскую операцию, бухгалтер обращается к договору, на основании которого эта операция проводится. Если указанного договора нет в системе (например, он еще не согласован) или его статус «просрочен», система не проведет данную операцию в учете;
- система связывает между собой такие бухгалтерские операции, как предоплата, принятие к учету материальных ценностей, курсовая разница, окончательная оплата и т. п.

Работа с документами из электронного архива позволяет сократить время на регистрацию факта хозяйственной деятельности в системе учета, своевременно исправлять ошибки, допущенные в учете.

Электронное согласование прочих документов призвано сократить сроки согласования локальных нормативных актов предприятия (инструкций, положений, стандартных процедур, регламентов и т. п.), а также обеспечить единое хранение этих документов и их версий [2].

Особый блок представляет бюджетный контроль, реализация которого напрямую связана с интеграцией данных между системами бюджетирования и электронного документооборота. Так как бюджетный контроль является элементом системы внутреннего контроля компании, его эффективное осуществление положительно влияет на оценку всей системы внутреннего контроля [7].

В организации, где внедрена система электронного документооборота, документ служит базовым инструментом управления, позволяет вносить релевантную информацию по договорам. Наиболее распространенными являются следующие данные:

- плановые и фактические платежи (заполняются по статьям управленческого отчета о движении денежных средств);
- плановое и фактическое предоставление закрывающих документов в разрезе сумм и сроков.

Контроль уровня дебиторской задолженности

Для большинства компаний актуален вопрос контроля за дебиторской задолженностью [3]. Задолженность покупателей можно контролировать по состоянию на отчетную дату (тогда отправной точкой анализа является просроченное сальдо контрагента) или на дату совершения оплаты (тог-

да отправной точкой анализа являются неоплаченные вовремя отгрузки).

Внедрение системы электронного документооборота значительно расширяет возможности осуществления контрольных мероприятий за формированием дебиторской задолженности. Контроль становится возможен уже на этапе заключения договора, получения спецификации на отгрузку¹. В СЭД поступает информация о фактических выплатах по договору и закрывающих документах, фиксируется информация о новых договорах и изменениях статуса старых, осуществляется реализация процесса контроля за исполнением договоров.

Работники бухгалтерской службы, ответственные за ведение документооборота, имеют возможность формировать отчет по договорам, период закрытия которых уже наступил, по договорам с неприкрепленными закрывающими документами, осуществляют работу с ответственными исполнителями [2].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что основное преимущество, которое вносит система электронного документооборота в работу бухгалтерии, это удобство работы с первичной документацией. Второе преимущество – скорость обработки документов. Третье – отслеживание жизненного цикла любой транзакции. Бухгалтерская (финансовая) операция, отраженная в годовой отчетности компании, возникает на уровне планирования при бюджетировании, обретает форму через инициирование и подписание договора, материализуется фактически в виде передачи денег – получения товаров, работ, услуг – и наконец отражается в учете как двойная запись на бухгалтерских счетах [8].

Для обеспечения эффективной работы с дебиторской задолженностью необходимо своевременно реструктурировать и совершенствовать существующую систему работы организации. Системы автоматизированного управления бизнес-процессами пришли в Россию с Запада. Главной целью является осуществление программной поддержки процессного управления организацией [9]. Управление дебиторской задолженностью основано на моделировании бизнес-процессов компании с помощью наглядных диаграмм, что позволяет максимально сблизить реальное выполнение процесса с его идеальной моделью. Моделирование позволяет строить гибкие адаптивные информационные системы, способные оперативно меняться вместе с изменением бизнес-процессов компании, позволяет сделать их выполнение более четким [5].

Контроль за состоянием дебиторской задолженности в рамках выбранного бизнес-процесса может включать следующие направления:

¹ О формах бухгалтерской отчетности организаций. Приказ Минфина России от 02.07.2010 № 66н. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103394/ (дата обращения: 15.10.2018).

– формирование реестра старения дебиторской задолженности;

– мониторинг динамики основных показателей, характеризующих дебиторскую задолженность.

Формирование реестра дебиторской задолженности осуществляется в разрезе контрагентов или по направлениям деятельности. Составление такого реестра позволяет прогнозировать уровень дебиторской задолженности на будущий период и своевременно осуществлять его корректировку. Важным моментом в управлении дебиторской задолженностью является формирование базы информации о дебиторской задолженности и возможность ее анализа. Реестр старения дебиторской задолженности позволяет оценивать дебиторскую задолженность по различным «возрастным группам», определять уровень и состав «неблагополучной» или просроченной задолженности.

Автоматизированная система управления дебиторской задолженностью позволяет в любой момент времени получить информацию в разрезе каждого действующего договора с покупателем: заказы покупателей, обработка, статусы, резервирование товара, выставление счетов, печать накладных и актов выполненных работ, аналитические отчеты, акты сверки, регистрация платежей,

в том числе в иностранной валюте, печать платежных поручений, кассовых ордеров. Также в системе могут быть оперативно подготовлены отчеты по взаиморасчетам, движению денежных средств, выручке от продажи товаров, работ или услуг [10].

Заключение

Деловые коммуникации определяют цель и задачи, решение которых необходимо для их достижения. К средствам электронной коммуникации, используемым в деловом общении, относятся: факсимильная связь, телефон и мобильный телефон, электронная почта, видеоконференции, селекторная связь, телемосты, Интернет. Использование современных технологий способствует эффективному управлению клиентской базой, позволяет повысить эффективность от присутствия бизнеса в Интернете. Важное значение отводится эффективному управлению клиентской базой, распределению функций и полномочий между работниками, ведущими работу с дебиторской задолженностью (клиент – сотрудник, сотрудник – сотрудник, личное – рабочее). Грамотная автоматизация бизнес-процессов является гарантией эффективности всех осуществляемых мероприятий.

Литература

1. Павлюченко Т. Н. Учет выручки по договорам с покупателями // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2017. № 1. С. 232–242.
2. Путькина Л. В. Особенности внедрения электронного документооборота // Nauka-rastudent.ru. 2016. № 07(031). Режим доступа: <http://nauka-rastudent.ru/31/3586/> (дата обращения: 15.10.2018).
3. Копытина М. Л., Воробьев С. В., Бунина А. Ю. Бюджетирование, как эффективный инструмент управления предприятием // Экономика и предпринимательство. 2016. № 1-2. С. 664–667.
4. Павлюченко Т. Н. Электронный документооборот как средство управления предприятием // Управленческие и маркетинговые аспекты развития субъектов АПК и агропродовольственного рынка: материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвященной 45-летию кафедры управления и маркетинга в АПК (Воронеж, 09–11 ноября 2016 г.). Воронеж, 2016. С. 209–212.
5. Лубков В. А., Коваленко Е. В., Путилина О. О. Бизнес модель – базовая единица стратегического анализа // Политэкономические проблемы развития современных агроэкономических систем: материалы 2-й междунар. науч.-практич. конф., посвященной 105-летию Воронежского ГАУ (Воронеж, 29 марта 2017 г.). Воронеж, 2017. С. 63–65.
6. Кузнецова И. В., Волкова Н. Н. Проблемы раскрытия информации об оценочных обязательствах в бухгалтерской отчетности организации // Проблемы экономики, организации и управления в России и мире: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Прага, 28 декабря 2012 г.). 2013. С. 55–61.
7. Ширококов В. Г. Вектор развития активно-адаптивной системы бухгалтерского учета в агропромышленном комплексе // Международный бухгалтерский учет. 2012. № 31. С. 3–9.
8. Кузнецова И. В., Галикова Н. Б. Оценочные обязательства в бухгалтерском учете сельскохозяйственных организаций // Апрельские научные чтения имени профессора Л. Т. Гиляровой: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Воронеж, 13 апреля 2012 г.). В 2-х ч. 2012. Ч. 1. С. 78–80.
9. Воробьев С. В., Воронкова В. В. Автоматизация бухгалтерского учета в аграрных формированиях // Территория науки. 2008. № 8. С. 55–60.
10. Журкина Т. А., Кумарина Э. Г. Оборотные активы предприятия и их анализ // Инструменты и механизмы современного инновационного развития: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. (Волгоград, 5 сентября 2016 г.). Уфа, 2016. С. 67–70.

ORGANIZATION OF ELECTRONIC DOCUMENT MANAGEMENT FOR RECEIVABLES MANAGEMENT

Tatyana N. Pavlyuchenko^{a, @, ID}; **Irina V. Kalyugina**^a

^a *Emperor Peter I Voronezh State Agrarian University, 1, Michurin st., Voronezh, Russia, 394087*

@ *Pavlyuchenko_tn@mail.ru*

ID *https://orcid.org/0000-0002-9879-1079*

Received 03.11.2018. Accepted 26.11.2018.

Keywords:

business process,
control, accounting
Department, electronic
archive, business
communications

Abstract: The priority goal of most companies in the process of formation of financial data on the availability and movement of accounts receivable is to reduce its time with no loss of quality. The goal can be achieved by the optimization of business processes. One of its directions can be electronic document management. The introduction of electronic document management will significantly reduce the processing of contracts, while ensuring acceptable completeness and reliability of information. An automatically generated daily report makes it possible to control receivables and respond to overdue debts. The article considers the process of implementation of the electronic document management system and emphasizes the effectiveness and feasibility of its use in the preparation of information on debtors accounts. One of the key circumstances is that after successful completion of all stages of automation, the implemented system should be constantly refined and improved. This is a major factor in the successful use of electronic document management for receivables management.

For citation: Pavlyuchenko T. N., Kalyugina I. V. Organizatsiia elektronnoho dokumentooborota dlia upravleniia debitorskoï zadolzhennost'iu [Organization of Electronic Document Management for Receivables Management]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 4 (2018): 107–112. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-107-112

References

1. Pavlyuchenko T. N. Uchet vyruchki po dogovoram s pokupateliami [Accounting for revenues from contracts with customers]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Vestnik of Voronezh state agrarian university*, no. 1 (2017): 232–242.
2. Put'kina L. V. Osobennosti vnedreniia elektronnoho dokumentooborota [Features of the implementation of electronic document management]. *Nauka-rastudent.ru*, no. 07(031) (2016). Available at: <http://nauka-rastudent.ru/31/3586/> (accessed 15.10.2018).
3. Kopytina M. L., Vorobyov S. V., Bunina A. Iu. Biudzhetrovanie, kak effektivnyi instrument upravleniia predpriatiem [Budgeting as an effective tool of enterprise management]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Journal of Economy and Entrepreneurship*, no. 1-2 (2016): 664–667.
4. Pavliuchenko T. N. Elektronnyi dokumentooborot kak sredstvo upravleniia predpriatiem [Electronic document management as a means of enterprise management]. *Upravlencheskie i marketingovyie aspekty razvitiia sub"ektov APK i agropodovol'stvennogo rynka: materialy mezhhregion. nauch.-prakt. konf., posviashchennoi 45-letiiu kafedry upravleniia i marketinga v APK (Voronezh, 09–11 noiabria 2016 g.)* [Management and marketing aspects of the development of subjects of the agro-industrial complex and the agri-food market: Proc. Sci.-Prac. Conf., dedicated to the 45th anniversary of the Department of Management and Marketing in the AIC (Voronezh, November 9–11, 2016)]. Voronezh, 2016, 209–212.
5. Lubkov V. A., Kovalenko E. V., Putilina O. O. Biznes model' – bazovaia edinita strategicheskogo analiza [The business model is the basic unit of strategic analysis]. *Politekonomicheskie problemy razvitiia sovremennykh agroekonomicheskikh sistem: materialy 2-i mezhdunar. nauch.-praktich. konf., posviashchennoi 105-letiiu Voronezhskogo GAU (Voronezh, 29 marta 2017 g.)* [Political Economic Problems of the Development of Modern Agro-Economic Systems: Proc. 2nd Intern. Sci.-Prac. Conf., dedicated to the 105th anniversary of the Voronezh State Agrarian University (Voronezh, March 29, 2017)]. Voronezh, 2017, 63–65.
6. Kuznetsova I. V., Volkova N. N. Problemy raskrytiia informatsii ob otsenochnykh obiazatel'stvakh v bukhgalterskoï otchetnosti organizatsii [Problems of disclosure of information on estimated liabilities in the financial statements of an organization]. *Problemy ekonomiki, organizatsii i upravleniia v Rossii i mire: materialy*

mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Praga, 28 dekabria 2012 g.) [Problems of economics, organization and management in Russia and the world: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. (Prague, December 28, 2012)]. 2013, 55–61.

7. Shirobokov V. G. Vektor razvitiia aktivno-adaptivnoi sistemy bukhgalterskogo ucheta v agropromyshlennom komplekse [The vector of development of an actively-adaptive accounting system in the agro-industrial complex]. *Mezhdunarodnyi bukhgalterskii uchet = International Accounting*, no. 31 (2012): 3–9.

8. Kuznetsova I. V., Galikova N. B. Otsenochnye obiazatel'stva v bukhgalterskom uchete sel'skokhoziaistvennykh organizatsii [Estimated liabilities in the accounting of agricultural organizations]. *Apel'skie nauchnye chteniia imeni professora L. T. Giliarovskoi: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Voronezh, 13 apreliia 2012 g.)* [April scientific readings named after professor L. T. Gilyarovskaya: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. (Voronezh, April 13, 2012)]. Part 1 (2012): 78–80.

9. Vorob'ev S. V., Voronkova V. V. Avtomatizatsiia bukhgalterskogo ucheta v agrarnykh formirovaniiax [Automation of accounting in agrarian formations]. *Territoriia nauki = Science Territory*, no. 8 (2008): 55–60.

10. Zhurkina T. A., Kumarina E. G. Oborotnye aktivy predpriiatiia i ikh analiz [Current assets of an enterprise and their analysis]. *Instrumenty i mekhanizmy sovremennogo innovatsionnogo razvitiia: sb. st. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Volgograd, 5 sentiabria 2016 g.)* [Tools and mechanisms for modern innovation development: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. (Volgograd, September 5, 2016)]. Ufa, 2016, 67–70.

УДК 332.146.2

РОЛЬ ГРАДООБРАЗУЮЩИХ ПРЕДПРИЯТИЙ В РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ МОНОГОРОДОВ

Елена Ю. Попова^{a, @, ID}

^a Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@ el-taco@mail.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0002-8571-6336>

Поступила в редакцию 30.03.2018. Принята к печати 29.06.2018.

Ключевые слова: развитие, корпоративная социальная ответственность, соглашения о социально-экономическом сотрудничестве, дофинансирование территорий, спонсорство

Аннотация: В статье рассматривается влияние градообразующих предприятий на функционирование основных сфер жизнедеятельности российских моногородов. Показано, почему именно градообразующее предприятие зачастую становится ведущим актором в решении социальных проблем не только в отношении собственных работников и членов их семей, но и остальных жителей города. В качестве причин называются собственная заинтересованность предприятий, поскольку результатом реализации такого рода мер социальной поддержки становится укрепление трудовых отношений с собственными работниками и сложившаяся во многих регионах система отношений по дофинансированию территории. В качестве примера реализации градообразующим предприятием своих социальных функций приводится получающая в последнее время активное распространение практика подписания соглашений о социально-экономическом сотрудничестве между представителями региональной или муниципальной власти и бизнеса. Подчеркивается, что в Кемеровской области многие крупнейшие предприятия не первый год оказываются вовлеченными в эту практику.

Для цитирования: Попова Е. Ю. Роль градообразующих предприятий в решении социальных проблем моногородов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 4. С. 113–118. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-113-118

Введение

В современных российских условиях градообразующие предприятия зачастую играют решающую роль не только в экономике, но и в социальной сфере моногородов. По этой причине вопрос об их социальных функциях является актуальным не только с теоретической, но и с прикладной точки зрения. Целью данной статьи является раскрытие роли градообразующих предприятий и характеристика существующих практик их участия в решении социальных проблем моногородов. При этом роль градообразующих предприятий рассматривается в рамках институционального подхода, с точки зрения реально сложившихся правил игры по взаимодействию бизнеса и власти, возлагающих на предприятия дополнительные социальные функции, выходящие за рамки уплаты налогов.

Роль моногородов в социально-экономическом развитии России

В современной научной литературе под понятием *моногород* понимается муниципальное образова-

ние, значительная часть трудоспособного населения которого вовлечена в трудовые отношения с определенным предприятием (а также, возможно, еще с несколькими технологически связанными с ним предприятиями), которое называется градообразующим. Если обратиться к нормативно-правовой базе Российской Федерации, закрепляющей определение моногородов, то можно сослаться на Федеральный закон (ФЗ) от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», в котором зафиксировано, что градообразующими признаются предприятия, численность работников которых с учетом членов их семей составляет не менее 25 % от численности населения соответствующего населенного пункта¹. Также можно обратиться к утратившему в настоящее время Постановлению Правительства РФ от 29.08.1994 № 1001, которое определяло градообразующее предприятие как предприятие, на котором занято не менее 30 % от общего числа работающих на предприятиях города, либо имеющее на своем балансе объекты социально-коммунальной сферы и инженерной инфраструктуры, обслуживающие

¹ О несостоятельности (банкротстве) (с последующими изменениями и дополнениями). ФЗ от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 28.10.2002. № 43. Ст. 4190.

не менее 30 % проживающих в населенном пункте². Такого рода расхождения в определении доли жителей моногорода, занятых на градообразующем предприятии, может свидетельствовать о том, что в течение долгого времени единый системный подход в решении проблем такого рода муниципальных образований попросту отсутствовал.

Распоряжение Правительства РФ от 29.07.2014 № 1398-р (в редакции последующих распоряжений, имевших место в 2015 г.) приводит перечень муниципальных образований, попадающих в группу моногородов³. Этот список включает 319 городов, где по состоянию на начало 2016 г. проживали 13025 тыс. человек (около 9 % населения России). В зависимости от сложности социально-экономической обстановки эксперты выделяют три категории моногородов:

1) города с наиболее сложным социально-экономическим положением (красная зона, включает 94 моногорода);

2) города с рисками ухудшения социально-экономического положения (желтая зона, включает 154 моногорода);

3) города со стабильной социально-экономической ситуацией (зеленая зона, наименьшая из трех групп, включает 71 моногород).

В значительной степени именно состояние градообразующего предприятия определяет то, в какую группу будет отнесен тот или иной моногород. В этой связи можно выделить два основных аспекта: 1) экономические показатели самого градообразующего предприятия: продолжает ли оно производство, планирует ли высвобождение персонала и т. д.; 2) влияние этих показателей на уровень безработицы в городе и другие социально значимые параметры, что, в свою очередь, отражается на оценке населением общей экономической ситуации в моногороде. По причине тесной связи между градообразующим предприятием и всеми прочими сферами жизнедеятельности моногорода при наступлении кризисной ситуации в социально-экономическом развитии страны особой уязвимостью обладают именно такие города: если градообразующее предприятие начинает испытывать трудности с реализацией своей продукции, получением дохода и т. д., это рискует привести к задержкам выплаты заработной платы, замораживанию существующих социальных программ и т. д.

По данным Росстата в наименее благополучных моногородах, относящихся к красной зоне, на нача-

ло 2016 г. проживали 3217 тыс. человек, или 25 % населения моногородов России. Еще 5620 тыс. человек (43 % населения моногородов) проживали в городах с рисками ухудшения социально-экономического положения. В стабильных моногородах проживали только 4188 тыс. человек, или 32 % населения моногородов. Таким образом, в целом по России более 2/3 населения моногородов живет в городах, где социально-экономическая обстановка уже является крайне сложной, либо существуют риски ее ухудшения⁴.

В 10 субъектах РФ (Кемеровская, Челябинская, Вологодская, Свердловская, Архангельская, Самарская, Амурская области, республики Хакасия, Татарстан и Карелия) данная проблема имеет особое значение, поскольку в этих регионах доля населения, проживающего в моногородах, превышает 20 % (при среднем показателе по стране около 9 %). Возглавляет данный рейтинг Кемеровская область, т. к. на территории данного региона расположено 24 моногорода (большинство из них специализируется на добыче угля и имеет достаточно большую численность населения). Треть этих городов относится к красной зоне, т. е. имеет наиболее сложное социально-экономическое положение (угледобывающие города, включая Прокопьевск, Анжеро-Судженск и др., а также города со специализацией в чёрной металлургии и в производстве горно-шахтного оборудования).

То, почему такое значение моногорода имеют для российской экономики и почему эта проблема в настоящее время приобрела особую актуальность, во многом объясняется их историей. Первые моногорода появились еще в Российской Империи во время первой волны индустриализации эпохи Петра I; организовывались главным образом суконные мануфактуры и железодельные заводы. Второе массовое развитие моногородов связано с развитием легкой промышленности («ситцевого капитализма») в России. Создававшиеся производства располагались преимущественно в Центральной России. В это же время образуются шахтерские города-поселки вдоль трассы Транссибирской магистрали в целях снабжения углем паровозного парка [1, с. 96–97]. Количество моногородов резко возросло в советское время: сначала во времена индустриализации, затем в военное время за счет массовой эвакуации предприятий; в дальнейшем рост моногородов продолжился и после окончания войны. Впоследствии моногорода не избежали кризисных явлений как

² О порядке отнесения предприятий к градообразующим и особенностях продажи предприятий-должников, являющихся градообразующими. Постановление Правительства РФ от 29.08.1994 № 1001 // Собрание законодательства РФ. 05.09.1994. № 19. Ст. 2217 (утратил силу).

³ Об утверждении перечня монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов). Распоряжение Правительства РФ от 29.06.2014 № 1398-р. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166540/ (дата обращения: 30.01.2018).

⁴ Обзор российских моногородов // Аналитический доклад Института комплексных стратегических исследований. Июнь 2017 г. Режим доступа: https://icss.ru/images/pdf/research_pdf/MONOTOWNS.pdf (дата обращения: 15.01.2018).

во время реформ 1990-х гг., так и во время кризиса, начавшегося в 2008 г.

Разумеется, осознавая масштаб проблем, связанных с функционированием моногородов, государство предпринимает соответствующие меры по стабилизации ситуации в них. В настоящее время реализуется приоритетная программа «Комплексное развитие моногородов», имеющая федеральное значение. Паспорт данной программы был утвержден на заседании президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам 30.11.2016.

В качестве базовой цели программы декларируется необходимость обеспечения стабильного развития моногородов, что означает возможность создания новых рабочих мест, не связанных с деятельностью градообразующего предприятия, повышение инвестиционной привлекательности, улучшение городской инфраструктуры. Реализация данной программы предусмотрена до конца 2025 г. К моменту ее окончания число моногородов должно снизиться с 319 до 285⁵. В настоящее время в целях реализации приоритетной программы этот список заморожен до конца 2018 г.⁶

В качестве еще одной меры такого рода поддержки можно указать деятельность Фонда развития моногородов, созданного в 2014 г., основная цель которого состоит в том, чтобы дать мощный импульс к созданию новой экономической реальности в монопрофильных городах⁷.

В первую очередь Фонд направляет ресурсы в моногорода с наиболее сложной экономической ситуацией. Его деятельность включает:

- формирование и обучение команд управления проектами развития;
- развитие инфраструктуры городов, включая софинансирование расходов на строительство и реконструкцию;
- содействие в реализации новых инвестиционных проектов, включая их подготовку и выполнение функций проектного офиса.

По итогам деятельности Фонда за 2016 г. было создано 1745 рабочих мест, объем инвестиций, привлеченных в моногорода, получающих поддержку за счет субсидии, составил 10670 млн руб.

Градообразующее предприятие как генератор развития моногорода

Если обратиться к роли самого градообразующего предприятия в решении задач по развитию моногорода, то можно отметить, что зачастую именно оно

играет ключевую роль при оказании мер социальной поддержки не только в отношении своих работников и членов их семей, но и в отношении всех прочих жителей. В таких случаях предприятие существенно дополняет комплекс мер социальной поддержки, предоставляемых населению со стороны государства. Это обусловлено следующими факторами.

Во-первых, предприятие само заинтересовано в создании благоприятных условий для решения вопросов жизнедеятельности работников и членов их семей. Показательным здесь может быть пример Магнитогорского металлургического комбината, затраты которого (по состоянию на 2013 г.) в среднем на 1 работника в год составляли 33227 рублей. Сюда включаются затраты на медицинское обслуживание, санаторно-курортное лечение и отдых, оздоровление детей, на спортивно-массовую работу и формирование здорового образа жизни, питание, дополнительное пенсионное обеспечение, культурно-массовую работу, прочее (праздничные мероприятия, подарки, ритуальные услуги, молодежные программы, стимулирование рождаемости и др.). Реализацию жилищной программы «Доступное жилье – металлургам Магнитки» осуществляет жилищно-инвестиционный фонд «Ключ», созданный комбинатом. В связи с этим наблюдается формирование привязанности работников и членов их семей, получающих меры социальной поддержки на регулярной основе, к работе на градообразующем предприятии. Реализация многочисленных социальных программ формирует дополнительный стимул для повышения профессионального мастерства и творческой активности молодых работников [2]. Таким образом, предприятие не только укрепляет социально-трудовые отношения с собственными работниками, но и повышает собственный престиж в глазах населения города и органов власти.

Во-вторых, значимость роли градообразующего предприятия в решении социальных проблем моногорода в последние годы увеличивается. В качестве причин этому можно указать не только общую нестабильную экономическую ситуацию в стране, но и все возрастающую нагрузку на региональные бюджеты в части исполнения социальных обязательств перед населением, а также недостаточную доходную часть бюджетов многих муниципальных образований. В настоящее время большинство регионов тратит на социальные цели приблизительно 50–60 %; если прибавить сюда расходы на ЖКХ, то их совместная доля возрастет до 70 %,

⁵ Правительство РФ утвердило паспорт приоритетной программы «Комплексное развитие моногородов» // Министерство экономического развития РФ. Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minrec/about/structure/depOsobEcZone/2016091203> (дата обращения: 20.01.2018).

⁶ Список моногородов в России «заморожен» до конца 2018 года. Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/3944436> (дата обращения: 20.01.2018).

⁷ Фонд развития моногородов. Режим доступа: <http://www.fmrus.ru> (дата обращения: 20.01.2018).

в то время как удовлетворенность населения положением дел в отраслях социальной сферы нередко находится на низком уровне [3]. Это может свидетельствовать о недостаточности собственных доходов многих региональных бюджетов для обеспечения ряда расходных статей, а значит, и возможных межбюджетных трансфертов для оказания помощи муниципальным образованиям в случае возникновения кризисных ситуаций. На практике решение этой проблемы зачастую происходит путем применения различных способов «дофинансирования территорий», подразумевающих привлечение бизнеса к решению социальных и прочих проблем региона и муниципалитетов и выражающихся в различных квазифискальных сборах, взимаемых с предпринимателей, и в заключении особого рода соглашений [4].

В этой связи особая роль в поддержании социальной стабильности в моногородах отводится именно градообразующим предприятиям; их социальная ответственность может строиться на основе двух моделей – организованных равновесных систем и диффузных систем⁸. Первая предполагает доминирование градообразующего предприятия над остальными акторами городской жизни. В этом случае наблюдается довольно жесткая структура и иерархия предприятия, поэтому внедрение новых способов взаимодействия его с прочими заинтересованными сторонами будет происходить за счет централизованных программ развития. Равновесная модель сама по себе является достаточно жесткой, поэтому предприятие будет стремиться избежать внешнего влияния со стороны населения или органов власти города. Показательной здесь может служить ситуация в г. Пикалево, имевшая место в 2009 г., когда сокращение работников с градообразующих предприятий было остановлено только после прямого вмешательства со стороны федеральной власти.

Модель диффузных систем характерна для предприятий, которые работают во многих регионах и более открыты к взаимодействию с внешним миром. При этом процесс управления внутри самой компании является более гибким и стремится учитывать влияние внешней среды. По мнению экспертов, оптимальный эффект достигается за счет сочетания элементов обеих моделей, однако в условиях глобализации открытая модель может оказаться более конкурентной.

В качестве примера оптимального сочетания равновесной и диффузной моделей эксперты приводят программу развития территорий присутствия компании «Северсталь». Собственник основных градообразующих предприятий Череповца совместно с местными властями в 1999 г. учредил первое в России некоммерческое партнерство «Агентство городского развития» для поддержки

малого и среднего бизнеса, эксперты которого оказывали консультационные услуги, осуществляли помощь при привлечении инвестиционных средств на развитие бизнеса.

Однако на практике сочетание двух упомянутых моделей может осуществляться при определенном давлении со стороны власти региона или муниципалитета. В качестве примера можно привести получившую за последние годы широкое применение практику подписания соглашений о социально-экономическом сотрудничестве между органами власти региона или муниципалитета и представителями бизнеса. Такие соглашения являются частью сложившейся в ряде субъектов федерации системы «дофинансирования территорий» и заключаются преимущественно на короткий срок, тем самым участвующие стороны ориентируются на решение наиболее актуальных для территории присутствия задач.

В качестве примера, подтверждающего это высказывание, можно привести Кемеровскую область, которая является лидером по доле населения, проживающего в моногородах. В данном регионе на протяжении ряда лет реализуется практика подписания указанных выше соглашений, содержащих в себе обязательства, которые предприятие берет на себя в плане социальной защиты своих работников и решения иных задач. Как правило, к числу таких обязательств относят:

- недопущение снижения заработной платы и доведение ее до определенного уровня;
- создание дополнительных рабочих мест;
- улучшение условий труда работников и повышение его безопасности;
- технологическая модернизация производства;
- благоустройство территории;
- выполнение обязательств перед бюджетом.

Крупнейшие угольные и металлургические предприятия региона (ПАО «КТК», ЗАО «УК КЕМ-ОЙЛ», АО «СУЭК», АО «ЕВРАЗ ЗСМК» и пр.) активно принимают участие в подписании таких договоров и их реализации. Однако если соглашения о социально-экономическом сотрудничестве получают большее распространение на уровне субъектов федерации, то для муниципалитетов наиболее распространены другие практики «дофинансирования территорий» – «квазиалоговые» сборы и «организованное спонсорство», что вместе можно объединить в группу «квазифискальных» платежей [4, с. 40]. «Квазиалоговые» сборы представляют собой дополнительные, не предусмотренные законом платежи бизнеса в местный бюджет либо в специально создаваемые фонды. «Организованное спонсорство» представляет собой участие бизнеса в финансировании

⁸ Формула оживления моногородов. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3224939> (дата обращения: 20.01.2018).

разного рода проектов администрации (социальных, по благоустройству территорий и т. д.).

Заключение

В завершение статьи можно сделать вывод о том, что в ряде регионов (в том числе в Кемеровской области) сложилась особая система решения социальных проблем, включая проблемы муниципальных образований, многие из которых являются моногородами. Эта система правил взаимодействия власти и бизнеса включает в себя следующие

элементы: договоры о социально-экономическом сотрудничестве с крупными компаниями, многие из которых являются градообразующими, и квазифискальные платежи, включающие в себя организованное спонсорство и квазиналоговые сборы. В этих условиях предприятия берут на себя дополнительные обязательства, в т. ч. по решению социальных проблем моногородов. Такая практика является встроенной в общую систему правил взаимодействия между властью и крупным бизнесом.

Литература

1. Тульчинский Г. Л. Корпоративные социальные инвестиции и социальное партнерство: технологии и оценка эффективности. СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ, 2012. 236 с.
2. Ищанова Б. Т. Особенности социальной поддержки семьи в условиях монопрофильного города // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: материалы XVIII Междунар. конф. памяти проф. Л. Н. Когана (19–20 марта 2015 г.). Екатеринбург, 2015. С. 2151–2160.
3. Соловьева М. Ф. О реализации социальной политики в России // Концепт. 2016. № Т4. С. 26–30.
4. Курбатова М. В., Левин С. Н. Деформализация правил в современной российской экономике // Terra Economicus. 2010. Т. 8. № 1. С. 27–50.

THE ROLE OF CITY-FORMING ENTERPRISES IN SOLVING SOCIAL PROBLEMS OF SINGLE-INDUSTRY TOWNS

Elena Yu. Popova^{a, @, ID}

^a *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*

@ *el-taco@mail.ru*

^{ID} *<https://orcid.org/0000-0002-8571-6336>*

Received 30.03.2018. Accepted 29.06.2018.

Keywords:

development, corporate social responsibility, agreements on social and economic cooperation, additional financing of territories, sponsorship

Abstract: The research features the impact of city-forming enterprises on the main spheres of functioning of Russian single-industry towns. The paper shows why a city-forming enterprise often becomes the leading actor in solving the social problems of the whole town, as well as its own employees and their families. This happens because this kind of social support strengthens the labor relations between the enterprises and their own employees, which resulted in "additional financing" of the territory by the city-forming enterprises in many regions. Agreements on social and economic cooperation between representatives of the regional or municipal power and business are a good example of the social functions adopted by city-forming enterprises. Many large enterprises of Kemerovo region have been involved in this practice for years.

For citation: Popova E. Yu. Rol' gradoobrazuiushchikh predpriiatii v reshenii sotsial'nykh problem monogorodov [The Role of City-Forming Enterprises in Solving Social Problems of Single-Industry Towns]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 4 (2018): 113–118. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-113-118

References

1. Tul'chinskii G. L. *Korporativnye sotsial'nye investitsii i sotsial'noe partnerstvo: tekhnologii i otsenka effektivnosti* [Corporate social investments and social partnership: technologies and performance evaluation]. Saint-Petersburg: Otdel operativnoi poligrafii NIU VSHE, 2012, 236.
2. Ishchanova B. T. Osobennosti sotsial'noi podderzhki sem'i v usloviakh monopofil'nogo goroda [Features of social support for families in a single-industry town]. *Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniia: materialy XVIII Mezhdunar. konf. pamiati prof. L. N. Kogana (19–20 marta 2015 g.)* [Culture, personality, and society in the modern world: methodology and experience of empirical research: Proc. XVIII Intern. conf. memory prof. L.N. Kogan (March 19–20, 2015)]. Yekaterinburg, 2015, 2151–2160.
3. Solov'eva M. F. O realizatsii sotsial'noi politiki v Rossii [On the implementation of social policy in Russia]. *Kontsept = Concept*, no. T4 (2016): 26–30.
4. Kurbatova M. V., Levin S. N. Deformalizatsiia pravil v sovremennoi rossiiskoi ekonomike [Deformalization of rules in contemporary Russian economy (within authority-business interaction)]. *Terra Economicus*, 8, no. 1 (2010): 27–50.

УДК 332

ПРОЕКТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ МОНОГОРОДОВ

Елена А. Рыбкина ^{a, @, ID}

^a Казанский государственный энергетический университет, 420066, Россия, г. Казань,

ул. Красносельская, 51

@ fishkarea@mail.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0001-8932-8405>

Поступила в редакцию 02.02.2018. Принята к печати 29.06.2018.

Ключевые слова:

управление проектами, инструменты управления, инвестиции, монопрофильные муниципальные образования, программа развития, заинтересованные стороны

Аннотация: В статье актуализируются вопросы развития монопрофильных муниципальных образований через призму методологии управления проектами, которая ранее применялась лишь к инвестиционным проектам частных компаний и к муниципальному уровню отношение имела в большинстве своём только теоретическое. Статья представляет собой укрупнённый взгляд на подход к внедрению методологии управления проектами в моногородах и попытку прогнозирования успешности данного процесса. В статье описаны шаги, сделанные на пути внедрения проектного управления на муниципальном уровне в период 2015–2017 гг., включающие процесс формирования управленческих компетенций у представителей команд, управляющих проектами развития муниципальных образований с монопрофильной экономикой. Систематизированы и представлены промежуточные итоги приоритетной программы «Комплексное развитие моногородов» по направлению Обучение команд, управляющих проектами развития моногородов. Рассмотрены и проанализированы затраты на данное направление. Предпринята попытка соотнесения затрат с результатами, запланированными программой. В заключение сделан вывод о количественном характере изменений, обусловленных затратами на обучение команд, управляющих проектами развития моногородов, а также об отсутствии изменений на качественном уровне, что могло бы в перспективе привести к инициации и реализации жизнеспособных и устойчивых инвестиционных проектов, способствующих синергетическому развитию экономики моногорода.

Для цитирования: Рыбкина Е. А. Проектное управление развитием моногородов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 4. С. 119–123. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-119-123

Введение

Актуальность вопросов применения методологии управления проектами в реальном секторе экономики обуславливается неэффективностью применения подходов традиционного функционального управления, не способного адаптироваться под требования быстроменяющейся современной среды. Так, вопросы управления экономикой монопрофильного муниципального образования актуальны на протяжении многих десятилетий [1, с. 69; 2–4]. Для их решения иницируют программы государственной поддержки в форме субсидирования градообразующих предприятий или размещения на них государственных заказов, позволяющих загрузить производственные мощности предприятий, и тем самым избежать массового увольнения его сотрудников. Однако данные формы поддержки не носят системного характера и стратегической ориентации, а лишь временно

снимают социально-экономическое напряжение в муниципальном образовании с монопрофильной экономикой, которое возникает вновь и вновь при очередных кризисных явлениях в стране и мире.

Эффективный инструмент управления муниципальным образованием

Популярность применения методологии управления проектами к решению вопросов развития моногородов обусловлена в первую очередь стратегической ориентацией результатов, а также высокой надёжностью достижения поставленных целей проекта в оптимальные сроки и в рамках выделенного бюджета на его реализацию. Поэтому применение подходов проектного управления в настоящее время является эффективным инструментом управления как на уровне хозяйствующего субъекта, так и на уровне муниципальных образований. Именно эти возможности и определяют

желание инициировать внедрение в процессную деятельность методологии управления проектами.

Особое внимание применению методологии управления проектами на муниципальном уровне было обращено высшим руководством страны 17 июня 2016 г. на пленарном заседании XX Петербургского международного экономического форума¹. Так проектное управление легло в основу приоритетной программы «Комплексное развитие моногородов»², реализация которой должна обеспечить:

– создание 230 тыс. новых рабочих мест, не связанных с деятельностью градообразующих предприятий муниципальных образований;

– преобразование инфраструктуры городской среды 319 моногородов за счет привлечения дополнительных инвестиций в размере 170 млрд руб.

Первые шаги на пути внедрения проектного управления

Процесс внедрения проектного управления в программе начинается с формирования управленческих компетенций у представителей команд, управляющих проектами развития моногородов. В рамках программы за календарный год в период с декабря 2016 г. по декабрь 2017 г. предполагалось обучить 319 команд. По факту обучение проектного управлению проводилось на базе НОУ «Московская школа управления СКОЛКОВО» совместно с представителями ООО «Проектные сервисы». Обучение осуществлялось посредством реализации программы дополнительного профессионального образования – программы профессиональной переподготовки в очно-заочной форме (в модульном формате) сроком освоения не менее 250 часов с выдачей документа о профессиональной переподготовке установленного образца³. Курс состоял из 5 модулей, включающих введение в проектное управление; систему управления; практику постановки целей и разработки паспорта проекта; планирование, координацию и контроль процесса реализации проекта. В процессе обучения команды разработали и представили ключевые инвестиционные проекты, ориентированные на повышение инвестиционной привлекательности своего моногорода, улучшение условий для развития предпри-

нимательства в нем, а также повышение экономических показателей моногорода.

Роль проектного офиса, т.е. структуры, стандартизирующей процессы руководства проектами и способствующей обмен ресурсами, методологиями, инструментами и методами⁴, выполняет проектный офис НО «Фонд развития моногородов»⁵. Единственным учредителем некоммерческой организации является государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности» (Внешэкономбанк). НО «Фонд развития моногородов» оказывает содействие региональным властям и местному самоуправлению в инициации и реализации проектов и программ, направленных на повышение уровня социально-экономического развития в городах с монопрофильной экономикой. Для этих целей создана система курирования, а функции линейных менеджеров или кураторов моногородов закреплены за сотрудниками департамента развития моногородов фонда.

Таким образом, с позиции внедрения проектного управления заявленные шаги логичны и стратегически обоснованы: наделяем компетенциями, инициируем инвестиционную активность, реализуем инвестиционные проекты, координируем действия, осуществляем контроль и как следствие – создаем новые рабочие места и снимаем социально-экономическую напряженность. И более того, внедрение методологии управления проектами в процессы развития моногородов должно позволить синхронизировать реализацию государственных программ развития и мероприятий таких приоритетных проектов, как «Здравоохранение», «Образование», «Жилищно-коммунальное хозяйство и городская среда».

Масштаб и бюджет

Масштаб и бюджет процесса формирования проектных команд моногородов и наделяния членов команд соответствующими компетенциями (базовыми) в области управления проектами продемонстрируют данные таблиц 1⁶ и 2.

Мероприятия по формированию и обучению команд, управляющих проектами развития моногородов, проводятся в соответствии с реализацией приоритетной программы «Комплексное развитие моногородов», финансируемой из федерального

¹ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. 17.06.2016, 16:20. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52178> (дата обращения: 30.01.2018).

² Паспорт приоритетной программы «Комплексное развитие моногородов» (в редакции протокола от 30.11.2016 № 11) // СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282731 (дата обращения: 30.01.2018).

³ Фонд развития моногородов. Режим доступа: <http://www.fmrus.ru> (дата обращения: 30.01.2018).

⁴ A guide to the project management body of knowledge. Fifth ed. Project Management Institute, 2013. 586 p.

⁵ Там же.

⁶ Закупки. Режим доступа: <http://www.fmrus.ru/buys/finished> (дата обращения: 30.01.2018).

бюджета Российской Федерации⁷. Следовательно, для государства услуга только по наделению базовыми компетенциями в областях стратегического

Таблица 1. Итоги конкурсов за право оказывать образовательные услуги

Table 1. Results of competitions for the right to provide educational services

Год	Предмет конкурса	Победитель конкурса	Сумма контракта, млн руб.	Протокол оценки и сопоставления заявок на участие в конкурсе
2015	Договор на оказание образовательных услуг по обучению команд, управляющих проектами развития моногородов	НОУ «Московская школа управления СКОЛКОВО», г. Москва	45	От 09.09.2015
2016		ФГБОУ ВО «РАНХиГС», г. Москва	1 314	От 24.10.2016 Реестровый номер закупки COM19091600058
2017				
Итого			1 359	–

Таблица 2. Расчёт стоимости услуг по обучению команд, управляющих проектами развития моногородов

Table 2. Calculation of the cost of services for training teams that manage development projects in single-industry towns

Плановое число проектных команд ⁸ , шт.	Минимальное количество членов команды проекта ⁹ , человек	Минимальное количество обученных, человек	Стоимость услуги, млн руб.	Удельная стоимость, млн руб. / человек
319	5	1 595	1 359	0,85
319*	–	319		4,17

Прим.: * при условии, что под командой в программе понимается 1 человек.

планирования и проектного управления обойдётся в 850 тыс. руб. за 1 проектного сити-менеджера. Это разовая, т. е. единовременная инвестиция. Далее приоритетная программа «Комплексное развитие моногородов» на регулярной основе предполагает организовывать и проводить семинар для глав моногородов, а также оценивать деятельность глав и формировать их рейтинг. Ответственными за данный этап программы являются НО «Фонд развития моногородов» и Министерство экономического развития РФ. Согласно данным о закупках НО «Фонд развития моногородов» организация и проведение разового семинара по вопросу современных технологий менеджмента и их использования при реализации приоритетной программы «Комплексное развитие моногородов» обходится бюджету страны в 8,862 млн руб. При этом мероприятие должно быть организовано в помещении вместимостью 319 человек¹⁰.

Получается, если приоритетной программой развития моногородов предусмотрено обучение 319 команд (человек), то стоимость обучения 1 человека превышает 4 млн руб. Так или иначе, цель данной

статьи не заключается в расчёте удельной стоимости обучения проектных команд муниципальных образований. Она ориентирована на укрупненный взгляд по отношению к подходу к внедрению методологии управления проектами в моногородах и попытку прогнозирования успешности данного процесса. Для этого предпринята попытка приближенно оценить стоимость системного решения проблем развития моногородов с применением методологии управления проектами. Важно, что в процессе оценки не приняты в расчёт затраты на:

- создание и содержание проектного офиса НО «Фонд развития моногородов», представляющие собой не переменные, а постоянные (ежемесячные) затраты;
- формирование и автоматизацию информационной системы управления проектами на федеральном уровне и на уровне муниципальных образований (моногородов);
- мотивацию сити-менеджера и его команды к применению методологии управления проектами в возглавляемом им моногороде, т. к. знание

⁷ Паспорт приоритетной программы «Комплексное развитие моногородов» (в редакции протокола от 30.11.2016 № 11) // СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282731 (дата обращения: 30.01.2018).

⁸ Паспорт приоритетной программы «Комплексное развитие моногородов» (в редакции протокола от 30.11.2016 №11) // СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282731 (дата обращения: 30.01.2018).

⁹ Положение о формировании команд, управляющих проектами развития моногородов, и организации их обучения. Режим доступа: <http://www.fmrus.ru/documents> (дата обращения: 30.01.2018).

¹⁰ Закупки. Режим доступа: <http://www.fmrus.ru/buys/finished> (дата обращения: 30.01.2018).

материала не обеспечивает автоматическое его применение на практике.

Согласно программе «Комплексное развитие моногородов» в результате формирования и обучения команд, управляющих проектами развития моногородов, их участники получают необходимые знания в областях стратегического планирования, проектного управления, взаимодействия с институтами развития и инвесторами, повышения качества городской среды и развития человеческого капитала, а также пройдут мотивационные и командообразующие сессии, что позволит повысить эффективность реализации программ развития моногородов.

Реализация полученных знаний на практике позволит повысить качество муниципального управления, управления коммерческими организациями и институтами развития регионального и местного уровня, что положительно скажется на успешности реализации проектов и программ развития моногородов в экономической и социальной сферах, в сфере благоустройства городской среды.

В приоритетной программе «Комплексное развитие моногородов» не приводятся критерии и показатели для оценки эффективности финансовых вложений в обучение команд, управляющих проектами развития моногородов. В дальнейшем можно будет проанализировать, будут ли иметь повышение квалификации вышеназванных команд и приток инвестиций в экономику муниципального образования прямую корреляционную связь. Но скорее всего, приток инвестиций будет зависеть не только от новых компетенций команд, но и от ряда других факторов.

Рассчитывать финансовые показатели, такие как рентабельность вложений в обучение команд, тоже пока рано, поскольку ещё не получен ожидаемый экономический эффект – привлеченные в экономику моногорода инвестиции.

Заключение

Прежде чем принять решение о внедрении методологии управления проектами, следует знать, что не во всех частных компаниях она внедряется и успешно функционирует. Необходимо помнить,

что большая часть руководителей частных компаний, подразумевая под управлением проектами панацею, приглашает внешних консультантов, экспертов (носителей знаний), обучает управлению проектами руководителей высшего и среднего звена своей компании, приобретает программный продукт для автоматизации информационной системы управления проектами и на этом останавливается. Также важно помнить, что затраты на внедрение системы управления проектами на уровне хозяйствующего субъекта или муниципального образования (находящегося в кризисной ситуации) должны рассматриваться как инвестиции и отражаться на продукте / услуге. Соответственно, должны определяться показатели экономической эффективности проекта внедрения. У данного проекта должен быть заинтересованный в результате заказчик и куратор проекта. Мы считаем, что до тех пор, пока роль заказчика и куратора проекта внедрения проектного управления выполняют не относящиеся к числу заинтересованных сторон физические и юридические лица (stakeholders), а некоммерческие организации (фонды), выполняющие операторскую роль распределения бюджетных средств, применение методологии управления проектами для решения проблем моногородов не принесёт ожидаемого синергетического эффекта.

С большей долей вероятности можно предвидеть улучшение основных показателей социально-экономического развития моногорода: снижение уровня безработицы, увеличение численности экономически активного населения и количества рабочих мест и др. Они будут соответствовать заданным программой. Будут созданы рабочие места, привлечены финансовые средства, однако в краткосрочной перспективе, на отчётный период. К сожалению, в долгосрочной перспективе данные проекты неустойчивы и нежизнеспособны, ведь управление проектами – это изменение сознания, это вирус, меняющий образ жизни специалиста, иницилирующего и реализующего проекты, и им невозможно «заразить» за 250 часов очно-заочного обучения.

Литература

1. Кутергина Г. В., Лапин А. В. Управление развитием моногородов: отечественные и зарубежные подходы к моделированию // Вестник Пермского университета. Серия: экономика. 2015. № 3. С. 69–77.
2. Рыбкина Е. А., Нестулаева Д. Р., Гумерова А. Ф. Город как инвестиционный проект // Территории опережающего социально-экономического развития: вопросы теории и практики: материалы I Всероссийской науч.-практ. конф. с междунар. участием (2 марта 2017 г.). Набережные Челны, 2017. С. 249–253.
3. Божко Л. Л., Лескова Л. Г. Совершенствование методологических подходов к управлению развитием моногородов в Республике Казахстан // Муниципалитет: экономика и управление. 2015. № 3. С. 16–26.
4. Сабанчева М. В., Мосина Л. А. Проблемы моногородов России: теоретические и практические аспекты решения // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 12. С. 23–27.

PROJECT MANAGEMENT OF THE DEVELOPMENT OF SINGLE-INDUSTRY TOWNS

Elena A. Rybkina ^{a, @, ID}

^a *Kazan State Energy University, 51, Krasnoselskaya St., Kazan, Russia, 420066*

[@] *fishkarea@mail.ru*

^{ID} *https://orcid.org/0000-0001-8932-8405*

Received 02.02.2018. Accepted 29.06.2018.

Keywords: project management, management tools, investments, single-industry municipalities, development program, stakeholders

Abstract: The research features the issues of development of monoprofile municipal formations through the prism of project management methodology, which was previously applied to investment projects of private companies and had mostly theoretical relation to the municipal level. The paper presents a consolidated view on the approach to the implementation of project management methodology in single-industry towns and an attempt to predict the outcome of this process. The author describes the steps taken towards implementation of project management at the municipal level in 2015–2017, including the process of managerial competences formation in project managers dealing with the projects of development of municipal formations with a single-industry economy. The research systematizes the intermediate results of the priority program «Complex development of single-industry towns» in the direction «training of teams managing projects of development of single-industry towns». An attempt was made to relate costs to results planned by the program. The author believes that the training cost resulted in quantitative changes in the development of single-industry towns. However, no changes were recorded at the qualitative level, which could eventually lead to the initiation and implementation of viable and sustainable investment projects that contribute to the synergetic development of the economy of single-industry towns.

For citation: Rybkina E. A. Proektnoe upravlenie razvitiem monogorodov [Project Management of the Development of Single-Industry Towns]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 4 (2018): 119–123. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-119-123

References

1. Kutergina G. V., Lapin A. V. Upravlenie razvitiem monogorodov: otechestvennye i zarubezhnye podkhody k modelirovaniyu [Managing the development of single-industry towns: domestic and foreign approaches to modeling]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: ekonomika = Perm University Herald. Economy*, no. 3 (2015): 69–77.
2. Rybkina E. A., Nestulaeva D. R., Gumerova A. F. Gorod kak investitsionnyi proekt [The city as an investment project]. *Territorii operezhaiushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia: voprosy teorii i praktiki: materialy I Vserossiiskoi nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem (2 marta 2017 g.)* [The territory of advanced socio-economic development: theory and practice: Proc. I all-Russian Sci.-Prac. Conf. with international participation (March 2, 2017)]. Naberezhnye Chelny, 2017, 249–253.
3. Bozhko L. L., Leskova L. G. Sovershenstvovanie metodologicheskikh podkhodov k upravleniiu razvitiem monogorodov v Respublike Kazakhstan [Improvement of methodological approaches to the development management of single-industry towns in the Republic of Kazakhstan]. *Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie = Municipality: Economics and management*, no. 3 (2015): 16–26.
4. Sabancheva M. V., Mosina L. A. Problemy monogorodov Rossii: teoreticheskie i prakticheskie aspekty resheniia [Problems of single-industry towns in Russia: theoretical and practical aspects of the solution]. *Gosudarstvennaia vlast' i mestnoe samoupravlenie = State power and local self-government*, no. 12 (2015): 23–27.

УДК 334.72

МОДЕЛИ ДИСТРИБЬЮТОРСКОГО БИЗНЕСА НА РЫНКЕ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Татьяна В. Ситникова^{a, @}

^a Амурский государственный университет, 675027, Россия, г. Благовещенск, Игнатъевское шоссе, 21
[@] tatydovga@mail.ru

Поступила в редакцию 03.11.2018. Принята к печати 26.11.2018.

Ключевые слова: интеграционные процессы, дистрибуция, трансакционные издержки, дистрибьюторские модели, поставщик, потребитель

Аннотация: Тенденции рынка и большое разнообразие товаров приводят к необходимости использования различных каналов сбыта. Такие каналы могут включать от одного до нескольких посредников и принципиально различаться по стоимости использования. Использование современных информационно-коммуникационных технологий приводит к появлению новых видов дистрибьюторских моделей, а также к возможностям формирования такого рода бизнеса на любой удаленной территории, расширяя тем самым границы рынка. В статье рассматривается опыт формирования и перехода к различным моделям дистрибьюторского бизнеса в Амурской области в зависимости от внешних и внутренних рыночных условий, при этом важное значение по способности проникновения на целевой рынок и объему полученной прибыли или рентабельности будет иметь распределение ролей игроков рынка. Переход от одной модели к другой сопровождается не только желанием компаний контролировать всю цепочку формирования стоимости конечного продукта, но и возможностями разных сфер бизнеса получать экономию от масштаба деятельности путем снижения различных видов трансакционных издержек.

Нахождение оптимального варианта модели будет зависеть от многих факторов: соотношение между инвестициями и оптимальными специфическими активами; количество проектов и средние издержки на содержание дистрибуции; приемлемый уровень дебиторской задолженности.

Для цитирования: Ситникова Т. В. Модели дистрибьюторского бизнеса на рынке Амурской области // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 4. С. 124–130. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-124-130

Введение

Тенденция демографии [1] потребителей, а также развитие информационно-коммуникационных технологий [2] приводят к изменениям взаимодействий между предприятиями, находящимися на разных географических расстояниях, и способствуют возникновению более мелких рыночных сегментов. Большое разнообразие товаров, от мелких до крупных, стало возможным поставлять в многочисленные потребительские сегменты по каналам, специфичным для разных городов и регионов. Такие каналы могут включать от одного до нескольких посредников: оптовых и розничных поставщиков, дистрибьюторов, ритейлов и конечных потребителей. Стоимость использования того или иного канала сбыта определяется прибыльностью использования различных посредников [3].

Проблемы изучения каналов дистрибуции, а также модели дистрибьюторского бизнеса и их результативность давно вызывают интерес у исследователей, как западных (Л. Горчелс, Д. Дент, А. Раштон, К. Ролницки, Р. Л. Спиро, У. Д. Стэнтон,

Ж.-К. Тарондо, С. Уилер, Э. Хирш, Б. Шапиро), так и отечественных (А. У. Альбеков, Б. А. Аникин, Г. Л. Багиев, А. Г. Белоусов, Г. А. Васильев, П. Винкльманн, А. М. Гаджинский, Е. Голубин, И. В. Егоров, Д. Д. Костоглодов, Н. Г. Кузнецов, Ю. М. Неруш, С. Б. Пашутин, В. М. Тарасевич и др.). Однако, несмотря на интерес к указанной проблеме, прикладных исследований в данной области недостаточно. Практически отсутствуют работы, направленные на глубокие внутренние исследования бизнес-процессов дистрибьюторских моделей, специфичных для разных видов деятельности. А между тем эти данные могли бы быть использованы в качестве элементов построения эффективных и рентабельных бизнес-моделей и представлять интерес для различных игроков от стратегических партнеров и поставщиков до внутренних управляющих и менеджеров. Таким образом, представленные в данной статье промежуточные результаты исследования могут расширить представления о специфике видов дистрибьюторских моделей с учетом их экономической эффективности и результативности на рынке.

Способы выхода на рынок определяют круг доступных потребителей, не имея которых, любой поставщик не может добраться до своей целевой аудитории, при этом многие промышленные компании по-прежнему не могут найти каналы, которые доставят их товар на целевой рынок [4]. Создание канала выхода на рынок может потребовать значительных инвестиций в разработку специализированных внутренних систем (контрактные обязательства) [5] и инфраструктуру, которая сможет полноценно реагировать на рынок: собирать и оценивать прогнозы продаж, организовывать маркетинговые программы по продвижению и сбыту, планировать и осуществлять сложную логистику. Проблема выбора канала дистрибуции важна в связи со сложностью одновременного создания нового канала выхода на рынок и обеспечения прибыльности системы дистрибуции при запланированной траектории роста, способствующей оптимизации затрат.

Привлекательность дистрибьюторской модели бизнеса основана на том факте, что она способна не только удовлетворять спрос на продукты и услуги, но и формировать его. Распределение ролей игроков рынка в дистрибьюторской модели определяет то, насколько эффективно проникновение на целевой рынок и какова полученная прибыль.

Слабость внутреннего рынка производителей продуктов питания оказывает воздействие на опыт международных корпораций по построению дистрибьюторских отношений. Рассмотрим типичные категории игроков в системе дистрибуции и определим их роли на примере производства и реализации продуктов питания в Амурской области.

В нашем понимании дистрибьюторы и оптовые компании представляют собой одно и то же [1]. Дистрибьютор является посредником, который занимается обслуживанием других посредников: имеет склад самообслуживания, с которым работают мелкие розничные торговцы. Таким образом, дистрибьюторы – это двухступенчатые (или многоступенчатые) модели дистрибуции, и их роль мы рассматриваем как с точки зрения клиентов – розничных торговцев, так и с точки зрения поставщиков (производителей).

Модели дистрибуции

На рынке возможны три основные структуры систем дистрибуции [1]: прямая дистрибуция, одноуровневая и двухуровневая – в зависимости от количества посредников между поставщиком и покупателем, как представлено на рисунке 1 [1].

Прямая дистрибуция, при которой поставщик владеет и управляет всеми ресурсами в цепи поставки товара до конечного потребителя или группы по-

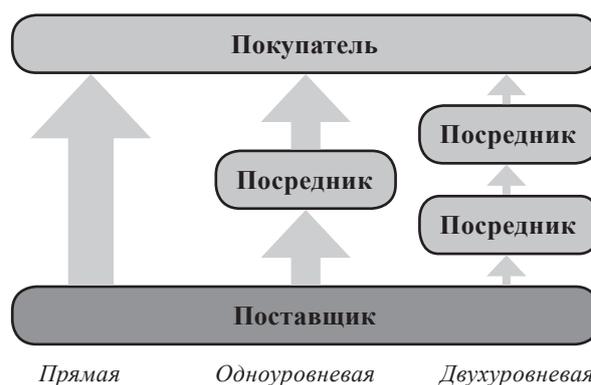

Рис. 1. Типичные структуры дистрибуции
Fig. 1. Typical Distribution Structures

купателей, была распространена в советское и постсоветское время. Однако, как мы отметили в своем исследовании интеграционных процессов в экономике пищевой промышленности Амурской области [6], на инвестиционную привлекательность на 43,7 % влияет интеграция с дистрибуцией, что является действительно сильным конкурентным преимуществом не только при выходе на рынок, но и при формировании стабильных отношений в различных системах и форматах сбыта продукции. Данный принцип сотрудничества продолжает функционировать как приоритетный, особенно с появлением возможностей Интернета и удаленного доступа. Среди представителей пищевых производств местных компаний немного, поэтому им пришлось самостоятельно развивать собственную систему сбыта, как представлено на рисунке 2¹. Аналогичный принцип развития схемы интеграционных процессов характерен как для производителей мясной, соевой, молочной и алкогольной продукции, с характерными признаками затратности входящих в конечный продукт ресурсов.

По мере развития собственной сбытовой сети качество контроля за двумя важными функциями стало усложняться, происходит потеря гибкости. Развитие собственного сбытового канала и сети дистрибуции как правило не приводит к оптимизации затрат на существующий объем производства продукции. А так как рынок Амурской области ограничен, как и выход на другие рынки, по причине существующей конкуренции по ценовому критерию, эффективным становится стратегия перехода на одноуровневую дистрибьюторскую модель, как это показано на рисунке 3².

Для аналогичного типа предприятий характерно развитие интеграционных процессов дистрибуции на первоначальном этапе для формирования собственной сбытовой сети, в дальнейшем наибольшая часть из них перешла к так называемым дезинтеграционным процессам, отделив тем самым функции производства и сбыта.

¹ Составлено автором.

² Составлено автором.

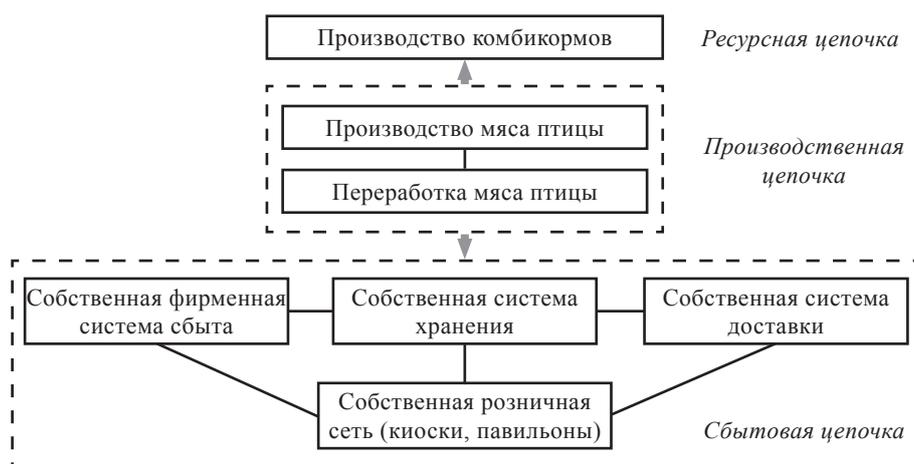

Рис. 2. Интеграционные процессы на примере производителя мясной продукции
Fig. 2. Integration processes (the case of a meat manufacturer)

Рис. 3. Дезинтеграционные процессы по разделению функций производства и сбыта
Fig. 3. Disintegration processes for the separation of functions of production and sales

Использование этой модели обеспечивает простой и немедленный доступ к сложившимся сегментам рынка, а также способствует повышению эффективности вложенных инвестиций в создание дополнительной системы складской и транспортной логистики, продажу через сеть торговых агентов. Основным недостатком использования этой системы со стороны поставщика – это необходимость делиться с посредником частью прибыли, а возможно, и информацией о рынке. Со стороны одноуровневого дистрибьютора начинается происходить, во-первых, размывание фокуса продаж, поскольку теперь стало необходимо торговать несколькими брендами, а во-вторых, необходимость поддержания оптимального баланса между накладными

расходами и наращиванием необходимого оборота, способствующего экономии на масштабах деятельности. Такие каналы дистрибуции добавляют в свой портфель продукцию либо потенциальных, либо прямых конкурентов – со схожей спецификой хранения, сроками годности, спецификой потребления и необходимым уровнем доставки продукции. К примеру, набор проектов предприятия, которое специализируется на производстве мороженого и серии молочных продуктов, дополняет несколько проектов отечественных и зарубежных производителей мороженого, свежемороженых овощей и фруктов, тем самым составляя конкуренцию самим себе в конечных торговых точках.

Следующим этапом развития дистрибьюторской модели бизнеса стало привлечение к собственной развитой сети сбыта других поставщиков отечественных и зарубежных производителей. Такой принцип организации характерен для узкого рынка, ограниченного территорией и возможностями дифференциации продукции. Используя модель одноуровневого канала, компании выросли за счет снижения издержек и предложения удобного способа покупки своим клиентам или и того, и другого одновременно.

Двухуровневая или многоуровневая дистрибуция, предполагающая наличие нескольких уровней посредников между компанией и ее клиентами, также представлена на рынке Амурской области. Необходимо отметить, что рассмотренные выше предприятия, использующие преимущественно прямую и одноуровневую дистрибуцию, параллельно работают и по многоуровневому каналу. Это связано, прежде всего, со снижением оборота и количества розничных магазинов, с ростом числа так называемых ритейлов, сетевых магазинов и дискаунтеров, реализующих продукцию конечному потребителю через удобную и более дешевую сеть продаж. Данный факт и послужил основной предпосылкой снижения розничных и оптовых каналов сбыта (имеются в виду оптовые базы и «магазины у дома»).

Многоуровневый дистрибьюторский канал, представленный на сегодняшний день более чем десятком компаниями-дистрибьюторами, выполняет важную функцию для любого поставщика – это быстрый способ выхода на новый рынок, возможность расширения территории покрытия рынка (например, для зарубежных поставщиков) или позиционирование

нового товара в уже известном, развитом или даже собственном канале продаж. Соответственно, эта система обеспечивает простой, а иногда немедленный доступ к сложившимся сегментам потребителей: за вознаграждение (бонусы по итогам продаж); за участие в доле наценки на товар; за эксклюзивные права или использование инвестиций, уже сделанных посредниками, в создание системы складов или системы торговых представителей (рис. 4³).

На сегодняшний день все чаще дистрибьюторские компании отмечают, что продать посреднику, если ты являешься официальным представителем поставщика – это еще «полдела», т.к. покупатель совершает покупку в конечной точке, на которую не всегда может оказывать влияние дистрибьютор. В этой ситуации затраты по возвратам (при условии отсутствия технических перебоев или заведомо известных фактов) несет дистрибьюторская компания, выступающая в этой цепочке «хищник – жертва», «жертвой» – особенно в долгосрочной перспективе.

Данный тип дистрибуции на рынке Амурской области представлен небольшими и крупными дистрибьюторскими компаниями в сфере FMCG (*fast moving consumer goods* – быстро оборачиваемые потребительские товары), заключившие контакты и соглашения напрямую с поставщиками пищевой промышленности и имеющие зачастую эксклюзивные права по реализации продукции на данной территории.

Особенности рынка FMCG в отличие от товаров длительного пользования состоят в том, что товары FMCG стоят значительно дешевле, и потому компаниям в данной сфере приходится постоянно поддерживать высокий товарооборот, чтобы заработать,

Многоуровневая дистрибьюторская модель

Рис. 4. Дистрибьюторская модель бизнеса на примере компаний Амурской области
 Fig. 4. Distribution model of business (the case of companies of the Amur region)

³ Составлено автором.

а основа получения хорошей и стабильной прибыли – частота приобретения товаров повседневного спроса при достаточно низкой их стоимости⁴.

Динамичный рост и развитие оптовой торговли в Амурской области обеспечен повышением уровня жизни населения, стабильной экономической ситуацией в регионе⁵, высокими темпами развития торговой сети, интенсивным открытием новых торговых предприятий.

Согласно данным статистики около 20 % населения Амурской области занято в сфере оптовой и розничной торговли. Потребительский рынок области имеет устойчивую динамику с достаточным уровнем насыщенности товарами и услугами, развитой сетью предприятий торговли, общественно-го питания и бытового обслуживания населения⁶.

Основное преимущество этой модели – использование уже существующей системы дистрибуции и экономия издержек [7], что дает возможность производителю работать с массовым, но мелкооптовым рынком, плата за это – еще большее отдаление от потребителей и рынков. Выходом из этой ситуации является приобретение в собственность любой розничной или мелкооптовой сети, что становится отличным преимуществом для выхода поставщика на рынок и тем самым устранение недостатка – отдаление от покупателя и присвоение всей торговой наценки, оставшейся на долю розничной и оптовой торговли.

Заключение

Можно предположить, что в связи с ускорением темпов развития информационно-коммуникационных технологий и поиском методов снижения затрат следующим этапом развития дистрибьюторских компаний будет электронная дистрибуция, элементами работы которой в основном будет складская и транспортная логистика. Все остальные функции, в том числе и продажи, перейдут в «автозаказы» при развитой системе контрактования и контроля.

Таким образом, дистрибьюторские и оптовые компании, выполняющие роль многоуровневого канала продаж для поставщиков, обеспечивают для них не только повышение эффективности операций (так называемая качественная и количественная дистрибуция), но и снижение издержек за счет использования активов – таких как специализированные складские помещения; системы управления складскими запасами; развитые системы доставки с закрепленной маршрутной

сеткой законтрактованных или привлеченных системами лояльности клиентов. В этом случае для дистрибьюторской компании характерно сочетание высокого уровня постоянных затрат и ограниченной предсказуемости поступления доходов в сочетании с низкой рентабельностью, если не обеспечивается нужный уровень сбора дебиторской задолженности. Поэтому основной мотив дистрибьюторов – это привлечение как можно большего количества поставщиков в развитие сети, поставщиков с продукцией высокооборотистой, т. е. потребляемой ежедневно и небольшими партиями, с целью обеспечения необходимого уровня маржинальности.

Для усиления своего присутствия на рынке многие компании работают на всех каналах дистрибуции, продавая один и тот же продукт с разной наценкой для разной категории потребителей. Это может приводить к конфликту каналов сбыта и может в целом негативно повлиять на результативность дистрибуции в целом, или просто временному переливу инвестиций и доходов из одного канала в другой.

Проведенное исследование дистрибьюторских моделей бизнеса на территории Амурской области позволяет сделать следующие выводы.

1. Усложнение и разнообразие товаров на рынке требует от предприятий формирования различных способов моментального проникновения на рынок.

2. Выбор дистрибьюторской модели будет зависеть от желания компании контролировать процесс производства и сбыта продукции и необходимости получения суммы прибыли по всей цепочке стоимости продукции.

3. Эффективность дистрибьюторской модели с точки зрения рентабельности и доступности каналов сбыта начинает возрастать при увеличении количества посредников на рынке.

4. Эффективность дистрибьюторской модели начинает снижаться при необоснованном росте накладных расходов, не соответствующих необходимому уровню оборота дистрибьюторского бизнеса.

Нахождение оптимального соотношения между слаженными инвестициями и оптимальными специфическими активами; количеством проектов и средними издержками на содержание системы дистрибуции; поддержанием приемлемого уровня дебиторской задолженности, не замораживающей оборотные активы, а способствующей оптимизации работы представителями рынка как с поставщиками, так и с покупателями – это и есть

⁴ FMCG-2017: динамика рынка, планы игроков и ключевые тренды. Режим доступа: <https://rb.ru/opinion/trends-fmcg/> (дата обращения: 10.04.2017).

⁵ Торговля в России. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. 233 с.

⁶ Стратегия социально-экономического развития Амурской области на период до 2025 года. Режим доступа: http://mer.amurobl.ru/skeditor_assets/attachments/355/strat_raz_do_2025.pdf (дата обращения: 13.03.2017).

основная задача построения эффективной дистрибуторской модели на рынке. Поиск данного решения – непростая задача, однако ее решение позволит повышать рентабельность, что является основным показателем результативности любой дистрибуторской модели.

Литература

1. Дент Дж. Все о дистрибуции / пер. с англ. А. В. Захаров. М.: Акваринная книга, 2011. 360 с.
2. Шерешева М. Ю. Межфирменные сети. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2006. 320 с.
3. Авдашева С. Б., Розанова Н. М. Теория организации отраслевых рынков. М.: Издательство Магистр, 1998. 320 с.
4. Клейнер Г. Б. Стратегия предприятия. М.: Издательство «Дело» АНХ, 2008. 568 с.
5. Фуруботн Э. Г., Рихтер Р. Институты и экономическая теория. Достижения новой институциональной экономической теории. СПб.: Издательский Дом С.-Петербургского государственного университета, 2005. 701 с.
6. Григорьева В. З., Довгая Т. В. Особенности интеграционных процессов на предприятиях пищевой промышленности Амурской области // Долгосрочная стратегия развития российского Дальнего Востока: материалы науч.-практ. конф. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2008. С. 232–238.
7. Карделл С. Стратегическое сотрудничество: креативный бизнес-курс / пер. с англ. К. Ткаченко. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2005. 256 с.

MODELS OF DISTRIBUTION BUSINESS ON THE AMUR REGION MARKET

Tatyana V. Sitnikova^{a, @}

^a *Amur State University, 21, Ignatievskoye Highway, Blagoveshchensk, 675027, Russia*

[@] *tanydovga@mail.ru*

Received 03.11.2018. Accepted 26.11.2018.

Keywords: integration processes, distribution, transaction costs, distribution models, supplier, consumer

Abstract: The current market trends and the wide variety of goods result in the need for different sales channels. Such channels can include from one to several intermediaries and differ in principle from the cost of use. As a result of modern information and communication technologies, new types of distribution models emerge, as well as new opportunities for the formation of this type of business in any remote territory, thereby expanding the market's boundaries.

The article considers the experience of forming and transitioning to various models of distribution business in the Amur region, depending on external and internal market conditions, while the distribution of the roles of market players will be of great importance in terms of the ability to penetrate the target market and the amount of profit or profit. The transition from one model to another is accompanied by the desire of companies to monitor the entire value chain of the final product, while various business may reduce transaction costs and scale down.

Finding the optimal version of the model will depend on many factors, such as: the relationship between investment and optimal specific assets; number of projects and average distribution costs; acceptable level of receivables.

For citation: Sitnikova T. V. Modeli distrib'yutorskogo biznesa na rynke Amurskoy oblasti [Models of Distribution Business on the Amur Region Market]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 4 (2018): 124–130. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-124-130

References

1. Dent J. *Vse o distributsii* [All about distribution]. Transl. Zakharov A. V. Moscow: Akvamarinovaia kniga, 2011, 360.
2. Sheresheva M. Iu. *Mezhfirmennye seti* [Interfirm networks]. Moscow: Ekonomicheskii fakul'tet MGU, TEIS, 2006, 320.

3. Avdasheva S. B., Rozanova N. M. *Teoriia organizatsii otraslevykh rynkov* [Theory of organization of industrial markets]. Moscow: Izdatel'stvo Magistr, 1998, 320.

4. Kleiner G. B. *Strategiia predpriiatiia* [Strategy of the enterprise]. Moscow: Izdatel'stvo "Delo" ANKH, 2008, 568.

5. Furubotn E. G., Rikhter R. *Instituty i ekonomicheskaiia teoriia. Dostizheniia novoi institutsional'noi ekonomicheskoi teorii* [Institutes and economic theory. Achievements of the new institutional economic theory]. Saint-Petersburg: Izdatel'skii Dom S.-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2005, 701.

6. Grigor'eva V. Z., Dovgaia T. V. Osobennosti integratsionnykh protsessov na predpriiatiikh pishchevoi promyshlennosti Amurskoi oblasti [Features of integration processes in the food industry enterprises of the Amur region]. *Dolgosrochnaia strategiia razvitiia rossiiskogo Dal'nego Vostoka: materialy nauch.-prakt. konf.* [Long-term development strategy of the Russian Far East: Proc. Sci.-Prac. Conf.]. Khabarovsk: IEI DVO RAN, 2008, 232–238.

7. Kardell S. *Strategicheskoe sotrudnichestvo: kreativnyi biznes-kurs* [Strategic cooperation: creative business course]. Transl. K. Tkachenko. Moscow: FAIR-PRESS, 2005, 256.

УДК 331.101.64

ОСНОВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОЧЕЙ ГРУППЫ

Ольга К. Слинкова^{a, @}; Дарья А. Пастухова^b

^a Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85

^b Московский государственный областной университет, 141014, Россия, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, 24

@¹ slinkova@bsu.edu.ru

Поступила в редакцию 03.11.2018. Принята к печати 26.11.2018.

Ключевые слова:

коллективная деятельность, психологическая совместимость, сплоченность, групповые эффекты, конформизм, сотрудничество, соперничество, эгоистический альтруизм

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению основных факторов, оказывающих влияние на эффективность групповой работы. В качестве основных детерминант эффективности рабочей группы выделяются численность группы, половозрастной состав группы, психологическая совместимость членов группы, групповая сплоченность, характер взаимоотношений членов группы. Обосновывается неоднозначный характер влияния указанных факторов на групповую эффективность. Устанавливается необходимость ситуационного подхода к рассмотрению направленности и характера влияния указанных факторов. Отмечается, что с ростом численности и сплоченности рабочей группы в ней начинают проявляться групповые эффекты, способные негативно повлиять на эффективность групповой работы. Устанавливается влияние на эффективность работы группы групповых эффектов: эффект социальной лени, эффект свободы от обязательств, эффект конформизма, эффект единомыслия, эффект ореола. Приводится авторская трактовка проблемы соотношения сотрудничества и соперничества как основных стилей взаимоотношений членов рабочей группы. Высказываемые нами положения расширяют поле научной дискуссии по проблеме эффективности групповой работы.

Для цитирования: Слинкова О. К., Пастухова Д. А. Основные детерминанты эффективности рабочей группы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 4. С. 131–136. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-131-136

Введение

В современном менеджменте прослеживается весьма очевидная тенденция, заключающаяся в усилении роли и значения коллективных форм организации труда. В этих условиях особую актуальность приобретают вопросы организации коллективной деятельности с учетом всех факторов, оказывающих влияние на эффективность групповой работы. Состав этих факторов весьма разнообразен и включает экономические, технические, организационные и прочие факторы. Настоящее исследование посвящено рассмотрению тех факторов эффективности групповой работы, которые имеют социально-психологическую природу.

Влияние численности и состава группы на эффективность коллективной деятельности

К числу социально-психологических факторов, оказывающих влияние на эффективность групповой работы, следует отнести, прежде всего, *численность рабочей группы*. На первый взгляд может показаться, что данный параметр имеет чисто количественное выражение и не содержит в себе социально-психологической составляющей. На самом деле, помимо

экономической составляющей, которая в этом случае кажется наиболее очевидной при решении вопроса о численности группы и подразумевает под собой достижение оптимального соотношения между управленческими и производственными расходами, данный параметр имеет глубокое социально-психологическое содержание. Проблема заключается в том, что нахождение оптимальной численности рабочей группы, помимо рационального основания, должно осуществляться в рамках следующей дилеммы: с одной стороны, в группах с высокой численностью происходит усложнение межличностных контактов и достижения согласия по сложным вопросам, требующим принятия решений, с другой – в группах с малой численностью возникает психологическая напряженность, вызванная тем, что персональная ответственность членов группы за результаты работы становится слишком очевидной.

Первые попытки нахождения оптимальной численности работников, находящиеся в подчинении у руководителя, предпринял еще Ф. У. Тейлор. Современные исследователи рекомендуют использовать для нахождения оптимальной численности

рабочей группы следующую формулу: $7+2 \geq Ч \geq 7-2$.

У этой формулы есть психологическое обоснование. Считается, что средний человек способен удерживать в поле своего внимания одновременно не более семи предметов, поэтому в группах с численностью, значительно превышающей установленный верхний предел, наблюдается некоторая потеря управляемости. Кроме того, рост численности группы провоцирует появление эффектов социальной лени и свободы от обязательств. Эффект социальной лени проявляется в том, что по мере увеличения численности группы индивидуальная результативность снижается вследствие повышения анонимности вклада каждого из членов группы в общие результаты деятельности. Основной причиной проявления данной закономерности является «размывание» ответственности между членами группы при увеличении ее численности.

Эффект свободы от обязательств также проявляется в уменьшении личного вклада в общие результаты работы группы при увеличении ее численности. Однако природа этого эффекта несколько иная и состоит в том, что с ростом численности группы отдельные ее члены все в меньшей степени склонны считать, что их личная результативность является обязательным условием достижения необходимых групповых результатов. Указанные эффекты служат дополнительным обоснованием необходимости регулировать верхнюю границу численности рабочей группы.

Приведенные рекомендации по определению оптимальной численности рабочей группы не следует воспринимать как абсолютное правило. В реальной управленческой практике при решении данного вопроса учитываются многие другие факторы, такие как трудоемкость выполняемых функций, характер решаемых задач, уровень управления и др. Так, если члены группы выполняют одинаковые или близкие по содержанию функции, численность группы может повышаться без ущерба для эффективности групповой работы, в то время как при выполнении работниками принципиально различных функций это нежелательно. На высших уровнях управления существенное превышение численности подчиненных по сравнению с рекомендуемыми значениями, как правило, считается неоправданным, в то время как на низших уровнях управления это часто оказывается допустимым. В любом случае определение оптимальной численности рабочей группы осуществляется с учетом особенностей конкретной ситуации.

Другим фактором, оказывающим влияние на эффективность групповой работы, является *состав группы*. При определении оптимального состава группы принимают во внимание такие параметры,

как *пол, возраст, психологическая совместимость* членов группы и др. Если это не определяется физическими условиями работы, предпочтительными принято считать смешанные группы по половому признаку. Что касается возрастных характеристик, то здесь также считается, что группы, состоящие из работников разных возрастных групп, более эффективны. Молодые работники привносят в работу энергию, новые взгляды и идеи. Наличие в группе работников старших возрастных групп дает возможность молодым перенимать накопленный опыт.

При решении вопроса влияния *психологической совместимости* членов рабочей группы на эффективность групповой работы приходится принимать во внимание различные аспекты. Прежде всего, следует учитывать, что существует два вида психологической совместимости: *психико-физиологическая* и *социально-психологическая совместимость* [1, с. 76]. *Психико-физиологическая совместимость* устанавливает совместимость людей по внутренней «моторике», скорости двигательных реакций. Этот вид психологической совместимости имеет большое значение при выполнении членами группы взаимозависимых функций, например, в условиях конвейерного производства. В других ситуациях отсутствие психико-физиологической совместимости членов группы не является критичным, хотя и может создавать некоторые сложности во взаимодействии.

Социально-психологическая совместимость означает совместимость людей с точки зрения разделяемых ими принципов, ценностей, верований и т.п. Влияние этого вида психологической совместимости на эффективность групповой работы не является однозначным. В группах, подобранных из совместимых людей, минимизируются конфликтные ситуации, лучше достигается согласие по спорным вопросам. С другой стороны, в группах, где присутствуют люди, имеющие разные взгляды и занимающие разные жизненные позиции, иницируется больше нестандартных решений. Разнообразие взглядов дает возможность членам группы получить новую точку зрения на происходящие процессы, отказаться от старых, мешающих развитию догм. Поэтому в реальных практических ситуациях вопрос психологической совместимости членов группы решается в зависимости от характера выполняемых задач. При выполнении стабильных, четко структурированных задач предпочтительно комплектовать рабочие группы из психологически совместимых людей. Если же группа решает нестандартные, требующие большого творчества, постоянно меняющиеся задачи, то присутствие в группе несовместимых людей может дать более плодотворные результаты.

Влияние сплоченности группы и порождаемых ею эффектов на эффективность коллективной деятельности

Еще одна детерминанта, к рассмотрению которой обычно обращаются при обсуждении вопроса эффективности групповой работы – *сплоченность группы*. Под сплоченностью принято понимать меру тяготения членов группы друг к другу и к группе в целом. Наиболее поддерживаемая точка зрения по данному вопросу сводится к признанию значимого вклада групповой сплоченности в эффективность групповой работы. Однако и здесь, на наш взгляд, наличие строго линейных зависимостей является сомнительным. На это указывает, например, Н. В. Зажогина: «в малосплоченных группах отмечается снижение продуктивности, тогда как с повышением сплоченности группы наблюдается повышение продуктивности, однако в излишне сплоченных группах продуктивность снижается» [2, с. 96]. Исследования, проведенные Н. Ю. Ульяновой, также подтверждают нелинейный характер связей между сплоченностью и эффективностью рабочих групп [3, с. 31]. Действительно, высокая сплоченность обеспечивает так называемую командную работу со всеми ее хорошо известными преимуществами. Некоторые негативные моменты высокой групповой сплоченности могут быть связаны с проявлением таких групповых эффектов, как эффект конформизма, эффект единомыслия и эффект ореола.

Эффект конформизма проявляется по мере увеличения длительности пребывания человека в группе и отражает свойство человеческой психики, состоящее в изменении поведения, убеждений человека в результате требований или ожиданий окружающих его людей. Различают два вида конформизма – внутренний (называемый также искренним) и внешний [4, с. 146]. Внутренний конформизм представляет собой изменение поведения, убеждений человека под влиянием группы, осознаваемое им как правильное. Внешний конформизм проявляется в изменении поведения людей без внутреннего принятия такого изменения. Всем людям присущ конформизм, однако уровень конформизма имеет существенные индивидуальные различия. Крайними типажми являются люди, проявляющие так называемый соглашательский тип поведения, и люди, сопротивляющиеся любому влиянию и отрицающие любую точку зрения даже при отсутствии собственной.

Влияние эффекта конформизма на эффективность групповой деятельности не является однозначным. Некоторая «здоровая» доля конформизма членов группы повышает управляемость группой, способствует улучшению межличностных отношений, формированию общепринятых в группе стандартов и образцов поведения. Разумная доля

нонконформизма некоторых членов группы оказывается иногда полезной: люди, готовые отстаивать собственную позицию, даже когда она противоречит мнению большинства, могут дать новую точку зрения на, казалось бы, известные всем проблемы.

Эффект единомыслия достаточно близок эффекту конформизма, по крайней мере, по результатам его воздействия на членов группы. Но проявляется он только в очень сплоченных группах. В контексте рассматриваемой проблемы единомыслие – это способ мышления членов группы, при котором поиск согласия по спорным вопросам начинает превалировать над реалистичной оценкой возможных альтернативных решений. Сталкиваясь с угрозой разногласий и конфликтов, члены сплоченной группы пытаются найти решение, устраивающее всех, даже если это решение объективно не является лучшим для сохранения гармонии и поддержания добрых отношений. Таким образом, влияние данного эффекта на групповую эффективность имеет некоторые положительные результаты (достижение согласия, улучшение морально-психологического климата в группе и т.п.), за которые впрочем иногда приходится расплачиваться неверно принятыми решениями.

Эффект ореола проявляется в стремлении группы к увековечиванию принятых в группе групповых норм, ценностей и традиций. Последние способствуют групповой сплоченности, «цементируют» группу, обеспечивая ее целостность. Мы специально употребили здесь термин «цементируют», чтобы показать, что обратной стороной этого процесса является снижение гибкости мышления и поведения членов группы, что может привести к некоторому «застою» в группе, мешающему проникновению в группу новых идей и взглядов.

Влияние особенностей взаимодействия членов группы на эффективность коллективной деятельности

Характер взаимодействия членов группы – следующий немаловажный фактор эффективности групповой работы. При большом разнообразии устанавливаемых в группах взаимодействий по характеру их можно подразделить на два типа: *сотрудничество и соперничество* [5]. Современные исследователи эффективности групповой работы отдают предпочтение сотрудничеству. Действительно, множество экспериментов, проведенных исследователями, подтверждают, что сотрудничество членов группы обеспечивает более высокую производительность, нежели соперничество [6, с. 130–131]. Также исследования показывают рост удовлетворенности трудом в рабочих коллективах, строящих взаимоотношения на основе сотрудничества [7, с. 223].

В научной литературе сотрудничество как стиль взаимоотношений довольно часто связывается с альтруистическим поведением [8; 9], в то время как соперничеству приписываются эгоистические начала. Мы не вполне разделяем такую точку зрения. По нашему мнению, сотрудничество не может строиться чисто на альтруистической основе, а, скорее, предполагает взаимную работу по согласованию интересов сторон, поиск взаимной выгоды. Данную рекомендацию не следует воспринимать упрощенно, как реализацию принципа «ты – мне, я – тебе». Торг здесь не уместен. Речь идет о формировании отношений сотрудничества, которые предполагают совместный поиск решений, удовлетворяющих в полной мере интересы всех сторон. Такой подход характеризуется большими затратами времени, связанными с необходимостью поиска возможностей сотрудничества, анализа позиций сторон и возможных вариантов решения тех или иных вопросов и проблем. И все-таки именно этот подход к взаимодействию является самым эффективным, поскольку дает возможность «выиграть» каждому и обеспечить конструктивное развитие отношений на перспективу. Для многих наличие победителя автоматически означает наличие побежденного. Это верно в отношении спортивных состязаний, но не всегда верно в других сферах жизни.

Иногда, стремясь сохранить добрые отношения любой ценой, люди пытаются сгладить противоречия, действуя в ущерб собственным интересам, руководствуясь принципом «худой мир лучше доброй ссоры». Однако «мир любой ценой» может быть опасен, как бомба замедленного действия. С другой стороны, именно подсознательное стремление оградить себя от боли, вызываемой чувством поражения, часто заставляет людей выбрать иную тактику, заключающуюся в попытках отстоять свои интересы, навязать свою точку зрения любой ценой. Такой подход может принести краткосрочный выигрыш, но редко приносит долгосрочные результаты: тот, кто проиграл сегодня, может завтра отказаться от сотрудничества. Принятые вопреки собственной воле решения не вызывают у проигравшей стороны энтузиазма.

Принятие крайних позиций в человеческих взаимоотношениях свойственно людям с так называемым дихотомическим мышлением, реализуемым по принципу «или-или»: «либо черное, либо белое», «либо плохое, либо хорошее», «либо проиграл, либо выиграл» и т. п. Другого не дано. Человек с преобладанием дихотомического мышления не видит полутонов, проявляет неготовность к возможному компромиссу полярных точек зрения. Психологи характеризуют такое мышление как незрелое. В противовес такому мышлению можно рассматривать

подход, который позволяет соединить, казалось бы, совершенно несоединимые вещи.

В качестве иллюстрации такого подхода можно привести концепцию альтруистического эгоизма, автором которой является создатель теории стресса Г. Селье. Данная концепция по-новому расставляет акценты на таких известных понятиях, как альтруизм и эгоизм. Традиционно всегда считалось, что эгоизм – явление исключительно отрицательное, а альтруизму приписывались положительные характеристики. Г. Селье предположил, что в чистом виде и альтруизм, и эгоизм наносят вред человеку, и обозначил в качестве оптимальной жизненной установки альтруистический эгоизм. Суть этой жизненной позиции заключается в том, что, сталкиваясь с проблемами, человек должен решать их на основе личных интересов, но при этом принимаемые решения должны обеспечивать удовлетворение интересов других людей, имеющих отношение к данной конкретной ситуации. Создатель теории стресса полагал, что данная жизненная позиция повышает стрессоустойчивость организма, помогает успешно преодолевать стрессовые ситуации и лежит в основе долгой, здоровой и счастливой жизни.

Люди, привыкшие рассуждать по принципу «или-или», считают такой подход к решению проблем нереальным. Действительно, отстаивание собственных интересов требует мужества, учет интересов других людей предполагает наличие чуткости. Многим кажется, что данные качества трудно совмещаются в одном лице. Однако именно сочетание силы и мужества с чуткостью и теплотой характеризуют по-настоящему зрелую личность, способную строить межличностные отношения на основе сотрудничества. Ценность отношений сотрудничества как раз и состоит в открывающейся возможности увидеть ситуацию во всех ее оттенках и полутонах, вооружиться различными точками зрения на обсуждаемый вопрос или проблему, достичь согласия на основе взаимодополняемости и взаимообогащения. Только зрелая личность способна признать ограниченность собственной позиции и оценить преимущества взаимодействия с людьми, разделяющими другие взгляды и дающими новый угол зрения на существующую ситуацию. Стремление увидеть позитивное во взглядах других людей дает хорошие возможности для расширения личного кругозора.

Другим весьма серьезным препятствием построения межличностных отношений на основе сотрудничества является укоренившееся в сознании людей представление об ограниченности ресурсов и возможностей. Данный стереотип, поддерживаемый классической экономической теорией, исходит из предположения о наличии некоего общего «пирога», в делении которого един-

ственно верным является принцип «кто смел – тот и съел», неуспевшим ничего не остается, кроме как «довольствоваться крошками». Однако то, что может казаться логичным с позиций экономической теории, оказывается совершенно несостоятельным в такой сложной сфере, которая касается человеческих отношений.

Тезис «дающему дается» проявляет гораздо более высокую плодотворность в сфере человеческих отношений. Проявляя доверие и уважение к другим людям, мы получаем их доверие и уважение к себе. Менеджер, делегирующий подчиненным особо важные задачи из пределов собственной компетенции, разделяет власть с другими людьми. Казалось бы, оперируя чистой логикой, это должно уменьшить его личную власть. Однако оказывается, что сила его власти, определяемая нами как возможность оказания влияния на подчиненных, значительно возрастает за счет повышения лояльности со стороны подчиненных, которые получили возможность продемонстрировать свои знания, умения и удовлетворить честолюбивые амбиции. В качестве дополнительного бонуса руководитель получает повышение мотивации и, соответственно, рост трудовой активности и ее результатов.

Преимущества сотрудничества в системе межличностного взаимодействия заключаются в том, что благодаря сотрудничеству находится приемлемое для каждой стороны решение и тем самым укрепляются и улучшаются человеческие взаимоотношения. Философия сотрудничества предполагает, что успех одного человека не должен до-

стигаться за счет другого и не должен исключать успеха другого.

Всецело признавая значение сотрудничества для повышения эффективности групповой работы, отметим, что некоторая доля соперничества, или, точнее сказать, состязательности, также может позитивно сказаться на результатах групповой работы. Привнесение элемента состязательности в совместную трудовую деятельность создает дополнительные импульсы для мотивации персонала. Здесь важно только подчеркнуть, что говоря о соперничестве в данном контексте, мы исключаем возможность «победы» одного члена группы за счет ущемления интересов других ее членов. То есть речь идет о состязательности как о мере проявляемой членами группы персональной ответственности за личный вклад в общие результаты работы группы. В этом смысле главным условием роста эффективности групповой работы является «создание условий для обеспечения индивидуальной эффективности в сочетании с возможностью объединить личные цели членов группы с целями организационного развития» [10, с. 261].

Заключение

Резюмируя сказанное, отметим, что задача повышения эффективности групповой работы посредством учета обозначенных выше факторов предполагает как минимум наличие в группе руководителя, обладающего, помимо формальной власти, высоким личным авторитетом, признаваемым членами группы.

Литература

1. Розанова В. А. Психология управления. М.: Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1999. 352 с.
2. Зажогина Н. В. Психологические особенности принятия решения в процессе группового взаимодействия // Педагогика и психология образования. 2010. № 4. С. 93–101.
3. Ульянова Н. Ю. Взаимосвязь социально-психологической и предметно-деятельностной эффективности и сплоченности производственных групп // Северо-Кавказский психологический вестник. 2012. Т. 10. № 3. С. 28–31.
4. Розенберг Н. В., Ушкина И. А. Конформизм как социальный феномен // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. № 3. С. 142–150.
5. Deutch M. The effects of cooperation and competition upon group process // Group dynamics. Eds. D. Cartwright, A. Zander. Evanston, 1960. P. 24–37.
6. Друкер П. Ф. Рынок: Как выйти в лидеры. Практика и принципы. М.: Бук Чембэр Интернэшнл, 1992. 350 с.
7. Поварич И. П., Слинкова О. К. Методика и опыт социологического исследования удовлетворенности трудом работников предприятий // Ползуновский вестник. 2006. № 3-1. С. 221–224.
8. Stephens C. Modeling reciprocal altruism // British Journal for the Philosophy of Science. 1996. Т. 47. № 4. P. 533–551.
9. Trivers R. L. The evolution of reciprocal altruism // Quarterly Review of Biology. 1971. № 46. P. 35–57.
10. Слинкова О. К. Трудовая мотивация и организационная культура: теоретико-методологические и прикладные основы исследования: дис. ... д-ра экон. наук. Кемерово, 2006. 331 с.

THE MAIN DETERMINANTS OF TEAM WORK EFFICIENCY

Olga K. Slinkova^{a, @}; Darya A. Pastukhova^b

^a Belgorod State National Research University, 85, Pobedy St., Belgorod, Russia, 308015

^b Moscow State Regional University, 24, Vera Voloshina St., Mytishchi, Russia, 141014

@¹ slinkova@bsu.edu.ru

Received 03.11.2018. Accepted 26.11.2018.

Keywords: collective activity, psychological compatibility, cohesion, group effects, conformism, cooperation, rivalry, egoistic altruism

Abstract: The research features the main factors that influence the effectiveness of team work, i.e. the size of the team, the age and sex its members, their psychological compatibility, cohesion, and relationship character. The paper proves the ambiguous nature of the influence of these factors on team work effectiveness and states the need for a situational approach. The authors believe that the size of the team and its cohesion produces a positive effect on the team work and establish various types of effects, e.g. the effect of social laziness, the effect of freedom from obligations, the effect of conformism, the effect of one-sidedness, the halo effect, etc. According to the authors, the cooperation and rivalry are the main styles of relations in team work. The propositions expressed by the authors expand the field of scientific discussion on the problem of the effectiveness of team work.

For citation: Slinkova O. K., Pastukhova D. A. Osnovnye determinanty effektivnosti rabochei gruppy [The Main Determinants of Team Work Efficiency]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 4 (2018): 131–136. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-131-136

References

1. Rozanova V. A. *Psikhologiya upravleniya* [Psychology of management]. Moscow: Biznes-shkola "Intel-Sintez", 1999, 352.
2. Zazhogina N. V. Psikhologicheskie osobennosti priniatiia resheniia v protsesse gruppovogo vzaimodeistviia [Psychological features of decision-making in the process of group interaction]. *Pedagogika i psikhologiya obrazovaniia = Pedagogy and psychology of education*, no. 4 (2010): 93–101.
3. Ulyanova N. Yu. Vzaimosviaz' sotsial'no-psikhologicheskoi i predmetno-deiatel'nostnoi effektivnosti i splochnosti proizvodstvennykh grupp [Interrelation of the socio-psychological and subject-activity efficiency and cohesion of production groups]. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik = North Caucasian Psychological Herald*, 10, no. 3 (2012): 28–31.
4. Rozenberg N. V., Ushkina I. A. Konformizm kak sotsial'nyi fenomen [Conformism as a social phenomenon]. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki = News of Higher Educational Institutions. The Volga region. Social Sciences*, no. 3 (2014): 142–150.
5. Deutch M. The effects of cooperation and competition upon group process. *Group dynamics*. Eds. Cartwright D., Zander A. Evanston, 1960, 24–37.
6. Druker P. F. *Rynok: Kak vyiti v lidery. Praktika i printsipy* [Market: How to become a leader. Practice and principles]. Moscow: Buk Chamber Interneshnl, 1992, 350.
7. Povarich I. P., Slinkova O. K. Metodika i opyt sotsiologicheskogo issledovaniia udovletvorennosti trudom rabotnikov predpriatii [Methodology and experience of sociological research of job satisfaction of enterprise employees]. *Polzunovskii vestnik = Polzunovsky vestnik*, no. 3-1 (2006): 221–224.
8. Stephens C. Modeling Reciprocal Altruism. *British Journal for the Philosophy of Science*, 47, no. 4 (1996): 533–551.
9. Trivers R. L. The evolution of reciprocal altruism. *Quarterly Review of Biology*, no. 46 (1971): 35–57.
10. Slinkova O. K. *Trudovaia motivatsiia i organizatsionnaia kul'tura: teoretiko-metodologicheskie i prikladnye osnovy issledovaniia*. Diss. doktora ekon. nauk [Labor motivation and organizational culture: theoretical, methodological and applied research bases. Dr. Econ. Sci. Diss.]. 2006, 331.

УДК 338.46+640.4

РАЗВИТИЕ РЫНКА ХОСТЕЛОВ КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ МАЛОГО БИЗНЕСА

Ирина В. Такмашева^{a, @. ID}; Сергей Г. Тяглов^b

^a Югорский государственный университет, 628012, Россия, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16

^b Ростовский государственный экономический университет, 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69

@ I_Takmasheva@ugrasu.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0002-7422-2744>

Поступила в редакцию 03.11.2018. Принята к печати 26.11.2018.

Ключевые слова:

гостиничный бизнес, конкуренция, ценообразование, туризм, услуги

Аннотация: Исследован рынок хостелов г. Ханты-Мансийска с точки зрения одного из перспективных направлений малого бизнеса. Объектом настоящего исследования является рынок гостиничного бизнеса Ханты-Мансийска. Главная цель исследования заключается в выработке практических рекомендаций по открытию хостелов в Ханты-Мансийске. Для достижения поставленной цели были изучены следующие проблемные вопросы: зарубежный опыт развития рынка хостелов, оценка спроса и предложения услуг гостиничного бизнеса Ханты-Мансийска, ценообразование на рынке гостиничных услуг, деловой климат для развития рынка хостелов. В исследовании использованы методы статистического и сравнительного анализа, специальные методы экономического анализа, а также метод стратегического планирования SWOT-анализ. В результате нами сформулированы предложения по открытию хостелов в Ханты-Мансийске. Представленные рекомендации могут быть использованы предпринимателями, осуществляющими деятельность в сфере гостиничного бизнеса на территории Ханты-Мансийска. Предложения могут быть полезны администрации города Ханты-Мансийска при разработке стратегии социально-экономического развития муниципального образования.

Для цитирования: Такмашева И. В., Тяглов С. Г. Развитие рынка хостелов как перспективное направление малого бизнеса // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 4. С. 137–144. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-137-144

Введение

Рынок гостиничного бизнеса представляет на сегодня особенный интерес в связи с углублением диверсификации сферы услуг в Югре. В соответствии со Стратегией социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2020 г. и на период до 2030 г., утвержденной распоряжением Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 22.03.2013 № 101-рп, в систему приоритетов долгосрочного социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа входит развитие въездного туризма как наиболее перспективного потребительского сегмента.

По мнению отечественных исследователей, в России рынок частного сектора размещения только формируется и не обеспечен достаточной правовой базой. Тем не менее темпы его развития в настоящее время одни из самых высоких в мире [1]. Некоторые ученые считают, что базовым ресурсом выстраивания позитивного имиджа отдельной территории мо-

жет выступать не столько экономический капитал, сколько символический капитал места [2]. Другие придерживаются мнения, что высокий уровень социально-экономического развития региона возможен только при реализации кластерного взаимодействия государственных и бизнес-структур [3].

По оценкам экспертов, в ближайшем будущем востребованными станут такие виды туризма, как культурно-познавательный, этнографический, событийный, зимний, экологический, медицинский, конгрессно-выставочный. Успешная продажа туристских продуктов требует доверительных взаимоотношений между клиентами и продавцами, поэтому, по мнению ряда исследователей, важное значение приобретает репутация туроператоров, отелей и авиакомпаний [4]. Основой для увеличения потока въездных туристов станет строительство важнейших туристических объектов нового уровня: мини-гостиниц и хостелов. Таким образом, глобальные тенденции и возникающие проблемы меняют гостиничный бизнес. Изменение

структуры клиентских потоков подталкивает как минимум к двум очевидным утверждениям: к повышению уровня и индивидуализации сервиса [5].

Хостелы имеют большие перспективы для развития и укрепления на рынке, поскольку они обладают высокой социально-экономической эффективностью [6]. Одной из современных тенденций является изменение статуса хостела, который превращается в удобное средство размещения не только для бюджетных путешественников, но и для деловых людей [7]. Учитывая это, особенно актуальным становится развитие рынка хостелов на территории северных регионов России, в которых трудоспособное население осуществляет свою деятельность в основном вахтовым и сезонным методом.

Некоторые отечественные исследователи поднимают проблему развития детско-юношеских хостелов, которые могут играть важную роль в обеспечении единого образовательного пространства России, выступая в качестве площадок для организации образовательных, творческих и спортивных мероприятий на уровне региона или страны [8]. Другие исследователи рассматривают хостелы с точки зрения социальных гостиниц как коллективных средств размещения, предназначенных для временного пребывания туристов, в первую очередь, из малообеспеченных слоев населения [9].

Развитие рынка хостелов исторически связано с европейской цивилизацией, а именно с Англией. Хостел переводится с английского как общежитие и представляет собой европейскую систему размещения, в соответствии с которой постояльцам на короткий или длительный период времени предоставляется жилье в виде спального места без дополнительных удобств в помещении. Аналогом хостела в России можно считать так называемые русские доходные дома, которые располагались у трактиров, чтобы путешественникам не приходилось искать место ночлега [10]. В соответствии с ГОСТ Р 56184-2014 «Услуги средств размещения: общие требования к хостелам», введенным в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 23.10.2014 № 1393-ст, хостелом является экономичное средство размещения, предназначенное для временного проживания, преимущественно для малобюджетного туризма, имеющее номера или комнаты различной вместимости и санузлы, как правило, за пределами номера или комнаты, а также помещения (зоны, места) для общения гостей.

Анализ рынка гостиничных услуг на примере муниципального образования г. Ханты-Мансийска

Рынок предприятий гостиничного бизнеса представляет собой систему экономических отношений

между предприятиями сферы гостиничного бизнеса и потребителями услуг, в результате которых взаимодействуют различные интересы поставщиков услуги и потребителей. При оценке рынка гостиничных услуг, на наш взгляд, необходимо учитывать следующие параметры:

1) объектом купли-продажи на рынке гостиничного бизнеса являются услуги;

2) спрос на гостиничные услуги отличается рядом особенностей и варьируется в зависимости от материальных возможностей потребителя услуги, возраста, ценностей, мотивов, иных экономических и социальных факторов;

3) предложение рынка гостиничных услуг, как правило, является многообразным и подразделяется на типы размещения, ценовые факторы, а также в зависимости от качества предоставляемых услуг.

По состоянию на 01.04.2018 на территории муниципального образования г. Ханты-Мансийска рынок хостелов представлен 8 малыми предприятиями, из которых 2 хостела (гостиница «СДЮШОР» и гостиница «Эконом-класс») являются специализированными и ориентированы на предоставление услуг по размещению преимущественно спортсменов в период проведения спортивных мероприятий в г. Ханты-Мансийске (таблица 1¹).

Для организации хостелов важными факторами являются, прежде всего, структура низких издержек и соответствующая им ценовая политика [11]. Цена гостиничного номера зависит от множества факторов и устанавливается с учетом себестоимости содержания номера, соотношения спроса и предложения, цен конкурентов, имиджа предприятия сферы услуг. В себестоимость включаются материальные затраты, оплата труда обслуживающего персонала, амортизация основных средств, прочие расходы (содержание аппарата управления, стоимость аренды зданий и помещений, оборудования и инвентаря, обслуживание технических средств управления, средств сигнализации, охраны). Цена номера или места в номере устанавливается, как правило, за его использование в течение 1 суток, в некоторых хостелах применяется почасовая оплата. Ценовую политику предприятия определяет служба маркетинга. В случае, если на предприятии такая служба отсутствует, такие услуги оказывают специализированные организации, предоставляющие консалтинговые услуги, в том числе в сфере маркетинга. Указанные специалисты рассчитывают среднюю цену номера в гостинице, характеризующую наиболее точно положение гостиничного предприятия на рынке услуг с точки зрения доступности для различных сегментов потребительского рынка.

¹ Составлено авторами на основании данных Туристско-информационного центра Ханты-Мансийска. Режим доступа: <http://visit-hm.ru> (дата обращения: 01.04.2018).

Таблица 1. Анализ хостелов города Ханты-Мансийска по параметрам: категория номеров, минимальная стоимость, предоставляемые услуги

Table 1. Analysis of Khanty-Mansiysk hostels by parameters: room category, minimum cost, services provided

Краткое описание	Категория номеров	Минимальная стоимость номера	Услуги, входящие в стоимость номера	Дополнительные услуги
Гостиница «СДЮШОР» , ул. Калинина, 1. Гостиница находится недалеко от центра города в 10 минутах ходьбы от Гостиного двора				
гостиница эконом-класса, ориентированная на размещение спортсменов в период проведения спортивных мероприятий в Ханты-Мансийске	двухместные, трехместные, четырехместные	390 руб. / сутки	телевизор, холодильник	вызов такси, ксерокс, факс, медкабинет, парикмахерская, кафе, открытая спортивная площадка, беговая дорожка, лыжная трасса
Хостел «Черемушкин Лог» , ул. Объездная, 39/2. Расположен недалеко от «Археопарка», Биатлонного центра, Ледового Дворца, Аквапарка				
к услугам гостей 16 номеров, оборудованных кабельным телевидением с цифровым качеством, высокоскоростным Интернетом	трехместные, пятиместные	750 руб. / сутки	телевизор с кабельными каналами (40 каналов), безлимитный Интернет, охраняемая парковка, бесплатные горячие напитки (чай, кофе), зона отдыха с мангалом, бесплатный трансфер аэропорт / автовокзал – гостиница и обратно, обзорная экскурсия по городу	отсутствуют
Гостиница «Светлая» , ул. Светлая, 24. Гостиница находится в 3 км от центра города и в 5 км от аэропорта				
к услугам гостей 22 комфортабельных номера, оснащенных всей необходимой мебелью	одноместные – семиместные	900 руб. / сутки	душевая, телевизор с кабельными каналами, Wi-Fi	вызов такси
Гостиница «Восток» , ул. Восточная, 22. Гостиница находится в 3 км от центра города и в 5 км от аэропорта				
гостиница предлагает 12 уютных номеров со всей необходимой мебелью	одноместные, двухместные	1000 руб. / сутки	холодильник, СВЧ, душ, Wi-Fi, парковка, телевизор	вызов такси
Мини-гостиница «На Сибирском» , пер. Сибирский, 11. Гостиница находится в 6 км от аэропорта и в шаговой доступности от центра города				
к услугам гостей 7 уютных номеров со всей необходимой мебелью	двухместные, трехместные	1500 руб. / сутки	душ, телевизор, Wi-Fi, парковка	вызов такси
Гостиница «Фортуна» , ул. Кирова, 44. Гостиница находится в 5 км от центра города и в 10 км от аэропорта				
к услугам гостей 9 комфортабельных номеров, оснащенных всей необходимой мебелью	двухместные, трехместные	1500 руб. / сутки	душ, телевизор, Wi-Fi, парковка	вызов такси

Краткое описание	Категория номеров	Минимальная стоимость номера	Услуги, входящие в стоимость номера	Дополнительные услуги
Гостиница «Эконом-класс», ул. Студенческая 3В, корп. 2. Гостиница находится в 3 км от аэропорта и в 3 км от центра города, в 5 минутах ходьбы от «Югра-Экспо» и от «Центра развития теннисного спорта»				
гостиница предлагает к услугам гостей 16 уютных комнат	четырехместные – шестиместные	500 руб. / сутки	телевизор, холодильник, кухня, Wi-Fi, СВЧ, душевая, парковка	вызов такси
Хостел «Сибирь», ул. Кирова, 54 Гостиница находится в 5 км от центра города и в 10 км от аэропорта				
к услугам гостей 6 комфортабельных номеров, оснащенных всей необходимой мебелью	одноместные, двухместные	700 руб. / сутки	телевизор, Wi-Fi, душевая, парковка	вызов такси

Анализ хостелов г. Ханты-Мансийска по таким параметрам, как категория номеров, минимальная стоимость, предоставляемые услуги, позволяет сделать вывод о том, что определенная ценовая политика на предприятиях гостиничного бизнеса Ханты-Мансийска отсутствует. Так, в ходе исследования установлено, что минимальная стоимость услуг не зависит от места расположения хостела или мини-гостиницы относительно центра города, а также от объема предоставляемых услуг в номере, в том числе дополнительных услуг. Возможно, данная ситуация обусловлена отсутствием в структурных подразделениях предприятий гостиничного бизнеса муниципального образования службы маркетинга, а также небольшим количеством консалтинговых организаций, осуществляющих деятельность на территории Югры и специализирующихся на выработке ценовой политики. Минимальная оплата суточного проживания в хостеле Ханты-Мансийска по состоянию на 01.04.2018 составила 390 руб., максимальный размер оплаты услуг хостела составляет 1500 руб. С учетом изложенного средний размер оплаты суточного проживания в хостеле, расположенном на территории муниципального образования, составил 945 руб.

Анализ уровня конкурентоспособности на рынке хостелов города Ханты-Мансийска с применением метода SWOT-анализа представлен в таблице 2².

Заключение

К преимуществам ниши хостелов относятся растущий спрос на услуги подобного рода; широкая целевая аудитория; небольшие затраты для входа в бизнес; небольшое число конкурентов, осуществляющих деятельность в указанной сфере в г. Ханты-Мансийске. Недостатки тоже имеют

место быть, среди них необходимость соблюдения значительного числа требований, установленных в ГОСТах и иных нормативных правовых актах; подготовка разрешительных документов; необходимость поиска помещения, высокие затраты на приобретение или аренду помещения.

Учитывая изложенное, проведенное исследование рынка хостелов Ханты-Мансийска позволяет сформулировать следующие рекомендации для предпринимателей, осуществляющих деятельность на территории муниципального образования в сфере гостиничного бизнеса:

- ниша рынка хостелов характеризуется невысоким уровнем конкуренции, в связи с этим открытие бизнеса в данной сфере представляется весьма перспективным направлением вложения средств;
- при открытии бизнеса необходимо строго соблюдать установленные законодательством требования (ГОСТ Р 56184-2014 «Услуги средств размещения: общие требования к хостелам», введенный в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 23.10.2014 № 1393-ст);
- особое внимание следует уделить размещению хостела недалеко от центрального района или вблизи мест культурного отдыха и спортивных объектов;
- услуги хостела могут стать весьма востребованными не только среди путешественников и туристов, но и среди работников, осуществляющих трудовую деятельность вахтовым и сезонным методом;
- стоимость суточного размещения 1 постояльца не должна превышать 945 руб. (средний размер суточного размещения в хостеле Ханты-Мансийска);
- помимо основных услуг, входящих в стоимость размещения в хостеле, необходимо предоставить

² То же.

потребителям широкий спектр дополнительных платных услуг (трансфер, аренда автомобиля, кабельное телевидение, услуги Wi-Fi, услуги парикмахерской, тренажерного зала, прачечной, столовой и др.);

– особый акцент при проектировании бизнеса должен быть сделан на номерной фонд хостела (уровень комфортности номеров, обширность номерного фонда), а также на качество предоставляемых персоналом хостела услуг.

Таблица 2. SWOT-анализ уровня конкурентоспособности на рынке хостелов города Ханты-Мансийска
Table 2. SWOT-analysis of the level of competitiveness in the market of hostels in Khanty-Mansiysk

Наименование предприятия сферы гостиничного бизнеса	Сильные стороны	Слабые стороны	Возможности	Угрозы
<i>Гостиница «СДЮШОР»</i> , ул. Калинина, 1	<ul style="list-style-type: none"> – широкий спектр дополнительных услуг, предоставляемых гостиницей; – самая низкая в городе стоимость суточного размещения постояльцев; – удачное расположение относительно центра города 	<ul style="list-style-type: none"> – невысокое качество предоставляемых услуг в номере (в стоимость номера входит только предоставление телевизионного вещания и аренда холодильника); – исключительная ориентация услуг на определенную категорию граждан – спортсменов 	<ul style="list-style-type: none"> – необходимость расширения спектра услуг, входящих в стоимость номера (услуги Wi-Fi, СВЧ, парковка, кабельное телевидение, трансфер); – расширение категорий граждан, которым предоставляется услуга по размещению 	<ul style="list-style-type: none"> – отсутствие предоставления инновационных услуг
<i>Хостел «Черемушкин Лог»</i> , ул. Обьездная, 39/2	<ul style="list-style-type: none"> – приемлемая цена размещения постояльцев, ниже среднерыночной; – самый широкий спектр услуг в городе, входящих в стоимость номера; – предоставление инновационных услуг, обеспечивающих комфортные условия пребывания; – благоприятное расположение относительно мест культурного отдыха 	<ul style="list-style-type: none"> – высокий уровень загруженности номеров ввиду высокого спроса на услуги 	<ul style="list-style-type: none"> – необходимость расширения спектра дополнительных платных услуг 	<ul style="list-style-type: none"> – наиболее стабильное положение на рынке хостелов Ханты-Мансийска, необходимость сохранения позиции лидера на рынке гостиничных услуг
<i>Гостиница «Светлая»</i> , ул. Светлая, 24	<ul style="list-style-type: none"> – гостиница имеет большой номерной фонд; – приемлемая цена размещения, не превышающая среднюю стоимость суточного размещения 	<ul style="list-style-type: none"> – удаленность гостиницы от центра города и мест культурного отдыха 	<ul style="list-style-type: none"> – необходимость расширения спектра дополнительных платных услуг (например, платной аренды автомобиля) 	<ul style="list-style-type: none"> – вероятность падения спроса на услуги ввиду удаленности от центра города и мест культурного отдыха
<i>Гостиница «Восток»</i> , ул. Восточная, 22	<ul style="list-style-type: none"> – значительное число услуг, входящих в стоимость проживания 	<ul style="list-style-type: none"> – цена услуг несколько завышена по сравнению со средней стоимостью суточного размещения в хостелах города Ханты-Мансийска; – гостиница имеет небольшой номерной фонд; – удаленность гостиницы от центра города и мест культурного отдыха 	<ul style="list-style-type: none"> – необходимость пересмотра ценовой политики предприятия; – необходимость расширения спектра дополнительных платных услуг (например, платной аренды автомобиля) 	<ul style="list-style-type: none"> – вероятность падения спроса на услуги ввиду удаленности от центра города и мест культурного отдыха и высокой цены на услуги

Наименование предприятия сферы гостиничного бизнеса	Сильные стороны	Слабые стороны	Возможности	Угрозы
<i>Мини-гостиница «На Сибирском»</i> , пер. Сибирский, 11	– удачное расположение относительно центра города; – комфортные номера	– цена услуг значительно завышена по сравнению со средней стоимостью суточного размещения в хостелах г. Ханты-Мансийска; – небольшой номерной фонд	– необходимость пересмотра ценовой политики предприятия; – необходимость расширения спектра дополнительных платных услуг	– вероятность значительного падения спроса на услуги ввиду завышенной цены
<i>Гостиница «Фортуна»</i> , ул. Кирова, 44	– комфортные номера	– удаленное расположение относительно центра города и мест отдыха; – цена услуг значительно завышена по сравнению со средней стоимостью суточного размещения в хостелах г. Ханты-Мансийска	– необходимость пересмотра ценовой политики предприятия; – необходимость расширения спектра дополнительных платных услуг	– вероятность значительного падения спроса на услуги ввиду завышенной цены
<i>Гостиница «Эконом-класс»</i> , ул. Студенческая 3В, корп. 2	– приемлемая цена размещения, не превышающая среднюю стоимость суточного размещения; – благоприятное расположение относительно спортивных объектов	– удаленное расположение относительно центра города; – ориентация услуг на определенную категорию граждан – спортсменов	– расширения спектра услуг, входящих в стоимость номера (трансфер); – расширение категорий граждан, которым предоставляется услуга по размещению	отсутствие предоставления инновационных услуг
<i>Хостел «Сибирь»</i> , ул. Кирова, 54	– приемлемая цена размещения, не превышающая среднюю стоимость суточного размещения	– удаленное расположение относительно центра города; – небольшой номерной фонд	– необходимость расширения спектра дополнительных платных услуг	– отсутствие предоставления инновационных услуг

Литература

1. Старкова Г. П., Мартышенко Н. С. Малый бизнес в сфере гостиничного предпринимательства в Приморском крае // Российское предпринимательство. 2012. № 24. С. 243–249.
2. Базилян С. А. Роль региональных брендов в накоплении символического капитала места (на примере Великого Новгорода) // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6. № 4. С. 592–602. DOI: 10.17150/2308-6203.2017.6(4).592-602
3. Tyaglov S. G., Kushnarenko T. V., Khokhlov A. A., Qeropyan M. A. The development of cluster relations within the state and business structures in terms of strategy of non-primary sector import-substitution // European Research Studies Journal. 2017. № 1. P. 198–207.
4. Назаркина В. А., Штейнгольц Б. И. Особенности потребительского спроса в гостиничной сфере // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2014. № 2. С. 122–126.
5. Ларионова А. А. Современные тренды и перспективы развития гостиничного бизнеса в Российской Федерации // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 23. С. 43–53.
6. Лелека В. В., Соковнина Н. В. Хостелы как перспективная тенденция развития гостиничного бизнеса // Иннов: электронный научный журнал. 2017. № 1. Режим доступа: <http://www.innov.ru/science/economy/khostely-kak-perspektivnaya-tendents/> (дата обращения: 05.04.2018).
7. Козырева О. А. Туризм 2015: мировые тренды // Вестник Российской международной академии туризма. 2014. № 4. С. 3–7.
8. Кукушкина А. Г. Хостел как центр детско-юношеского образовательного туризма: педагогизация среды // Вестник Новгородского государственного университета. 2016. № 2. С. 63–66.
9. Салманова И. П. Основные аспекты управления социальными гостиницами в гостиничном бизнесе // Вестник Российского университета дружбы народов. 2012. № 2. С. 112–121.

10. Духовная Л. Л. Роль и значение хостелов в процессе повышения привлекательности туристской дестинации на примере г. Москвы // *Сервис в России и за рубежом*. 2014. № 2. С. 17–23. DOI: 10.12737/3583

11. Зинурова Р. И., Бардасова Э. В. Приоритетные направления организации и развития малых предприятий сферы услуг для начинающих бизнесменов // *Вестник экономики, права и социологии*. 2015. № 3. С. 42–44.

THE DEVELOPMENT OF THE HOSTEL MARKET AS A PROMISING AREA OF SMALL BUSINESS

Irina V. Takmasheva^{a, @, ID}; *Sergey G. Tyaglov*^b

^a *Ugra State University, 16, Chekhov St., Khanty-Mansiysk, Russia, 628012*

^b *Rostov State Economic University, 69, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344002*

@ *I_Takmasheva@ugrasu.ru*

^{ID} *https://orcid.org/0000-0002-7422-2744*

Received 03.11.2018. Accepted 26.11.2018.

Keywords: hotel business, competition, pricing, tourism, services

Abstract: The research features the Khanty-Mansiysk hostel market as a promising area of small business. The main objective of the study is to develop practical recommendations for the opening of hostels in the city of Khanty-Mansiysk. To achieve this goal, the following problem issues were studied: foreign experience in the development of hostel market, evaluation of supply and demand for hotel business in Khanty-Mansiysk, pricing in the hotel services market, and business climate for the development of the hostel market. The authors used the methods of statistical and comparative analysis, special methods of economic analysis, as well as the method of strategic planning SWOT-analysis. As a result of the research, the authors formulated proposals for the opening of hostels in Khanty-Mansiysk. The recommendations can be used by entrepreneurs engaged in the local hotel business. The proposals can also be useful to Khanty-Mansiysk administration in developing a strategy for the social and economic development of the municipality.

For citation: Takmasheva I. V., Tyaglov S. G. Razvitie rynka khostelov kak perspektivnoe napravlenie malogo biznesa [The Development of the Hostel Market as a Promising Area of Small Business]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 4 (2018): 137–144. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-137-144

References

1. Starkova G. P., Martyshenko N. S. Malyy biznes v sfere gostinichnogo predprinimatel'stva v Primorskom krae [Small business in the sphere of hotel business in Primorsky Krai]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo = Russian Entrepreneurship*, no. 24 (2012): 243–249.

2. Bazikyan S. A. Rol' regional'nykh brendov v nakoplenii simvolicheskogo kapitala mesta (na primere Velikogo Novgoroda) [The role of regional brands in the accumulation of the symbolic capital of the place (on the example of Veliky Novgorod)]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Questions of theory and practice of journalism*, 6, no. 4 (2017): 592–602. DOI: 10.17150/2308-6203.2017.6(4).592-602

3. Tyaglov S. G., Kushnarenko T. V., Khokhlov A. A., Qeropyan M. A. The development of cluster relations within the state and business structures in terms of strategy of non-primary sector import-substitution. *European Research Studies Journal*, 20, no. 1 (2017): 198–207.

4. Nazarkina V. A., Shteingolts B. I. Osobennosti potrebitel'skogo sprosa v gostinichnoi sfere [Characteristics of consumer demand in the hotel sphere]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniia = Science of man: humanitarian research*, no. 2 (2014): 122–126.

5. Larionova A. A. Sovremennye trendy i perspektivy razvitiia gostinichnogo biznesa v Rossiiskoi Federatsii [Modern trends and prospects for the development of hotel business in the Russian Federation]. *Regional'naya ehkonomika: teoriia i praktika = Regional economy: theory and practice*, no. 23 (2015): 43–53.

6. Leleka V. V., Sokovnina N. V. Khostely kak perspektivnaia tendentsiia razvitiia gostinichnogo biznesa [Hostels as a promising trend in the development of hotel business]. *Innov: ehlektronnyi nauchnyi zhurnal = Innov: electronic scientific journal*, no. 1 (2017). Available at: <http://www.innov.ru/science/economy/khostely-kak-perspektivnaya-tendents//> (accessed 05.04.2018).

7. Kozyreva O. A. Turizm 2015: mirovye trendy [Tourism 2015: world trends]. *Vestnik Rossiiskoi mezhdunarodnoi akademii turizma = Bulletin of the Russian International Academy of Tourism*, no. 4 (2014): 3–7.

8. Kukushkina A. G. Khostel kak tsentr detsko-iunosheskogo obrazovatel'nogo turizma: pedagogizatsiia sredy [The hostel as the center of children's and youthful educational tourism: the pedagogy of the environment]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Novgorod State University*, no. 2 (2016): 63–66.

9. Salmanova I. P. Osnovnye aspekty upravleniia social'nymi gostinitsami v gostinichnom biznese [The main aspects of management of social hotels in the hotel business]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov = Bulletin of the Russian University of Friendship of Peoples*, no. 2 (2012): 112–121.

10. Dukhovnaya L. L. Rol' i znachenie khostelov v protsesse povysheniia privlekatel'nosti turistskoi destinatsii na primere g. Moskvy [The role and importance of hostels in the process of increasing the attractiveness of tourist destination on the example of Moscow]. *Servis v Rossii i za rubezhom = Service in Russia and abroad*, no. 2 (2014): 17–23. DOI: 10.12737/3583

11. Zinurova R. I., Bardasova E. V. Prioritetnye napravleniia organizatsii i razvitiia malykh predpriyatii sfery uslug dlia nachinaiushchikh biznesmenov [Priority directions of organization and development of small enterprises in the sphere of services for novice businessmen]. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii = Bulletin of Economics, Law and Sociology*, no. 3 (2015): 42–44.

УДК 33:377.5

ТИПОЛОГИЯ МОНОГОРОДОВ ПО СТЕПЕНИ ДИВЕРСИФИКАЦИИ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ИНФОРМАЦИОННАЯ БАЗА ПРОЕКТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕРЕПОДГОТОВКИ НАСЕЛЕНИЯ

Лидия Д. Тюличева^{а, @}

^а *Институт проблем региональной экономики Российской академии наук, 190013, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, 38*

[@] *lid-tylicheva@yandex.ru*

Поступила в редакцию 29.01.2018. Принята к печати 29.06.2018.

Ключевые слова:

диверсификация экономики, типология моногородов, профессионально-квалификационная структура населения, потребности градообразующих предприятий, потребности малого бизнеса и населения

Аннотация: В процессе диверсификации экономики моногородов может проявиться противоречие между однородным профессиональным составом населения и потребностью в кадрах с разнообразными профессионально-квалификационными характеристиками. Устранение этого риска лежит в области диверсификации профессионального образования. Задачей исследования явилась диагностика степени диверсификации среднего профессионального образования в моногородах со статусом территории опережающего социально-экономического развития. Определение этой характеристики рассматривалось как определение сформировавшейся к настоящему моменту одной из предпосылок реализации программы развития моногородов. В статье выявлены (методом анализа реализуемых в 2017–2018 учебном году Программ подготовки специалистов среднего звена и Программ подготовки квалифицированных рабочих, служащих) имеющиеся на данный момент различия между моногородами со статусом территории опережающего социально-экономического развития по степени диверсификации среднего профессионального образования. На этой базе разработана и предложена типология моногородов по данному признаку. Данная типология может лечь в основу разработки комплекса стратегий диверсификации среднего профессионального образования для моногородов разного типа. Это, в свою очередь, позволит ввести в программу развития каждого моногорода проект по преобразованию профессионально-квалификационной структуры населения в соответствии с потребностями диверсифицирующейся экономики, что повысит уровень комплексности программы развития моногорода в целом.

Для цитирования: Тюличева Л. Д. Типология моногородов по степени диверсификации среднего профессионального образования как информационная база проектов профессиональной переподготовки населения // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 4. С. 145–156. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-145-156

Введение

Одно из главных направлений комплексного развития моногородов – диверсификация их экономики и структуры занятости населения¹. Преодоление профессиональной моноструктуры неизбежно ставит вопрос о готовности системы профессионального образования организовать переподготовку населения в темпе, соответствующем диверсификации экономики городов.

Анализ результативности мер, принимаемых органами государственной власти по поддержке

моногородов, заставил Счетную палату сделать выводы о фактическом отсутствии систематизированной, сбалансированной и комплексной программы развития моногородов, рассчитанной на долгосрочный период².

Важным направлением повышения комплексности программ развития моногородов нам представляется включение в их состав проектов изменения профессионально-квалификационной структуры населения, это, в свою очередь, требует всестороннего

¹ Паспорт приоритетной программы «Комплексное развитие моногородов». Утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам. Протокол от 30.11.2016. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/hZyh1428KMh69292CtUNqVPPZF1cTAo.pdf> (дата обращения: 10.06.2017).

² В 2016 г. численность занятого населения моногородов сократилась на 288 тыс. человек или на 5 % // Счетная палата Российской Федерации. 18.05.2017. Режим доступа: http://сп.рф/press_center/news/30165 (дата обращения: 10.06.2017).

анализа нынешнего состояния профессионального образования в моногородах.

Настоящее исследование направлено на изучение предпосылок создания и реализации проектов профессиональной переподготовки населения моногородов как неотъемлемой части диверсификации их экономики.

Особенно важно это для моногородов, получивших статус территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), потому что для них (в случае, если этот статус докажет свою эффективность для ускорения развития городов) более вероятен риск острого проявления противоречия между однородным профессиональным составом населения и вызванной диверсификацией городской экономики потребностью в кадрах с разнообразными профессионально-квалификационными характеристиками.

В контексте данной проблемы мы сочли небесполезным выделить типы моногородов по степени диверсификации профессиональных образовательных организаций среднего профессионального образования.

Классификация объектов исследования по определенным признакам является достаточно часто применяемым методом их изучения. При изучении состояния моногородов чаще всего используют их классификации по времени их возникновения, по форме специализации моногорода [1; 2], их социально-экономическому состоянию [1; 2], стадии их жизненного цикла [1–4].

При анализе процессов модернизации моногородов также применялся метод выделения групп, но его объектом могут быть не только моногорода как таковые. Осуществлены, например, типологизации стратегических направлений развития моногородов [2], экономико-математических подходов к моделированию развития моногородов [5], типовых рисков моногородов [6], комплексных инвестиционных планов моногородов [7].

Предлагаемая в данной статье типология моногородов по степени диверсификации профессиональных образовательных организаций среднего профессионального образования строится на анализе состава программ подготовки специалистов среднего звена и программ подготовки квалифицированных рабочих, служащих, реализуемых в техникумах, колледжах и других образовательных организациях среднего профессионального образования (СПО) в 2017–2018 учебном году. Она включает в себя несколько типов и подтипов моногородов.

Типология моногородов по степени диверсификации профессиональных образовательных организаций среднего профессионального образования

1 тип. Моногорода, в которых образовательная инфраструктура состоит из нескольких профессиональных образовательных организаций среднего профессионального образования (ПОО СПО), за счет этого степень диверсификации профессионального образования априори выше, чем в других монопоселениях.

Внутри этого типа можно выделить как минимум три подтипа.

1.1. Моногорода, система СПО которых обнаруживает явную ориентацию на градообразующее предприятие.

Примером может служить г. Набережные Челны. Система СПО моногорода состоит по преимуществу из специализированных ПОО СПО. Образовательных организаций с ярко выраженной диверсификацией мы не обнаружили, разве что ГАПОУ «Камский строительный колледж имени Е. Н. Батенчука» осуществил диверсификацию, введя в перечень своих услуг обучение профессиям *портной* и *швея*.

В то же время система СПО демонстрирует ярко выраженную ориентацию на ПАО «КамАЗ». Это выражается, прежде всего, в деятельности трех крупных профессиональных образовательных организаций – ГАПОУ «Камский государственный автомеханический техникум им. Л. Б. Васильева», ГАПОУ «Набережночелнинский политехнический колледж», ГАПОУ «Технический колледж им. В. Д. Поташова». Партнерские связи с ПАО «КамАЗ», ООО «АвтоЗапчасть КАМАЗ» воплощены в перечне программ подготовки специалистов среднего звена (ППССЗ) и программ подготовки квалифицированных рабочих, служащих (ППКРС) (таблица 1)³.

1.2. Моногорода, система СПО которых обнаруживает достаточную степень диверсификации при сохранении базового комплекса специальностей и профессий, необходимых градообразующему предприятию.

Примером может служить г. Анжеро-Судженск Кемеровской области. Кадры для градообразующей отрасли *добыча и переработка угля* обеспечивает в основном ГПОУ «Анжеро-Судженский горный техникум», для градообразующей компании «НефтеХимСервис» – ГПОУ «Анжеро-Судженский политехнический колледж».

Обе образовательные организации, особенно политехнический колледж, достаточно преуспели и в обслуживании образовательных потребностей

³ Официальный сайт ГАПОУ «Камский государственный автомеханический техникум им. Л. Б. Васильева» Режим доступа: <http://auto-meh.ru/> (дата обращения: 10.06.2017); Официальный сайт ГАПОУ «Набережночелнинский политехнический колледж». Режим доступа: <http://nchpk.ru/> (дата обращения: 10.06.2017); Официальный сайт ГАПОУ «Технический колледж им. В. Д. Поташова». Режим доступа: <http://tehcoll.org/> (дата обращения: 10.06.2017).

для работы вне градообразующих предприятий (таблица 2)⁴.

1.3. Моногорода, в которых диверсификация достигается благодаря структуре городской системы СПО.

К этому подтипу можно отнести, например, г. Юрга Кемеровской области. В структуре СПО просматривается четкое разделение функций кадрового обеспечения.

Во-первых, кадровое обеспечение промышленных предприятий (в первую очередь – предприятия

«Тяжмаш») выполняет ГПОУ «Юргинский техникум машиностроения и информационных технологий»⁵.

Во-вторых, окружающим город сельскохозяйственным предприятиям поставляет обученные кадры ГАПОУ «Юргинский техникум агротехнологий и сервиса»⁶.

В-третьих, кадровое обеспечение организаций, обслуживающих население, осуществляет ГПОУ «Юргинский технологический колледж»⁷.

Таблица 1. Перечень ориентированных на потребности градообразующего предприятия г. Набережные Челны программ подготовки специалистов среднего звена и программ подготовки квалифицированных рабочих, служащих, реализуемых в ПОО СПО моногорода

Table 1. The list of the needs-oriented enterprises of the city of Naberezhnye Chelny, training programs for mid-level specialists and training programs for skilled workers, employees, implemented in the system of secondary vocational education of a single-industry city

Камский государственный автомобильно-механический техникум им. Л. Б. Васильева	Набережночелнинский политехнический колледж	Технический колледж им. В. Д. Поташова
а) 10 ППССЗ: – 08.02.09 Монтаж, наладка и эксплуатация электрооборудования промышленных и гражданских зданий – 09.02.03 Программирование в компьютерных системах – 13.02.11 Техническая эксплуатация и обслуживание электрического и электромеханического оборудования (по отраслям) – 15.02.01 Монтаж и техническая эксплуатация промышленного оборудования (по отраслям) – 15.02.08 Технология машиностроения – 23.02.02 Автомобиле- и тракторостроение – 23.02.03 Техническое обслуживание и ремонт автомобильного транспорта – 23.02.07 Техническое обслуживание и ремонт двигателей, систем и агрегатов автомобилей – 38.02.01 Экономика и бухгалтерский учет (по отраслям) – 38.02.02 Страховое дело (по отраслям) б) 1 ППКРС: – 23.01.17 Мастер по ремонту и обслуживанию автомобилей	а) 4 ППССЗ: – 09.02.02 Компьютерные сети – 13.02.11 Техническая эксплуатация и обслуживание электрического и электромеханического оборудования (по отраслям) – 22.02.06 Сварочное производство – 23.02.03 Техническое обслуживание и ремонт автомобильного транспорта б) 6 ППКРС: – 13.01.10 Электромонтер по ремонту и обслуживанию электрооборудования (по отраслям) – 15.01.05 Сварщик ручной и частично механизированной сварки (наплавки) – 15.01.23 Наладчик станков и оборудования в механообработке – 15.01.25 Станочник (металлообработка) – 15.01.29 Контролер станочных и слесарных работ – 15.01.30 Слесарь	а) 8 ППССЗ: – 09.02.02 Компьютерные сети – 09.02.03 Программирование в компьютерных системах – 09.02.07 Информационные системы и программирование – 15.02.07 Автоматизация технологических процессов и производств (по отраслям) – 15.02.08 Технология машиностроения – 22.02.04 Металловедение и термическая обработка металлов – 23.02.01 Организация перевозок и управление на транспорте (по видам) – 23.02.03 Техническое обслуживание и ремонт автомобильного транспорта б) 1 ППКРС: – 15.01.23 Наладчик станков и оборудования в механообработке

⁴ Официальный сайт ГПОУ «Анжеро-Судженский политехнический колледж». Режим доступа: <http://www.anspk.ru/> (дата обращения: 15.10.2017); Официальный сайт ГПОУ «Анжеро-Судженский горный техникум». Режим доступа: <http://a-sgt.ru/> (дата обращения: 10.06.2017).

⁵ Официальный сайт ГПОУ «Юргинский техникум машиностроения и информационных технологий». Режим доступа: <http://z75999.infobox.ru/> (дата обращения: 10.06.2017).

⁶ Официальный сайт ГАПОУ «Юргинский техникум агротехнологий и сервиса». Режим доступа: <http://ютаис.рф/> (дата обращения: 10.06.2017).

⁷ Официальный сайт ГПОУ «Юргинский технологический колледж». Режим доступа: <https://ytk.edu.ru/basic-information/> (дата обращения: 10.06.2017).

Таблица 2. Перечень программ подготовки специалистов среднего звена и программ подготовки квалифицированных рабочих, служащих, реализуемых в ПОО СПО моногорода Анжеро-Судженск
Table 2. The list of training programs for mid-level specialists and training programs for skilled workers, employees, implemented in the in the system of secondary vocational education of Anzhero-Sudzhensk

Градообразующее предприятие / отрасль	Образовательные программы, обслуживающие потребности	
	преимущественно градообразующего предприятия	преимущественно горожан и других организаций
Компания «НефтеХимСервис» / добыча и переработка угля	<i>Анжеро-Судженский горный техникум</i>	
	а) 3 ППССЗ: – 13.02.11 Техническая эксплуатация и обслуживание электрического и электромеханического оборудования (горная отрасль) – 21.02.15 Открытые горные работы – 21.02.17 Подземная разработка месторождений полезных ископаемых б) 0 ППКРС	а) 3 ППССЗ: – 09.02.01 Компьютерные системы и комплексы – 13.02.11 Техническая эксплуатация и обслуживание электрического и электромеханического оборудования (по отраслям) – 15.02.08 Технология машиностроения б) 0 ППКРС
	<i>Анжеро-Судженский политехнический колледж</i>	
	а) 2 ППССЗ: – 15.02.01 Монтаж и техническая эксплуатация промышленного оборудования (по отраслям) – 18.02.09 Переработка нефти и газа б) 0 ППКРС	а) 4 ППССЗ: – 19.02.01 Биохимическое производство – 20.02.01 Рациональное использование природоохозяйственных комплексов – 33.02.01 Фармация – 39.02.01 Социальная работа б) 3 ППКРС: – 15.01.05 Сварщик ручной и частично механизированной сварки (наплавки) – 19.01.17 Повар, кондитер – 23.01.03 Автомеханик

2 тип и 3 тип монопоселений – это города с небольшим (чаще всего один-два) ПОО СПО. Именно они находятся в фокусе внимания в данной статье.

2 тип. Моногорода с небольшим числом ПОО СПО с довольно значительной диверсификацией СПО и профессиональной подготовки. Часто имеют единственную ПОО СПО в форме многопрофильной образовательной организации, работающей в основном на потребности мелкого бизнеса и населения территории и в то же время продолжающей обслуживать кадровые потребности градообразующего предприятия.

Если в городе функционируют другие ПОО СПО, то их масштаб не настолько значителен, чтобы город можно было отнести к первой группе моногородов. Иными словами, диверсификационные процессы в среднем профессиональном образовании города протекают в основном за счет усилий образовательной организации, некогда ориентированной на градообразующее предприятие, а во многих случаях и созданной ради него.

Критерий отнесения моногорода в данной группе – число ППССЗ и ППКРС для кадрового обеспечения градообразующего предприятия ниже, чем число программ для населения и прочих организаций города.

Ниточка, связывающая ПОО СПО с угасающим градообразующим предприятием, становится все тоньше.

Процессы частичного репрофилирования и диверсификации профессионального образования проявляются не только через изменение структуры направлений подготовки. У СОГБПОУ «Верхнеднепровский технологический техникум» для Дорогобужского завода азотных удобрений предназначены две специальности, а для строительных организаций – лишь одна. Зато присутствие специальности *Строительство и эксплуатация зданий* и сооружений приобрело такую значимость для внешнего имиджа техникума, что он вошел в образовательно-производственный кластер строительства и городского хозяйства Смоленской области.

Для того чтобы провести более четкое разделение на подтипы этой довольно однородной на первый взгляд группы городов, мы ввели дополнительную дифференциацию ППССЗ и ППКРС, выделив три группы:

1 группа – образовательные программы, обслуживающие потребности градообразующего предприятия, это специфические отраслевые программы, выпускникам которых трудно найти работу за стенами градообразующего предприятия;

2 группа – образовательные программы, обслуживающие потребности градообразующего предприятия, горожан и других организаций; человек с таким образованием может оказаться востребованным и на градообразующем, и на любом промышленном предприятии;

3 группа – образовательные программы, обслуживающие потребности горожан и других организаций; с таким образованием человек, скорее всего, будет работать в самых разнородных организациях, а не на градообразующем предприятии.

На основании соотношения этих трех типов программ в ПОО СПО выделены следующие подтипы.

2.1. Подгруппа моногородов, в которых наиболее ярко выражена переориентация на образовательные программы, обслуживающие потребности горожан и других организаций (3 группа, таблица 3)⁸.

2.2. Подтип моногородов, в которых наиболее полно выражена переориентация на образовательные программы, способные обслуживать потребности как градообразующего предприятия, так и горожан и других организаций (2 группа, таблица 4)⁹.

2.3. Подгруппа моногородов, в которых примерно в равной мере выражена переориентация на образовательные программы, обслуживающие потребности градообразующего предприятия, горожан и других организаций (2 группа) и образовательные программы, обслуживающие потребности горожан и других организаций (3 группа, таблица 5)¹⁰.

3 тип. Моногорода, в которых диверсификация среднего профессионального образования выражена слабо.

Зачастую это обусловлено тем, что функционирующая в городе ПОО СПО, некогда успешно справлявшаяся с кадровым обеспечением градообразующего предприятия, сдала свои позиции вместе с этим предприятием и либо сократила, либо вообще прекратила подготовку специалистов среднего звена, квалифицированных рабочих и служащих для градообразующего предприятия.

В то же время нельзя сказать, что она переключилась на полноценное обслуживание других сегмен-

тов локального рынка труда и предлагает широкий выбор образовательных услуг.

Чаще всего образовательные организации этого типа не делают никаких усилий по диверсификации, либо они делают один-два шага в этом направлении.

3.1. Монопоселения, свернувшие подготовку по большинству прежних образовательных программ и добавившие незначительное число новых программ, не связанных с градообразующим предприятием, либо не сумевшие добавить ни одной.

Рассмотрим несколько примеров.

ГПОУ «Княжпогостский политехнический техникум»¹¹, функционирующий в моногороде Емва Княжпогостского района Республики Коми, долгие годы (в статусе школы ФЗО, технического училища, ПТУ, техникума) специализировался на подготовке кадров для лесозаготовительных предприятий. Подготовка проводилась по довольно широкому кругу профессий, список которых периодически обновлялся и в разные годы включал в себя профессии мотористов электропил и электростанций, плотников, слесарей-механиков, автослесарей, токарей по металлу, водителей автомобилей. В настоящее время образовательная организация прекратила подготовку по большинству этих профессий, оставив только 23.01.03 *Автомеханик*, а процесс диверсификации выразился в появлении ОПОП 38.01.02 *Продавец, контролёр-кассир*.

Связи техникума с Княжпогостским заводом древесноволокнистых плит (ООО «Плитный мир») не прерваны, но градообразующее предприятие не занимает первую строку в списке работодателей для выпускников-автомехаников.

Что касается введения подготовки кадров для розничной торговли, то выбор Княжпогостским политехническим техникумом именно этого варианта диверсификации, видимо, был обусловлен устойчивым спросом на эту группу профессий.

Похожую модель диверсификации реализовал ГАПОУ РБ «Политехнический техникум» (таблица 6).

⁸ Официальный сайт ГБПОУ «Бакальский техникум профессиональных технологий и сервиса имени М. Г. Ганиева». Режим доступа: <http://btptris.bakal1.ru/> (дата обращения: 10.06.2017).

⁹ Официальный сайт СОГБПОУ «Верхнеднепровский технологический техникум». Режим доступа: <https://vt-tehnikum.edu.ru/> (дата обращения: 10.06.2017); Официальный сайт Зеленодольского института машиностроения и информационных технологий (филиал) КНИТУ-КАИ, отделение СПО. Режим доступа: <http://www.zfkai.ru/index.php/univer> (дата обращения: 10.06.2017); Официальный сайт ГАПОУ «Зеленодольский механический колледж». Режим доступа: <http://www.zelmex.ru/> (дата обращения: 10.06.2017).

¹⁰ Официальный сайт КОГПОБУ «Вятско-Полянский механический техникум». Режим доступа: <http://www.vpmt.ru/> (дата обращения: 10.06.2017); Официальный сайт ГБПОУ РО «Гуковский строительный техникум». Режим доступа: <http://gst-gukovo.ru/> (дата обращения: 10.06.2017); Официальный сайт ГБОУ СПО РК «Кондопожский техникум». Режим доступа: <http://www.py15.ru/> (дата обращения: 10.06.2017); Официальный сайт Рузаевского отделения ГБПОУ РМ «Саранский политехнический техникум». Режим доступа: <https://rzspt.ru/> (дата обращения: 10.06.2017); Официальный сайт ГБПОУ «Чусовской индустриальный техникум». Режим доступа: <http://chusteh.ru/> (дата обращения: 10.06.2017).

¹¹ Официальный сайт ГПОУ «Княжпогостский политехнический техникум». Режим доступа: kptemva11.ru (дата обращения: 10.06.2017).

Подобная практика – ориентироваться на массовую профессию, спрос на которую могут предъявлять организации самого разного масштаба, – весьма продуктивна в условиях диверсификации экономики моногорода, поскольку в этих условиях мелкий бизнес неизбежно активизируется.

Несколько иной подход к диверсификации среднего образования демонстрирует ТОГБПОУ «Котовский индустриальный техникум»¹².

Образованное летом 1940 г. учебное заведение сразу же приступило к подготовке техников-электриков и техников-технологов для базового предприятия – завода пластмасс, позднее выпускало специалистов-техников: химиков-технологов, авиаприбористов, электриков, механиков, по полупроводниковым приборам, по технологии лаков и красок, радиоэлектронщиков.

Таблица 3. Примеры моногородов подтипа 2.1
Table 3. Examples of single-industry towns of subtype 2.1

Моногород / градообразующее предприятие	Образовательные программы, обслуживающие потребности		
	градообразующего предприятия (1 группа)	градообразующего предприятия, горожан и других организаций (2 группа)	горожан и других организаций (3 группа)
Бакал (Челябинская обл.) / ООО «Бакальское рудоуправление»	<i>Бакальский техникум профессиональных технологий и сервиса имени М. Г. Ганиева</i>		
	а) 1 ППССЗ: – 21.02.18 Обогащение полезных ископаемых б) 0 ППКРС	а) 1 ППССЗ: – 23.02.03 Техническое обслуживание и ремонт автомобильного транспорта б) 1 ППКРС: – 23.01.03 Автомеханик	а) 5 ППССЗ: – 08.02.01 Строительство и эксплуатация зданий и сооружений – 19.02.10 Технология продукции общественного питания – 38.02.05 Товароведение и экспертиза качества потребительских товаров – 43.02.10 Туризм – 43.02.11 Гостиничный сервис б) 1 ППКРС: – 19.01.17 Повар, кондитер

Таблица 4. Примеры моногородов подтипа 2.2
Table 4. Examples of single-industry towns of subtype 2.2

Моногород / градообразующее предприятие	Образовательные программы, обслуживающие потребности		
	градообразующего предприятия (1 группа)	градообразующего предприятия, горожан и других организаций (2 группа)	горожан и других организаций (3 группа)
Дорогобуж (Смоленская область) / ОАО «Дорогобуж» (завод азотных удобрений)	<i>Верхнеднепровский технологический техникум</i>		
	а) 2 ППССЗ: – 18.02.03 Химическая технология неорганических веществ – 18.02.12 Технология аналитического контроля химических соединений б) 0 ППКРС	а) 2 ППССЗ: – 23.02.03 Техническое обслуживание и ремонт автомобильного транспорта – 23.02.07 Техническое обслуживание и ремонт двигателей, систем и агрегатов автомобилей б) 3 ППКРС: – 15.01.05 Сварщик (электросварочные и газосварочные работы) – 23.01.17 Мастер по ремонту и обслуживанию автомобилей – 23.01.03 Автомеханик	а) 3 ППССЗ: – 08.02.01 Строительство и эксплуатация зданий и сооружений – 19.02.10 Технология продукции общественного питания – 43.02.15 Поварское и кондитерское дело б) 0 ППКРС

¹² Официальный сайт ТОГБПОУ «Котовский индустриальный техникум». Режим доступа: kit68.ru (дата обращения: 10.06.2017).

Моногород / градообразующее предприятие	Образовательные программы, обслуживающие потребности		
	градообразующего предприятия (1 группа)	градообразующего предприятия, горожан и других организаций (2 группа)	горожан и других организаций (3 группа)
Зеленодольск (Республика Татарстан) / ПАО «Зеленодольский судостроительный завод им. Горького»	<i>Зеленодольский институт машиностроения и информационных технологий (филиал) КНИТУ-КАИ, отделение СПО</i>		
	а) 3 ППССЗ: – 26.02.02 Судостроение – 26.02.04 Монтаж и техническое обслуживание судовых машин и механизмов – 26.02.06 Эксплуатация судового электрооборудования и средств автоматики б) 1 ППКРС: – 26.01.01 Судостроитель-судоремонтник металлических судов	а) 2 ППССЗ: – 09.02.03 Программирование в компьютерных системах – 15.02.08 Технология машиностроения б) 3 ППКРС: – 15.01.05 Сварщик (электросварочные и газосварочные работы) – 15.01.26 Токарь-универсал – 23.01.03 Автомеханик	а) 1 ППССЗ: – 38.02.01 Экономика и бухгалтерский учет (по отраслям) б) 1 ППКРС: – 08.01.08 Мастер отделочных строительных работ
	<i>Зеленодольский механический колледж</i>		
а) 1 ППКРС: – 26.01.01 Судостроитель-судоремонтник металлических судов б) 0 ППКРС	а) 4 ППССЗ: – 15.02.07 Автоматизация технологических процессов и производств (по отраслям) – 23.02.03 Техническое обслуживание и ремонт автомобильного транспорта – 09.02.03 Программирование в компьютерных системах – 38.02.03 Операционная деятельность в логистике б) 0 ППКРС	а) 2 ППКРС: – 19.01.17 Повар, кондитер – 35.01.13 Тракторист-машинист сельскохозяйственного производства б) 0 ППКРС	

Таблица 5. Примеры моногородов подтипа 2.3

Table 5. Examples of single-industry towns of subtype 2.3

Моногород / градообразующее предприятие	Образовательные программы, обслуживающие потребности		
	градообразующего предприятия (1 группа)	градообразующего предприятия, горожан и других организаций (2 группа)	горожан и других организаций (3 группа)
Вятские поляны (Кировская обл.) / ОАО «Вятско-Полянский машиностроительный завод "Молот"»	<i>Вятско-Полянский механический техникум</i>		
	а) 1 ППССЗ: – 15.02.08 Технология машиностроения б) 1 ППКРС: – 15.01.23 Наладчик станков и оборудования в механообработке	а) 6 ППССЗ: – 13.02.11 Техническая эксплуатация и обслуживание электрического и электромеханического оборудования (по отраслям) – 22.02.06 Сварочное производство – 23.02.03 Техническое обслуживание и ремонт автомобильного транспорта – 09.02.07 Информационные системы и программирование – 09.02.05 Прикладная информатика (по отраслям)	а) 0 ППССЗ б) 2 ППКРС: – 08.01.08 Мастер отделочных строительных работ – 19.01.17 Повар, кондитер

Моногород / градообразующее предприятие	Образовательные программы, обслуживающие потребности		
	градообразующего предприятия (1 группа)	градообразующего пред- приятия, горожан и других организаций (2 группа)	горожан и других организаций (3 группа)
Вятские поляны (Кировская обл.) / ОАО «Вятско-Полян- ский машинострои- тельный завод "Молот"»		– 38.02.01 Экономика и бух- галтерский учет (по отраслям) б) 1 ППКРС: – 15.01.04 Наладчик свароч- ного и газоплазморезательного оборудования	
	<i>Гуманитарный колледж</i>		
	а) 0 ППССЗ б) 0 ППКРС	а) 0 ППССЗ б) 0 ППКРС	а) 4 ППССЗ: – 38.02.01 Экономика и бух- галтерский учет (по отраслям) – 38.02.07 Банковское дело – 40.02.01 Право и организа- ция социального обеспечения – 44.02.01 Дошкольное образование б) 0 ППКРС
Гуково (Ростовская обл.) / Строительные организации моного- рода	<i>Гуковский строительный техникум</i>		
	а) 1 ППССЗ: – 08.02.01 Строительство и эксплуатация зданий и сооружений б) 1 ППКРС: – 08.01.07 Мастер обще- строительных работ	а) 1 ППССЗ: – 09.02.04 Информационные системы (по отраслям) б) 0 ППКРС	а) 1 ППССЗ: – 19.02.10 Технология производства общественного питания б) 1 ППКРС: – 43.01.09 Повар, кондитер
Кондопога (Республи- ка Карелия) / ЦБК (ОАО «Кондопога»)	<i>Кондопожский техникум</i>		
	а) 1 ППССЗ: – 35.02.04 Технология комплексной переработки древесины б) 1 ППКРС: – 35.01.06 Машинист машин по производству бумаги и картона	а) 1 ППССЗ: – 15.02.01 Монтаж и тех- ническая эксплуатация про- мышленного оборудования (по отраслям) б) 2 ППКРС: – 13.01.10 Электромонтер по ремонту и обслуживанию электрооборудования (по отраслям) – 23.01.03 Автомеханик	а) 2 ППКРС: – 19.01.17 Повар, кондитер – 23.01.06 Машинист дорож- ных и строительных машин б) 0 ППКРС
Рузаевка (Республика Мордовия) / ОАО «Рузхиммаш»	<i>Рузаевское отделение Саранского политехнического техникума</i>		
	а) 1 ППССЗ: – 15.02.08 Технология машиностроения б) 0 ППКРС	а) 2 ППССЗ: – 09.02.04 Информационные системы (по отраслям) – 22.02.06 Сварочное производство б) 1 ППКРС: – 15.01.05 Сварщик (элек- тросварочные и газосвароч- ные работы)	а) 2 ППССЗ: – 38.02.01 Экономика и бух- галтерский учёт (по отраслям) – 40.02.01 Право и организация социального обеспечения б) 1 ППКРС: – 19.01.17 Повар, кондитер

Моногород / градообразующее предприятие	Образовательные программы, обслуживающие потребности		
	градообразующего предприятия (1 группа)	градообразующего предприятия, горожан и других организаций (2 группа)	горожан и других организаций (3 группа)
Чусовой (Пермский край) / ОАО «Чусовской металлургической завод»	<i>Чусовской индустриальный техникум</i>		
	а) 2 ППССЗ: – 22.02.01 Металлургия чёрных металлов – 22.02.05 Обработка металлов давлением	а) 3 ППССЗ: – 15.02.01 Монтаж и техническая эксплуатация промышленного оборудования (по отраслям) – 23.02.03 Техническое обслуживание и ремонт автомобильного транспорта – 38.02.01 Экономика и бухгалтерский учет (по отраслям) б) 0 ППКРС	а) 3 ППССЗ: – 08.02.01 Строительство и эксплуатация зданий и сооружений – 13.02.11 Техническая эксплуатация и обслуживание электрического и электромеханического оборудования (по отраслям) – 44.02.01 Дошкольное образование б) 0 ППКРС

Таблица 6. Примеры моногородов 3 типа
Table 6. Examples of single-industry towns of type 3

Моногород / градообразующее предприятие	Образовательная инфраструктура, обслуживающая потребности		
	градообразующего предприятия	градообразующего предприятия, горожан и других организаций	горожан и других организаций
Емва / ООО «Плитный мир»	<i>Княжпогостский политехнический техникум</i>		
	а) 0 ППССЗ б) 0 ППКРС	а) 1 ППССЗ: – 23.01.03 Автомеханик б) 0 ППКРС	а) 0 ППССЗ б) 1 ППКРС: – 38.01.02 Продавец, контролёр-кассир
Селенгинск (Бурятия) / ОАО «Селенгинский ЦКК»	<i>Политехнический техникум</i>		
	а) 1 ППССЗ: – 35.02.04 Технология комплексной переработки древесины б) 0 ППКРС	а) 2 ППССЗ: – 09.02.05 Прикладная информатика (по отраслям) – 13.02.07 Электроснабжение (по отраслям) б) 1 ППКРС: – 15.01.05 Сварщик (электросварочные и газосварочные работы)	а) 1 ППССЗ: – 19.02.10 Технология продукции общественного питания б) 0 ППКРС
Котовск (Тамбовская обл.) / ФКП «Тамбовский пороховой завод»	<i>Котовский индустриальный техникум</i>		
	а) 2 ППССЗ: – 18.02.07 Технология производства и переработки пластических масс и эластомеров – 18.02.06 Химическая технология органических веществ б) 0 ППКРС	а) 5 ППССЗ: – 09.02.02 Компьютерные сети – 09.02.03 Программирование в компьютерных системах – 13.02.11 Техническая эксплуатация и обслуживание электрического и электромеханического оборудования (по отраслям) – 15.02.01 Монтаж и техническая эксплуатация промышленного оборудования (по отраслям) – 38.02.01 Экономика и бухгалтерский учет (по отраслям) б) 0 ППКРС	а) 1 ППССЗ: – 19.02.08 Технология мяса и мясных продуктов б) 0 ППКРС

Моногород / градообразующее предприятие	Образовательная инфраструктура, обслуживающая потребности		
	градообразующего предприятия	градообразующего предприятия, горожан и других организаций	горожан и других организаций
Кумертау (Республика Башкортостан)	«Авиационный технический колледж» – отделение СПО филиала УГАТУ		
	а) 1 ППССЗ: – 24.02.01 Производство летательных аппаратов	а) 4 ППССЗ: – 09.02.04 Информационные системы (по отраслям) – 13.02.11 Техническая экс- плуатация и обслуживание электрического и электроме- ханического оборудования (по отраслям) – 15.02.08 Технология машиностроения – 22.02.06 Сварочное производство	а) 0 ППССЗ б) 0 ППКРС

Традиция кадрового обеспечения производства пластмасс сохранена (как и связи с градообразующим предприятием ФКП «Тамбовский пороховой завод») как общая «промышленная» направленность подготовки. На этом довольно однородном фоне появление нового направления 19.02.08 *Технология мяса и мясных продуктов* можно считать несколько неожиданным. Отнести его к массовым профессиям трудно и объяснить решимость техникума готовить специалистов по производству мяса и пищевых субпродуктов в охлажденном и в замороженном виде можно, скорее всего, выгодой сотрудничества с крупной фирмой ООО «Тамбовский бекон».

Подобная практика принятия решений о диверсификации профессионального образования под конкретного потребителя также весьма эффективна, если в моногород придет резидент ТЭСЭР со специфическими кадровыми потребностями.

3.2. Моногорода, в которых структура системы СПО не подверглась диверсификации, ведущее ПОО СПО по-прежнему обслуживает успешное градообразующее предприятие и сохранило свой профиль.

В рамках этого типа существуют ПОО СПО, у которых отсутствуют даже попытки диверсификации среднего профессионального образования, настолько прочны связи с благополучным градообразующим предприятием, как, например, «Авиационный технический колледж» – отделение СПО филиала ФГБОУ ВО «УГАТУ» (таблица 6)¹³.

4 тип. Монопоселения, не имеющие ПОО СПО. Примером может служить п. Надвоицы (Республика Карелия).

Заключение

Завершая статью, представим полученную в результате типологию моногородов.

1 тип. Моногорода, в которых образовательная инфраструктура состоит из нескольких ПОО СПО.

1.1. Моногорода, система СПО которых обнаруживает явную ориентацию на градообразующее предприятие.

1.2. Моногорода, система СПО которых обнаруживает достаточную степень диверсификации, при сохранении базового комплекса специальностей и профессий, необходимых градообразующему предприятию.

1.3. Моногорода, в которых диверсификация достигается благодаря структуре городской системы СПО.

2 тип. Моногорода с небольшим числом ПОО СПО с довольно значительной диверсификацией среднего профессионального образования и профессиональной подготовки. СПО работает на потребности мелкого бизнеса и населения территории, но в то же время продолжает обслуживать сужающиеся кадровые потребности градообразующего предприятия.

2.1. Подгруппа моногородов, в которых наиболее ярко выражена переориентация на образовательные программы, обслуживающие потребности горожан и других организаций.

¹³ Официальный сайт ГПОУ «Княжпогостский политехнический техникум». Режим доступа: kptemva11.ru (дата обращения: 10.06.2017); Официальный сайт ГАПОУ РБ «Политехнический техникум». Режим доступа: http://sel-politech.ru/node/37 (дата обращения: 10.06.2017); Официальный сайт ТОГБПОУ «Котовский индустриальный техникум». Режим доступа: kit68.ru (дата обращения: 10.06.2017); Официальный сайт «Авиационный технический колледж» – отделение СПО филиала ФГБОУ ВО «УГАТУ». Режим доступа: https://atk.kumugatu.ru/ (дата обращения: 10.06.2017).

2.2. Подгруппа моногородов, в которых наиболее полно выражена переориентация на образовательные программы, способные обслуживать потребности как градообразующего предприятия, так и горожан и других организаций.

2.3. Подгруппа моногородов, в которых примерно в равной мере выражена переориентация на образовательные программы, обслуживающие потребности градообразующего предприятия, горожан и других организаций (2 группа) и образовательные программы, обслуживающие потребности горожан и других организаций (3 группа).

3 тип. Моногорода, в которых диверсификация среднего профессионального образования выражена слабо.

3.1. Монопоселения, свернувшие подготовку по большинству прежних образовательных программ и добавившие незначительное число новых программ, не связанных с градообразующим предприятием, либо не сумевшие добавить ни одной.

3.2. Моногорода, в которых структура системы СПО не подверглась диверсификации, ведущее ПОО СПО по-прежнему обслуживает успешное градообразующее предприятие и сохранило свой стиль.

4 тип. Монопоселения, не имеющие ПОО СПО.

Литература

1. Чалдаева Л. А., Скиданова Ю. В. Критериально-методический подход к классификации моногородов: теория и практика // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 4. С. 4–18.
2. Ильина И. Н., Плисецкий Е. Е., Молодцов А. В., Лепский В. Е., Резникова Е. В., Турков А. В., Шеряй К. И. Развитие моногородов России. М.: Финансовый университет, 2013. 168 с.
3. Тургель И. Д. Теоретико-методологические аспекты исследования жизненного цикла города // Вопросы управления. 2008. № 3. С. 94–104.
4. Дулесов А. Н., Бехтерев Д. В. Классификация моногородов по их жизненному циклу // Фундаментальные исследования. 2015. № 10-1. С. 161–165.
5. Кутергина Г. В., Лапин А. В. Управление развитием моногородов: отечественные и зарубежные подходы к моделированию // Вестник Пермского университета. 2015. № 3. С. 69–77.
6. Шаститко А. Е., Фатизова А. Ф. Моногорода: новый взгляд на старую проблему // Балтийский регион. 2015. № 1. С. 7–35.
7. Тюличева Л. Д. Формирование проектов профессиональной переподготовки населения в условиях диверсификации экономики моногородов // Экономика и управление. 2017. № 7. С. 45–50.

TYPOLOGY OF SINGLE-INDUSTRY TOWNS ACCORDING TO THE DEGREE OF DIVERSIFICATION OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION AS AN INFORMATION BASE OF PROFESSIONAL RETRAINING PROJECTS

Lidiia D. Tylicheva^{a, @}

^a *Institute of Problems of Regional Economics of the Russian Academy of Sciences, 38, Serpukhovskaya St., Saint-Petersburg, Russia, 190013*

[@] *lid-tylicheva@yandex.ru*

Received 29.01.2018. Accepted 29.06.2018.

Keywords:

diversification of economy, typology of single-industry towns, vocational qualification structure of the population, the needs of city-forming enterprises, the needs of small business and population

Abstract: In the process of diversifying the economy of single-industry towns, a contradiction may appear between the homogeneous professional composition of the population and the need for personnel with diverse professional and qualification characteristics. Elimination of this risk lies in the field of diversification of vocational education.

The task of the study was to diagnose the degree of diversification of secondary vocational education in single-industry towns with the status of a territory of advanced socio-economic development. The definition of this characteristic was considered as the definition formed to date, one of the prerequisites for the implementation of the program for the development of single-industry towns.

The present research features the existing differences between single-industry cities with the status of territory of advanced socio-economic development in terms of the degree of diversification of secondary vocational education. The authors analyzed the

mid-level training programs and programs for training skilled workers and employees that are being implemented in the 2017/18 school year. On this basis, a typology of single-industry towns was developed and proposed.

This typology can form the basis for the development of a set of strategies for the diversification of free software for single-industry towns of different types. This, in turn, will make it possible to introduce into the development program of each single-industry town a project to transform the vocational qualification structure of the population in accordance with the needs of a diversifying economy, which will increase the level of complexity of the program for developing a single-industry town as a whole.

For citation: Tyulicheva L. D. Tipologiya monogorodov po stepeni diversifikatsii srednego professional'nogo obrazovaniia kak informatsionnaia baza proektov professional'noi perepodgotovki naseleniia [Typology of single-industry towns according to the degree of diversification of secondary vocational education as an information base of professional retraining projects]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 4 (2018): 145–156. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-145-156

References

1. Chaldayeveva L. A., Skidanova Yu.V. Kriterial'no-metodicheskii podkhod k klassifikatsii monogorodov: teoriia i praktika [A criterion and methodological approach to the classification of single-industry towns: theory and practice]. *Regional'naia ekonomika: teoriia i praktika = Regional economy: theory and practice*, no. 4 (2016): 4–18.
2. Il'ina I. N., Plisetskii Ye. Ye., Molodtsov A. V., Lepskiy V. Ye., Reznikova Ye. V., Turkov A. V., Sheryay K. I. *Razvitiie monogorodov Rossii* [Development of single-industry towns in Russia]. Moscow: Finansovyi universitet, 2013, 168.
3. Turgel' I. D. Teoretiko-metodologicheskie aspekty issledovaniia zhiznennogo tsikla goroda [Theoretical and methodological aspects of research of the city's life cycle]. *Voprosy upravleniia = Management issues*, no. 4 (2008): 49–104.
4. Dulesov A. N., Bekhterev D. V. Klassifikatsiia monogorodov po ikh zhiznennomu tsiklu [Classification of single-industry towns by their life cycle]. *Fundamental'nyye issledovaniia = Fundamental research*, no. 10-1 (2015): 161–165.
5. Kutergina G. V., Lapin A. V. Upravlenie razvitiem monogorodov: otechestvennye i zarubezhnye podkhody k modelirovaniu [Managing the development of single-industry towns: domestic and foreign approaches to modeling]. *Vestnik Permskogo universiteta = Bulletin of Perm University*, no. 3 (2015): 69–77.
6. Shastitko A. Ye., Fatizova A. F. Monogoroda: novyi vzglyad na staruyu problemu [Monotown: a new take on the old problem]. *Baltiyskiy region = Baltic region*, no. 1 (2015): 7–35.
7. Tyulicheva L. D. Formirovanie proektov professional'noi perepodgotovki naseleniia v usloviakh diversifikatsii ekonomiki monogorodov [Occupational Retraining Projects for Economic Diversification of Monotowns]. *Ekonomika i upravlenie = Economy and management*, no. 7 (2017): 45–50.

УДК 330.34;334.02;338.24+658+628.1+004

АНАЛИЗ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ ИННОВАЦИОННОГО УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИЯМИ ГОРОДСКОГО ВОДОХОЗЯЙСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА

Каринэ А. Фонтана^а, @, ID¹; Баграт А. Ерзнкян^а, ID²

^а Центральный экономико-математический институт Российской академии наук, 117418, Россия, г. Москва, пр. Нахимовский, 47

@ fontana@mail.ru

ID¹ <http://www.researcherid.com/rid/Q-9991-2016>

ID² <http://www.researcherid.com/rid/B-7774-2018>

Поступила в редакцию 03.11.2018. Принята к печати 26.11.2018.

Ключевые слова:

устойчивое развитие городов, водные, инструменты управления, зарубежный опыт, экосистема

Аннотация: Обсуждаются актуальные проблемы выработки адекватной политики в области городского водоснабжения с учетом урбанизации и удовлетворения требований экосистемы. **Предмет.** Анализ информационных систем инновационного управления организациями городского водохозяйственного комплекса с позиций возможности повторного использования водных ресурсов и стоков. **Цель.** Выявление особенностей информационных систем с точки зрения их использования в российской практике обеспечения устойчивого водоснабжения городов. **Метод или методология.** Использованы аналитические и логические методы, теоретические наработки в области управления организациями городского хозяйства. **Результаты работы.** Выявлены инструменты стратегии устойчивого городского водоснабжения. Показано, что отсутствие всеобъемлющей и надежной информации для поддержки стратегического развития, разработки политики и принятия управленческих решений является сдерживающим фактором его развития. На основе анализа информационных систем выявлены актуальные вопросы, требующие решения на различных уровнях. Предложены принципы, на которых должна базироваться политика в области городского водоснабжения. **Область применения результатов.** Результаты работы могут быть использованы органами исполнительной власти и всех заинтересованных структур, имеющих отношение к развитию городского водохозяйственного комплекса. **Выводы.** Обосновано, что устойчивое развитие городов неразрывно связано с решением проблемы водоснабжения, в том числе за счет повторного использования водных ресурсов и стоков. Разработаны положения, которым должна удовлетворять стратегия устойчивого городского водоснабжения, что положительно скажется на экосистеме. Выявлены особенности информационных систем и показаны возможности их использования в отечественной практике городского водоснабжения.

Для цитирования: Фонтана К. А., Ерзнкян Б. А. Анализ информационных систем инновационного управления организациями городского водохозяйственного комплекса // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 4. С. 157–163. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-157-163

Введение: инструменты управления городским водным хозяйством

Информационные системы (ИС) снабжают органы управления городским хозяйством (ГХ) разнообразными видами информации, без знания которых эффективное управление оказывается невозможным. Города – это густонаселенные концентрированные центры производства товаров и услуг и в качестве отрицательных внешних (побочных) эффектов также и производства твердых отходов и стоков. Мировая урбанизация происходит

беспрецедентными темпами, что влечет за собой увеличение водопотребления и расширение инфраструктуры для обеспечения городов водой, оказывая существенное давление на городские водные ресурсы (ВР). С другой стороны, ограниченность пресных источников воды, их загрязнение предъявляют новые требования к эффективному и разумному использованию и управлению водными ресурсами в ГХ.

В Дублинском Заявлении (1992) отмечается: «Чрезмерное водопотребление и безрассудный

сброс муниципальных и промышленных отходов привело к водному кризису, который ощущается в большинстве крупных городов мира, и является критическим. Рост городского населения ведет к сокращению запасов воды и увеличению загрязнения окружающей среды из-за истощения и деградации природных водных источников, вызванных расточительством прошлых лет»¹.

Через многоуровневую схему информационных сигналов в сложной экономической систем, коей, безусловно, является ГХ, происходит институциональное вмешательство в экономику, которое для того, чтобы быть успешным, «должно распространяться и вширь, и вглубь и привести к определенным фундаментальным изменениям в общественных отношениях и личных устремлениях» [1, с. 386].

Сложный комплекс проблем, связанных с устойчивым обеспечением городов ВР, требует разработки комплексного подхода, выработки долгосрочной стратегии, применения практик инновационного управления водным хозяйством, разработки и внедрения ИС, создания надежных источников поставки ВР для нужд города и населения. В этом контексте способность реагировать на растущие риски для ВР может быть усилена, помимо прочего, за счет более широкого внедрения повторного использования (ПИ) очищенных сточных вод (ОСВ)² [2], которые могут служить в качестве надежного источника воды определенного качества в необходимом объеме (кроме случаев, где требуется исключительно питьевая вода). Важно, что ПИ ОСВ уменьшает объем сброса стоков, что положительно влияет на экосистему [3].

Во многих странах мира ПИ ОСВ рассматривается как неотъемлемая часть стратегии устойчивого городского водоснабжения, неотъемлемыми инструментами которой должны быть:

1. Создание надлежащих институциональных рамок с четким распределением обязанностей между властями и секторами, так, чтобы функции задействованных структур не перекрывались.

2. Создание независимого регулирующего органа, уполномоченного вести не только анализ текущей ситуации в городе (в т. ч. касательно состояния ВР, их качества, обеспеченности потребителей водой), но и выявлять пробелы в намеченных целях, барьеры внедрения инновационных технологий, оценивать инвестиционные потребности, определять инструменты мониторинга и подготовки промежуточных обзоров.

3. Определение целевых показателей качества предоставляемых услуг водоснабжения и качества воды, которые должны определяться на основе

показателей, относящихся к пользовательскому интерфейсу, устойчивости предоставления коммунальных услуг, экологическому состоянию городской среды и ВР.

4. Осуществление мониторинга выполнения поставленных целей с использованием четко обозначенных конкретных показателей, которые, в первую очередь, должны быть ориентированы на потребителей воды (п. 3) (недостаточно определить (обозначить) целевые показатели, необходимо в динамике наблюдать за ними, при необходимости корректировать либо пути достижения поставленных целей, либо сами цели (если становится очевидным невозможность их достижения или их некорректность, в связи с изменяющимися условиями)). Любое отклонение от поставленных целей должно фиксироваться, что позволит проводить необходимую корректировку.

5. Реформа тарифной политики с целью перехода водохозяйственного комплекса (ВХК) к возмещению затрат за счет собственных средств.

6. Привлечение инвестиций в наращивание потенциала, в первую очередь, в область исследований и технических разработок, людских ресурсов.

7. Открытие доступа к предоставлению услуг в области городского водоснабжения и стокам для частного капитала, что даст возможность реализовать различные (кроме городского управления через городские структуры) модели управления, придать административно-управляемому водному сектору коммерческую ориентацию (что также будет способствовать привлечению инвестиций в сферу городского водоснабжения).

8. Внедрение ресурсосберегающих и инновационных практик, способствующих более широкому развитию *циркулярной экономики* (*Circular economy*), основанной на полном восстановлении ресурсов, с полным циклом переработки городских стоков.

9. Разработка ИС и внедрение практики предоставления публично доступной информации о состоянии городских ВР, стоках, экологической обстановке в городе, качестве и стоимости предоставляемых услуг, состоянии (износ, обновление) инфраструктуры, что будет способствовать получению поддержки населения. Кроме того, подобная информация может использоваться для проведения анализа и соответствующих исследований, таким образом, операторы и другие вовлеченные в структуру организации ГХ, смогут работать в направлении повышения эффективности. Опыт многих стран и городов показывает, что отсутствие всеобъемлющей и надежной информации для

¹ The Dublin Statement on Water and Sustainable Development // International Conference on Water and the Environment. Dublin, Ireland. 1992.

² Urban Waste Water Treatment Directive 91/271/EEC of the Council of 21 May 1991. Concerning Urban Waste Water Treatment. L 135/40, 30.05.1991. Режим доступа: http://ec.europa.eu/environment/water/water-urbanwaste/index_en.html (дата обращения: 05.04.2018).

поддержки стратегического развития, разработки политики и принятия управленческих решений всех уровней является сдерживающим фактором устойчивого развития.

Информационные системы как компонент инновационного управления

Зарубежный опыт инновационного управления ГХ в целом и ВХК в частности, нацеленный на устойчивое развитие городов с особым акцентом на эффективное использование ВР и стоков, многообразен. Ознакомимся с некоторыми из заслуживающих внимания инновационных проектов.

А. Научно-исследовательский проект «Синие города» (Blue Cities), результатом которого стал «Атлас городских вод для Европы» (*Urban Water Atlas for Europe*)³.

Атлас представляет научную и техническую информацию, позволяя понять, как действовать в сложившейся обстановке для достижения целей устойчивого развития города и достижения *Water-Wise City* («Города с Водой» или «Мудрые Города») [4].

Это первое в своем роде исследование такого масштаба, в котором представлены различные варианты инновационного управления городскими ВР; информация о лучших практиках, жизнеспособных решениях и новейших разработках; дана оценка влияния различных факторов на долгосрочную устойчивость водопользования в городах.

В Атласе дан результат анализа состояния управления ВР в более чем 40 городах (с использованием *Синего Индекса Города* (СИГ), который отображает 25 показателей, связанных с водой, стоками,

воздействием города на окружающую среду, качеством жизни, рисками). Такая информация важна при определении приоритетов для выработки дальнейших действий, определении объема инвестиций, выявления сильных и слабых сторон в управлении ГХ и ВХК.

Интерфейс Атласа представлен в инновационном формате с двумя онлайн-инструментами: *City Blueprint* и *City Amberprint*.

– *City Blueprint* – интерактивный инструмент для поддержки принятия стратегических решений, облегчая доступ и понимание соответствующих результатов и экспертных знаний. Инструмент позволяет анализировать до 25 различных аспектов управления ВР, чтобы «на выходе» дать обзор сильных и слабых мест в системе городского управления и состояния ГХ и предоставить индивидуальные варианты повышения устойчивости городских водопроводных сетей.

City Blueprint состоит из 3-х основных рамок условий: *Trends and Pressures Framework* – основные проблемы городов (структура, тенденции и давление); *City Blueprint® Framework* – управление водным циклом (оценка эффективности управления водными городскими ресурсами); *Governance Capacity Framework* – потенциал управления (выявление потенциальных ресурсов для повышения эффективности управления ВР).

Подробные отчеты *City Blueprint* опубликованы для многих городов. На рис. 1⁴ представлен пример распределения городов по оценке «интегрированного инновационного управления ВР» (*Integrated Water Resources Management (IWRM)*) (с использованием 25 показателей, с оценкой от 0 до 10).

Рис. 1. Распределение городов по оценке IWRM
Fig. 1. The distribution of cities according to the IWRM

³ Urban Water Atlas for Europe. EU publications: Joint Research Center (European Commission), 2018. 168 p.

⁴ по данным «Атласа городских вод для Европы»: Urban Water Atlas for Europe. EU publications: Joint Research Center (European Commission), 2018. 168 p.

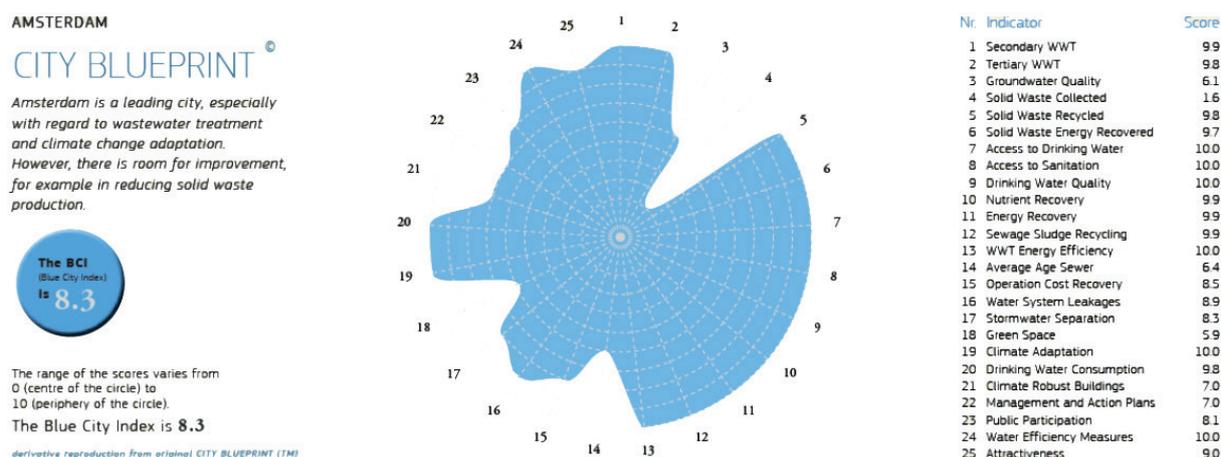

Рис. 2. Синий Индекс Города, г. Амстердам
Fig. 2. Blue City Index, Amsterdam

Ни один из обследуемых городов не получил максимальное значение индекса и не смог попасть в высшую категорию *Water-Wise City*. Амстердам занимает высшую позицию в области *IWRM*.

На рис. 2⁵ приведен СИГ Амстердам (8,3) – это максимальный балл из всех представленных в Атласе городов.

– *City Amberprint* – инструмент для оценки прогресса города в области энергетики, транспорта, информационных технологий в достижении цели *Water-Wise City*. В данном случае учитывается экологическое воздействие города на окружающую среду, качество жизни, риски (например прерывание предоставления услуг) и действия, предпринимаемые городом для улучшения показателей, отражающих качество жизни.

Эти оценки могут использоваться для анализа текущего состояния ГХ и методов его управления, а также для информирования лиц, принимающих решения, политиков, общественности о текущей ситуации в городе; для определения приоритетов дальнейших действий и инвестиций, выявления сильных и слабых сторон.

Б. Инновационное управление городскими водными ресурсами – Рациональное водопользование как ступенька на пути к *Water-Wise City* (Фландрия, Бельгия).

Учитывая большую стратегическую и социальную значимость воды Правительство Фландрии в отношении ВР придерживается стратегии «экономии воды во времена изобилия». В частности, в «Основных направлениях развития Фландрии до 2050 г.» (Закон «О видении 2050») говорится: «к 2030 году существенно повысить эффектив-

ность использования воды во всех секторах, обеспечить устойчивое изъятие и поставку пресной воды для решения проблемы нехватки воды»⁶.

В рамках устойчивого городского развития власти Фландрии поставили следующие цели: обеспечение устойчивого развития городов и доступа жителей к воде, решение проблем нехватки воды в ГХ, соблюдение санитарии, повышение эффективности использования воды, доступ общественности к информации.

Достижение поставленных целей неразрывно связано с реализацией концепций *Water-Wise City* и оценкой *City Blueprint*; разработкой (совместно с городским планом устойчивого развития) плана действий по улучшению СИГ.

Правительство Фландрии подчеркивает, что для достижения поставленных целей недостаточно полагаться только на технологические инновации, необходимо особое внимание уделять «поведенческим изменениям» и инновационному управлению.

Основными результатами проводимых мероприятий стали:

1. Достижение цели 30 %-й экономии воды в 308 муниципалитетах Фландрии.

2. Изменение поведения в муниципалитетах, в т.ч. со стороны жителей, в сторону рационального и эффективного использования водных ресурсов. При этом важным посылом был тот факт, что города рассматривают воду как ценный ресурс.

3. Нарращивание потенциала – расширение опыта на другие регионы.

Оценка проводилась на основе методологии *City Blueprint* и СИГ. Так, один из показателей отражал уровень внедрения интегрированного инновационного управления ВР – *IWRM*.

⁵ То же.

⁶ Vision 2050. A long-term strategy for Flanders. Act of the Flanders Government. Responsible editor: Martin Ruebens. Departement of public governance and the chancellery. Brussels, Belgium. 2016.

Подобная оценка города Кортрейк показала, что в городе применяется концепция интегрированного управления, а усилия, которые предпринимают местные власти и общественность, способствуют разумному управлению ВР. Но поскольку данные усилия реализуются в различных программах, их связь с водой не всегда очевидна. Эта оценка дала четкое понимание для дальнейшей оптимизации будущих программ с концентрированием большего внимания воде. Визуализация диаграмм (которые позволяют построить ИС) дает возможность соответствующим городским структурам, участвующим в управлении ГХ и ВХК, представить наглядное объяснение текущей ситуации и предоставляет выбор возможных шагов для ее улучшения.

Опыт Фландрии уже перенесен и адаптирован к некоторым городам в Северной Франции с участием примерно 50 муниципалитетов.

В. Система *SANePLAN* (Испания, Италия) – это ИС, позволяющая осуществлять «комплексное планирование и управление ВР в рамках устойчивого развития города с использованием инновационных технологий» [5].

В основу *SANePLAN* заложены методы городского планирования, математического моделирования, сбора и обработки массива данных, анализ экологической ситуации с последующим интегрированием в структуру управления ГХ через ИС.

Целью этого проекта является улучшение качества жизни и городских ВР посредством разработки ИС. Достижение поставленных целей способствует снижению давления на городские ВР, в т. ч. природные, улучшению экологической обстановки и санитарии, а также совершенствованию системы управления ВР (в т. ч. стоками) и городским планированием. ИС интегрирует данные о состоянии городских ВР, сетей водоснабжения, очистных сооружений, стоков с городским планированием (городской средой) за определенный интервал времени. На основе собранных и обработанных данных *SANePLAN* позволяет координировать и планировать потребности в ресурсах с учетом текущих потребностей, требований к охране окружающей среды, народонаселения, изменения климата, экономических условий и пр.

Проект позволяет оценивать возможное влияние новых городских проектов на существующую инфраструктуру, санитарию, окружающую среду, состояние ВР в среднесрочной и долгосрочной перспективе (25, 50 и 75 лет), эффективность использования питьевой и сточной воды; учитывает влияние изменений численности населения, климата на устойчивое развитие города. Его ИС ориентирована на комплексное управление и планиро-

вание ГХ в ситуации, когда информация на разных уровнях используется различными типами пользователей; позволяет осуществлять координацию и обмен информацией между органами власти, департаментами, ведомствами, учреждениями, участвующими в процессе управления ГХ, планированием устойчивого развития города. Таким образом, *SANePLAN* является мощным инструментом для содействия согласованной и согласованной реализации политики.

Заключение

Признавая, что проблемы, связанные с водой, относятся к числу наиболее важных проблем для общественного благополучия и окружающей среды, важно действовать сейчас. Нехватка воды и загрязнение ВР являются одними из актуальных вопросов, которые должны решаться на международном, национальном, региональном и муниципальном уровнях с учетом долгосрочной перспективы.

Политика в области городского водоснабжения должна быть увязана с политикой устойчивого развития городов и базироваться на следующих принципах:

- целостный подход,
- инновационное управление,
- согласованность между целями и действиями органов исполнительной власти и всех заинтересованных структур,
- принятие стратегических планов развития на длительный период в сочетании с конкретными краткосрочными действиями,
- определение институциональной структуры,
- определение целевых показателей обслуживания,
- модернизация городской инфраструктуры и очистительных сооружений,
- привлечение частного сектора и инвестиций в городской ВХК,
- реформа тарифной политики,
- управление финансовыми ресурсами,
- поощрение научных исследований,
- укрепление потенциала людских ресурсов,
- открытость и надежность информации.

При этом согласованность между заложенными целями и действиями органов исполнительной власти и всех заинтересованных структур имеет решающее значение, наравне с благоприятной политической основой (зачастую требуется политическая воля, которая бы поддержала развитие и внедрение инновационных технологий, учреждений и бизнес-моделей).

Важно понимать, что цель устойчивого обеспечения города водой более достижима, если реализуется возможность ПИ воды, которая поддерживается общественностью и местной властью. В мировой практике ПИ ОСВ все в большей степени рассматриваются

в качестве ресурса, и является одним из наиболее эффективных способов сохранения природных ВР, экологического баланса на Земле, удовлетворения спроса и предложения на ВР.

Решение проблем с водой – это не столько затраты, сколько инвестиции, и не только в водный сектор, а в экономику в целом, в благополучие населения⁷, поэтому научные исследования, передовые технологические решения, статистические данные и соответствующие математические методы должны быть основой для адекватной государственной политики по этому вопросу.

В условиях нарастания во всем мире экологических проблем и обострения глобальных вызовов в отношении обеспечения водой в России недостаточно уделяется внимания вопросам разумного использования ВР, поиска альтернативных путей в водоснабжении, в том числе ПИ ОСВ. Для достижения положительных результатов в этой области важно адаптировать имеющийся передовой опыт внедрения ИС и инновационного управления для достижения целей устойчивого развития городов и систем городского водоснабжения к сложившейся ситуации в нашей стране.

Литература

1. Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. М.: Дело, 2003. 464 с.
2. Ерзнкян Б. А., Фонтана К. А., Фонтана К. Автоматические системы полива в экологически устойчивом развитии городского хозяйства // *Montenegrin Journal of Ecology*. 2018. Vol. 5. № 1-2. С. 5–12.
3. Фонтана К. А. Сокращение водных ресурсов: использование вторичных вод для орошения // Системное моделирование социально-экономических процессов: труды 39-ой Междунар. науч. школы-семинара (Санкт-Петербург, 30.09–06.10.2016). Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т, 2016. С. 214–217.
4. Dirk H. Rational water uses in buildings as stepping stone towards water-wise cities // 10th Meeting of the OECD Water Governance Initiative. Draft Agenda. Vienna, Austria. October 2017.
5. Seoane J. L. S. SANePLAN: Integrating Sanitation and Urban Planning, Fundación Instituto Tecnológico de Galicia // 10th Meeting of the OECD Water Governance Initiative. Draft Agenda. Vienna, Austria. October 2017.

⁷ European Innovation Partnership Water. Strategic Implementation Plan. Brussels 18 December 2012. 22 p. Режим доступа: <https://www.eip-water.eu/sites/default/files/sip.pdf> (дата обращения: 11.03.2018).

URBAN WATER UTILIZATION SCHEME: AN ANALYSIS OF INFORMATION SYSTEMS OF INNOVATIVE MANAGEMENT

Karine A. Fontana^{a, @, ID1}; *Bagrat H. Yerznkyan*^{a, ID2}

^a *Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, 47, Nakhimovsky Ave., Moscow, Russia, 117418*

@fontana@mail.ru

^{ID1} <http://www.researcherid.com/rid/Q-9991-2016>

^{ID2} <http://www.researcherid.com/rid/B-7774-2018>

Received 03.11.2018. Accepted 26.11.2018.

Keywords: sustainable urban development, water resources, management tools, foreign experience, ecosystem

Abstract: The paper features some relevant issues of developing an adequate policy in the field of urban water supply. The authors analyze the information systems of innovative management of organizations of the urban water utilization scheme, recycling of water resources and sewage. They identify the specifics of information systems from the point of view of their use in the Russian practice of sustainable water supply. The research involved analytical and logical methods, as well as theoretical developments in the field of management of urban organizations. As a result, the authors managed to identify the tools for the strategy of sustainable urban water utilization scheme. They prove that its development is hindered by the lack of comprehensive and reliable information to support strategic development, policy development, and management decisions. Based on the analysis of information systems, they point out topical issues that need to be addressed at

various levels and introduce new principles for the urban water utilization scheme. Sustainable urban development is inextricably linked with the solution of the water supply problem, including recycling of water resources and sewage. The paper offers some provisions for a sustainable urban water supply strategy.

For citation: Fontana K. A., Yerznkyan B. H. Analiz informatsionnykh sistem innovatsionnogo upravleniia organizatsiiami gorodskogo vodokhoziaistvennogo kompleksa [Urban Water Utilization Scheme: an Analysis of Information Systems of Innovative Management]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 4 (2018): 157–163. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-157-163

References

1. Hodgson G. *Ekonomicheskaia teoriia i instituty: Manifest sovremennoi institutsional'noi ekonomicheskoi teorii* [Economics and Institutions: A Manifesto of a Modern Institutional Economics]. Moscow: Delo, 2003, 464.
2. Yerznkyan B. A., Fontana K. A., Fontana C. Avtomaticheskie sistemy poliva v ekologicheski ustoiichivom razvitii gorodskogo khoziaystva [Automatic irrigation systems in ecologically sustainable urban development]. *Montenegrin Journal of Ecology*, 5, no. 1-2 (2018): 5–12.
3. Fontana K. A. Sokrashchenie vodnykh resursov: ispolzovanie vtorichnykh vod dlia orosheniia [Reduction of water resources: use of wastewater for irrigation]. *Systemnoe modelirovanie sotsial'no-ekonomicheskikh protsessov: trudy 39-i Mezdunar. nauch. shkoly-seminara (Sankt-Peterburg, 30.09–06.10.2016)*. [System modeling of social and economic processes: Proc. 39th Intern. Sci. school-seminar. Saint-Petersburg, 30.09–06.10.2016]. Voronezh: Voronezhskii gos. ped. un-t, 2016, 214–217.
4. Dirk H. Rational water uses in buildings as stepping stone towards water-wise cities. *10th Meeting of the OECD Water Governance Initiative*. Draft Agenda. Viena, Austria. October 2017.
5. Seoane J. L. S. SANePLAN: Integrating Sanitation and Urban Planning, Fundación Instituto Tecnológico de Galicia. *10th Meeting of the OECD Water Governance Initiative*. Draft Agenda. Viena, Austria. October 2017.

УДК 330.16

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЦИАЛЬНОЙ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Елена С. Чеботаренко^{а, @}

^а Поволжский государственный университет сервиса, 445017, Россия, г. Тольятти, ул. Гагарина, 4

@ chebotarenko_e@mail.ru

Поступила в редакцию 10.04.2018. Принята к печати 29.06.2018.

Ключевые слова:

социальные институты, социальное рыночное хозяйство, институционализация социальной справедливости, привычки, традиции

Аннотация: От устройства общественных институтов в решающей степени зависит качество жизни людей, степень ориентированности рыночной экономики на интересы человека. Институты включают в себя формальные и неформальные нормы, правила и организации, их поддерживающие. При выработке норм и правил приходится полагаться не только на рациональное обдумывание и расчет взаимодействующих сторон, но также на привычки, обычаи и традиции. Универсальный характер функций общественных институтов всегда выступает в конкретной этической оболочке, отражающей культуру людей, их представления о социальной справедливости, ориентированной на три фундаментальные ценности: равенство возможностей, преодоление избыточных неравенств и обеспечение честных правил игры. Процесс институционализации включает этапы, связанные с осознанием и принятием большинством принципов социально ориентированной экономики, выработкой конкретных правил и механизмов. Часть институтов выполняет функции сдерживания несовершенств рыночного механизма, другая нацелена на выравнивание избыточных социально-экономических неравенств и обеспечение компенсирующих преимуществ для каждого.

Для цитирования: Чеботаренко Е. С. Институциональные предпосылки социальной рыночной экономики // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 4. С. 164–169. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-164-169

Введение

Рынок – это механизм, позволяющий сбалансировать соотношение спроса и предложения, обеспечить взаимосвязь и взаимодействие основных его элементов. Однако рынок – это не идеальный механизм, предлагаемый неоклассической теорией общего равновесия, он представляет собой сложную взаимосвязь действующих в процессе обмена индивидов. Чтобы полностью свободные рынки работали надлежащим образом, необходимо соответствующее государственное регулирование и система социально ориентированных институтов. Поэтому рыночный механизм всегда выступает в определенной социальной форме и конфигурации, он может принимать форму рынка «с человеческим лицом», а может, наоборот, продуцировать нечеловеческие отношения и социальные катаклизмы. Социальные институты определяют характер экономической системы, ее целеориентированность. Императив справедливости включает три фундаментальные ценности: равенство возможностей, преодоление избыточных неравенств и обеспечение честных правил игры [1, с. 39]. Если эти ценности становятся определяющими, то институты отвечают принципам социальной справедливости, принимая во внимание

то обстоятельство, что добиться абсолютного справедливого устройства невозможно [2]. Дж. Ролз отмечал, что справедливость есть «первая и главная добродетель общественных институтов, точно так же как истина – первая добродетель систем мысли». Если законы и институты, писал ученый, даже самые эффективные, являются несправедливыми, то они должны быть реформированы или ликвидированы [3, с. 19].

Цель статьи – определить, каким образом и в каких направлениях общественные институты корректируют стихийный рыночный механизм, определяют его социальный облик, целеориентированный на интересы человека.

Что мы понимаем под социальными институтами и как они формируются?

Социальные институты – это порядки, устройства и установления, созданные человеком и регулирующие социальные взаимодействия. Они создают необходимую для выживания общества меру подчинения частных интересов групповым и общественным, структурируют и организуют человеческое взаимодействие за счет формальных и неформальных норм, правил и ограничений [4, с. 17]. Определяя природу норм, А. Рих пишет, что это

суть правила, в соответствии с которыми строится деятельность людей, но не в причинно-детерминистском смысле, а как конечный, обязывающий и определяющий цели поступков фактор [5, с. 35]. Если нормы предписывают какие-либо действия в общем виде, то правила определяют поведение в конкретных ситуациях выбора. Нормам в большей степени присуща мотивационная составляющая, а правила в большей степени объективированы. Поэтому, если применительно к нормам определяющей выступает дилемма: «что следует делать, а чего не следует», то применительно к правилам эта дилемма преобразуется в конкретный алгоритм действий, диктуемый предпочтениями.

Среди институционалистов установилось два подхода к происхождению правил. Те ученые (в основном экономисты), которые исходят из концепции методологического индивидуализма – неинституционалисты – происхождение правил связывают с договоренностями между людьми (преимущественно формальными). Согласно этим представлениям экономическое поведение, правила, институты могут быть лучше поняты и приняты как результат действия рационально мыслящих индивидов, преследующих свои интересы [6]. Правила вырабатываются самими индивидами в процессе экономических и социальных действий и, следовательно, рассматриваются как результат выбора. Исходя из этих теоретических предпочтений, в приоритете оказывается теория институциональных соглашений, в то время как изучению влияния на человеческое поведение институциональной среды – комплекса политических, социальных и юридических норм и ограничений – уделяется меньшее внимание.

В отличие от неинституционалистов представители традиционного институционализма руководствуются методологией холизма и в своих исследованиях идут от институтов к субъекту, а не наоборот. Институты для них – социально-психологические феномены (привычки, обычаи), которые сформировались под воздействием предшествующей человеческой деятельности и обладают способностью к самосохранению. Традиционные институционалисты дополнили категориальный аппарат современной экономической теории категориями *привычка, обычай, традиция*. Т. Веблен, в частности, определял институты как отобранные в эволюционном процессе привычные способы осуществления общественной жизни в ее связи с материальным окружением, в котором живет общество [7, с. 73–82, 203]. Дж. Коммонс проводил разграничение между привычкой и обычаем: в отличие от привычки, которая остается укорененной в личном опыте каждого, обычай является видом социального принуждения, которое по отношению к индивидам определяет коллективное мнение тех, кто поступает одинаково.

Современные последователи старого институционализма, сохранив приоритет «опривыченности» в экономическом поведении, смогли уйти от ортодоксального детерминизма в этом вопросе. Привычки рассматриваются ими в качестве своеобразных носителей информации, упрощающих человеческое взаимодействие [8, с. 192]. Под влиянием обстоятельств привычки (в том числе применительно к хозяйственному поведению) могут меняться, но изменяются они медленно, подолгу сохраняя ментальные черты [9]. Что касается категории *традиция*, то она агрегирует то, что унаследовано обществом от предыдущих поколений, включая привычки и обычаи. Благодаря традиции происходит трансляция культурных норм во времени, обеспечивается социокультурная идентификация.

Последователи старой институциональной школы среди современных экономистов (Р. Нельсон, С. Уинтер, Д. Ходжсон), а также представители философии прагматизма строят свои рассуждения в согласии с теорией рационализма. С их точки зрения поведение людей, оставаясь рациональным, само зависит от привычек, под влиянием которых формируются правила. Возникающая обратная связь укрепляет то и другое. Такое понимание институтов в большей мере подчеркивает взаимосвязь между индивидуальным поведением и институциональной средой. Тем более что институты обладают большей устойчивостью и могут функционировать дольше, чем отдельные индивидуумы.

Таким образом, представители двух институциональных школ – старой и новой – рассматривают процесс формирования институтов с разных сторон, каждая из которых имеет самостоятельное значение и по-своему полезна. У неинституционалистов правила представляются как объекты выбора, подлежащие изменению и пересмотру в соответствии с теми состояниями общества, которые они отражают [10, с. 35]. В отличие от них у представителей традиционного институционализма объяснение процесса отбора институтов носит холистический характер [11]. Следует отметить, что каждый из подходов отражает преимущественно одну сторону процесса формирования институтов. В реальности при выработке норм и правил приходится полагаться и на рациональное обдумывание и расчет, диктуемые интересами взаимодействующих сторон (как в теории контрактов или теории рационального выбора), и на привычки, традиции, которые не всегда имеют логический исход.

Конфигурация институтов, формирующих социально ориентированный рынок

Функции, выполняемые институтами, в самом общем виде связаны с поддержанием определенного общественного порядка за счет трансляции

информации и обеспечения предсказуемости поведения и взаимодействия. Но каков этот институциональный порядок и от чего он зависит? Его природа формируется конкретной политикой государства, законами и регулятивной деятельностью. В современных экономических условиях правительство устанавливает и приводит в действие правила, регулирующие целый ряд принципиальных положений, влияющий на характер рыночного механизма. Это касается поддержания гарантий конкурентоспособности рынков, ограничивающих монополии от чрезмерных прибылей; установления норм допустимого и недопустимого экономического поведения во взаимоотношениях между самостоятельными экономическими агентами и внутри корпораций; установление правил банкротства и ограничения коррупции. Правительство определяющим образом влияет на распределение ресурсов и перераспределение доходов за счет установления налоговых сборов и расходов на социальную сферу. От государства и его институтов зависит уровень обеспечения доступа людей к бесплатному общему образованию и здравоохранению. Если государство не справляется с этими задачами или, напротив, само их усугубляет, то можно вести речь не только о провалах рынка, но и о провалах государства [12].

Еще А. Смит подчеркивал значимость корреляции между личными доходами и социальным вкладом каждого для того, чтобы рынки работали эффективно. В обеспечении этого соответствия известный современный экономист Дж. Стиглиц видит гарантию предотвращения краха рынка, основное условие достижения эффективных и желаемых результатов [1, с. 92–93]. Такого положения обеспечить не удастся, если условия конкуренции нарушаются, возникают экстерналии (когда действия одних имеют серьезные положительные или отрицательные последствия для остальных, при этом никаких компенсаций за это не предусмотрено); если имеют место устойчивые несовершенства в обмене информацией (кто-то знает актуальную рыночную информацию, а кто-то не получает к ней доступа).

Когда рынки остаются конкурентными, уровень прибыли выше нормальной прибыли на капитал не может быть устойчивым. Однако компании часто препятствуют конкуренции, при этом особенная непрозрачность характерна для финансовых рынков, где продавцы всегда располагают большей информацией, чем покупатели, используют производные и рискованные инструменты. Пагубность этой ситуации нашла отражение в серии современных финансовых кризисов, серьезно нарушивших стабильность социально-экономических систем государств. Ограничение рисков монополизма в значительной степени зависит от действий госу-

дарственных институтов. Кроме того, государство остается ответственным за обеспечение инвестиций в социальную инфраструктуру, где каждому человеку обеспечиваются базовые преимущества (здравоохранение, образование). Для общественных инвестиций требуются коллективные усилия, поощряемые государством, т.к. за счет частных инвестиций нужного объема вложений в эту сферу достичь не удастся. Снижение инвестиций в государственное образование и здравоохранение снижает экономическую мобильность рабочей силы, тормозит производительность труда и отрицательно сказывается на экономическом развитии [13, с. 272]. Верховенство закона обеспечивает защиту слабых от сильных и честное обращение со всеми. Когда те, кто вредит другим, не несут полной ответственности за свои действия, они могут совершать такие поступки и дальше, усугубляя ситуацию. Необходимы правила и предписания, предоставляющие каждому мотивацию снизить или полностью избежать вреда для других – их имущества, здоровья, состояния природной среды. Таким образом, без целенаправленных ограничений провалы рынка могут принимать угрожающий характер, а те, кто их провоцирует, ориентированы только на сиюминутные интересы, а не долгосрочные социальные и экономические последствия.

Функции институтов в условиях социально ориентированного рынка

Функции социальных институтов, связанные с трансляцией информации и обеспечением предсказуемости поведения и взаимодействия субъектов рынка, можно определить как универсальные или этически нейтральные. При этом универсальные функции всегда существуют в определенной общественной форме, которая зависит от господствующих представлений и ценностей. В социально ориентированной рыночной экономике институты (основные и неосновные, краткосрочные и долгосрочные, формальные и неформальные) должны работать на один общий результат – повышение качества жизни людей, согласно ключевому принципу «сначала люди» [1, с. 248].

Поэтому, наряду с универсальными, ученые выделяют специальные функции институтов, содержание которых определяется представлениями людей о справедливом, социально ориентированном рынке, местом и ролью, которую институты занимают в конкретной экономической системе [14, с. 66–75]. Исходя из трех фундаментальных ценностей, связанных с равенством возможностей, преодолением избыточных неравенств и обеспечением честных правил игры, институты можно разделить на две группы. Первая целеориентирована на поддержание конкуренции, производство

общественных товаров, интернализацию внешних эффектов и уменьшение социальных рисков. Другая группа институтов целеориентирована на предотвращение избыточных неравенств и обеспечение компенсирующих преимуществ для каждого за счет перераспределения общественного продукта. Во вторую группу входят институты, направленные на поддержание социальных стандартов жизненного уровня населения, установление пропорций в долевом распределении с помощью налогообложения и необходимых изменений в правах собственности. Конкретное содержание функций институтов определяется тем положением, которое они занимают в ценностно-нормативной системе, а также тем, как они соотносятся друг с другом. При этом на природу норм, обеспечивающих этико-социальную направленность рыночного механизма, существенным образом не влияет то, как они возникают – вследствие институциональных договоренностей или в силу традиций. Принципиальным является одно – их ориентированность на интересы человека.

Заключение

Таким образом, рынок всегда выступает в определенной общественной форме и не может быть этически нейтральным. Если он не отвечает принципу «сначала люди», то рост прибыли, получение ренты за счет общества отдельными игроками рынка, разрушение природной среды становятся ведущими мотивами. Чтобы рынки работали надлежащим образом, необходимо государственное регулирование и система социально ориентированных институтов. Последние представляют из себя порядки, устройства и установления, созданные человеком и регулирующие социальные взаимодействия. Есть три фундаментальные ценности, ориентирован-

ные на императив справедливости – равенство возможностей, преодоление избыточных неравенств и обеспечение честных правил игры, основанных на верховенстве закона. Эти ценности определяют конфигурацию институтов рынка и специальные функции, которые они выполняют. Первая группа институтов нацелена на поддержание конкуренции, производство общественных благ, обеспечивающих базовые преимущества (здравоохранение, образование), интернализацию внешних эффектов и уменьшение социальных рисков. Другая группа институтов целеориентирована на предотвращение избыточных неравенств и обеспечение компенсирующих преимуществ для каждого человека за счет механизмов фискальной и налоговой политики. Конкретная конфигурация институтов определяется историческими особенностями той или иной страны, преобладающими в обществе моральными и нравственными ценностями, а также внешними обстоятельствами. Однако это существенно не нарушает вышеназванных принципиальных установок. Институционализация социально ориентированной рыночной экономики представляет собой процесс выработки и закрепления соответствующих норм, правил и образцов поведения, приведение их в систему. Сначала происходит осознание и принятие концепции социальной справедливости большинством, что обеспечивает упорядоченность, солидарность и согласованность действий. Процедура выработки правил базируется на этих представлениях и является их отражением применительно к конкретному обществу. Завершающий этап институционализации связан с налаживанием механизма, обеспечивающего соблюдение правил, разработку инструментов поощрения или принуждения, чтобы направлять общественный процесс в нужном, социально ориентированном направлении.

Литература

1. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2012. 512 с.
2. Бердников В. А., Вахтина М. А. Институты социальной справедливости в рыночной экономике России: состояние и направления развития // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2014. № 11. С. 6–10.
3. Ролз Дж. Теория справедливости. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 536 с.
4. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: ФЭК «Начала», 1997. 180 с.
5. Рих А. Хозяйственная этика. М.: Посев, 1996. 809 с.
6. Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укоренности // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 3. С. 44–58.
7. Веблен Т. Б. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 367 с.
8. Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: манифест современной институциональной экономической теории. М.: Дело, 2003. 464 с.
9. Вахтина М. А. Особенности российской экономической ментальности // Философия хозяйства. 2011. № 3. С. 158–166.
10. Бреннан Дж., Бьюкенен Дж. Причина правил. Конституционная политическая экономия. СПб.: Экономическая школа, 2005. 269 с.

11. Ефимов В. М. Предмет и метод интерпретативной институциональной экономики // Вопросы экономики. 2007. № 8. С. 49–67.

12. Белокрылова О. С., Вахтина М. А. От «провалов рынка» к «провалам государства»: еще раз к вопросу о социальной справедливости в экономике // Journal of Economic Regulation. 2016. Т. 7. № 2. С. 6–19.

13. Вахтина М. А. Социальная справедливость как фактор экономического развития // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2016. № 4. С. 22–30.

14. Вахтина М. А. Институциональные основания справедливой рыночной экономики. Самара: Самарский научный центр РАН, 2013. 265 с.

INSTITUTIONAL BACKGROUND OF SOCIAL MARKET ECONOMY

Elena S. Chebotarenko^{a, @}

^a *Volga Region State University of Service, 4, Gagarin St., Togliatti, Russia, 445017*

@ *chebotarenko_e@mail.ru*

Received 10.04.2018. Accepted 29.06.2018.

Keywords: social institutes, social market economy, institutionalization of social justice, habit, tradition

Abstract: The quality of life of people and the degree of focus of market economy on the interests of people depend to a great extent on the structure of public institutes, which include formal and informal norms, rules and the organizations that support them. To develop these norms and rules, it is necessary to rely not only on rational considering and calculation of the interacting parties, but also on habits, customs, and traditions. The universal nature of functions of public institutes always acts in the specific ethical cover that reflects the culture of people, their idea of the social justice focused on three fundamental values: equal opportunities, overcoming excess inequalities, and providing honest rules of the game. The institutionalization process includes stages connected with understanding and acceptance by the majority of the principles of socially oriented economy, development of the particular rules, and mechanisms supporting them. Some institutes perform functions of control over the flaws of the market mechanism, others are aimed at alignment of excess social and economic inequalities and ensuring the compensating advantages to everyone.

For citation: Chebotarenko E. S. *Institutsional'nye predposylki sotsial'noi rynochnoi ekonomiki* [Institutional Background of Social Market Economy]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 4 (2018): 164–169. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-164-169

References

1. Stiglitz J. *Tsena neravenstva. Chem rassloenie obshchestva grozit nashemu budushchemu* [Inequality price. What stratification of society threatens our future with]. Moscow: Eksmo, 2012, 512.

2. Berdnikov V. A., Vakhtina M. A. *Instituty sotsial'noi spravedlivosti v rynochnoi ekonomike Rossii: sostoianie i napravleniia razvitiia* [Institutes of social justice in market economy of Russia: state and directions of development]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Bulletin of the Samara state economic university*, no. 11 (2014): 6–10.

3. Rolz J. *Teoriia spravedlivosti* [Theory of justice]. Moscow: Izd-vo LKI, 2010, 536.

4. Nort D. *Instituty, institutsional'nye izmeneniia i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutes, institutional changes, and functioning of economy]. Moscow: FEK «Nachala», 1997, 180.

5. Rich A. *Khoziaistvennaia etika* [Economic ethics]. Moscow: Posev, 1996, 809.

6. Granovetter M. *Ekonomicheskoe deistvie i sotsial'naia struktura: problema ukorennosti* [Economic action and social structure: the problem of rootedness]. *Ekonomicheskaiia sotsiologiia = Economic sociology*, 3, no. 3 (2002): 44–58.

7. Vebln T. B. *Teoriia prazdnogo klassa* [Theory of an idle class]. Moscow: Progress, 1984, 367.

8. Hodgson Dzh. *Ekonomicheskaja teorija i instituty: manifest sovremennoi institutsional'noi ekonomicheskoi teorii* [Economic theory and institutes: manifesto of the modern institutional economic theory]. Moscow: Delo, 2003, 464.
9. Vakhtina M. A. Osobennosti rossiiskoi ekonomicheskoi mental'nosti [Features of the Russian economic mentality]. *Filosofia khoziaistva = Philosophy of economy*, no. 3 (2011): 158–166.
10. Brennan J., Buchanan J. *Prichina pravil. Konstitucionnaia politicheskaja ekonomija* [The reason for the rules. Constitutional political economy]. Saint-Petersburg: Ekonomicheskaja shkola, 2005, 269.
11. Yefimov V. M. Predmet i metod interpretativnoi institutsional'noi ekonomiki [Subject and method of interpretive institutional economy]. *Voprosy ekonomiki = Questions of economy*, no. 8 (2007): 49–67.
12. Belokrylova O. S., Vakhtina M. A. Ot "provalov rynka" k "provalam gosudarstva": eshche raz k voprosu o sotsial'noi spravedlivosti v ekonomike [From "market failures" to "failures of the state": once again to a question of social justice in economy]. *Journal of Economic Regulation*, 7, no. 2 (2016): 6–19.
13. Vakhtina M. A. Sotsial'naia spravedlivost' kak faktor ekonomicheskogo razvitiia [Social justice as factor of economic development]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Ekonomika = Bulletin of Perm University. Series: Economy*, no. 4 (2016): 22–30.
14. Vakhtina M. A. *Institutsional'nye osnovaniia spravedlivoi rynochnoi ekonomiki* [Institutional bases of fair market economy]. Samara: Samarskii nauchnyi tsentr RAN, 2013, 265.

УДК 338.23

ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ, МЕТОДОВ И ИНСТРУМЕНТОВ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА СРЕДЫ «ПЯТЬ ШАГОВ БЛАГОУСТРОЙСТВА ПОВСЕДНЕВНОСТИ» В МОНОПРОФИЛЬНЫХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ РОССИИ

Ольга А. Щербина^{а, @}

^а Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

[@] o.scherbina@frmrus.ru

Поступила в редакцию 11.03.2018. Принята к печати 29.06.2018.

Ключевые слова: моногорода, развитие городской среды, бизнес-сообщество, градообразующее предприятие

Аннотация: Статья посвящена проблеме поиска современных управленческих технологий для развития моногородов. В качестве инструмента повышения качества среды предложена рамочная концепция «Пять шагов благоустройства повседневности», которая устанавливает дифференцированный подход к выбору проектов благоустройства для каждого монопрофильного муниципального образования. Дан анализ последовательности мероприятий, заявленных в рамках 5 шагов концепции. Выделены сильные и слабые стороны. Определено, что основными барьерами для повышения качества среды моногородов являются неготовность к внедрению концепции органами власти муниципальных образований и пассивность вовлечения жителей в решение проблем городской среды. Социальная направленность шагов концепции позволяет решить проблему вовлеченности горожан и снять названные барьеры. Для решения проблемы эффективности муниципального управления предложено провести мониторинг объектов инфраструктуры с целью привлечения бизнеса, совместные проекты призваны снизить недостаток финансовых средств муниципальных образований. Показано, что проектный подход и комплексный анализ всех компонентов концепции способны обеспечить преодоление всех барьеров.

Для цитирования: Щербина О. А. Применение современных управленческих технологий, методов и инструментов при реализации программы повышения качества среды «Пять шагов благоустройства повседневности» в монопрофильных муниципальных образованиях России // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 4. С. 170–176. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-170-176

Введение

С июля 2016 г. модернизация монопрофильных муниципальных образований (моногородов) является приоритетным национальным проектом, и одна из главных задач этого проекта, помимо диверсификации экономики, привлечения инвестиций и создания новых рабочих мест – сделать территории моногородов комфортными для жизни граждан.

Комфорт городской жизни определяется не только наличием магазинов, деловых центров или бесперебойной работой городских служб, но и сферой обслуживания и досуга для граждан. Наличие мест отдыха и иных мест развлекательной сферы позволяют повысить качество жизни горожан. Однако, в настоящее время не все города отвечают заданным параметрам. Особую актуальность эта проблема приобретает в моногородах. Проблемы развития моногородов отражены в работах Е. Г. Анимицы, В. С. Бочко, С. Г. Пьянковой, Ю. Г. Лавриковой, Е. М. Крюкова,

А. В. Туркова, Е. П. Молодовой, И. Д. Тургель, Н. Ю. Власовой, Н. Р. Бальнской [1–5].

В соответствии с Постановлением правительства РФ № 709 от 29.07.2014 муниципальное образование признается моногородом, если оно соответствует одновременно следующим критериям:

- муниципальное образование имеет статус городского округа или городского поселения, за исключением муниципальных образований, в которых в соответствии с законом субъекта Российской Федерации находится законодательный (представительный) орган власти субъекта РФ;

- численность постоянного населения муниципального образования превышает 3 тыс. человек;

- численность работников одной из организаций (одного из филиалов юридического лица в муниципальном образовании или нескольких организаций), осуществляющих на территории муниципального образования один и тот же вид основной экономической

деятельности или деятельность которых осуществляется в рамках единого производственно-технологического процесса) достигала в период 5 лет, предшествующих дате утверждения перечня монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов), предусмотренного п. 1 настоящего документа, 20 % среднесписочной численности работников всех организаций, осуществляющих деятельность на территории муниципального образования; осуществление одной из указанных организаций (одним из филиалов юридического лица в муниципальном образовании или нескольких организаций) деятельности по добыче полезных ископаемых (кроме нефти и газа), и (или) производству, и (или) переработке промышленной продукции¹.

И. Д. Тургель выделяет следующие особенности развития моногородов:

- низкая диверсификация сферы занятости;
- ограниченное число внешних городских функций (как правило, одна или несколько функций взаимодополняют и поддерживают основную);
- отсутствие развитой инфраструктуры, обеспечивающей связь города с внешним миром; внешние функции города реализует ограниченное число предприятий; низкий уровень диверсификации структуры городской экономики [5].

Эти особенности подтверждаются докладом Института комплексных стратегических исследований, 26,3 % моногородов имеет специализацию в сфере металлургии, включая добычу и обработку металлических руд, цветную и черную металлургию, производство редких металлов. Еще 18,5 % моногородов имеет машиностроительную специализацию – производство транспортных средств, оборудования и др. В целом в моногородах с металлургической и машиностроительной специализацией проживает около 60 % населения моногородов². Специфика развития экономики моногорода сказывается на качестве жизни населения, формируя депрессивные анклавы, в которых местные власти уделяют недостаточное внимание проблеме качества жизни горожан.

Для изменения этой реальности в рамках приоритетной Комплексной программы развития моногородов предусмотрены мероприятия по разработке и сопровождению программ повышения качества среды для каждого из 319 моногородов РФ. В основу этих мероприятий легла концепция комплексного подхода к созданию комфортной среды в городах под названием «Пять шагов благо-

устройства повседневности» («Пять шагов»), разработанная Институтом медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка»³.

Программа «Пять шагов благоустройства повседневности»

Смысловое ядро концепции – представление о том, что выполнение проектов по пяти приоритетным и взаимосвязанным направлениям (шкалам) приведет к улучшению качества среды. Проекты в рамках Программы должны быть чем-то большим, нежели просто рутинными мероприятиями по благоустройству. Желательно, чтобы выполнение «Пяти шагов» стало событием, воспринималось жителями как начало нового этапа позитивных перемен⁴. Проекты, реализованные в моногородах в ходе Программы, призваны в совокупности сформировать яркую и разнообразную коллекцию практик и демонстрацию успешности политики повышения качества среды.

Концепция предусматривает следующие шаги:

Шаг 1. «Сегодня в центре» – благоустройство оживленного общественного пространства.

По мнению методологов, в каждом городе есть места, где ежедневно пересекаются большие потоки людей, – вокзалы, площади, скверы, парки, рынки. Преимущества изменений мест с наибольшим скоплением людей очевидны. Создание стильных инсталляций в парках, наполнение парков удобными скамейками, замена дорожных указателей на крупных транспортных развязках – все это в комплексе позволяет произвести изменения, которые охватывают большую аудиторию. У горожан появляется ощущение, что перемены к лучшему происходят уже сейчас.

Шаг 2. «Будущее есть» – создание возможностей для времяпрепровождения молодежи.

Второй шаг направлен на решение проблемы досуга молодежи. Важно появление зданий, помещений и открытых пространств, ориентированных на молодое поколение – его работу и досуг. Создание современных пространств, где можно общаться и обмениваться идеями, крайне важно для будущего городов. Именно в таких условиях формируются прогрессивно мыслящие сообщества, способные дать импульс к развитию бизнеса, искусства или творчества, и вывести город на новый виток социально-экономического развития.

Шаг 3. «Найди прошлое и гордись им» – ревitalизация городских достопримечательностей.

¹ О критериях отнесения муниципальных образований РФ к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения. Постановление от 29.06.2014 № 709.

² Обзор российских моногородов. Июнь 2017. Аналитический доклад Института комплексных стратегических исследований (ИКСИ). Режим доступа: https://icss.ru/images/pdf/research_pdf/MONOTOWNS.pdf (дата обращения: 01.02.2018).

³ Стандарт развития городской среды моногородов. М.: Стрелка, 2017.

⁴ Методические рекомендации. Благоустройство моногородов. М.: Стрелка, 2017.

Вовлечение знаковых мест, культурных достопримечательностей в культурное кольцо города позволяет вовлечь разные возрастные слои населения, а также привлечь туристов в город. Например, старые улицы, площади, кварталы, здания заводов – в каждом городе есть свои примечательные места. Речь идет не только о старых памятниках архитектуры. Постройки середины прошлого века зачастую имеют не меньшее культурное значение. Таким образом, третий шаг направлен на реставрацию и сохранение культурного наследия города.

Шаг 4. «В центре внимания – социальный объект» – обновление или создание объекта социальной инфраструктуры.

В постсоветский период в городах России (и моногорода не исключение) преимущественно строились торговые центры и офисы. Создавались условия для бизнеса, а сфера общественной жизни в большинстве случаев оставалась не вовлеченной в план развития города. Речь идет, прежде всего, о школах, библиотеках, больницах, музеях. Очень часто в современных городах складывается ситуация, когда горожане вынуждены ездить в другой город за более качественным медицинским обслуживанием, переезжать в другой город за более качественным образованием.

Шаг 5. «Подбери брошенное» – активация заброшенных или неэффективно используемых зданий и территорий.

Пятый шаг направлен на мониторинг объектов городского имущества, прежде всего, это касается брошенных зданий, неиспользуемых объектов, недостроенных помещений. На этих объектах можно внедрять проекты государственно-частного партнерства, привлекая частные инвестиции для создания новых объектов, в том числе социальной инфраструктуры. Проекты государственно-частного партнерства могут стать инструментом развития моногородов, чья экономика имеет черты анклавной экономики регионов ресурсного типа [6].

Особое внимание заслуживают те современные подходы, методы, инструменты и механизмы, которые были системно внедрены идеологами в реализацию настоящей программы и без которых ее эффективность была бы значительно ниже.

Применение проектного подхода

Программа повышения качества среды в монопрофильных муниципальных образованиях «Пять шагов благоустройства повседневности» разработана и реализована в рамках проектной деятельности Правительства РФ (Постановление Правительства РФ от 15.10.2016 № 1050 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской

Федерации») и полностью согласуется с выделяемыми Руководством к своду знаний по управлению проектами (РМВОК) пятью группами процессов управления проектом⁵:

1. Процессы инициирования проекта – концепция «Пять шагов благоустройства повседневности» легла в основу национальной программы благоустройства общественной среды моногородов в сентябре 2016 г. по решению Президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам. Установленные сроки реализации программы «Пять шагов»: декабрь 2016 г. – 28 февраля 2018 г.

2. Процессы планирования – определение и фиксация целей, планирование действий, необходимых для достижения целей и содержания, ради которых был предпринят проект.

Руководствуясь Методическими рекомендациями и Концепцией «Пять шагов», муниципалитеты составили список проектов и мероприятий, которые будут реализованы к марту 2018 г. Списки согласованы НКО «Фонд развития моногородов» (ФРМ) и КБ «Стрелка», а также утверждены Проектным комитетом по основному направлению стратегического развития РФ «Моногорода». Все проекты и мероприятия программ «Пять шагов» вошли в паспорта программ развития монопрофильных муниципальных образований.

3. Процессы исполнения – объединение трудовых и других ресурсов для выполнения плана.

Все 319 моногородов реализуют мероприятия и проекты программы «Пять шагов», ожидается, что будет выполнено более 1000 проектов и мероприятий по благоустройству и повышению качества городской среды в моногородах. Самые популярные в реализации программы типы проектов: благоустройство общих зон отдыха (парков, скверов, площадей), спортивных объектов, зон питания, мест отдыха молодежи, заброшенных территорий бывших промышленных предприятий, центральных улиц и домов культуры.

4. Процессы мониторинга и контроля – регулярная оценка развития проекта, осуществление мониторинга для обнаружения отклонения от плана, при необходимости проведение корректирующих воздействий для достижения целей проекта.

ФРМ совместно с КБ «Стрелка» осуществляет ежемесячный мониторинг реализации проектов и мероприятий программ «Пять шагов», в том числе на предмет обеспеченности финансированием запланированных к реализации мероприятий, соблюдения установленных сроков выполнения; в рамках мониторинга выявлены ошибки планирования, а также разработан регламент внесения

⁵ Об организации проектной деятельности в Правительстве РФ. Постановление Правительства РФ от 15.10.2016. № 1050.

изменений в программы повышения качества среды моногородов⁶.

Процессы завершения – формализация приемки продукта, услуги или результата, подведение проекта к правильному завершению.

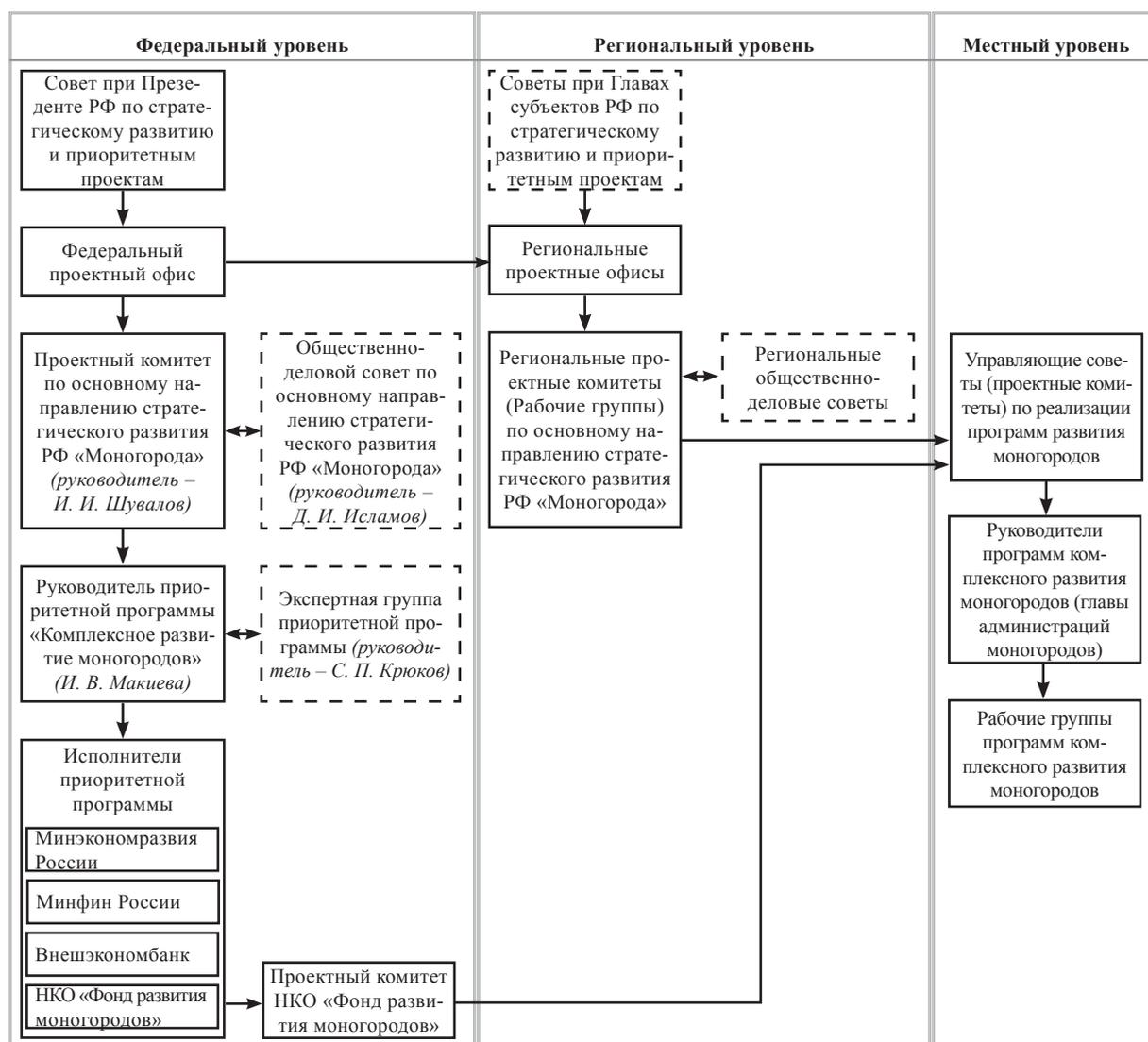
По завершении реализации согласованных проектов муниципальные программы будут оценены на соответствие заранее установленным количественным и качественным критериям – целевым показателям программ, утвержденным Проектным комитетом по основному направлению стратегического развития РФ.

Механизм формализации завершения программы следующий: руководителями программ (главами моногородов) в ФРМ представляется отчет о выполнении программы с предоставлением подтвержда-

ющих документов. По результатам экспертизы, проводимой КБ «Стрелка», составляется Заключение по итогам рассмотрения отчета о реализации программы повышения качества среды моногорода, включающее информацию о достижении целевых показателей. Кроме того, выполнение Программы повышения качества среды является целевым показателем Приоритетной программы «Комплексное развитие моногородов».

Органограмма управления Приоритетной программой и ее проектами, в том числе и проектом «Пять шагов благоустройства» представлена на рисунке.

Курирует Приоритетную программу и возглавляет Проектный комитет по основному направлению стратегического развития РФ «Моногорода» первый заместитель председателя правительства РФ

□ – основные органы управления реализацией Приоритетной программы

□ - - □ – вспомогательные органы управления реализацией Приоритетной программы

Рис. Органограмма управления Приоритетной программой и ее проектами
Fig. Organogram of management of the Priority Program and its projects

⁶ Там же.

И. И. Шувалов. Реализацией Приоритетной программы руководит И. В. Макиева – заместитель председателя Внешэкономбанка. Среди исполнителей Приоритетной программы: Минэкономразвития России, Минфин России, Внешэкономбанк, ФРМ.

К работе Проектного комитета привлечены представители общественности и делового сообщества, объединенные в Общественно-деловой совет по основному направлению стратегического развития РФ «Моногорода», и экспертная группа.

На уровне субъектов РФ функционируют Региональные проектные офисы (как правило, на базе Министерства экономики региона). В целях реализации Приоритетной программы формируются Региональные проектные комитеты (или рабочие группы) по основному направлению стратегического развития РФ «Моногорода». Эти комитеты (группы) возглавляют региональные кураторы Приоритетной программы. Они назначаются из числа заместителей глав субъекта РФ.

Вопросы подготовки и реализации муниципальных программ находятся в ведении Управляющих советов (проектных комитетов), создаваемых в моногородах. Эти советы (комитеты) курируют заместители глав субъектов РФ – руководители Региональных проектных комитетов (рабочих групп) по основному направлению стратегического развития РФ «Моногорода». В Управляющие советы (комитеты) входят главы моногородов (они признаются руководителями муниципальных программ), ответственные работники органов местного самоуправления и исполнительной власти субъекта РФ, линейные менеджеры ФРМ, представители общественности и предпринимательского сообщества. Исполнительные функции по оперативному управлению реализацией проектов и мероприятий, предусмотренных в муниципальных программах, в том числе программах повышения качества среды, возложены на рабочие группы, возглавляемые главами моногородов.

Консультационное и методическое сопровождение программы «Пять шагов» обеспечивают АО «АИЖК» и ООО «КБ Стрелка». Администрирование программы осуществляет ФРМ.

Сегодня при реализации большинства проектов благоустройства открытых городских пространств в России используется механизм принятия решений сверху вниз. Разрабатывая проекты, муниципальные органы власти или бизнес-сообщество (инициаторы проекта) не учитывают мнение горожан – заинтересованных жителей окрестных домов, городских сообществ, общественных объединений, активистов, малого бизнеса, экспертного сообщества и др.).

Этот механизм нельзя назвать эффективным, потому что инициатор исключает из процесса будущих пользователей благоустраиваемых территорий. Даже

небольшие проекты (благоустройство двора, установка скамеек в сквере) в таких случаях могут вызывать недовольство горожан и провоцировать конфликт. Одним из важных условий формирования и реализации программы «Пять шагов» стало участие в ней населения, проживающего на территории моногородов.

Пространственное развитие – комплексная задача, которая подразумевает плодотворное социальное, межведомственное и межуровневое взаимодействие и новый городской проект, – это, прежде всего, новое сообщество вокруг него. Вовлечение жителей, представителей общественных организаций, делового и экспертного сообществ, а также органов разных уровней и ветвей власти в проектирование позволяет заранее понять, кто и как будет пользоваться пространством центра городской жизни, как оно будет развиваться, создаст ли новые возможности для города.

Этот механизм предполагает скоординированную работу инициаторов со всеми потенциальными интересантами проекта, которые в этом случае становятся активными участниками процесса и оказывают влияние на развитие городской среды.

Применение механизмов общественного участия в проектах благоустройства позволяет создавать устойчивые и осмысленные проекты, действительно нужные людям и ориентированные на их потребности.

Вовлечение населения в программу «Пять шагов благоустройства» обеспечило для жителей:

- возможность влияния на изменения городской среды: от этапа разработки видения до реализации проектов и оценки результатов;

- повышение эффективности проектных решений;

- возможность воплощения альтернативных идей и реализации собственных инициатив, направленных на развитие городской среды;

- создание и укрепление связей между горожанами, образование новых городских сообществ;

- понимание процессов, происходящих в городе, и принципа распределения ответственности между органами управления и жителями;

- создание новых социальных ценностей: сопричастности, доверия, взаимопонимания.

Для органов муниципальной власти:

- повышение социальной значимости проектов развития городской среды;

- активное использование местных ресурсов и наращивание компетенций на местах;

- повышение эффективности расходования средств на проект;

- выявление скрытых городских проблем, ценностей горожан и их потенциала;

- увеличение количества людей, заинтересованных в развитии городской среды;

- постепенную смену роли горожанина с потребителя на партнера;

– снижение риска возникновения градостроительных конфликтов или создание инструментов для их разрешения;

– изменение отношения горожан к реализуемым проектам, в том числе снижение вандализма;

– создание положительных информационных поводов в городской повестке;

– создание устойчивых и эффективных каналов коммуникации с жителями.

Для бизнеса:

– возможность тестировать разные модели развития территории, влияющие на бизнес-процессы или поведение пользователей;

– анализ портрета будущих пользователей пространства;

– изучение потребностей горожан и прогноз востребованности услуг и сценариев.

Реализация программы «Пять шагов» сопровождается широким информированием граждан и обсуждением проектов во всех видах СМИ (печатных, теле-, радио-, интернет-изданиях).

Запуск специальной платформы моногорода.рф, а также создание группы в социальной сети ВКонтакте – Диалог 319 – позволили обеспечить открытость и доступность информации о реализации программы повышения качества среды в моногородах, а также предоставили возможность жителям оценить проекты и мероприятия программы.

Обучение управленческих команд моногородов и экспертное мнение

Для успешной реализации программы развития моногородов ФРМ совместно с Московской школой управления СКОЛКОВО и Российской академией народного хозяйства и госслужбы при Президенте РФ была обеспечена профессиональная переподготовка команд, управляющих развитием проектов в моногородах России.

В каждую команду по управлению проектами вошли не менее 5 человек (глава города, представитель

региональных органов власти (зам. губернатора, министр или зам. министра), представители градообразующего предприятия и бизнес-сообщества, а также органов местного самоуправления и институтов развития, как региональных, так и муниципальных).

Цель обучения – объединение всех заинтересованных сторон для совместного решения проблем моногорода, развитие управленческих и проектных компетенций специалистов.

Отдельное место в образовательной программе заняли выступления иностранных и российских экспертов, представивших лучшие теории и практики развития и улучшения качества городской среды.

На отдельных экспертных сессиях руководители программ (главы моногородов) представили свои программы «Пять шагов благоустройства» к защите перед преподавателями ведущих бизнес-школ, федеральных и региональных органов власти, ФРМ.

Заключение

Таким образом, реализованные в комплексе или по отдельности, мероприятия в рамках пяти направлений программы заметно улучшают качество жизни горожан и, как следствие, создают позитивную деловую и социальную атмосферу, повышают удовлетворенность населения моногородов условиями проживания; стимулируют формирование сплоченных местных сообществ – с помощью вовлечения жителей в проекты совершенствования городской среды; повышают привлекательность и разнообразие времяпрепровождения всех категорий граждан в городских общественных пространствах, включая объекты социальной и коммерческой инфраструктуры, а также территории общего пользования; создают новые условия для реализации образовательных, профессиональных и досуговых возможностей для молодежи; стимулируют развитие малого и среднего предпринимательства, в том числе в социальной сфере, а также в сфере торговли и услуг; увеличивают инвестиционную привлекательность моногородов.

Литература

1. Пешина Э. В., Анимича Е. Г., Бочко В. С., Анимича П. Е. Концептуальные подходы к разработке стратегии развития монопрофильного города. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2010. 81 с.

2. Бочко В. С. Интегративное стратегическое развитие территорий (теория и методология). Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2010. 314 с.

3. Лаврикова Ю. Г., Пьянкова С. Г. Институты стратегического развития монопрофильной территории // Экономические стратегии. 2014. № 6-7. С. 92–101.

4. Пьянкова С. Г. Социально-экономическое развитие монопрофильного города на основе механизма внутренней самотрансформации // Экономическое возрождение России. 2018. № 1. С. 91–104.

5. Тургель И. Д. Монофункциональные города России: от выживания к устойчивому развитию. Екатеринбург: УраГС, 2010. 520 с.

6. Пахомова Е. О., Гоосен Е. В., Никитенко С. М. Новые институты развития и обустройства территории регионов ресурсного типа // Материалы IV Всероссийского симпозиума по региональной экономике (Екатеринбург, 3–4 октября 2017 г.). Екатеринбург, 2017. С. 50–54.

MODERN MANAGEMENT TECHNOLOGIES, METHODS, AND INSTRUMENTS OF THE "FIVE STEPS OF ROUTINE IMPROVEMENT" URBAN ENVIRONMENT PROGRAM IN RUSSIAN SINGLE-INDUSTRY SETTLEMENTS

Olga A. Shcherbina^{a, @}

^a Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@ o.scherbina@frmrus.ru

Received 11.03.2018. Accepted 29.06.2018.

Keywords: single-industry towns, urban development, business community, city-forming enterprises

Abstract: The research features the problem of search for modern management technologies for the development of single-industry towns. The author proposes the framework concept "Five Steps of Routine Improvement" as a tool for improving the urban environment. It establishes a differentiated approach to the selection of projects for improvement for each single-unit municipal entity. The paper gives an analysis of the sequence of actions announced within the framework of the 5 steps of the concept. The main problems are connected with the attitude of the municipal authorities and the involvement of residents in solving the problems of the urban environment. The social orientation of the steps of the concept makes it possible to solve the problem of involvement of citizens and to overcome the mentioned problems. To raise municipal management effectiveness, the author proposes to monitor infrastructure facilities to attract business and thus solve the problem of financial resources. A project approach and a complex analysis of all components of the concept can overcome all the barriers.

For citation: Shcherbina O. A. Primenenie sovremennykh upravlencheskikh tekhnologii, metodov i instrumentov pri realizatsii programmy povysheniia kachestva sredey "Piat' shagov blagoustroistva povsednevnosti" v monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovaniyakh Rossii [Modern Management Technologies, Methods, and Instruments of the "Five Steps of Routine Improvement" Urban Environment Program in Russian Single-Industry Settlements]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 4 (2018): 170–176. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-170-176

References

1. Peshina E. V., Animitsa E. G., Bochko V. S., Animitsa P. E. *Kontseptual'nye podkhody k razrabotke strategii razvitiia monoprofil'nogo goroda* [Conceptual approaches to the development of a single-industry city development strategy]. Ekaterinburg: Izd-vo UrGEU, 2010, 81.
2. Bochko V. S. *Integrativnoe strategicheskoe razvitie territorii (teoriia i metodologiya)* [Integrative strategic development of territories (theory and methodology)]. Ekaterinburg: In-t ekonomiki UrO RAN, 2010, 314.
3. Lavrikova Iu. G., P'iankova S. G. Instituty strategicheskogo razvitiia monoprofil'noi territorii [Institutes of strategic development of a single-industry territory]. *Ekonomicheskie strategii = Economic strategies*, no. 6-7 (2014): 92–101.
4. Pyankova S. G. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie monoprofil'nogo goroda na osnove mekhanizma vnutrennei samotransformatsii [Social and economic development of a monoprophy city on the basis of the mechanism of internal self-transformation]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii = Russia's economic revival*, no. 1 (2018): 91–104.
5. Turgel I. D. *Monofunktional'nye goroda Rossii: ot vyzhivaniia k ustoychivomu razvitiuu* [Monofunctional cities of Russia: from survival to sustainable development]. Ekaterinburg: UrAGS, 2010, 520.
6. Pakhomova E. O., Goosen E. V., Nikitenko S. M. Novye instituty razvitiia i obustroistva territorii regionov resursnogo tipa [New institutions for the development and arrangement of resource-type regions]. *Materialy IV Vserossiiskogo simpoziuma po regional'noi ekonomike (Ekaterinburg, 3–4 oktiabria 2017 g.)* [New institutions of development and arrangement of the territory of resource-type regions: Proc. IV All-Russian Symposium on Regional Economics]. Yekaterinburg, 2017, 50–54.

УДК 316.42

НОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ В ИЗМЕНИВШЕМСЯ МИРЕ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: «НОРМАЛЬНАЯ АНОМИЯ» В РОССИИ И СОВРЕМЕННОМ МИРЕ / ПОД ОБЩ. РЕД. С. А. КРАВЧЕНКО. М.: МГИМО-УНИВЕРСИТЕТ, 2017. 281 С.

Евгений В. Головацкий ^{a, @, ID}

^a Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@ xomaik@rambler.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0002-8485-5852>

Поступила в редакцию 29.08.2018. Принята к печати 28.09.2018.

Ключевые слова:

типология аномийных состояний, социальные трансформации, нововведения, социологические исследования, социальные риски

Аннотация: Рецензируется коллективная монография «"Нормальная аномия" в России и современном мире» под общей редакцией С. А. Кравченко. В работе подвергаются критическому рассмотрению трансформирующиеся в наши дни социальные практики применения понятий *аномия* и *аномийное состояние*. Авторы монографии препарируют некоторые патологические формы общества с учетом возможностей целостного социологического рассмотрения состояния дел в таких актуальных сферах, как методология аномийного состояния современного общества, соотношение угроз и ожиданий рисков в современном мире, аномия и норма в сети Интернет и др. В работе демонстрируется проблема методологического разрыва исследований проблем нормальной аномии в обществе рисков и уязвимых состояний с выборами российскими гражданами новых (иных) нелинейных схем и технологий построения социальных отношений. Отмечается, что наметившаяся ситуация нормальной аномии имеет положительную функциональную направленность и в значительной части обусловлена последствиями мировых глобализационных процессов. Авторы работы оставляют за российским обществом возможность использовать целостную / системную картину трансформации общественных состояний, учитывающую специфику применения социологического подхода в исследовании новой аномии. Подчеркивается, что аномийное состояние – норма общественного развития нового времени. Амбивалентность в оценках событий, ресурсов, инструментов, темпоральных характеристик позволяет рассмотреть множественную, подвижную и «живую картину» трансформации социальных отношений в современном мире.

Для цитирования: Головацкий Е. В. Новая социология в изменившемся мире. Рецензия на книгу: «Нормальная аномия» в России и современном мире / под общ. ред. С. А. Кравченко. М.: МГИМО-Университет, 2017. 281 с. // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 4. С. 177–182. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-177-182

Если мы в состоянии не просто измерять направленность и динамику социальных процессов, строить историко-сравнительные аналогии и прогнозные модели – в праве ли мы претендовать на социологическое предвосхищение, анализ развития «жизни общества в векторе движения – вперед»? Если мы отвечаем на этот вопрос односложно и утвердительно, значит, мы находимся только в начале пути. Впереди сложное и одновременно увлекательное направление исследования социальных процессов и явлений в новом формате – непрерывного социологического сопровождения.

Динамика изучения современных общественных процессов зачастую не поспевает за скоростью самой трансформации общественных отношений. Если приводить аналогию симулякров Ж. Бодрийяра, то современные практики имитации социальной реальности позволяют упоминать о квазисимулякрах симулируемого пространства (множественных имитациях осуществляемых с целью симуляции самой цели).

Использование интегрально ориентированного подхода, «соединяющего всевозможные расколы социологии», позволяет отмечать в событиях,

происходящих в современном мире, деятельную природу людей, что способствует гуманизации отношений между людьми и в конечном счете делает более гуманным и равным современный мир [1]. Отметим значимую роль традиционных и новых институтов и, конечно же, ресурсное оснащение современных социальных процессов в России и мире. С. А. Кравченко определяет изменения позиций так называемых старых институтов – книгоиздания и печати, подчеркивает, что с потерей прежних позиций в обществе целесообразно было бы ожидать содействовать нормализации взаимоотношений реальности извне и реальности изнутри при помощи электронных СМИ как новых смыслопроизводящих институтов. Однако на практике мы получаем несамостоятельную коммуникативную систему, не способную осуществлять функцию предотвращения драматического распространения интересубъективной дезорганизации, информационные события вокруг ТРЦ «Зимняя вишня» (март-апрель 2018 г., г. Кемерово) – один из наглядных примеров развития подобной схемы распространения рисков и угроз.

Развитие теории рисков У. Бека также показательно в плане демонстративного ожидания и переосмысления усложняющейся природы рисков и уязвимостей в современном мире [2].

В рассматриваемой коллективной монографии «"Нормальная аномия" в России и современном мире» под общ. ред. С. А. Кравченко в оригинальной исследовательской манере с вызовом читателям и критикам осуществляется авторская попытка раскрытия завесы аномийности современного мира в условиях и при помощи сравнения разнонаправленных общественных процессов рискофобии и рискофилии. В работе последовательно приоткрываются проблемные блоки, наиболее характерные, по мнению авторов монографии, для рассмотрения трансформации социальной аномии в обществе постпостмодерна.

В частности приводятся рассуждения о трансформации методологии усложняющейся аномии, типологизации новых проявлений аномии, «новой аномии» как ожидаемого и отчасти востребованного современным обществом направления социальных отношений. Аномийное состояние – новая норма общества нового времени. Похоже, никому не интересно «общество без проблем», это более не самоцель социально-экономического и политического развития, социокультурных трансформаций.

Рассматривается концепция не-события Ж. Бодрийера, когда информационное событие воспринимается общественностью «правдивее чем правда». «Для рядового зрителя телевизионных программ становится все труднее отличить не-события от реальных событий, ибо и те и другие расположены

в континууме от ничто до нечто и при определенных обстоятельствах могут переходить друг в друга. При всем том, что виртуальная реальность в целом способствует производству не-событий, травмы глобальной коллективности могут трансформировать не-события в события» [3, с. 24]. Таким образом, не-события обладают качеством формировать информационные следы / последствия и следовательно формировать практики нормальной аномии.

В современном формате динамичного общественного развития три порядка симулякров, выделяемые Ж. Бодрийером, можно рассматривать не в последовательном меняемом порядке: подделка, производство и симуляция, а в виде мультипредметной симулятивной модели. Новое «лепное» или «пластмассовое» состояние мира Ж. Бодрийер обозначает как «проект господства над политической и душевной жизнью, фантазм самозамкнутой умственной субстанции» [4, с. 118].

Само сосуществование состояния страха перед угрозой возникновения новой аномии и потребность общества производить эти страхи позволяет прояснить многие межсистемные проблемы и угрозы, ранее относящиеся к бинарным или антагонистическим по своей природе общественным явлениям. Авторы описывают мировое общество продуцирования риска, причем значительная часть угроз рискофобии и рискофилии в современном мире имеет свойства нелинейности по отношению к основаниям продуцирования аномии и проблемного состояния собственной «противоположности».

Далее авторы «собирают вереницу» метаморфоз трансформации аномийных состояний, демонстрируя многообразие проявлений новой аномии в современном обществе. Вероятно, можно было бы предложить десятки иных направлений аномийных состояний, учитывающих иные сферы и интересы. Полагаем, что авторский взгляд и обоснование интересны не только выбранным направлением исследований, но и предложением другим ученым следовать по этому пути с целью получения желаемых результатов.

Гл. 3 «"Нормальная аномия" в виде разрывов преемственности нравственных ориентаций российской молодежи», на наш взгляд, определена авторами с целью ориентации на вектор будущего развития. Важный и продуктивный вектор – т.к. скоротечность и динамизм современной жизни заставляет социологов работать на опережение. Элементы преемственности социокультурных значений и ресурсов выступают инвариантной основой, социальной гарантией развития общества «потом» в будущем. Однако современные информационно-коммуникативные технологии, новое качество социальных связей, отношений и ресурсов

(облачные технологии, удаленное социальное взаимодействие, сетевое доверие и пр.), ориентируют исследователей на поиск новых / дополнительных методов анализа общественных процессов, активного использования «живых технологий», проективных и социоинженерных подходов и пр.

Трансформации аномии подвергаются институты семьи и брака. Смещение «точки сборки» семьи с одной стороны и максимальное расширение социальных горизонтов семейно-брачного взаимодействия с другой показывают новые варианты построения социальных отношений. Последствия глобализационных и постглобалистских процессов зачастую не оставляют камня на камне от мону-мента ценностей традиционного института семьи, сложившихся на протяжении XIX–XX вв. Семья, по мнению авторов монографии, неся на себе «отпечаток» нормальной аномии, погружает в эту ситуацию и ребенка, который с рождения находится в уязвимом положении.

Норма и аномия подвержены воздействию трансформации социально групповых процессов. Группа – как ситуация отношений, а не норма социальной организации людей при сочетании определенных обстоятельств и интересов. Нормативные принципы понимания аномии – это одна из ряда возможностей трактовки, по мнению авторов, когнитивные принципы аномийного поведения, та сторона реальности, на которую долгое время не обращали внимания исследователи, например в силу влияния структуралистской парадигмы в описании социального развития.

Исследовательским вызовом звучит в работе глава, связанная с описанием трансформации (дословно «разрывом преемственности культуры богатства в России») социокультурных оснований, а также исследованием теории и практики социального потребления в современной России. Последствия глобальных социально-экономических трансформаций ставятся во главу угла смены полюсов общественного развития и потребления в современном мире. Как отмечает Т. Манн, «единое мировое общество, создаваемое глобализацией, невозможно без единого культурного сообщества, и идеологическое господство принадлежит тем, кто может предложить системы значений и мобилизующие ритуалы, создающие правдоподобный смысл мира, в котором мы живем» [5, с. 591].

Отражение одной из вечных и неразрешимых проблем человечества (по Г. Зиммелю) – феномена денег в современном мире – мы обнаруживаем в гл. 7 «Мифология денег как фактор аномичного финансового поведения россиян». Проблема мультипликативна в попытках своего разрешения, т. е. существование / наличие денег, равно как их отсутствие, выступают полярными основаниями оцени-

вания и легитимации социальных отношений. Зачастую общество прибегает к мобилизации значительной части одних и тех же ресурсов с целью стабилизации финансово-денежных отношений. Авторы монографии отмечают, что с переходом общества в новый цифровой формат деньги как социальное качество также подвержены трансформации и качественному преобразованию. П. Бурдые в работе «Формы капитала» отмечает, что капитал является накопленным трудом, когда агенты или группы агентов используют присвоенную и социальную энергию в форме овеществленного или живого труда, позволяющего присваивать инкорпорированный («овеществленный» в самом индивиду) потенциал и «социальную энергию» в целях реализации жизненных интересов общественного развития [6, с. 519].

Трансформации еще одного действенного общественного раздражителя – религии – посвящен отдельный раздел работы. Религия (и религиозность – качество сознания и поведения человека) – мультикультурное и проективное направление социокультурной жизни современного мира. Подверженность религии трансформации проявляется в причудливых формах социально-политического взаимодействия. Й. Терборн приводит в качестве примера трансформации религиозности: «исламу стал одним из основных двигателей возмущения, направленного против высокомерия Запада и мрачных перспектив его жизненного пути. Исламизм следует рассматривать как в значительной степени случайное проявление политической активности, а не как неотвратимое "столкновение цивилизаций"» [7, с. 139]. С другой стороны, исследователи отмечают общую динамику трансформации религиозности: «процветают мини-церкви: маленькие группы чрезвычайно преданных последователей с чудаковатыми на первый взгляд верованиями». <...> Согласно "Всемирной христианской энциклопедии", на планете насчитывается около 10 тысяч отдельных, несхожих между собой религий, при этом каждый день создается 3 новые» [8, с. 436].

Логичным итогом, если исследовать поставленную проблему в порядке институциональных последствий трансформации современного мира, является изучение «нормальной аномии интернет-пространства». С ежечасным увеличением доли участников нового « сетевого мира », количественного и качественного усложнения процессов и технологий взаимодействия, вероятно, усложняются и формируются основания новых рисков и угроз. Авторы работы полагают, что открытая (относительно существовавших ранее институциональных практик), подвижная система новых социальных отношений имеет значительные шансы на успех своего самосохранения и развития.

Современный мир – пространство постоянно востребованных нововведений. «Инновациями стали именовать решения, способные существенно изменять производственные процессы, выводить на рынок новые продукты, формировать особые сектора сферы услуг, <...> «социальных инноваций», о новых смыслах и образах и о правах отдельных лиц или компаний» [9, с. 76]. Трансформируются привычные материальные формы, имеющие социальное значение – архитектура, коммуникации и средства обеспечения комфорта современного человека. «Очаг – больше не общий ресурс, который привлекает людей, а распределенная система, в которой каждый пользователь требует права на постоянный комфорт» [10, с. 178].

Н. Е. Тихонова отмечает характерную для современной России ситуацию, когда различные виды капитала концентрируются хоть и в разной форме, но в основном у одних и тех же людей, которые «сосредотачивая и воплощая в себе все значимые в современных условиях виды ресурсов, конвертируемых друг в друга и в традиционный экономический капитал, имеют благодаря этому возможность занимать господствующее положение в обществе» [11, с. 366]. Новые трансформирующие условия

социального взаимодействия выводят на арену новых участников – креативный класс (считаем, зачастую уместным употребление сочетания креативных прекариев). По мнению Ричарда Флориды, «сделав выбор в пользу свободы распоряжаться своими креативными способностями по собственному усмотрению, многие люди пожертвовали надежностью и стабильностью ради независимости, зачастую на куда более рискованных и сомнительных условиях» [12, с. 125]. Остается открытым вопрос – существует ли необходимость преодоления нормальной аномии?

Подходы, изложенные авторами монографии, могут оспариваться, критиковаться за ограниченность обозначенных направлений, либо наоборот можно отмечать глобальный и всеохватывающий характер ряда рассматриваемых категорий, однако главная исследовательская заслуга данной работы заключается в постановке нового направления социологического анализа – «нормальной аномии» в контексте факторов «стрелы времени» и современных вызовов социологическому знанию [13]. Исследовательский контекст, заявленный в работе, может быть продолжен серией новых тем, включающих результаты региональных исследований.

Литература

1. Кравченко С. А. Мосты, соединяющие всевозможные расколы социологии ради более равного мира // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 29–38.
2. Кравченко С. А. Социологическая диагностика рисков, уязвимостей, доверия. М.: МГИМО-Университет, 2016. 431 с.
3. «Нормальная аномия» в России и современном мире / под общ. ред. С. А. Кравченко. М.: МГИМО-Университет, 2017. 281 с.
4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. 3-е изд. М.: Добросвет, Издательство КДУ, 2009. 387 с.
5. Манн М. Глобализация и 11 сентября // Социологическая теория: История, современность, перспективы. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 596–606.
6. Бурдые П. Формы капитала // Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004. С. 519–536.
7. Терборн Й. Мир: Руководство для начинающих / пер. с англ. Е. М. Горбуновой, Л. Г. Титаренко; под науч. ред. С. М. Гавриленко. 2-е изд. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. 336 с.
8. Пенн М. Дж., Залесн К. Э. Микротенденции: Маленькие изменения, приводящие к большим переменам / пер. с англ. А. В. Савинова. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 510 с.
9. Инновационный человек и инновационное общество / под ред. В. И. Супруна. Новосибирск: Тренды, 2012. 424 с.
10. Ратти К., Клодел М. Город завтрашнего дня: Сенсоры, сети, хакеры и будущее городской жизни / пер. с англ. Е. Бондал. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 248 с.
11. Тихонова Н. Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф: Ин-т социологии РАН, 2014. 408 с.
12. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2007. 421 с.
13. Кравченко С. А. Стрела времени: современные вызовы социологическому знанию // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 1. С. 110–124.

NEW SOCIOLOGY IN THE CHANGED WORLD: A REVIEW ON "NORMAL ANOMIE" IN RUSSIA AND THE MODERN WORLD (EDITED BY S. A. KRAVCHENKO, MOSCOW: MGIMO-UNIVERSITY, 2017)

Evgeny V. Golovatsky^{a, @, ID}

^a Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@xomaik@rambler.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0002-8485-5852>

Received 29.08.2018. Accepted 28.09.2018.

Keywords: typology of anomial states, social transformations, innovations, sociological studies, social risks

Abstract: The author reviews the multi-authored monograph *"Normal Anomie" in Russia and the Modern World*. The monograph examines the use of the concepts "anomie" and "anomial state" that are currently undergoing a serious transformation. The authors investigate some pathological forms of society, taking into account the possibilities of a holistic sociological review of the state of affairs in such relevant areas as the methodology of the anomial state of modern society, the correlation of threats and expectations of risks in the modern world, anomie and norm on the Internet, etc. The monograph demonstrates the problem of methodological gap between the studies of normal anomie problems in a society of risks and vulnerabilities and the choice by Russian citizens of new nonlinear schemes and technologies of social relationships. The emerging situation of normal anomie has a positive functional orientation, which is largely due to the consequences of world globalization processes. The authors of the monograph believe there is a possibility that Russian society will use a holistic / systemic picture of the transformation of social conditions, taking into account the specific application of the sociological approach in the study of the new anomie. It is emphasized that the anomial state is the norm of social development of the modern time. Ambivalence in assessing events, resources, tools, and temporal characteristics allows us to consider the multiple, mobile, and "living picture" of the transformation of social relations in the modern world.

For citation: Golovatsky E. V. Novaia sotsiologiya v izmenivshemsia mire. Retsenziia na knigu: "Normal'naia anomia" v Rossii i sovremennom mire / pod obsch. red. S. A. Kravchenko. M.: MGIMO-Universitet, 2017. 281 s. [New Sociology in the Changed World: a Review on "Normal Anomie" in Russia and the Modern World (edited by S. A. Kravchenko, Moscow: MGIMO-University, 2017)]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 4 (2018): 177–182. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-177-182

References

1. Kravchenko S. A. Mosty, soediniayushchie raskoly sotsiologii, radi bolee rovnogo mira [Bridges connecting all possible gaps in sociology for a more equal world]. *Sotsiologicheskie issledovaniia = Sociological studies*, no 8. (2006): 29–38.
2. Kravchenko S. A. *Sotsiologicheskaya diagnostika riskov, uiazvimostei, doveriia* [Sociological diagnosis of risks, vulnerabilities, and trust]. Moscow: MGIMO-Universitet, 2016, 431.
3. *"Normalnaia anomia" v Rossii i sovremennom mire* ["Normal anomie" in Russia and the modern world]. Ed. Kravchenko S. A. Moscow: MGIMO-Universitet, 2017, 281.
4. Baudrillard J. *Simvolicheskii obmen i smert'* [Symbolic exchange and death]. 3rd ed. Moscow: Dobrosvet, Izdatel'stvo KDU, 2009, 387.
5. Mann M. Globalizatsiia i 11 sentiabrya [Globalization and September 11]. *Sotsiologicheskaya teoriia: Istorii, sovremennost', perspektivy* [Sociological Theory: History, Modernity, Perspectives]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal, 2008, 596–606.
6. Bourdieu P. Formy kapitala [Forms of capital]. *Zapadnaia ekonomicheskaya sotsiologiya. Khrestomatiiia sovremennoi klassiki* [Western economic sociology. Reader of modern classics]. Moscow: ROSSPEN, 2004, 519–536.
7. Therborn G. *Mir: rukovodstvo dlia nachinaiushchih* [World: A Beginner's Guide]. Transl. Gorbunova E. M., Titarenko L. G. Sci. Ed. Gavrilenko S. M. 2 nd ed. Moscow: Izd. dom VShE, 2017, 336.

8. Penn M. J., Zalesn K. E. *Mikrotendentsii: malen'kie izmeneniia privodiaschie, k bol'shim peremenam* [Microtendencies: Small changes leading to major changes]. Transl. Savinova A. V. Moscow: AST: AST MOSKVA, 2009, 510.

9. *Innovatsionnyi chelovek i innovatsionnoe obschestvo* [Innovative man and an innovative society]. Ed. Suprun V. I. Novosibirsk: Trends, 2012, 424.

10. Ratti C., Claudel M. *Gorod zavtrashnego dnia: Sensory, seti, khakery i budushchee gorodskoi zhizni* [Tomorrow's City: Sensors, networks, hackers and the future of urban life]. Transl. Bondal E. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara, 2017, 248.

11. Tikhonova N. E. *Sotsial'naia struktura Rossii: teorii i real'nost* [The social structure of Russia: theory and reality]. Moscow: Novyi khronograf: In-t sotsiologii RAN, 2014, 408.

12. Florida R. *Kreativnyi klass: liudi, kotorye meniaiut budushchee* [Creative class: people who change the future]. Moscow: Klassika-XXI, 2007, 421.

13. Kravchenko S. A. *Strela vremeni: sovremennye vyzovy sotsiologicheskomu znaniiu* [The arrow of time: modern challenges to sociological knowledge]. *Sotsiologicheskaiia nauka i sotsial'naia praktika = Sociological science and social practice*, no. 1 (2014): 110–124.

Указатель статей, опубликованных в журнале
«Вестник Кемеровского государственного университета» в 2018 году

	№	Стр.
ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ		
<i>Барашков А. Е.</i> Феномен политического юмора в КВН	4	5–12
<i>Василенко В. Н.</i> Механизм системной координации и согласования параметров развития территорий регионов и муниципалитетов	3	6–15
<i>Вербицкая Т. В., Гилева П. Л., Золотарев Ф. Е., Коростелев Д. А., Начинов Д. Е., Цуканов Л. В.</i> Каталонский конфликт в Испании: последствия для Европейского союза	4	13–18
<i>Демьяненко Л. И.</i> Проблемные вопросы сохранения и развития моногородов и монопоселений	2	6–10
<i>Жихрова О. А., Долбня Е. А.</i> Государственная целевая программа «Развитие субъектов малого и среднего предпринимательства Кемеровской области»: необходимость, особенности и проблемы реализации	2	11–17
<i>Лазаренко В. А.</i> Социальное развитие городов атомной электроэнергетики России (на примере Десногорска)	1	6–13
<i>Лукьяненко О. Ю.</i> Инструменты развития отечественной системы публичного управления в сфере функционирования государственно-частного партнерства	1	14–20
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ		
<i>Альбрехт О. А., Тараданов А. А.</i> Условия и факторы семейного благополучия моногорода: производственные аспекты	3	16–27
<i>Анисимова Н. Ю.</i> Трансформация системы аграрного образования как фактор устойчивого развития АПК Республики Крым	2	18–27
<i>Година О. В., Чижииков Д. В., Самохина Е. Е.</i> Развитие социально-психологических технологий в управлении персоналом организации	4	19–25
<i>Ермолаев Т. С.</i> Социальное самочувствие населения северных моногородов (на примере Нерюнгринской городской агломерации)	1	21–26
<i>Зайцев Д. В.</i> Социальные проблемы монопрофильных муниципальных образований Арктической зоны на примере г. Мончегорск	3	28–34
<i>Карась Д. В., Данильченко Я. В., Крючков Д. В., Артамонова Г. В.</i> Изучение требований руководящего состава научно-медицинского учреждения для улучшения организации работы	4	26–32
<i>Колодий Н. А., Трифонов В. А.</i> Социально-ответственное проектирование в моногороде на примере г. Юрга Кемеровской области	1	27–33
<i>Морозова Е. А.</i> Качество жизни населения как индикатор социально-экономического развития моногородов	3	35–41
<i>Мосиенко Н. Л., Черепанова А. А.</i> Жизненные стратегии жителей моногорода: привлекательность места жительства и миграционные установки	1	34–41
<i>Мостахова Т. С.</i> Проблемы территориальной концентрации населения и моногорода в северном регионе (на примере Республики Саха (Якутия))	2	28–32
<i>Оборин М. С., Кожушкина И. В.</i> Повышение качества жизни в моногородах на основе развития сельского хозяйства	3	42–47
<i>Пастухова Е. Я., Кияйкина Т. С.</i> Общественное здоровье сибирских регионов	3	48–54
<i>Стукен Т. Ю.</i> Качество занятости выпускников на региональных рынках труда	2	33–39
<i>Сухачева А. В., Кочнева О. П., Латфулина А. Р.</i> Социологическое сопровождение управленческих решений на региональном и муниципальном уровнях	1	42–50

	№	Стр.
<i>Урбан О. А., Демчук Н. В.</i> Экспертная оценка агломерационных связей в решении проблем модернизации моногородов юга Кузбасса	1	51–57
<i>Челпанова Д. Д., Гревцова Т. Е.</i> Актуальные проблемы моногорода Гуково Ростовской области: мнения жителей	2	40–44
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ		
<i>Акинфеева Е. В., Ерзкян Б. А.</i> Моногорода в структуре регионального кластера: условия взаимной подпитки положительными эффектами	2	45–51
<i>Аксянова А. В., Чехломин С. В.</i> Методы оценки экономической привлекательности моногородов для населения	2	52–58
<i>Антипин И. А.</i> О координации процессов стратегического планирования субъекта Российской Федерации и моногородов, расположенных на его территории	3	55–61
<i>Антонова И. С.</i> Регионы с высокой концентрацией моногородов: проблемы повышения качества данных	3	62–68
<i>Апенько С. Н., Мамонтов С. А.</i> Восприятие конкуренции на региональных потребительских рынках фирмами-производителями	1	58–66
<i>Бабина С. И., Садовникова И. Ю.</i> Анализ человеческого капитала региона	3	69–74
<i>Бельчик Т. А., Якушина Т. А.</i> Влияние градообразующего предприятия на диверсификацию рынка труда моногорода	2	59–65
<i>Бреусова А. Г., Чернобаева Г. Е.</i> Развитие конкуренции на региональных потребительских рынках: восприятие потребителей	3	75–80
<i>Бянкин А. С., Бурдакова Г. И.</i> Выбор приоритетов в области научных исследований и разработок в вузе	2	66–72
<i>Важдаев А. Н., Мицель А. А.</i> Стратегия управляемого воздействия на развитие экономики моногорода	1	67–73
<i>Василенко Д. В.</i> Научная система представлений о регионе	3	81–86
<i>Волков С. К.</i> Генезис туристического маркетинга как области научного знания в теории маркетинга	4	33–46
<i>Галиуллина Г. Ф.</i> Проектирование территорий опережающего социально-экономического развития на основе институционально-синергетического подхода	2	73–84
<i>Гоосен Е. В., Ковригина С. В.</i> Текущие настройки рыночной экономики: выбор модели отношений государства и бизнеса в ресурсных регионах монопрофильной направленности	4	47–54
<i>Гоосен Е. В., Никитенко С. М., Клишин В. И.</i> Проблема поиска перспективных производственных технологий в сфере комплексного освоения недр в угольной отрасли	4	55–60
Григорьев В. П. Проблемы и перспективы моногородов Дальнего Востока	4	61–66
<i>Гриневская С. Н.</i> Модели стратегического планирования на территориях с неопределенным государственным статусом	1	74–79
<i>Джумаева Р. А., Гаджиев Э. М., Стяжкина Е. И.</i> Кластерный подход в управлении человеческим капиталом в интересах инновационного развития региона	3	87–93
<i>Дресвянников В. А., Бунимович И. Д.</i> Использование облачных технологий при управлении знаниями организации	4	67–72
<i>Дробкова О. С.</i> Факторы и потенциал устойчивого развития мегарегиона	3	94–100
<i>Ерзкян Б. А., Магомедов Р. Ш.</i> О координации инструментов стратегического планирования и управления развитием макро-, мезо- и микроэкономических систем в разрезе региональной политики	1	80–85
<i>Жернов Е. Е.</i> Концепция управления знаниями в фирме: антропосоциальность как приоритетное измерение	4	73–79

	№	Стр.
Жернов Е. Е. Формирование экономики знаний в ресурсодобывающем регионе: роль опорного университета	2	85–90
Завьялова Е. А., Котова О. Н., Лысенко Е. А. Территориальное проектирование как маркетинговый фактор повышения привлекательности моногородов	3	101–107
Иванова М. В. Тенденции и особенности развития моногородов в России и повышение их конкурентоспособности	1	86–91
Капогузов Е. А. Взаимосвязь стратегического планирования, инициативного и продуктового бюджетирования в России и за рубежом	1	92–96
Карташова А. А., Камалиев Б. И. Модель компетенций наставника на предприятии как основа построения корпоративной системы наставничества	4	80–85
Качалов Р. М. Методические вопросы анализа риска недостижения цели стратегии развития моногорода	1	97–102
Клещевский Ю. Н., Карташова Л. В., Николаева М. А., Рязанова О. А. Рынок безалкогольных напитков: состояние и перспективы развития	4	86–94
Князева Г. А. Интеграционная модель стратегического управления северными моногородами на принципах устойчивого развития	1	103–110
Колесник Е. А. Первые территории опережающего социально-экономического развития в Челябинской области: опыт и перспективы	2	91–98
Корчагина И. В. Формирование системы обучения технологическому предпринимательству в опорном университете региона с преобладанием моногородов	2	99–105
Кочергин Д. Г. Тенденции регионального развития экономики знаний в России (на примере Кемеровской области)	1	111–116
Курушина Е. В. Современные парадигмы пространственного развития	1	117–122
Ларченко О. В. Функционирование территорий опережающего социально-экономического развития в моногородах: проблемы и перспективы (на примере Республики Карелия)	2	106–113
Литвин А. В., Ложкина А. П., Михайлов Н. Э. Управление спортивной инфраструктурой моногорода на основе концепции фасилити менеджмента	3	108–112
Литвинцева Г. П., Лисицин А. Е. Оценка социально-экономического потенциала регионов Сибирского федерального округа	2	114–121
Любицкая В. А. Хозяйственная агломерация как условие саморазвития территорий	1	123–127
Майоров С. В. Интеграция проектного управления в стратегию инвестиционной деятельности инновационного кластера (на примере «Иннокама»)	2	122–127
Медведева Л. Н., Старовойтов М. К., Гончарова Е. В., Гаврилова О. А. Стратегия эко-реурбанизации для моногородов	3	113–119
Медведева Л. Н., Старовойтов М. К., Гончарова Е. В., Гущина Ю. И. Использование ключевых показателей в оценке развития моногородов на региональном уровне	1	128–136
Мухачёва А. В. Демографический потенциал моногородов Кемеровской области как составляющая качества жизни	3	120–129
Мягих Н. Б. О необходимости управления online-микрозаймами	4	95–100
Нестеров А. Ю. Проблемы стратегического управления социально-экономическим развитием на региональном и муниципальном уровнях	4	101–106
Николаева Е. Е. Моногорода: социально-экономические проблемы и перспективы (на примере Ивановской области)	1	137–142
Новоселов А. С., Маршалова А. С., Ждан Г. В. Эффективная институциональная система управления как условие комплексного регионального и муниципального развития	1	143–147
Павленков М. Н., Воронин П. М. Проблемы развития сферы твердых коммунальных отходов муниципального образования	3	130–139

	№	Стр.
<i>Павлюченко Т. Н., Калюгина И. В.</i> Организация электронного документооборота для управления дебиторской задолженностью	4	107–112
<i>Пахомова Е. О., Казан Е. С.</i> Взаимосвязь развития экономики ресурсного региона и эффективности института государственно-частного партнерства	3	140–148
<i>Переверзева В. В.</i> Проектное финансирование как инструмент кредитования региональных проектов	2	128–132
<i>Пивень А. Д.</i> Критерии выбора приоритетных национальных проектов с позиции обеспечения экономической безопасности	1	148–154
<i>Пигунова М. В.</i> О разработке типовых моделей (рекомендаций) развития отдельных территорий с высокой концентрацией промышленного потенциала	3	149–156
<i>Попова Е. Ю.</i> Роль градообразующих предприятий в решении социальных проблем моногородов	4	113–118
<i>Пыжжев А. И., Сырцова Е. А., Гордеев Р. В.</i> Устойчивость развития моногородов: новое измерение	3	157–161
<i>Пыжжев И. С.</i> Институциональные изменения, обеспечивающие инновационное развитие экономики «ресурсного региона» (на примере Красноярского края)	1	155–160
<i>Ризов А. Д.</i> Развитие ТОСЭР в границах старопромышленных моногородов	2	133–138
<i>Русак И. Н.</i> Моногорода Республики Беларусь: особенности оценки социально-экономического развития	1	161–165
<i>Рыбкина Е. А.</i> Проектное управление развитием моногородов	4	119–123
<i>Севастьянова А. Е.</i> Стратегические аспекты диверсификации и модернизации экономики моногородов	2	139–145
<i>Ситникова Т. В.</i> Модели дистрибьюторского бизнеса на рынке Амурской области	4	124–130
<i>Слинкова О. К., Пастухова Д. А.</i> Основные детерминанты эффективности рабочей группы	4	131–136
<i>Смирнова Т. А.</i> Решение проблем градообразующих предприятий как перспектива развития моногородов	3	162–167
<i>Старикова Л. Н., Трапезникова И. С.</i> Механизм взаимодействия власти и бизнеса в социально-экономическом развитии моногорода	3	168–175
<i>Такмашева И. В., Тяглов С. Г.</i> Развитие рынка хостелов как перспективное направление малого бизнеса	4	137–144
<i>Тюличева Л. Д.</i> Типология моногородов по степени диверсификации среднего профессионального образования как информационная база проектов профессиональной переподготовки населения	4	145–156
<i>Угольников В. В.</i> Инновационные предприятия – путь перехода моногородов к стабильной экономике (на примере производства медицинского оборудования)	2	146–151
<i>Угольникова О. Д.</i> Управление социально-экономическим развитием моногородов	1	166–171
<i>Фонтана К. А., Ерзнкян Б. А.</i> Анализ информационных систем инновационного управления организациями городского водохозяйственного комплекса	4	157–163
<i>Хабибрахимов А. Ж.</i> ТОСЭР: статус присвоен – что дальше?	3	176–182
<i>Халиулина В. В., Шабашев В. А., Шабашева С. В.</i> Комплексный подход к повышению эффективности использования человеческого капитала в регионе	2	152–156
<i>Чеботаренко Е. С.</i> Институциональные предпосылки социальной рыночной экономики	4	164–169
<i>Шадрин В. Г.</i> Аутсорсинг в решении экономических и социальных проблем моногородов	2	157–161
<i>Шерешева М. Ю.</i> Диверсификация экономики малых моногородов: роль сетевых взаимодействий	2	162–171
<i>Шнейдмиллер Н. Ф., Мамедов Г. Р.</i> Особенности развития малых городов России в условиях экологического кризиса на примере города Карабаш Челябинской области	3	183–190

	№	Стр.
Щербина О. А. Применение современных управленческих технологий, методов и инструментов при реализации программы повышения качества среды «Пять шагов благоустройства повседневности» в монопрофильных муниципальных образованиях России	4	170–176
Юрьева Т. В. Проекты развития как инструмент диверсификации экономики моногорода	2	172–176
РЕЦЕНЦИИ		
Головацкий Е. В. Новая социология в изменившемся мире. Рецензия на книгу: «Нормальная аномия» в России и современном мире / под общ. ред. С. А. Кравченко. М.: МГИМО-Университет, 2017. 281 с.	4	177–182

*Index of articles published in the journal
"Bulletin of the Kemerovo State University" in 2018*

	No	Pages
ECONOMICS SCIENCE		
<i>Akinfeeva E. V., Yerznkyan B. H.</i> Mono-Cities in the Structure of the Regional Cluster: Conditions of Mutual Support by Positive Effects	2	45–51
<i>Aksianova A. V., Chekhlov S. V.</i> Methods for Assessing the Economic Attractiveness of Single-Industry Towns for Population	2	52–58
<i>Antipin I. A.</i> Coordination of Strategic Planning Processes in the Regions and Monocities of the Russian Federation	3	55–61
<i>Antonova I. S.</i> Regions with High Concentration of Single-Industry Towns: Problems of Data Quality Improvement	3	62–68
<i>Apenko S. N., Mamontov S. A.</i> The Competition Development Perception on Regional Consumer Markets by Manufacturing Companies	1	58–66
<i>Babina S. I., Sadovnikova I. Y.</i> Analysis of the Human Capital of the Region	3	69–74
<i>Belchik T. A., Yakushina T. A.</i> The Impact of City-Forming Enterprises on Diversification of the Labour Market in a Single-Industry Town	2	59–65
<i>Breusova A. G., Chernobaeva G. E.</i> Competition Support on Regional Markets: Consumers' Perception	3	75–80
<i>Byankin A. S., Burdakova G. I.</i> Selection of Priorities for Scientific Research and Development at a Higher Education Institution	2	66–72
<i>Chebotarenko E. S.</i> Institutional Background of Social Market Economy	4	164–169
<i>Dresvyannikov V. A., Bunimovich I. D.</i> Cloud Technologies in Knowledge Management	4	67–72
<i>Drobkova O. S.</i> Factors and Potential for Sustainable Development of a Megaregion	3	94–100
<i>Dzhumaeva R. A., Gadzhiev E. M., Stiazhkina E. I.</i> Cluster Approach to the Human Capital Management for the Benefit of Innovative Regional Development	3	87–93
<i>Fontana K. A., Yerznkyan B. H.</i> Urban Water Utilization Scheme: an Analysis of Information Systems of Innovative Management	4	157–163
<i>Galiullina G. F.</i> Institutional-Synergetic Approach to the Planning of Territories of Advanced Social and Economic Development	2	73–84
<i>Goosen E. V., Kovrigina S. V.</i> Current Adjustments of the Market Economy: Choice of the Model of Relations between the State and the Business in Mono-Profile Resource Regions	4	47–54
<i>Goosen E. V., Nikitenko S. M., Klishin V. I.</i> The Problem of Searching for Promising Production Technologies in the Field of Integrated Development of Mineral Resources in the Coal Industry	4	55–60
Grigoryev V. P. Problems and Perspectives of Single-Industry Towns in the Far East	4	61–66
<i>Grinevskaya S. N.</i> Strategic Planning Models on the Territories with Undetermined State Status	1	74–79
<i>Haliulina V. V., Shabashev V. A., Shabasheva S. V.</i> Integrated Approach to Improving the Efficiency of the Use of Human Capital in the Region	2	152–156
<i>Ivanova M. V.</i> Tendencies and Features of Development of Russian Monotowns and Their Competitive Recovery	1	86–91
<i>Kachalov R. M.</i> Methodical Issues in Assessing the Risk of Failure to Achieve the Strategy Goal of the Monotown Development	1	97–102
<i>Kapoguzov E. A.</i> Interrelation of Strategic Planning and Initiative and Product Budgeting in Russia and abroad	1	92–96

	No	Pages
Kartashova A. A., Kamaliev B. I. Competency Profile of Enterprise Mentor as a Basis for Corporate "Buddy Systems"	4	80–85
Khabibrahimov A. Zh. Advanced Social and Economic Development Areas (ASEDA): status assigned – what’s next?	3	176–182
Kleshchevsky Y. N., Kartashova L. V., Nikolaeva M. A., Ryazanova O. A. The Market of Soft Drinks: State and Development Prospects	4	86–94
Knyazeva G. A. Integration Model of Strategic Management of Northern Monotowns Based on the Principles of Sustainable Development	1	103–110
Kochergin D. G. Tendencies of Knowledge-Based Regional Development in Russia (Example Kemerovo Region)	1	111–116
Kolesnik E. A. The First Territories of Priority Socio-Economic Development in the Chelyabinsk Region: Experience and Perspectives	2	91–98
Korchagina I. V. Teaching Technological Entrepreneurship at the Flagship University of a Monotown-Dominated Region	2	99–105
Kurushina E. V. Modern Paradigms of Spatial Development	1	117–122
Larchenko O. V. Advanced Development Zones in Single-Industry Urban Settlements: Problems and Prospects (the case of the Republic of Karelia)	2	106–113
Litvin A. V., Lozhkina A. P., Mikhailov N. E. Sports Infrastructure Management of the City Based on the Concept of Facility Management	3	108–112
Litvintseva G. P., Lisitsin A. E. Assessment of the Socio-Economic Potential of the Siberian Federal District’s Regions	2	114–121
Liubitskaia V. A. Economic Agglomeration as a Condition of Territorial Self-Development	1	123–127
Mayorov S. V. Integration of Project Management into the Investment Strategy of an Innovative Cluster (the case of Innokam)	2	122–127
Medvedeva L. N., Starovoitov M. K., Goncharova E. V., Gushchina I. I. Key Indicators in Development Assessment of Monotowns at the Regional Level	1	128–136
Medvedeva L. N., Starovoitov M. K., Goncharova E. V., Gavrilova O. A. Strategy of Ecological Re-urbanisation for Single-Industry Towns	3	113–119
Mukhacheva A. V. Demographic Potential of the Single-Industry Towns in the Kemerovo Region as a Component of the Quality of Life	3	120–129
Myagkikh N. B. Management of Online Microloans	4	95–100
Nesterov A. Yu. Problems of Strategic Management of Socio-Economic Development at the Regional and Municipal Levels	4	101–106
Nikolaeva E. E. Monotowns: Social and Economic Problems and Prospects (the Case of the Ivanovo Region)	1	137–142
Novoselov A. S., Marshalova A. S., Zhdan G. V. Effective Institutional Governance System as a Condition for Integrated Regional and Municipal Development	1	143–147
Pakhomova E. O., Kagan E. S. Interdependence between the Economic Development and the Effectiveness of Public-Private Partnership in a Resource Region	3	140–148
Pavlenkov M. N., Voronin P. M. Development Issues of Solid Municipal Waste Sphere within an Urban Community	3	130–139
Pavlyuchenko T. N., Kalyugina I. V. Organization of Electronic Document Management for Receivables Management	4	107–112
Pereverzeva V. V. Project Financing as a Tool for Regional Project Lending	2	128–132
Pigunova M. V. Standard Models (Recommendations) of Development for Territories with High Concentration of Industrial Potential	3	149–156
Piven A. D. Selection Criteria for Priority National Projects from the Perspective of Economic Security	1	148–154

	No	Pages
Popova E. Yu. The Role of City-Forming Enterprises in Solving Social Problems of Single-Industry Towns	4	113–118
Pyzhev A. I., Syrtsova E. A., Gordeev R. V. Sustainable Development of Single-Industry Towns: New Measurement	3	157–161
Pyzhev I. S. Institutional Changes in the Innovative Economy Development of a "Resource Region" (the case of the Krasnoyarsk Territory)	1	155–160
Rizov A. D. Development of the Priority Social and Economic Development Areas within the Boundaries of the Old Industrial Monocities	2	133–138
Rusak I. N. Monotowns of the Republic of Belarus: Assessment Features of Socio-Economic Development	1	161–165
Rybkina E. A. Project Management of the Development of Single-Industry Towns	4	119–123
Sevastyanova A. E. Strategic Aspects of Diversification and Modernization in the Economy of Single-Industry Settlements	2	139–145
Shadrin V. G. Outsourcing in Solving Economic and Social Problems of Single-Industry Towns	2	157–161
Shcherbina O. A. Modern Management Technologies, Methods, and Instruments of the "Five Steps of Routine Improvement" Urban Environment Program in Russian Single-Industry Settlements	4	170–176
Sheresheva M. Y. Diversification of Single-Industry Towns' Economy: the Role of Networking	2	162–171
Shneidmiller N. F., Mamedov G. R. Development Characteristics of Small Russian Towns in the Conditions of Ecological Crisis: the Case of Karabash (Chelyabinsk Region)	3	183–190
Sitnikova T. V. Models of Distribution Business on the Amur Region Market	4	124–130
Slinkova O. K., Pastukhova D. A. The Main Determinants of Team Work Efficiency	4	131–136
Smirnova T. A. Rational Management of Town-Forming Industrial Comexes as an Instrument for Sustainable Development of Monotowns	3	162–167
Starikova L. N., Trapeznikova I. S. Power and Business Interaction Mechanism in the Socio-Economic Development of a Single-Industry Town	3	168–175
Takmasheva I. V., Tyaglov S. G. The Development of the Hostel Market as a Promising Area of Small Business	4	137–144
Tiulicheva L. D. Typology of Single-Industry Towns According to the Degree of Diversification of Secondary Vocational Education as an Information Base of Professional Retraining Projects	4	145–156
Ugolnikov V. V. Innovative Enterprises as a Way to Stable Economy in Single-Industry Towns (Medical Equipment Production Case Study)	2	146–151
Ugolnikova O. D. Management of Social and Economic Development of Monotowns	1	166–171
Vasilenko D. V. Scientific System of Representations: the Concept of the Region	3	81–86
Vazhdaev A. N., Mitsel A. A. Strategy of the Managed Impact on the Development of the One-industry Town	1	67–73
Volkov S. K. The Genesis of Tourism Marketing as an Area of Scientific Knowledge in Marketing Theory	4	33–46
Yerznkyan B. H., Magomedov R. Sh. On Coordination of Strategic Planning Tools and Management of Macro-, Meso- and Microeconomic Development in the Regional Policy	1	80–85
Yurieva T. V. Development Projects as a Tool for Diversifying the Economy of a Monotown	2	172–176
Zavyialova E. A., Kotova O. N., Lysenko E. A. Territorial Design as a Marketing Factor to Increase the Attractiveness of Single-Industry Towns	3	101–107
Zhernov E. E. Conception of Knowledge Management in the Firm: Anthroposociality as the Priority Dimension	4	73–79
Zhernov E. E. Formation of Knowledge Economy in a Resource-extracting Region: the Role of the Flagship University	2	85–90

	No	Pages
POLITICAL SCIENCE		
<i>Barashkov A. E.</i> Phenomenon of Political Humour in the KVN TV-Show	4	5–12
<i>Demyanenko L. I.</i> Preservation and Development of Mono-Towns and Mono-Settlements	2	6–10
<i>Lazarenko V. A.</i> Social Development of Russians Nuclear Power Cities (the Case of Desnogorsk)	1	6–13
<i>Lukyanenko O. Yu.</i> The Development Methods of National Public Administration in Public-Private Partnership	1	14–20
<i>Vasilenko V. N.</i> The Mechanism of Systematic Coordination and Harmonization of Parameters of Development in Regions and Municipalities	3	6–15
<i>Verbitskaya T. V., Gilyova P. L., Zolotarev F. E., Korostelev D. A., Nachinov D. E., Tsukanov L. V.</i> The Catalan Conflict in Spain: Consequences for the European Union	4	13–18
<i>Zhikhrova O. A., Dolbnaya E. A.</i> State Target Program "The Development of Small and Medium Business in the Kemerovo Region": Relevancy, Peculiar Features and Implementation Problems	2	11–17
SOCIOLOGY SCIENCE		
<i>Albrecht O. A., Taradanov A. A.</i> Conditions and Factors of Family Well-Being in Monotowns: Industrial Aspects	3	16–27
<i>Anisimova N. Y.</i> Transformation of Agricultural Education System as a Factor of Sustainable Development of the Agrarian and Industrial Complex in the Republic of Crimea	2	18–27
<i>Chelpanova D. D., Grevtsova T. E.</i> Contemporary Problems of the Monotown of Gukovo in the Rostov Region: Opinions of Residents	2	40–44
<i>Godina O. V., Chizhikov D. V., Samokhina E. E.</i> The Development of Socio-Psychological Technologies in Personnel Management	4	19–25
<i>Karas D. V., Danilchenko Y. V., Kruchkov D. V., Artamonova G. V.</i> Demands of Scientific Medical Institution Management Personnel as a Way to Improve Activity Management	4	26–32
<i>Kolodii N. A., Trifonov V. A.</i> Socially-Responsible Design in a Monotown: the Case of Yurga, Kemerovo Region	1	27–33
<i>Morozova E. A.</i> Living Standards as Indicator of Socio-Economic Development of Single-Industry Towns	3	35–41
<i>Mosienko N. L., Cherepanova A. A.</i> Life Strategies of Monotown Residents: Attractiveness of Residence and Migration Attitudes	1	34–41
<i>Mostakhova T. S.</i> The Problem of Territorial Population Concentration and the One-Industry Towns in the Northern Region (the Republic of Sakha (Yakutia))	2	28–32
<i>Oborin M. S., Kozhushkina I. V.</i> Agricultural Development as Basis for Living Standard Improvement in Single-Industry Towns	3	42–47
<i>Pastukhova E. Ya., Kiyaykina T. S.</i> The Public Health of the Siberian Regions	3	48–54
<i>Stuken T. Y.</i> The Quality of Employment of Graduates on Regional Labour Markets	2	33–39
<i>Sukhacheva A. V., Kochneva O. P., Latfulina A. R.</i> Sociological Support for Management Decisions at the Regional and Municipal Levels	1	42–50
<i>Urban O. A., Demchuk N. V.</i> Expert Assessment of Agglomerative Communications in the Solution for Modernization Problems in Southern Kuzbass Monotowns	1	51–57
<i>Yermolayev T. S.</i> Social Wellbeing of the Population of Northern Monotowns (the case of the Neryungri Urban Agglomeration)	1	21–26
<i>Zajcev D. V.</i> Social Problems of Arctic Single-Industry Towns: Monchegorsk Case Study	3	28–34
BOOK REVIEWS		
<i>Golovatsky E. V.</i> New Sociology in the Changed World: a Review on "Normal Anomie" in Russia and the Modern World (edited by S. A. Kravchenko, Moscow: MGIMO-University, 2017)	4	177–182

Вестник Кемеровского государственного университета.
Серия: Политические, социологические и экономические науки. Научный журнал

Bulletin of Kemerovo State University. Series:
Political, Sociological and Economic Sciences.
Scientific Journal

Контакты для сотрудничества:

Морозова Елена Алексеевна, главный редактор
e-mail: morea@inbox.ru
Старикова Людмила Семеновна, технический редактор
Тел.: 8 (384-2) 58-13-01
E-mail: vestnik@kemsu.ru, vs-seriya@yandex.ru

Contacts for co-operation:

Elena A. Morozova, Editor-in-Chief
e-mail: morea@inbox.ru
Lyudmila S. Starikova, Technical Editor
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
E-mail: vestnik@kemsu.ru, vs-seriya@yandex.ru

16+

Редакторы выпуска:

Митько Н. В., Плисенко С. В., Рабкина Н. В., Старикова Л. С.

Подписано к печати 20.12.2018. Формат А 4.

Дата выхода в свет 29.12.2018.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 24. Уч.-изд. л. – 17.

Тираж 500 экз. Заказ № __

Цена свободная.

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».

Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.